

Марьяна Сурикова

Между Призраком и Зверем

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Одна роковая встреча, и жизнь неприметной библиотекари бесповоротно изменилась. Теперь ей приходится скрываться от неуловимого убийцы по прозвищу Призрак. Страх стать третьей жертвой толкает на отчаянную сделку с главным имперским дознавателем. И сложно понять, кто пугает сильнее: хладнокровный преследователь или опасный защитник, наречённый Зверем. И словно в насмешку над растерянной девушкой судьба дарит интерес самого императора. Удастся ли теперь скрыться от тех, кто способен отыскать даже в иной реальности? Бонусный рассказ в конце.

- [Марьяна Сурикова](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [БОНУСНЫЙ РАССКАЗ](#)
-

Марьяна Сурикова
Между Призраком и Зверем

ГЛАВА 1

Тихий треск светильников был единственным звуком, хорошо различимым в абсолютной тишине библиотеки. Маленькие язычки пламени с трудом разгоняли полумрак, расползавшийся по дальним уголкам. Даже мышь не скреблась возле норы, где я ежедневно оставляла кусочек сыра.

Подняв голову от старой книги, которую требовалось заново переплести, я прислушалась к едва различимому звону. Странный шум нарастал, заставляя испытывать безотчетную тревогу.

– Директор, это вы? – спросила негромко.

Обычно допоздна засиживалась я одна, все остальные стремились вернуться домой в конце рабочего дня. Только начальник изредка составлял мне компанию, но именно сегодня он планировал уйти пораньше.

Откуда исходил звук, если библиотека была пуста, не считая двух охранников, дежуривших у главного входа?

Я выпустила из рук книгу и осторожно пошла на источник шума, держась поближе к стеллажам. Звон доносился со стороны главной арки. Прижавшись к полке с книгами, я выглянула из-за угла.

В центре пола, возле мозаичного круга, плясали тени. Они двигались сами по себе, поскольку отбрасывать их на пустом пространстве было нечему. Сплетались, расплетались, спутывались, точно клубок, ползали, удлинялись и снова сжимались, как вдруг в полумраке круглого зала из ниоткуда возникли две фигуры.

Я вздрогнула, когда они появились точно в центре. Не наблюдай за явлением собственными глазами, никогда бы не поверила, что можно шагнуть из пустоты.

Один человек был очень высок, он сжимал в руках отчаянно сопротивлявшегося толстенького коротышку. Тот бился, как муха в паутине, но не мог вырваться из стального захвата.

Все это продолжалось лишь несколько мгновений, до секунды, когда высокий мужчина убрал ото рта второго ладонь, и библиотека огласилась истошным воплем, который тут же захлебнулся в хрипе и жутком бульканье. Мой полный ужаса вскрик вырвался раньше, чем успела зажать себе рот, а низенький человечек медленно осел на пол.

Убийца, державший в руках окровавленный кинжал, резко вскинул голову, и мое желание немедленно укрыться за стеллажом рассеялось как

дымка. Я замерла, точно кролик перед удавом, почувствовав на себе леденящий кровь взгляд.

Он шагнул ко мне, переступив через неподвижное тело, а воздух вокруг сотрясся от звуков сработавшей охранки. Я все еще не дышала, не в силах вырваться из плена льдистого взгляда, когда облик преступника вдруг поплыл, смазался, смешался с тенями библиотеки и растворился.

– Я уже сказала, он возник точно из воздуха, – пыталась объяснить окружившим меня мужчинам, – не смейтесь, пожалуйста. Знаю, так не бывает, но если это галлюцинация, то почему в библиотеке тело? Почему сработала охранная сигнализация, которая реагирует лишь в чрезвычайных случаях?

– Дайте девушке воды.

Один из сыщиков догадался предложить стакан со столь необходимой жидкостью. Тело до сих пор колотило в ознобе, горло саднило, голова кружилась, еще и мутило ужасно.

– А звука шагов вы не слышали? – уточнил он, – в зале их легко различить в полной тишине.

– Ничего не было, – осушив больше половины стакана, с трудом ответила, – только тихий звон.

– Опишите внешность поточнее.

– Очень высокий, стройный, в темном камзоле, брюках и воротничок у рубашки белоснежный, как его волосы. Лицо очень бледное и руки тоже. Я бы приняла его за привидение, не окажись он таким настоящим.

Мужчины переглянулись, а один из них кивнул напарнику и велел:

– Зови.

Я не поняла, кого он решил позвать, но отвлеклась, услышав следующий вопрос:

– Понимаете, что стали свидетельницей не простого преступления? У вас на глазах убили мэра столицы, который за несколько минут до этого совершенно спокойно готовился ко сну в собственном особняке. Очевидцы подтвердят, что он лишь на минуту скрылся в гардеробной, откуда уже не вышел.

– Я видела мэра прежде во время публичных выступлений, но к его появлению здесь не имею отношения. Я обычная библиотекарьша, работаю здесь уже пятый месяц...

– Кто мог впустить преступника? Есть ли в здании подземные ходы?

– Никто не мог, библиотека уже была закрыта, а...

– Где? – громкий рык заставил вздрогнуть, а допрашивавшие мужчины

разом расступились, открыв меня взгляду еще одного незнакомца.

Этот выглядел как настоящий имперский дознаватель. Черный костюм делал его практически невидимым в полумраке большого зала, он сам точно выступил из ниоткуда и вот уже нависал надо мной, пристально глядя в глаза.

– Она? – спросил, не отводя взгляда, отчего сильнее задрожали руки и расплескалась вода из стакана.

– Да. Свидетельница преступления.

– Место осмотреть, – короткому приказу мгновенно повиновались, а пальцы мужчины вдруг сомкнулись на отворотах потертого клетчатого платья и подняли меня со стула, точно тряпичную куклу.

Он подтащил к себе, несмотря на то, что попыталась воспротивиться, и словно принялся. Пальцы схватили за волосы, не позволяя вывернуться из захвата, а дознаватель пристально изучал меня несколько минут, чтобы в итоге скривиться:

– Чувствую лишь страх. Никакого толка сейчас. Жду завтра в своем кабинете.

И оттолкнул так, что я снова упала на стул.

Мужчина развернулся и устремился в глубину зала, затерявшись в темноте. Едва он скрылся, как ко мне подскочил сыщик, прежде проявивший заботу и поднесший стакан воды.

– Хорошо хоть вы ему понравились, – заявил он, убедившись, что я еще не умерла от страха.

– П-понравилась?

– Вы не видели, как Зверь обходится с теми, кто ему не по душе.

– З-зверь? – кажется, я заработала заикание, а мужчина в ответ покачал головой, словно досадуя на мою неосведомленность.

– Главный имперский дознаватель и лучший в своем деле. Расследует только громкие дела, – собеседник понизил голос до шепота, – судачат, будто у него нюх, как у настоящего оборотня.

Остатки воды я разлила на юбку.

– Когда завтра начнет допрашивать, отвечайте спокойно и ничего не бойтесь, а еще не спорьте ни в коем случае.

Я кивнула, поскольку меньшее на что была способна, это спорить с тем, кого подчиненные прозвали Зверем.

Остаток ночи прошел достаточно мирно, а вот отдохнуть после испытанного потрясения толком не удалось. Наутро пришлось отправиться в Дом имперского сыска, располагавшийся в самом центре столицы.

Старинный, светлый и красивый, он тем не менее пугал страшными слухами и историями о тайных подвалах и темных подземельях, в которых люди исчезали без следа.

Выяснив дорогу до кабинета начальника жужжащего точно улей здания, я поднялась на второй этаж, свернула в начале коридора и постучала в дверь из светлого дуба.

– Входи.

Взявшись за изогнутую ручку, нажала и несмело шагнула в просторную комнату, чтобы замереть на пороге под изучающим взглядом хозяина кабинета. Мужчина медленно, с небрежной ленцой, сквозившей в каждом движении, поднялся из-за широкого стола и двинулся в мою сторону.

– Доброе утро, – склонился к самому уху, – пунктуальность приятная черта в женщине.

И резко захлопнул дверь, повернув ключ в замке.

– Располагайся, – указал широким жестом в сторону кресла для посетителей, чему я даже обрадовалась – слабина в коленях ощущалась все сильнее.

Однако стоило присесть, как дознаватель очутился рядом. Развернул кресло вместе со мной, и я вдруг оказалась в непосредственной близости от мужчины, чьи руки легли на подлокотники, а лицо приблизилось к моему.

– Рассказывай.

Я вдавилась в спинку, безуспешно пытаясь отдалиться, и сбивчиво принялась излагать события вчерашнего вечера с самого начала, дико теряясь под пристальным взглядом темных глаз. Когда вновь дошла до описания внешности преступника, тихий рык заставил испуганно вздрогнуть.

– Прризрак! Снова!

Мужчина, наконец, убрал ладони, выпустив меня из ловушки, и отвернулся к столу. Длинные пальцы забарабанили по столешнице, выдавая возбуждение хозяина. А может то было предвкушение охоты, поскольку имперский дознаватель со стороны производил необычайное впечатление – сильный зверь, замерший перед прыжком.

Я воспользовалась тем, что он отвернулся, и быстро поднялась, встав рядом с креслом и надеясь избежать таким образом еще одного чересчур близкого вопроса.

Зря я это сделала.

Через секунду попала в новую ловушку, оказавшись прижатой к краю стола.

– Ты впустила его в библиотеку? – огорошил неожиданным вопросом дознаватель.

– Нет! – в горле пересохло, сердце заколотилось как бешеное, – я уже говорила.

– А если ты врешь?

– Нет!

В следующий миг Зверь сделал нечто невероятное. Он схватил меня за талию и, легко подняв, усадил на стол.

– Что вы творите?

– Ты ведь библиотекарьша? – задал мне неожиданный вопрос.

– Д-да.

– Вот и храни молчание, а спрашивать стану я. Ну?

Его рука захватила в горсть мои волосы, и он притянул к лицу густую прядь, жадно вдохнув ее аромат.

– Ч-что?

– Описывай преступника.

– Я уже говорила...

– Опиши мне его! – тихо рыкнул, а я вздрогнула, когда мужские пальцы обхватили бедра, развели их в стороны, а дознаватель встал между ними вплотную ко мне.

Дыхание резко прервалось, из крепких тисков было нереально выбраться. А как можно что-то описывать, если разучилась говорить?

– Выражение глаз, как спадали волосы, как сидела на нем одежда? Безупречно, без единой складки?

Я плохо понимала, о чем он говорит, поскольку одна его рука спускалась по спине от шеи, а вторая поднималась по бедру, задирая юбку выше. И вот когда она коснулась края чулок, я не выдержала и со всей силы уперла ладони в грудь Зверя.

– Отпустите, немедленно. Вы не имеете...

– Права? – он откинул голову и рассмеялся. – Я могу делать, что пожелаю, мышонок, а уж тем более с тобой. Ну и? Станешь говорить или расценить твоё молчание, как помеху следствию?

Он прекратил нескромные действия, но широкая ладонь легла на шею, а вторая вновь захватила в горсть волосы.

– Он в-выглядел точно привидение, я говорила. Костюм сидел б-безупречно, наверное, там было темно, я не могла разглядеть деталей. Он шагнул ко мне, а потом раздалась сирена, и он исчез.

– Исчез? – я вновь услышала рычание, а рука, гладившая мои волосы, сжалась в кулак, вырвав у меня болезненный вскрик.

– Знаешь, кто ты для меня, мышонок? – вдруг резко сменил тему Зверь.

В полуобморочном состоянии, в котором находилась, я из ряда вон плохо понимала его вопросы.

– Ты мой шанс поймать нашего неуловимого красавца. Мой сладко-пряный шанс. Приманка, – шепнул он последнее слово и склонился к моей шее, прижался к ней лицом, вновь делая глубокий вдох.

Мои дрожащие пальцы нащупали тяжелую подставку на столе и, схватив ее, я попыталась опустить каменную вещицу на голову дознавателя. Мужчина, точно предвидя этот маневр, молниеносно перехватил мою руку и резко прижал к столу. Подставка выпала, а я вскрикнула от боли в запястье.

– Сопротивляешься? Как глупо.

Может и глупо, но еще глупее послушно позволять незнакомому мужчине делать что ему заблагорассудится. И дождавшись, пока дознаватель отстранится, я саданула коленом в самое уязвимое место.

Зверь зарычал, согнувшись пополам, а я упала на спину и крутанулась по широкой столешнице в сторону окна. К двери добежать, а тем более открыть ее, не успела бы, и незапертое окно оказалось единственным шансом.

Я чуть не выпрыгнула, но вовремя сообразила, что либо сверну себе шею, либо сломаю что-нибудь. Затормозив у самой рамы и высунувшись почти наполовину, закричала на всю улицу:

– Помогите!

Мой крик привлек внимание нескольких спешащих куда-то прохожих. Они остановились, задрав головы, но тут я была поймана и утянута обратно. Как ни цеплялась за раму, не смогла противостоять силе Зверя, легко поборовшего сопротивление.

– Не дури, – раздался его рык возле самого уха.

Я повернула голову и судорожно сглотнула от страха, увидев пламя бешенства в глубине потемневших глаз.

– Эй! – послышался крик с улицы, а мужчина невозмутимо выглянул в окно.

– Чем-то помочь? – спрашивал, по всей видимости, охранник, дежуривший под карнизом.

– Все в порядке, – заверил его дознаватель и повернулся ко мне.

– Ты еще глупее, чем показалась вначале, – приговорил он и, взяв за шкурку точно котенка, стащил меня со стола. После направился к двери и отпер замок.

– Допрос на сегодня окончен, – махнул он рукой, как показалось брезгливо, однако я продолжала стоять в каком-то ступоре.

– Что замерла? Беги, мышонок. Еще увидимся.

Ничего себе, главный дознаватель! У меня после такого дознания ощущения раздваивались: я то ли на допросе побывала, то ли в борделе. Так откровенно меня еще не лапали. Просто неприлично, до мурашек по всему телу. Я даже повода не давала, он сразу накинулся. Что за методы добычи информации? Или он так прощупывает подозреваемых? Причем прощупывает в буквальном смысле.

– Ух! Приманка! – я никак не могла успокоиться. – Приманка для Призрака? Это нормально?

Я очень быстро шагала по улице, пытаюсь не сорваться на бег, и бормотала себе под нос. Пара прохожих даже обернулась.

– А эти люди не должны нас защищать? Или манера говорить в лицо, что тебя ожидает, должна как-то взбодрить после кошмарной картины убийства?

С одной стороны, метод оказался действенным – взбодрил, даже очень – а с другой, как-нибудь обошлась бы без этих откровенных поглаживаний. Я до сих пор ощущала его прикосновения. Дерзкие пальцы умудрились проникнуть и под резинку чулок, отчего меня до сих пор бросало в жар и пылали щеки.

– Я воспитанная, скромная девушка, свидетельница, а не подозреваемая, я, в конце концов, хранитель библиотеки! Вижу его второй раз в жизни! Да как он мог?!

Разговаривая сама с собой, я ворвалась через парадные двери библиотеки и чуть не сбила с ног собственного директора.

В другой раз непременно извинилась бы, но сейчас слишком переполняли эмоции. Даже не обратила внимания, как резво начальник ухватил меня за руку и поволок в еще один за этот день кабинет.

– Тебя допрашивали? – спросил напрямик, даже не сказав обычного приветствия.

– Да.

– Кто?

И вот тут я поняла, что не знаю имени главного имперского дознавателя.

– Эм... У него прозвище необычное, Зверь.

Директор побледнел и схватился руками за голову.

– А что он сказ... – мужчина запнулся, перевел дух и завершил

фразу, – сказал?

– Допросил в весьма странной форме и пообещал новую встречу.

Взгляд директора стал таким, что неожиданно в голове мелькнула мысль об увольнении по собственному желанию, но я отчаянно любила свою работу.

– Сам Зверь? Тебе? И что теперь делать?

В каком смысле? Мне кажется или сегодня все ведут себя необычно? Директор отчего так испугался?

– А кто он такой? Ну, главный дознаватель, но очень странный, даже не знаю, как сказать...

– А лучше никак не говори и никому, – вдруг склонился ко мне собеседник, – целее будешь.

Это мне сейчас показалось или начальник приблизительно догадался о методах допроса?

– То есть?

– Он – родственник императора. Кровный!

У меня зашлось сердце и голова закружилась.

– Понимаешь, что это значит?

– Н-не совсем.

– А я понимаю, хорошо понимаю, – мужчина вдруг заметался по кабинету, потом замер, запустив пальцы в волосы и бормоча, – вот где искать замену в срочном порядке? Ведь не возьмешь абы кого. А этот... Ну ничего же не предвещало! Теперь если в горло вцепится, не выпустит.

О чем он сейчас?

Начальник снова принялся мерить шагами кабинет, демонстрируя высшую степень нервозности, а потом резко остановился, очевидно, приняв решение.

– Извини, – начало следующей фразы мне сразу не понравилось, – но тебе уже сейчас лучше приступить к поиску новой работы.

Я ослышалась?

– Простите?

– Ты стала свидетельницей убийства, и теперь начнутся неприятности.

– Из-за меня? Но я же ничего не сделала!

– Понимаю, но и ты меня пойми. Взгляни только, что происходит.

Он подошел к круглому окошку на уровне головы, которое выходило в главный зал, а я послушно встала рядом, глядя на толпу посетителей. Сегодня в библиотеке было не протолкнуться. Некоторые из визитеров делали вид, что ищут какие-то книги, а другие даже не притворялись, кружа возле старой арки и пытаясь все там хорошенько рассмотреть.

Директор распахнул окошко и громко крикнул:

– Запрещается трогать старинную мозаику!

Любитель своеобразных сувениров тут же перестал ковырять ровный круг на полу под аркой.

– Что за люди пошли? – покачал головой начальник, и я с ним молча согласилась. – Только ночью на этом месте человек погиб, а сегодня поналетело воронье сувениров собрать на память.

– Простите, – попробовала вернуться к моему вопросу, – не могу понять, чего вы опасаетесь? Как все это может повлиять на мою работу?

– Не это. На твою работу повлияет родственник императора.

– Но...

– Ты о нем прежде слышала?

– Нет.

– Так послушай сейчас. Он – хищник, и как в любом хищнике, в нем сильно желание ловить добычу, а потом рвать ее на части. Жестокий подонок.

Я покраснела, поскольку никогда не слышала, чтобы директор так выражался.

– Зверь обычно не тратит на допросы дольше трех минут. Припирает к стенке, находит уязвимое место и давит, давит на него, пока не взмолишься о пощаде, не запутаешься и не раскроешь все карты. Он быстро разбирается в человеке и для этого все приемы хороши: запугивание, шок, растерянность.

Я тут же вспомнила своеобразный метод допроса и снова покраснела.

– Он не тратит время на повторные встречи с уже опрошенными свидетелями, а тебе обещал увидеться снова. И вот что ты для этого сделала? Улыбалась, млела перед ним, как прочие недалекие девицы, которых привлекает чисто животная сила и власть?

– Да что вы такое говорите? – я даже побледнела с досады.

– Сопротивлялась? – упавшим голосом уточнил начальник, а заметив возмущение на моем лице, устало махнул рукой и вернулся в кресло, – ну все, теперь он в покое не оставит.

Мой директор, безусловно, был умным человеком, ведь не зря ему отдали такую важную должность, но и он мог ошибиться. Ничего не было во мне такого, чтобы привлечь мужчину, подобного Зверю. Ведь при одном взгляде на дознавателя становилось ясно, что недостатка в женском внимании он не испытывал.

– Не веришь? – уловил тень сомнений на моем лице начальник. – А зря. Наслышан я о кузене императора.

Так он еще и кузен?!

– И даже не думай о каких-то ухаживаниях с его стороны или, еще смешнее, серьезных намерениях. Он сразу берет, что хочет. Думаешь, вот эта строгость, – директор указал на мою одежду – пиджак в полоску и длинную широкую юбку – затем ткнул в сторону собранного на затылке пучка волос, – его впечатлит? Девушкам вроде тебя, случайно встреченным, привлечшим внимание, он предлагает роли игрушек. Так, время убить в перерыве между родовитыми пассиями. А как наиграется, бросит. Я тебя немного узнал за это время, Миланта, и думаю, что быстро не сдашься. Первый отпор лишь начало, ты и дальше будешь сопротивляться, разжигать его интерес, а он станет давить. Как понимаешь, мне эти проблемы здесь ни к чему, особенно после громкого скандала.

– Пожалуйста, прошу вас, не увольняйте!

Я готова была умолять, лишь бы начальник оставил на прежней должности.

– Вы знаете мою ситуацию.

– Да помню я, помню. Что-то про дорогой пансион для отца.

– Верно, все верно. Если я даже за один месяц не внесу нужную сумму, его сразу выселят. А там такое лечение, которого я никогда не смогу обеспечить дома. Сейчас только благодаря ему отец жив. Папе даже стало лучше. Прошу вас, ну, пожалуйста.

– Не могу оставить. Я слишком хорошо понимаю масштаб неприятностей. Могу только дать время, чтобы ты подыскала себе другую работу.

Вопрос «Как теперь быть» ни на секунду не покидал моих мыслей. Даже по завершении разговора, когда покинула кабинет директора и приступила к работе, не могла сосредоточиться. Обычно рутинные обязанности успокаивали, помогали отвлечься от забот, но не сегодня.

Работу в библиотеке я любила. Здесь царило спокойствие. Кругом, заключенные под обложками книг, хранились загадки и тайны, чудные миры, мудрые мысли и ответы на все вопросы. Столичная библиотека казалась идеальным местом. Устроиться сюда мне повезло лишь благодаря счастливому стечению обстоятельств. Здоровье прежней старой хранительницы не позволяло ей продолжать работу, а потому директор объявил для всех соискателей день общего приема.

Я оказалась самой молодой, что не слишком обрадовало начальника, но все решил мой диплом. Я проучилась в школе библиотекарей пять лет и располагала рекомендациями наших учителей с характеристиками моих

моральных качеств и трудовых навыков. Именно эти письма, среди которых была пара от весьма уважаемых и известных в нашей сфере людей, решили дело.

Торжественно поклявшись, что со мной проблем не будет, я вела себя тише мыши. Клятва работала все пять месяцев, поскольку никто из посетителей не воспринимал меня иначе, как хранительницу. Мне и не нужно было ничьего внимания, я не стремилась в столичную библиотеку в надежде поймать случайно забредшего сюда богатого горожанина или – О, счастье! – представителя высшего сословия. Я стремилась к этой работе ради самой работы и ради отца.

Он всю жизнь трудился, чтобы позаботиться обо мне, и серьезно подорвал здоровье. Теперь я выросла, а он был уже не в состоянии нас обеспечить. Зато мое жалование позволяло платить за хороший пансион. Отца буквально вытащили с того света. И хотя я экономила на всем, зато он стал чувствовать себя намного лучше.

Куда можно было направиться, если даже жильем обеспечивала библиотека? Директор позволил поселиться в комнатке под крышей, и не пришлось отдавать бешеные деньги за съем столичного жилья. Но куда пойти теперь? Какую достойную работу отыскать за столь короткий срок? И как дальше заботиться о папе?

Я ужасно переживала и надеялась лишь, что директор поймет, как оказался неправ. И хотя мой начальник настаивал на каких-то симпатиях, я понимала, что имперскому дознавателю важна лишь в качестве приманки. Ради возможности продолжить работу в библиотеке, я готова была молиться дни и ночи напролет, чтобы Зверь и вовсе обо мне позабыл и никогда не пришел вновь, но он вернулся.

Имперский дознаватель не бросал слов на ветер. Он пришел в библиотеку к вечеру в компании нескольких подчиненных. Я догадалась об их визите, услышав звук твердых шагов по мраморному полу. Подскочила со стула, в испуге сжав задрожавшие ладони, а директор уже бежал по ступенькам лестницы, стремительно спускаясь из своего кабинета.

Гроза сыска империи удостоил меня мимолетного взгляда, а начальника легкого кивка. Он остановился прямо под аркой, посреди мозаичного круга, изучая его с пристальным вниманием, после чего поднял голову и коротко велел:

– Мне нужен план здания и подземных ходов.

– Я прошу прощения, – низко склонился в ответ директор, здесь есть только переходы между частями здания, – но под землей нет ничего.

– Повторять не буду. В гардеробной бывшего мэра обнаружен потайной ход, который пока не исследован до конца. Несите все планы, какие есть.

Директор побледнел и едва заметно кивнул мне, я же поспешила к стеллажам, отыскивая нужную информацию. В своем царстве я знала положение всех книг до единой, сама их систематизировала, объединяла в каталоги, заботилась о них, как о лучших друзьях, и поверить не могла, что вскоре придется расстаться. А все лишь оттого, что замерший посреди залы невозмутимый мужчина пообещал увидаться вновь.

Он молча принял поданные схемы и чертежи, а я бросила взгляд на директора, пытаюсь определить, заметил ли он полнейшее равнодушие со стороны главного дознавателя, но лицо начальника освещалось лишь подобострастным выражением. Сложно было понять его мысли, а я всегда разбиралась в людях хуже, чем в книгах.

Зверю хватило нескольких минут, чтобы все просмотреть. Он действительно работал очень быстро. Кивком головы подзвав подчиненных, дознаватель всем раздал схемы.

– Ты отправишься сюда, а ты исследуешь этот проход.

– Вы, – обратился он к задрожавшему директору (Зверь явно пугал его одним своим присутствием), – поведете этих двоих в главный тоннель в бывшее хранилище.

– Он ведь запечатан...

– Распечатаете.

– Мы, – он бросил взгляд на меня, и сердце оборвалось, – исследуем коридор, ведущий из этой залы. Все за дело! У вас час.

И не сказав больше ни слова, устремился к стеллажам, а мне пришлось броситься следом.

– Открывай, – коротко велел дознаватель, остановившись напротив полок, сдвинув которые можно было открыть старый потайной ход.

– Это коридор между частями здания, одна из которых заброшена, – попыталась внести ясность, а заодно избавиться от сомнительной чести отправляться с ним в темноту.

– Вот и убедимся, – был мне ответ, а потом дознаватель шагнул к полкам и, вновь бросив взгляд на схему, принялся водить ладонями по корешкам книг.

Я точно знала, которая из них служила рычагом, но промолчала.

– Третья сверху, красная, – быстро сориентировался мужчина и потянул за корешок, выдвигая книгу.

Старый механизм заскрипел, и полки стали смещаться в сторону,

однако почти сразу замерли, открыв проход лишь частично. В такую узкую щель я могла протиснуться с большим трудом, а более крупный человек не прошел бы вовсе. Но дознавателя это не остановило, он положил ладони на боковую стенку, пытаясь сдвинуть полку сам.

– Механизм заело, у вас не выйдет. Он слишком старый. Здесь нужны силы трех человек по меньшей мере, – попыталась донести очевидную истину, наблюдая, как напрягаются под рубашкой мускулы, а на высоком лбу проступает испарина.

Однако порадоваться удачному заеданию механизма не довелось. Не понимаю как, но Зверь справился. Где-то что-то хрустнуло, треснуло, и полки подвинулись еще, сделав проход шире. Теперь мне стало еще страшнее идти в темноту с мужчиной, в котором крылась такая физическая сила.

– Вперед, – пресек он все сомнения, забрав из моих рук свечу.

Нехотя, с огромным нежеланием я проследовала за ним в окутанный паутиной тоннель.

Шли в полной тишине, а дознаватель освещал низкий потолок и внимательно осматривал каменные стены до тех пор, пока мы не добрались до ступеней.

– Дошли. Это выход наверх, в другой зал, который в настоящее время закрыт. В переходе не скрывается больше потайных дверей – ничего интересного.

– Ничего? – задумчиво уточнил мужчина.

– Да.

– Как твое имя, мышонок?

– Что?

– Тебя как-то зовут?

– М-Миланта.

– Миланта, – медленно произнес дознаватель, точно пробуя на вкус. Тон его голоса ужасно смутил, я сделала шаг назад, а он повернулся в мою сторону, пристально наблюдая. Я совсем растерялась и попыталась отвлечь внимание от себя спросив:

– А вас как зовут? – удивительно, что в минуты растерянности в голову приходят не самые умные вопросы.

– Кериас дор Харон амон Монтсеррат – отчеканил он, следя за моей реакцией и легко приметив, как я оробела при упоминании имени имперского рода.

Я сделала еще один крохотный шагок назад, надеясь, что дознаватель не обратит на это внимания, но он обратил и усмехнулся. Тени от свечи

причудливо исказили эту усмешку, делая ее зловещей, а потом я окончательно перепугалась, так как свеча вдруг погасла.

– Не бойся, Мышка, – раздался шепот возле самого уха, и я вздрогнула. Совсем не слышала его шагов и не поняла, как он успел оказаться так близко. Дернулась в сторону, а попалась в кольцо мужских рук. – Я тебя не съем, только попробую.

– Отпустите! Нам нужно обратно! Здесь темно!

– В переходе сложно заблудиться даже в темноте, он слишком короткий.

– Что вы... ох!

Объятия стали крепче.

– Что я хочу сделать?

Я кивнула, не в силах ответить.

– Хочу понять, что в тебе интересного.

– Ничего, совершенно, – прошептала, ощущая, как его пальцы расстегивают верхнюю пуговицу рубашки.

И ведь нарочно переоделась к вечеру в потертую и серую рабочую форму, но не помогло.

– Вижу, – был ответ, – бесцветная, скучная, незаметная. Но твоя кожа пахнет, – я услышала, как он делает глубокий вдох, – ммм, волнующе. И мне нравятся, – тут он одним движением сорвал с головы сеточку для прически, – твои волосы.

Я сделала слабую попытку освободиться, но он не позволил, запустив в густые пряди обе ладони. Новый рывок привел лишь к тому, что меня прижали к стене.

– Что вы за дознаватель? Вы не должны...

– Чего не должен?

– Делать то, что делаете.

– Пробовать? Прежде чем ловить на приманку, нужно убедиться, что она достаточно привлекательна.

– У убийцы иной взгляд на мою привлекательность. Отпустите.

– А ты что-то знаешь о его взглядах? – спросил Зверь, приблизив голову к моей шее.

– Я ничего о нем не знаю!

В этот момент губы мужчины коснулись тела и медленно проследовали по плечу, освобожденному из ворота расстегнутой рубашки, слегка прихватывая кожу, точно смакуя. Язык прочертил дорожку вдоль ключицы, а мне показалось, что воздух в переходе стал еще более спертым и тяжелым.

Я ощутила, как его руки спускаются по бедрам ниже, а потом снова скользят вверх, поднимая форменную юбку. Неожиданный рывок и я оказалась прижата к стене, но уже его телом. Одна рука обхватила бедра, а вторая медленно стягивала рубашку ниже.

Я помнила слова директора о том, что если стану сопротивляться, Зверь будет давить сильнее, но выше моих сил было позволять ему делать то, что он делал.

Упершись со всех сил ладонями, я попыталась отстранить голову мужчины и избежать прикосновений, а добилась лишь смеха в ответ.

– Отпустите!

– Воспитанные библиотекари должны просить вежливо.

– Отпустите, пожалуйста.

– Не хочу.

И он ухватил зубами ляжку короткой сорочки и потянул вниз, а я принялась изворачиваться, пытаясь ему помешать, но все усилия были тщетны. В ответ на сопротивление он выпустил ляжку, но его губы опустились ниже, а язык очертил круг, касаясь груди прямо сквозь тонкую ткань. Меня залихорадило, когда мужчина накрыл губами, а потом жадно втянул напрягшуюся вершинку в рот. Из-за недостатка воздуха закружилась голова. Я тяжело задышала, чувствуя, как сильнее холодит взмокшую спину камень.

Тело так ослабло, что я перестала сопротивляться, а Зверь сразу ощутил перемену и неожиданно отстранился. В темноте не видно было ни его лица, ни выражения глаз, слышалось только быстрое дыхание, но следующие слова были сказаны абсолютно ровным тоном:

– Приятное исследование. Думаю, он проглотит наживку. Пора двигаться дальше.

И дознаватель опустил меня на пол, а через минуту коридор вновь осветился пламенем свечи. Мужчина поднялся по ступенькам и стал водить ладонью по двери, пока я пыталась застегнуть рубашку и одернуть юбку.

– Так нельзя, – хотела крикнуть громко, чтобы эхо прокатилось до самого конца коридора, но голос сорвался, осип.

– Нельзя убивать ставленников императора, – раздался невозмутимый ответ, а Зверь даже не обернулся, отыскивая замочную скважину. Присев на корточки он поднял свечу выше, затем достал из кармана отмычку и принялся вскрывать замок.

– Вы служите императору. По закону, вы должны заботиться о его подданных, а не набрасываться на тех, кто беззащитен.

– Наброситься – это растянуть тебя на полу и взять без глупых

разговоров. Читай меньше далеких от реальности книжек, начнешь трезво смотреть на мир.

При последних словах замок щелкнул, а дверь поддалась и со скрипом отворилась. Зверь подхватил свечу и, пригнувшись, прошел сквозь дверной проем.

Хорошо, пусть осматривает. Я лучше останусь здесь. По коридору его провела, так что нет необходимости в дальнейшем присутствии. Рассудив так, вновь облокотилась на стену и стояла, восстанавливая дыхание, пока не услышала зловещего предупреждения: «Сейчас сам за тобой спущусь». Не приходилось сомневаться, кому его адресовали.

Отпрянув от стены, быстро взбежала по ступенькам.

ГЛАВА 2

– Почему закрыли этот зал? – спросил Зверь. Он стоял спиной ко мне, оглядывая просторное помещение с тусклыми окнами. Даже головы не повернул, словно и не видя, ощущал моё присутствие. А может определял по запаху? Хищники ведь издали чуют добычу.

– Он нуждается в ремонте. Лепнина на потолке вся пошла трещинами. Может обвалиться в любой момент.

– Починить проблема? – спрашивая, дознаватель пересек комнату, снова оглядывая стены.

– Об этом лучше спросить у директора, я не имею отношения к вопросам, связанным с финансированием и ремонтом библиотеки.

– Тебя взяли привлекать сюда посетителей мужского пола?

– Вовсе нет! Что за предположение?!

– Маленькие испуганные мышки, прячущиеся по углам, всегда вызывают интерес.

– У котов! – не удержалась я и поспешно прикусила язык.

Не знаю, проигнорировал бы Зверь это замечание, не привлеки его внимания противоположная стена.

– Как интересно, – проговорил он, медленно проводя пальцами по поверхности старых обоев.

Мне естественно тоже стало интересно, но от вопроса: «Разве там что-то есть?» – я удержалась. Ведь если он смотрит с таким вниманием, то определенно заметил какую-то важную деталь.

– Совершенно пусто, – словно ответил на мои мысли дознаватель.

– Как пусто?

– Разве здесь что-то должно быть? – тут же повернулся ко мне мужчина.

– Ничего, – ответила и поймала его пристальный взгляд. Вот как у него выходило делать меня без вины виноватой? Словно что-то знаю, но пытаюсь скрыть.

– Так что? – не сводил глаз дознаватель.

– По схеме, за этой стеной ничего нет.

– А если не по схеме?

– Я не умею видеть сквозь стены! – не выдержала его давления. И вновь моя выходка не имела последствий, поскольку раздался приглушенный хруст, сразу настороживший обоих.

– Ой! – запрокинув голову, пригляделась к потолку, и показалось, будто одна из трещин стала шире.

– Если ничего больше в этом зале не привлекает вашего внимания, нам лучше уйти.

– А знаешь, Мышка, привлекает.

Ну вот зачем он спрашивал мое имя, если постоянно зовет Мышкой.

– Вы ведь сами сказали: «Совершенно пусто».

– Именно. Цельная стена даже без намека на дверь, но...

– Но? – Зверь умел так многозначительно выдерживать паузы, что сразу просыпалось желание услышать фразу целиком.

– Я чувствую за стеной пустоту.

Да он просто мастер строить предложения, имеющие двоякий смысл.

– Подойди.

Мне больше хотелось уйти, а вовсе не приближаться к нему, но дознаватель не оставил выбора. Правда, стоило мне удалиться от двери, вновь раздался треск. Я замерла в испуге, снова посмотрела на потолок и, вскрикнув, прикрыла голову руками. Большущий кусок откололся от вычурной лепнины на моих глазах и стремительно понесся вниз. Такой удар мог если не добить, то точно оглушить, а вместо этого меня окутало облаком извешки, мгновенно набившейся в нос и рот, и я закашлялась.

Получив шанс снова вдохнуть и потеряв ладонями глаза, оглядела белый пол вокруг себя и свою выбеленную одежду. Со стороны сейчас напоминала гипсовую статую, но не это занимало мои мысли. Вопрос: «Как такой огромный кусок мог рассыпаться в пыль», – вот что казалось интересней всего.

Я посмотрела на Зверя. Дознаватель стоял, повернувшись ко мне, и медленно растирал руки.

Не может быть!

– Ну что так смотришь, Мышонок?

В этот момент мне стало еще страшнее, чем в миг, когда на глазах свершилось убийство.

– Ты побелела или это все извешка?

– Вы маг?

Я все же нашла силы, чтобы протолкнуть сквозь задрожавшие губы этот вопрос.

– Разве? – склонил голову к плечу дознаватель.

Конечно же, ну разве есть смысл спрашивать очевидные вещи. Ведь куски потолка просто так не измельчаются в воздухе во время падения на чью-то голову. Но ведь и маги никоим образом не имеют возможности

свободно разгуливать по столице, а главное, имперским дознавателем не мог стать маг, никак не мог.

– Вы измельчили вот этот кусок, – и я указала себе под ноги. – Как же вы...?

Я стояла, смотрела на него, а он совершенно спокойно на меня. Нисколько не волнуясь, не выказывая даже тени тревоги.

– Маги выселены за границу государства, – процитировала наизусть фразу из учебника, – маги – смески ужасных существ, когда-то поработивших человека. Магам запрещено вступать в контакт с людьми и пересекать огороженную территорию их поселения. Они никому не подконтрольны, жестоки и опасны.

Я замолчала, боясь теперь произнести вслух хоть слово, но непрерывно твердя про себя: «Не может быть. Не может быть». Он прямой родственник императора. Среди имперской родни не могли оказаться маги или потомки кого бы то ни было, кроме людей, никаких иных существ. Но один из дознавателей говорил, будто у Зверя нюх, точно у оборотня. Возможно, он фигурально выражался, намекая на особые чутье и хватку, а вовсе не на прямую связь с перевертышами. И я сама утвердилась в бредовости подобного подозрения, узнав о связи с имперским домом, а вот теперь... Магия передавалась смескам по наследству. Она возникала только у наследников человеческой крови и крови иной расы.

– Какая начитанная библиотекарша, – хмыкнул Зверь и сделал шаг ко мне. Я попятилась, а он нарочито медленно принялся подкатывать рукав рубашки. – Такая умная. Цитирует книжки и, главное, вовремя и к месту. Почему я не удивлен, что ты умудрилась попасться на глаза Призраку?

Он продолжал потихоньку наступать, а я добралась уже почти до самой двери, когда поднятый рукав рубашки обнажил широкий браслет на запястье. Толстый литой браслет из красного золота. Он плотно обхватывал руку, перекрывая белесый длинный шрам, тянущийся дальше по предплечью и исчезающий под тканью.

– Мышонок, ты такая рассудительная, как же умудрилась забыть об аккумулянтах? – и он поднял руку выше, позволив тусклому свету из окна прогуляться по гладкой золотой поверхности.

Наступил подходящий момент, чтобы провалиться сквозь пол, и едва заметная улыбка на губах Зверя это подтвердила. Конечно, ведь я принялась бросаться серьезными обвинениями, совершенно забыв про накопители магии, способные удерживать в себе невероятно мощные заряды. Но ведь они были столь редки в нашем государстве и стоили баснословных денег. Мне за всю жизнь работы библиотекарем в условиях

суровой экономии хватило бы только на застежку от этой вещицы. Вот поэтому я даже не вспомнила о них.

– А как же..., - начала и замолчала.

– Как же у дознавателя очутился аккумулянт? – закончил мою фразу Зверь, явно прилагая усилия, чтобы не расхохотаться.

Глупее я себя еще не ощущала. Понятно, что ни один дознаватель не мог заполучить такую вещь, исключая одного, который приходился императору родственником.

Я потупилась, а Зверь вдруг спросил:

– И почему я не слышу?

Пока пыталась сообразить, к чему этот вопрос, дознаватель вдруг очутился рядом и поднял мою голову за подбородок, заглянув в глаза.

– Почему не слышу извинений за нелепые и кошмарные подозрения? Где попытки загладить вину?

Я уже открыла рот, собираясь сперва произнести несколько фраз в свою защиту, но меня сурово прервали. Со словами: «Даже извинений добиваться самому», – Зверь дернул меня на себя и впился в губы таким поцелуем, что, согласно ощущениям, новый кусок лепнины рухнул с потолка и попал точно по темечку. Совершенно оглушенная, я продолжала остолбенело стоять на месте, даже когда дознаватель отстранился и облизнулся.

– И правда вкусная Мышка.

– Вы..., - хотела повторить уже набившее оскомину: «Да как вы можете!» – но дальше обращения дело не пошло. Отказали и голос, и воображение, а подходящие к ситуации обвинительные речи на ум не пришли.

А Зверю было все равно. Он вовсе от меня отвернулся и озабочился иным вопросом, игнорируя мое состояние.

– Стена толстая, придется ломать, – заявил дознаватель, окинув взглядом тот самый участок, за которым он якобы ощутил пустоту. – Потеряем время, но, может, найдем что-то стоящее.

И он резво развернулся и направился к выходу.

Я не поспевала за стремительными сменами его настроения, поэтому пока осмысливала фразу насчёт погрома старинной библиотеки, мужчина уже исчез в темноте коридора. Меня привел в себя новый треск, и, мгновенно вспомнив об упавшем куске лепнины и отсутствии магического браслета, я бегом кинулась за дознавателем.

Когда выскочила из коридора, оказалась в прежней зале. Сюда еще не вернулся ни один из посланных на осмотр помощников Зверя, сам же он

спокойно присел на корточки возле старинной мозаики и вновь ее осматривал.

Я открыла рот, дабы проговорить, наконец, все обвинения, но поняла, что время ушло и сейчас они попросту прозвучали бы глупо.

– Надеюсь, сработает, – вполголоса проговорил мужчина.

– Что сработает? – не удержалась от вопроса.

– Приманка, – невозмутимо пояснил дознаватель.

– Какая? – начала я и тут же припомнила его фразу, произнесенную в кабинете, – вы же не меня сейчас имеете в виду?

– Именно тебя.

– То есть вы серьезно рассуждали о том, чтобы сделать меня приманкой?

– Я редко шучу в серьезных вопросах, – ответил Зверь поднимаясь.

– А почему вы решили, будто я сойду за приманку? – я категорически возражала против подобного, – Призрак ведь не убрал меня в день убийства, прежде чем успела сообщить вам подробности. Какой резон ему сейчас расправляться со мной?

– Мышка, ты читаешь много книжек, но разве они помогают трезво взглянуть на реальные вещи? – дознаватель покачал головой с таким видом, будто любовь к чтению являлась самым серьезным недостатком.

– Я все еще не понимаю.

– Ты высказала чисто книжный взгляд на обыденного преступника. Такие методы описываются в различных мрачных романчиках, но значительно реже – в преступных хрониках. А мы имеем дело с весьма одаренным преступником, неуловимым, понимаешь?

– Не понимаю. Как это связано со мной?

– В нашу первую встречу, Мышонок, когда ты пришла на допрос, я выяснил, можешь ли ты представлять интерес для Призрака.

– Неправда! – я не смогла сдержать возмущения, – на допросе вы только ощупали меня со всех сторон.

Зверь запрокинул голову и расхохотался.

– Какая чудная манера говорить правду в лицо! И такая редкость в наше время. Я, бесспорно, щупал, – согласился он, – и попутно оценивал твою реакцию, выяснив главное – наша мышка невинна.

– Если..., – я смутилась и покраснела, – если это было главной целью, вы могли просто спросить.

– Что ты, Мышулька, слова позволяют выяснить слишком мало.

– Я все равно не понимаю.

– Сейчас поймешь. Знаешь, милашка...

– Я Миланта.

– Звучит как милашка, так вот, – нахальный дознаватель продолжил вещать прежним тоном, снова игнорируя мое возмущение, – ты не первая свидетельница его преступлений, а третья по счету из тех малышей, которых отличал один признак – все они были невинны.

Что-то мне не понравилось это замечание.

– Как ни удивительно это прозвучит, но Призрак выбирал именно таких девушек.

– Что значит выбирал? – от дурного предчувствия похолодели руки.

– Если так понятней: он их находил, а потом они находились мертвыми.

– Что? – теперь похолодело в груди и задрожали колени.

– Самое удивительное, оба раза не обнаружено следов насильственной смерти, как с прочими жертвами.

Зверь замолчал, по-видимому, ожидая нового вопроса, которого я оказалась не в состоянии задать. Не дождавшись реакции на свои слова, дознаватель спокойно продолжил:

– Понимаешь, Мышонок, они расставались с жизнью добровольно. Каждый раз были обнаружены следы присутствия Призрака, что позволило связать преступления именно с ним, но не похоже, чтобы он прикладывал руку к устранению девушек в прямом смысле. Выглядело так, будто они все сделали сами.

– Что сделали? – этот вопрос я произнесла одними губами, но Зверь догадался и ответил:

– Закололи себя ритуальным клинком.

Я сперва позеленела, потом покраснела, а после стала белее меловой стены.

– Ну же, Мышка, – дознаватель вновь оказался рядом совершенно незаметно, – не пугайся. Я намерен лично проследить за твоей безопасностью. Мы его не упустим в этот раз.

– Не упустите, да? – не знаю, негодования или недоверия было больше в этом вопросе, – вы меня проверяли! Проверяли как... Хотели убедиться, что гожусь для добровольного заклания. А второй раз с той же целью распускали руки?

Зверь хмыкнул и пожал плечами.

– Немного увлекся.

– Увлеклись? Примерно также, как увлечены сейчас погоней за Призраком? А если вам важен только результат? Где гарантии того, что вам не все равно, поймать его до моего убийства или после? Вам ведь нужно

подсунуть ему приманку, а я третья по счету из, как вы выразились, невинных малышей. Зато для меня не будет второго шанса и жизни второй, и даже третьей тоже не будет!

– И что ты хочешь сказать?

– Я отказываюсь служить приманкой!

– А выбор у тебя какой? – он спокойно спросил, но в приглушенном свете библиотеки вся его фигура вдруг показалась мне еще более мощной и огромной.

– Отказаться.

– И не опасаясь, что он за тобой придет?

– Я спрячусь.

– Будешь прятаться в своей мышиной норке? И как долго?

– Пока вы его не поймаете, но без моей помощи!

Дознаватель смерил меня взглядом и зачем-то принялся раскатывать рукав рубашки, закрывая браслет. На долю мгновения почудилось, что по гладкой поверхности прокатился красноватый блик.

Он же не собирался применять ко мне магию?

Ответ на вопрос я не получила, поскольку издалека донеслись голоса и в холл один за другим вернулись помощники.

– Милорд, – уважительно склонил голову один из вернувшихся, – мы убедились, что ходы действительно не сообщаются с подземными тоннелями.

– Прекрасно, – воодушевился мужчина, вновь удивив меня резкой сменой настроения. От угрозы, которую я ощутила еще секунду назад, не осталось и следа. – Сегодня нам больше нечего здесь делать. Проверить мои догадки сможем, когда согласуем вариант сноса стены. А теперь идем.

– Вы тоже поспешите по домам, – повернулся к нам с директором один из сыскаников, – скоро ночь.

Я услышала предупреждение краем уха, так как провожала глазами широкую спину главного дознавателя.

Ушел? Просто взял и ушел, поскольку я не согласилась? Даже не подсказал, как действовать дальше?

Директор отправился провожать наших гостей до выхода, а когда вернулся, застал меня растерянной и совершенно убитой таким отношением.

– Я убедился, Миланта, в своих подозрениях, и решение менять не стану. Поспеш с поиском работы. И не забудь запереть этот зал и отдать ключи охране. Увидимся завтра.

И недовольно, точно намекая на какой-то тяжелый проступок,

совершенный мной, он отдал ключи и покинул зал. Бежать следом с криком: «Не оставляйте меня здесь», – было также глупо, как заявлять Зверю, что несогласна с озвученным им условием моей защиты. Начальник выгнал бы на улицу в тот же миг, даже не раздумывая, ведь одно мое пребывание под сводами библиотеки теперь представляло угрозу. Единственным вариантом, кроме ночевки под открытым небом, оставалось возвращение в каморку под крышей, где можно было затаиться до утра не смыкая глаз, чтобы успеть позвать на помощь охранников.

Очень хотелось верить, что звать их не придется. Оставалась надежда, что Призрак тоже затаится и выждет некоторое время. Ведь каким бесстрашным и уверенным в собственной безнаказанности надо быть, чтобы явиться за следующей жертвой, пока столица еще не успела проститься с мэром.

В этот миг не могла представить, будто есть нечто более ценное, чем спокойные безмятежные дни и надежное убежище от непредсказуемых дознавателей и неуловимых убийц.

С тяжелым вздохом я поспешила к высоким дверям, стремясь поскорее закрыть их на замок, а когда торопливо пробежала по мозаичному кругу, заметила странные разноцветные блики в углу. Там, на темных квадратных кусочках, сложенных в старинную надпись, лежал угловатый прозрачный камень. Красноватые отблески света отражались от его граней и создавали те самые причудливые блики, которые привлекли мое внимание.

Как странно! Ведь здесь повсюду рыскали дознаватели и никто из них не заметил этой пусть маленькой, но сверкающей улики. Я судорожно схватила камушек краем юбки, боясь стереть с него какие-то отпечатки, и положила в карман, торопясь поскорее покинуть залу. Повернув ключ в замочной скважине, испытала настоящее облегчение, а затем побежала ко входу на черную лестницу.

Однако что может быть страшнее, чем свернуться комочком на собственной кровати, напряженно прислушиваясь к каждому звуку и вздрагивая, когда за окном вскрикивает птица. Безлюдная тишина, пронизанная ночными шорохами, давила. Мерещилось, будто в ней отчетливо раздается звук шагов.

Моя спальня располагалась прямо над рабочей комнатой директора, и помимо слухового окошка, ведущего на крышу здания, здесь было еще одно – копия круглого витража, как в кабинете внизу. Разноцветные стекла причудливо искажали картину просторного главного зала со стеллажами, и разглядеть что-то сквозь них было трудно.

Я сжала голову руками, пытаюсь избавиться от слуховых

галлюцинаций, но они не желали отступать, а звучали все громче и громче. До крючка, удерживающего круглую раму, можно было дотянуться прямо с кровати. Всего одно небольшое усилие, чтобы откинуть хлипкий медный крюк и посмотреть вниз, на причудливую мозаику под старой аркой, но у меня никак не выходило. Рука ходила ходуном и раз за разом промахивалась, не умея ухватить изогнутый металлический стержень.

Все странные звуки стихли тогда, когда пальцы легли на тускло блестящий изгиб и вытащили крюк из медного кольца. Петли не скрипнули, точно окошко не желало выдать себя неосторожным звуком. Оно отворилось всего на несколько сантиметров, будто боялось открыть моим глазам слишком страшную картину. Даже порывистый вдох не вырвался из груди и не коснулся гладкой поверхности стекла, не затуманил его холодной испариной. Взгляд осторожно и крадучись, точно вор, спустился по книжным полкам, слегка обжегшись о край колеблющихся свечей, точно так же дрожащих в своих тяжелых канделябрах, и застыл оцепеневшим, скованным ужасом зверьком, заметив на мозаичном круге высокую сотканную из теней фигуру.

Медленно, так медленно, что могла разглядеть, как проносятся перед глазами поспешные секунды времени, я отстранилась от окошка. Показалось, или тот человек внизу и правда вскинул голову к потолку?

Он придет, сейчас придет. Сердце знало, потому и колотилось так отчаянно, скованное своей хрупкой грудной клеткой. Призрак придет за мной. Что стоит ему поймать меня в этой мышеловке и всадить в грудь нож? А если он сделает это не сам? Важно или нет, как он убеждал других девушек убить себя? Мне это было неважно, потому что я до беззвучного, никому не слышного крика не желала повторять их судьбы.

Пока бесполезные мысли билась в голове точно влетевшая в распахнутое окно сумасшедшая пичужка, ладони уже водили по соседней стене, пытаясь нащупать незаметную выемку. Именно здесь я давным-давно отыскала маленький закуток, позже закрытый досками. Бесполезный, он не пригодился даже в качестве чулана, а вот сейчас я как безумная пыталась сдвинуть в сторону старую панель.

Даже не представляю каким чудом удалось уместиться в крохотном пространстве, как мне повезло задвинуть доску за собой, чтобы комната изнутри выглядела совершенно пустой.

Я слышала шаги. Жила сейчас одними ощущениями, а чувствовала оголенными нервами, потому и шаги в голове звучали набатом. Мне бы следовало закрыть глаза, чтобы не видеть, затаить дыхание, чтобы не выдать себя прерывистым вздохом, но погрузиться в полную темноту,

значило отдаться на волю первобытного ужаса. Я наблюдала за маленькой комнатой, освещаемой колеблющимся пламенем истекавшей воском свечи. Тени плясали на стенах, то удлиняясь, то укорачиваясь, и одна из этих теней вдруг стала расти, обретая форму.

Он пришел. Мозгом я понимала, что он поднялся в комнату, а глазами видела, как его фигура выступает из сумрачных неясных очертаний.

«Призрак», – отбило по слогам сердце. Высокий бледный мужчина с волосами, точно отбеленными мелом до самого снежного оттенка. Тонкий прямой нос, высокий лоб и льдистые глаза под идеальной формы бровями, такими неожиданно темными на этом мраморном лице, как и загнутые кверху длинные ресницы. Губы выглядели почти бескровными, а не яркими, как у обычного человека, хотя их форма тоже была идеальной. Он весь казался мастерски вылепленной из совершенного куска мрамора фигурой и двигался плавно, скользя от тени к тени. Может, зрение подводило, раз я не могла уловить его перемещений. Вот он стоял возле двери и уже очутился около стола.

Длинные белые пальцы, которые в последний раз на моей памяти крепко сжимали окровавленный нож, провели по кожаному переплету сложенных стопочкой книг, коснулись выведенных моей рукой ровных строчек в тетради. Еще пару дней назад я составляла перечень редких экземпляров, подаренных библиотеке их авторами, но после памятного происшествия так и не взялась закончить его.

Призрак изучал внимательно все предметы на столе, пока не заметил того самого камня, что я отыскивала на мозаике под аркой. Снимая платье, я выронила его из кармана и положила на столешницу, а теперь кусала губы, проклиная себя за неосмотрительность.

Он поднес руку к неровным граням, и радужные капли точно отозвались на это движение и бросились разом к его руке, чтобы, толкая друг друга, собраться в центре, любовно прижаться к ладони хозяина и растерянно рассыпаться вновь по столу, когда Призрак убрал руку.

Он не взял камень, даже не прикоснулся к нему, отвернулся и приблизился к моей кровати. Поднял с простыни истерзанный, измученный платок, который едва успел просохнуть от слез, осторожно поднес его к лицу, прижал, вдыхая запах, и крепко стиснул в кулаке.

Льдистый взгляд вновь заскользил по комнате, равнодушно пробежался по уже осмотренному столу, приотворенной раме мозаичного окна и задержался на старых деревянных панелях.

Сердце стукнуло раз, два и затихло. Нервный зуд, который нарастал, казалось, под самой кожей, стал почти нестерпимым. Голову точно

раскалили докрасна, а после окатили ледяной водой. В груди заколотилось, забило о хрупкие ребра, когда этот самый пугающий взгляд точно столкнулся с моим прямо сквозь деревянную преграду.

Его шаги раздавались только в моей голове, когда он бесшумно приблизился к закрывавшей крохотное убежище панели.

Я не выдержала, зажмурилась и со всей силы сжала кулаки, чтобы не закричать. Ногти вдавились в ладони, оставляя на них полукруглые следы моей плохо контролируемой паники.

Еще секунда и сама не выдержу, порвется струна натянутых нервов и тогда...

Я не успела додумать, что случится тогда, поскольку тело вдруг охватил озноб, пробежал, щекоча острым лезвием по коже, поднимая тонкие волоски, парализуя волю, и раскололся звонкими льдинками, рассыпался в снежное крошево, когда за дверью послышался грохот.

Деревянную створку выбили с той стороны лишь две минуты спустя. Вероятно, ее ломали совершенно напрасно, поскольку она была не заперта (ведь Призрак как-то вошел в комнату). А может он и правда просочился внутрь вместе с тенью, а щеколда осталась задвинута?

– Ищите! – короткий приказ и знакомый не терпящий возражений тон, – окно открыто, мог уйти по крышам.

В ответ послышался шум, топот ног, крик, скрип оконных петель, стук деревянной рамы и тонкий звон стекла.

«Там красивый витраж», – заползла в голову совершенно дурацкая мысль, – «Что если разобьют?»

– Ты идиот? – услышала я короткий рык, от которого вновь поползла морозная корочка по коже – так ощущался мной чужой страх. Другой человек дрожал, оставшись в комнате один на один со Зверем. – Ты в курсе, что красться нужно бесшумно, не сбивая ничего по пути? Ты выдал наше приближение.

– Там темно, я...

– Темно? – этот вопрос прозвучал так, словно большей ерунды начальнику дознавателей слышать не приходилось.

– Это случайность...

– Кто ты у нас?

– Ч-что? – заикаться в присутствии Зверя и шокироваться его резкими переходами от одной темы к другой выходило не только у меня.

– Кем ты приходишься третьему советнику моего брата?

– Аа...

Резкий звук раздался так неожиданно, что я, не поверив своим ушам,

распахнула глаза и сквозь щель вновь взглянула в комнату. Нет, слух не подвел, это действительно щелкнул предохранитель на револьвере. Том самом, что Зверь выхватил из кобуры и наставил на побелевшего молодого подчиненного.

– Я никого не беру по протекции, будь ты хоть самым императором. Единственное исключение – равноценный обмен.

– Вы же... вы же...

– Что? Не выстрелю? Не люблю, когда мне навязывают дураков, выдавая их за умников. Полагаю, если украсить твое трясущееся тело парочкой заметных дырок – это станет хорошим уроком для остальных, включая моего кузена. Согласен?

Собеседник Зверя точно согласен не был, но его скрутило от ужаса, как совсем недавно меня. Молодой человек сравнялся цветом кожи с тем, кого они старательно пытались поймать, и речь ему отказала.

– Считаю до трех; успеешь унести ноги, может, останешься жив. Раз...

Протянутого с ленцой первого слова хватило, чтобы бывший подчиненный растаял без следа, точно пресловутый Призрак.

– Какой же идиот, – хмыкнул дознаватель, прокрутив на пальце револьвер, – но он испортил мне всю охоту.

Последняя фраза, сказанная таким же насмешливым тоном, как и первая, прозвучала однако более зловеще. Мне вдруг подумалось, что молодому дознавателю не столь повезло, как он теперь думал. Похоже, умение быстро уносить ноги, помогло ему ненадолго.

От следующих слов я вздрогнула всем телом, позабыв обо всех прочих мыслях.

– Хорошо спряталась, Мышка? Выходи.

Мозг словно набили ватой. Куда выходить и зачем? У меня даже кулаки не разжимались, а красные полосы на ладонях могли остаться навсегда. Я боялась двинуться, все еще переживая явление Призрака, только теперь понять не могла, он мне привиделся или нет. Ступор после испытанного ужаса, наверное, был обычной реакцией, только прежде я никогда не пугалась до такой степени.

Резкий треск напугал еще сильнее, я попыталась забиться в самую крохотную щель своего укрытия, упорно стремясь увернуться от рук сломавшего перегородку Зверя. Я не могла понять, дознаватель это или пришедший за своей жертвой убийца. Отчаянно сопротивлялась, даже когда он потащил наружу. Расцарапала кожу о металлические пластины черной куртки сыщика, но продолжала рваться обратно в убежище, сдирая костяшки пальцев о сглаженные края холодного металла.

Он выпустил неожиданно и непредсказуемо, и последний мой рывок привёл к тому, что я упала и растянулась на полу. А в следующий миг сверху пролился ледяной дождь. Зубы выбили дробь, ветер, дунувший в распахнутое окно, вдруг показался по-зимнему морозным. Пальцы тут же свело от холода и, дрожа, я с трудом уселась на колени и обхватила плечи руками.

Внезапная и резкая смена температуры заставила пальцы разжаться, чтобы успеть закрыть лицо ладонями, спасая его от иссушающего зноя. Жар прошил до костного мозга, набился в горло, вызывая неодолимую жажду, пробрался между нитями одежды и спутанными прядями волос, мгновенно высушив их.

Изумленный вздох вырвался сам собой, а уже осмысленный взгляд натолкнулся на насмешливый взор дознавателя.

– Пришла в себя? – задал еще один вопрос Зверь и повел ладонью, отчего меня резко подбросило в воздух и поставило на ноги прямо напротив принявшего самую расслабленную позу мужчины.

– Как можно, – зубы больше не стучали, а возмущение позволило, наконец, высказать собственные мысли, – как можно так обращаться со всеми? Как можно впустую тратить заряд столь уникальной магической вещи?

Последний вопрос удивил нас обоих и задан был потому, что мое внимание привлекли красные всполохи, бегущие по золотой поверхности выглянувшего из-под куртки браслета.

Дознаватель внезапно улыбнулся и невозмутимо ответил:

– Точно так же, как и впустую тратить мое время на разные глупости и бессмысленную истерику.

– Бессмысленную?

У Зверя превосходно получалось сводить все мои ощущения к возмущенной злости.

– Возможно, за вами преступники приходят каждый день в надежде убить, и вы уже привыкли, а я нет!

– Я предлагал защиту, Мышка, тогда бы тебе не пришлось дрожать, забившись в крохотную щель. Ты же выбрала глупую игру, соорудив из себя самостоятельную и независимую библиотечаршу.

– Он не мог найти меня так просто! Панель незаметна снаружи, а он шел точно к ней. И вы!

Последняя фраза прозвучала как обвинение.

– Тебя легко найти, Мышка. Аромат выдает.

Какой аромат? Я растерянно коснулась растрепавшихся волос,

поднесла прядь к носу, вдохнула, вообразив, будто сегодня сбрызнула их любимыми духами, но не ощутила даже слабого флера.

– Я ничем не пользовалась.

– Я говорю о запахе твоей кожи и волос, об аромате твоего тела. Он сильнее, когда ты боишься, Мышка.

Какие глупости! Люди ведь не звери, чтобы обладать таким же нюхом. В ответ на эту мысль само собой пришло воспоминание о платке, который схватил Призрак.

Потребовать от дознавателя мало-мальски четких пояснений помешал запрыгнувший в окно помощник.

– Ну? – требовательно спросил сыщик.

– Его нигде нет, ребята спустились на улицу и проверяют до самого тупика.

– Ушел, – постановил Зверь, даже не скрывая собственной досады, – собери всех внизу, мы возвращаемся.

Помощник кивнул и мгновенно исчез из комнаты, а я открыла рот от изумления.

– Как возвращаетесь?

– Обычной дорогой, – отмахнулся Зверь, задумчиво глядя в ночь за окном.

– Вы оставите меня одну?

– Предлагаешь провести ночь у тебя? – приподнял брови мужчина, заинтересованно оглядев мой халат, накинутый на длинную ночную рубашку.

Я невольно стиснула отвороты, запахивая ткань еще плотнее, и даже попятилась.

– Ничего такого я не предлагала, но ведь он может вернуться, – голос под конец фразы охрип и задрожал.

– Вряд ли, – качнул головой Зверь, – уже то, что он пришел за тобой так скоро, выбивается из его обычного образа действий. Второй раз за ночь Призрак не появится.

– Как вы можете знать...

Мою попытку добиться обоснованных заверений, мужчина прервал тем, что резко развернулся и сделал шаг в мою сторону.

– Кстати, маячки деактивированы, нужно снять.

– Какие...

И эту фразу окончить не успела, поскольку Зверь подхватил за талию и устроил меня на подоконнике. Пока я хватала ртом воздух, он резко сдернул халат вниз, а ладонями прошелся по моим покрывшимся

мурашками рукам. Легкий зуд, который ощущала до сих пор, тут же стих, но я едва бы разобралась в чем дело, не заметь исчезающие с кожи темные очертания скорпионов.

Скорпион! Дознательская метка, пресловутый маячок, настроенный на определённые эмоции человека и посылающий сигнал тому, кто его установил. Когда он только успел?!

– В коридоре, – поймал сыщик мой изумленный взгляд.

– Пока нахально меня ощупывали? – со злостью спросила и ахнула, а потом попыталась оттолкнуть спустившиеся на бедра наглые руки.

В ответ он лишь встал вплотную, отчего я лишилась способности бурно сопротивляться, а ткань длинной рубашки сама потянулась вверх, оголяя ноги.

С ума сойти! Эти метки оказались даже на внутренней поверхности бедер. Показалось, будто Зверь вновь изменил температуру в комнате, призвав иссушающий зной, но в этот миг дознаватель отклонился, и я смогла ощутить прохладный ночной ветерок из раскрытого окна.

Мужчина задумчиво меня оглядел, а потом остановил взгляд на губах.

– Точно, последняя, – заявил он. Я ожидала, что он протянет ладонь, но бесцеремонный родственник императора решил снять метку отнюдь не рукой. Он склонил голову, а я резко подалась назад, рискуя выпасть в окно. По лицу мужчины пробежала тень недовольства, точно его изрядно утомило мое сопротивление.

Широкая ладонь запуталась в моих волосах, вторая надавила на спину, а Зверь прижался к моим губам своими.

Даже боюсь предположить, как мы смотрелись со стороны. Я с задранной выше колен рубашкой и разведенными в стороны ногами, между которых замер главный дознаватель. Учítывая, что он крепко меня держал, пока убирал с губ жгучую метку, второй версии происходящего не могло бы возникнуть даже у самого умного сыщика.

Как и в прошлый раз мужчина отпустил, лишь когда перестала сопротивляться.

– Мышка, – обратился он негромко, проводя большим пальцем по моим губам, словно стирал поцелуй, – метки лучше снимать тем способом, каким они поставлены.

– А ин... – я сделала попытку перевести дух, поскольку дыхание сбилось, а сердце выпрыгивало из груди. Вдохнула побольше воздуха и закончила предложение, – а иначе что?

– Будет больно, – пожал плечами дознаватель и отстранился. – Я учту на будущее твое неумение целоваться, милашка, и буду лепить маячки

самым примитивным способом. Теперь нет смысла делать это тайно, я прав?

– Мое имя Миланта! – я спрыгнула с подоконника, пошатнулась и вцепилась пальцами в холодный камень. После ощутила порыв ветра и, развернувшись, захлопнула окно. Когда я повернула голову к дознавателю, собираясь продолжить беседу, а точнее, планируя высказать ему все-все про тайные методы, обнаружила комнату пустой.

– Ничего себе!

Я растерянно обвела спальню взглядом.

– Ушел? Снова вот так взял и ушел?

Я прижала ладони к щекам и обнаружила, как сильно они горят.

– Да что он за человек! Что за дознаватель такой!

И вместе с этими вопросами возник еще один: что мне теперь делать? Маячки он снял, а ставить метки сразу после того, как убрал предыдущие, нельзя. Остаточный след мог спровоцировать повторную активацию, оттого приходилось какое-то время выждать. Но если Призрак ждать не станет?

С одной стороны, в глубине души я верила выводам Зверя. Он так уверенно говорил, что убийца этой ночью уже не придет, будто располагал неопровержимыми, но недоступными мне доказательствами. А с другой, он не был на моем месте. Сегодня довелось такого натерпеться, что если бы не совершенно неожиданное поведение дознавателя, я бы точно скатилась в истерику.

Что и говорить, умел он отвлечь внимание жертвы неудавшегося покушения. А эта его фраза про примитивные способы навешивания маячков. Будто я умоляла себя поцеловать! Словно прежде должна была из уважения к кузену императора обучиться технике целования. Для неприметных библиотекарей не так много находилось желающих преподавать подобные уроки. Да что он, вообще, понимает!

Я снова возмущенно запыхтела, даже не задумываясь о том, что это все же лучше, чем замирать от страха, прислушиваясь ко вновь воцарившейся в библиотеке тишине.

Новая идея пришла в голову внезапно, и я сперва отмахнулась от нее, однако мысль оказалась настойчивой и упорно не желала прятаться обратно на периферию сознания. Директор велел искать другую работу, но уже завтра он узнает о произошедшем этой ночью. Узнает и выгонит меня. То есть даже до утра оставаться не имело смысла, можно было паковать вещи прямо сейчас. Но куда идти?

Я приблизилась к темному окну, вглядываясь в ночь за стеклом. Звезды мигали на небосводе, в окнах окружающих домов еще не горел свет.

Куда? К непредсказуемому дознавателю, который будет раз за разом делать из меня приманку для убийцы, пока кому-то из них двоих не улыбнется удача? Как мне скрыться от обоих?

Прижав ладонь к лицу, тоскливо вздохнула и отошла от окна, случайно смахнув что-то со стола рукавом. Присмотревшись, увидела закатившийся под стул камень. Я ведь хотела отдать его сыщикам! А Призрак его даже не забрал.

Подняв улику с помощью носового платка, любовалась на разноцветные блики, которые бросали россыпь радужных капель на рукав, и внезапно приняла окончательное решение. Оставалось только достать из-под кровати свой маленький потертый чемоданчик и собрать в него нехитрый скарб.

Я собралась так скоро, как еще никогда в жизни. Все накопленное богатство уместилось в чемоданчике, легко застегнувшемся на металлические застёжки. Погладив холодный металл с мелкими трещинами и потертости на выдавшей виды коже, прижала чемодан к груди, набираясь решимости. Отец тоже когда-то пустился в далекое путешествие по всей бескрайней империи, не имея ничего за душой. Шел по дорогам, неся в руке только вот эту вещицу.

Немного он заработал за это время, если измерять богатство в деньгах, но если взять другую меру, ту, что меньше всего ценится в настоящее время, то он стал великим богачом. Частью своих сокровищ он поделился и со мной, а я теперь предаю его идеалы, дрожа здесь, в крохотной камерке под крышей, цепляясь за видимое благополучие, боясь сделать лишний шаг за пределы ставшей уютным прибежищем библиотеки. Довольно! Зверь очень точно меня оценил. Мышка, всего лишь серая невзрачная и пугливая мышка. Я умею гораздо больше, я знаю гораздо больше, и я добьюсь большего, если только вырвусь за пределы своей тюрьмы-убежища, и никому не позволю управлять своей жизнью.

Напутствуя себя таким образом, только чтобы избавиться от гложущего чувства страха, я решительно отворила дверь и сбежала по черной лестнице до первого этажа. Охрана стояла на дверях главного входа, а со стороны заднего двора была еще одна дверь, обычно запертая на замок. Где находился ключ, я знала, а потому теперь тихонько вставила его в замочную скважину, провернула два раза и протяжно выдохнула, когда услышала щелчок. Дверь поддавалась без усилий, оставалось только тихонько притворить ее за собой, прежде чем шагнуть в пугающую неизвестность.

Не думаю, что успела уйти далеко, хотя в переплетении маленьких

улиц, примыкающих к зданию библиотеки, я разбиралась неплохо. Свернув в противоположную от тупика сторону, отправилась в направлении утреннего рынка, а не дойдя до него пару кварталов, свернула несколько раз и вдруг очнулась в незнакомой подворотне.

Сориентироваться оказалось сложнее, поскольку улицы не освещались фонарями, однако не это беспокоило меня в данный момент. Неприятное щекочущее чувство возникло внутри – предвкушение пока еще не осознанной беды. Проанализировав то, как то и дело стремился раскрыться в широком зевке рот, а глаза приходилось непрерывно тереть, чтобы не слипались, я осознала, что помимо прочего ноги заплетались точно у пьяной, а руки ломило под тяжестью легкого чемодана. Усталость навалилась внезапно и пришлось прислониться к ближайшей стене. Колени подогнулись, и я медленно сползла вниз, устраиваясь на корточках. Последняя мысль была о том, что сон буквально свалил с ног.

ГЛАВА 3

Как же сдавило виски и в ушах так гудело. Качнув головой, ощутила еще большую тяжесть, ноющую, давящую, она обручем охватывала голову. Что со мной?

– Ох-х!

Я тяжело выдохнула и сжала зубы, когда резкая боль прокатилась по всему телу, стоило лишь раскрыть глаза. Вокруг было темно, ничего не видно, я сидела на чем-то твердом, прислонившись спиной к стене. Заведя руку назад, ощупала стену и поняла, что это дверь, старая, деревянная, разошедшаяся в мелкие трещинки.

Ладонь сместилась ниже и ощутила шершавый камень, а затем гладкий, отполированный подошвами чужих ног порожек, на котором я и примостилась, точно нищенка на паперти.

В голове всплыла последняя сцена, как шла, шатаясь, словно пьяная, как сползала вдоль стены, придавленная неподъемной тяжестью, а глаза закрывались сами собой.

Меня усыпили!

Я знала только одного мерзкого типа с волшебными браслетами, кому невыгоден был мой побег. Зверь мог просчитать, что я перепугаюсь до смерти и не пожелаю остаться в библиотеке до утра, опасаясь новой встречи с Призраком. Да-да! Несмотря на все заверения дознавателя, у меня до сих пор от дурных предчувствий сжималось сердце и по коже пробегал холодок.

Где я теперь? Утро еще не наступило, а вокруг узкая темная подворотня, за спиной дверь в чужой дом. Повернуть ли назад, пытаясь выбраться в более освещенное место, или лучше следовать вперед, надеясь, найти выход там?

Что это? Чьи-то голоса.

Мерный басовитый гул приближался, постепенно складываясь в слова, а я сжалась в маленький комочек, подтягивая к груди чемоданчик. Ничего хорошего от встречи с беседующими людьми в непроглядной тьме старой подворотни я не ждала. Этот район не относился к богатой процветающей части города. Я ведь нарочно, убегая, юркнула в грязные извилистые улочки, желая затеряться и уйти от возможной погони.

Затерялась.

– Не нравится мне это, – слова теперь прозвучали отчетливо, а

от тяжелой поступи земля ощутимо подрагивала.

– Ты о том, что ищейки шарились по улицам? – спросил чей-то хриплый скрипящий голос. – Тебя искали?

– Не меня, но с ними был Зверь, а этот кого хочешь учует. Нужно делать ноги.

– Всадить бы нож ему промеж лопаток, – злобно процедил обладатель скрипящего голоса.

– Не подберешься, – в тон ему ответил второй, отчего я зябко поежилась и с трудом перевела дыхание.

– Ш-ш-ш, там кто-то есть.

– Где? – скрипучий тон простого вопроса заставил волосы на коже подняться дыбом.

– Там, дальше.

– Ищейки? – шепотом уточнил второй, а потом раздался шорох, словно что-то металлическое и очень острое вытягивали из старых ножен.

Последний вопрос остался без ответа, но шаги зазвучали приглушенно, превратившись в осторожные, крадущиеся, приближающиеся ко мне. Сердце забилося от нового страха, пальцы сжались со всей силы на ручке чемодана, а кожа в яремной впадинке вдруг зачесалась и захотелось провести по ней ногтями, избавляясь от зуда.

– Кто бы там ни был, он один. Сейчас познакомимся, – шепот прозвучал зловеще и совсем близко, а шаги замерли в метре от меня. А потом я содрогнулась от резкого залихватского свиста, прокатившегося от одного конца подворотни до другого. И не я одна перепугалась, люди, еще недавно горевшие желанием со мной познакомиться, громко выругались.

– Ловушка! Уходим!

И они ринулись прочь, в противоположную сторону, а потом вдруг тишина вокруг взорвалась сотней звуков: бранью, воплями и веселым выкриком: «Ату их!»

Я узнала этот голос, и скованное страхом тело мгновенно подбросило вверх. Подхватив чемоданчик в одну руку, положила вторую на шершавую стену и, торопясь, поспешила в сторону второго выхода.

Шум и перебранка за спиной отдалялись, и я прибавила ходу, почти переходя на бег. Когда рассмотрела чуть светлеющий проход между темных стен, бросилась к нему, уже не таясь, и с ходу влетела в перегородившую путь выступившую из-за угла фигуру.

– Мышка, – шепнули на ухо мужские губы, а руки крепко стиснули в объятиях, – я почти успел соскучиться.

Я уронила чемодан, метя попасть по его ноге, но дознаватель только

извернулся, уклоняясь от «снаряда», а рук не разжал.

– Почему вы не в той стороне? Я слышала вас там! – выдохнула разочарованно, а потому еще более возмущенно.

– Они справятся, – заявил сыщик, имея в виду своих подчиненных, – а у меня другая задача.

И он вдруг стремительно присел на корточки, а через секунду я взвизгнула, повиснув вниз головой на его плече.

Голос пропал мгновением позже, как и способность сопротивляться. Я висела безвольным кулем, пока Зверь утаскивал в неизвестном направлении. В ушах шумело, в глазах потемнело и вся кровь прилила к голове, а потом резко отхлынула, когда меня закинули внутрь черного экипажа, на одно из мягких сидений. Запах кожи в широком пространстве кареты мешался с легким ароматом мужских духов.

Только хлопнула дверца, как экипаж покатиł вперед, а кузен императора быстро задернул шторы на окнах, погружая пространство вокруг в еще больший полумрак. На улице уже можно было разглядеть очертания домов, и небо постепенно светлело.

Ощувив, что ко мне вернулась подвижность, я тут же раскрыла рот, собираясь закатить настоящий скандал, а Зверь мигом затянул к себе на колени и, сковав мои запястья своей рукой, быстро прижался губами к яремой впадинке.

– Ай! – я забилась, стараясь вывернуться, когда кожу начало жечь и колоть сотней иголок.

– Именно так бывает, если снимаешь метку иным способом, не тем, каким поставил, – хмыкнул Зверь.

– Она жжется, жжется. Больно!

– Маленькое наказание строптивой мышке не повредит.

Я всхлипнула. После всех событий безумной ночи ещё и метка обжигала.

– А не нужно было сбегать.

Второй всхлип прозвучал ещё громче.

– Глупо, мышка.

Я проглотила очередное рыдание только затем, чтобы выдавить из себя:

– Вы поставили метку, после того, как сняли другие. Она могла прожечь мне кожу! Вам, вам плевать...

– Ш-ш-ш.

Зверь повел рукой, и жжение прекратилось, тёмные размытые очертания скорпиона окончательно пропали с кожи.

– Эта метка не активировалась в прошлый раз, зато сработала в этот. Так случается, когда ставишь одну в стороне от остальных. Если метки срабатывают все разом, реагируя на нужную эмоцию, они «поджигают» друг друга благодаря близкому расположению, а вот одна маленькая и одинокая может остаться незадействованной.

Удивление вновь перекрыло желание плакать. Никогда не слышала о подобном методе. Зверь просто мастер! То-то он мне все бедра этими метками покрыл, куда дотянулся.

- А на губах? – возмущенно вскрикнула, ловя его на обмане.
- Там не было метки, – как ни в чем не бывало отозвался дознаватель.
- У вас кошмарные методы и сам вы кошмарный!
- Зато не даю тебе скатиться в истерику, мышка.

Да уж, ужас прошедшей ночи отступал перед изумлением от действий более чем странного сыщика.

- Отвезите меня в библиотеку.
- Ты оттуда сбежала.
- Теперь хочу обратно.
- Обратно не выйдет.
- Почему?
- Ты самое ценное, что у меня есть. Мышка, я везу тебя к себе.
- Куда?!

– Сперва хотел во дворец, но передумал. Там защита слишком хорошая, Призрак не проберется. Для этого особенного случая я решил открыть свой городской особняк. Так что привыкай звать меня «дорогой Кериас», отныне ты моя любовница, милашка.

- Я вам не любовница!
- От возмущения перехватило дыхание.
- Я могу это доказать.
- Что?

– Ночь, безлюдные улицы, закрытая карета, а ты сидишь у меня на коленях и едешь ко мне домой.

Я тут же сделала попытку сползти с мужских колен, но безуспешно. Его руки не только удержали, но еще и стиснули крепче, взметнув в душе целую бурю чувств, но перекрыло их чистое негодование.

– Я не стану вашей любовницей! – практически по слогам заявила дознавателю, ткнув пальцем ему в грудь.

- Нет, не станешь.

И все же он обладал поистине уникальной способностью сбивать меня с толку, находя именно те слова и фразы, которые воздействовали на

эмоции и меняли их полюс.

– Нет? – уточнила растерянно.

– Нет, – заявил мужчина, а в полумраке кареты блеснули приоткрывшиеся в усмешке зубы. – А ты разочарована?

Снова раздражение начинало клокотать, настойчиво требуя выхода.

– Вы сами только что сказали...

– Привыкать звать меня «дорогим Кериасом». Это значит, играй на публику, Ми-лан-та, – и опять усмешка, – видишь, я запомнил.

– Ненавижу! – сорвалась.

Стукнула кулаками ему в грудь, как могла сильно.

– Просто ненавижу! Что за отвратительная манера издеваться надо мной и помыкать, как вам заблагорассудится?

– Я всеми помыкаю, Мышка, работа такая, – пожал плечами Зверь, проигнорировав и мои слова, и беспорядочные удары. Единственным знаком, что он заметил мой протест, стала долгожданная свобода. Меня выпустили из капкана рук и пересадили на сиденье напротив.

– Ты можешь отказаться, – развел он ладони в стороны, будто демонстрируя, что в данный момент вовсе не пытается воздействовать на меня, хотя именно этим и занимался. – Если продолжишь настаивать, так и быть, верну в библиотеку, но ситуацию это не изменит. Дальнейшее сможешь нарисовать в своем воображении. У библиотекарей ведь богатое воображение? Даже не будучи сыщиком легко предположить, как все будет развиваться дальше. Например, ты останешься без работы.

Я вскинула голову.

– Конечно, знаю, – ответил он на молчаливый вопрос и продолжил в той же спокойной манере, – Призрак, крадущийся по пятам, поиск нового места, грязные подворотни...

– Вы мне угрожаете?

– Зачем? Не я собираюсь устраивать для тебя такую жизнь, ты сама.

Хотелось, очень хотелось ответить резко, а еще грубо. Оборвать его, бросить в лицо какую-нибудь гордую, но совершенно пустую и бессмысленную фразу о том, что справлюсь и обойдусь без его помощи, без его сомнительных сделок. А потом дрожь пробежала по телу, когда вспоминала, точно наяву, лицо Призрака, его взгляд, прожигающий старое дерево, зловещий шепот невидимых в темноте подворотни людей, шорох вынимаемого из ножен кинжала.

– Что предлагаете вы? – я думала, язык не повернется спросить, но инстинкт выживания оказался сильнее и гордости, и отчаянного желания свободы.

– Дам, что пожелаешь, в обмен на сотрудничество.

Какое смелое, наглое заявление, как раз в его духе. А самое обидное, оно было произнесено совершенно ровным тоном без бахвальства. Ну что может потребовать невзрачная библиотекарша от кровного родственника императора, чего он не смог бы выполнить? Ни-че-го. Я и сама это поняла.

Взгляд прогулялся по темной фигуре напротив, не различая черт, но невольно задержался на руке, той самой, где на запястье плотно сидел массивный золотой браслет. В горле пересохло от волнения. Но я не умею пользоваться накопителями. Ведь даже если потребуется, то к нему в довесок нужен целый курс по управлению опасной энергией, иначе и до несчастного случая недалеко. Но...

Не было ни школ, ни магов, преподающих основы управления энергией накопителей, да потому что сами магические вещицы были невероятной редкостью. А как иначе, если от тех же магов люди держались подальше, боясь их, точно самых страшных существ на свете. А ведь они тоже были людьми в каком-то смысле. Я только сейчас об этом задумалась. Прекрасно понимала, отчего было организовано закрытое поселение, отчего маги не допускались в человеческое общество, и лично испытала магическое воздействие. А разве кому-то может понравиться, если на любой твой протест следует взмах рукой, и вот ты уже свисаешь вниз головой с широкого плеча, а вымолвить и слова не в состоянии. Однако они все же были людьми.

Зверь, например, пусть и пользовался накопителями, заряженными чужой силой (бездарно, на мой взгляд, расходуя ценную энергию), но тоже был живым, обуреваемым желаниями человеком. Одержимым своей работой, целью отыскать самого неуловимого и загадочного убийцу, переиграть давнего противника. Я была средством, но невзирая на это, даже в чем-то понимала его, ведь и сама страдала от болезни под названием «Любимая работа». Да, он был живой, от его тела исходило тепло, веяло настоящей силой, он мог дать мне защиту. А в ответ маленький риск – возможность погибнуть в процессе ловли Призрака.

Я вздохнула глубоко, а выдох вышел чуточку печальным, не равнодушным, как хотелось бы.

– Я ведь правильно понимаю, вы предлагаете мне работу, – пользоваться его щедрым предложением следовало прямо сейчас.

– Верно, – его голос звучал без привычной насмешки, словно Зверь... хотя нет, Кериас, открыл во мне что-то новое, что-то, позволившее ему заговорить со мной нормальным тоном, как с человеком, не с пугливой дрожащей мышкой.

- Я хочу получать за эту работу соответственное жалование.
- Соответственное?
- Моя работа сопряжена со множеством рисков, а главный – лишиться жизни в случае провала операции. Посему оплата должна быть соответственно высокой.
- Будет, – пообещал дознаватель.
- Крышу над головой вы мне уже предложили, так что с этим вопрос временно решен. Однако после того как выполню все ваши условия, не хотелось бы оказаться на улице. Мне нужна... нужна будет квартира. Моя собственная.
- Без проблем, – коротко пообещал родственник самого императора, как показалось, улыбнувшись в темноте.
- И оформите все это в письменном виде, пожалуйста, и официально заверьте.
- Исполню, – смеялся он про себя или нет? Голос звучал ровно.
- И в нашем с вами сотрудничестве воздержитесь от магического воздействия на меня, от этих ваших методов давления. И я бы предпочла обойтись без физического контакта, за исключением моментов, когда это действительно необходимо. Могу ли я поинтересоваться, почему именно любовница?
- Самое простое объяснение для окружающих, почему я всегда держу тебя рядом с собой, и никаких обязательств друг перед другом в дальнейшем.
- Меня это устраивает, – я невольно передернула плечами и сложила руки на груди.
- Тогда договор и все прочие документы ты получишь уже утром.
- Я заметила, как он протянул руку и, колебавшись мгновение, вложила в нее свою ладонь.
- Так приятно иметь дело с разумными библиотекарями.
- Его пальцы пожали мои, задержали на секунду, согревая теплом широкой ладони, и выпустили.
- При второй встрече, вы называли меня глупой.
- С тех пор наметился большой прогресс, – хмыкнул несносный мужчина и вдруг добавил, – а теперь мы едем к Амели.
- Куда?
- К той волшебнице, что сделает из тебя сногшибательную любовницу.

От усталости я едва не уснула на подъезде к волшебнице. Голова

запрокинулась на удобную спинку сиденья, а потом медленно съехала вдоль кожаной обивки и оказалась лежащей на чем-то более твердом и жестком, оказавшемся плечом моего новообретенного любовника, который сам меня и стянул.

– Приехали, – известил Зверь, когда я, сонно моргая, сделала попытку определить собственное местонахождение и обнаружила себя на руках дознавателя.

– Почему все-таки любовница? – зевнув, выдала уже заданный прежде вопрос. Ясно, что не в моих интересах было заставлять его передумать, от щедрых предложений в плачевном состоянии не отказываются, но все же новая роль несколько нервировала.

– А кто, Мышка? – он поставил меня на ноги, поднял медный молоток и ударил по окрашенной красным лаком двери. – Для кого бы еще я открыл собственный особняк и сам поселился рядом?

– Ведь могли пойти по иному пути, объяснить, что оберегаете свидетельницу.

Спина ровно не держалась, как и ноги, а побеленная стена, соседствующая с лакированной дверью, показалась заманчивой и вполне надежной опорой для уставшего тела. Навеванный сон, к сожалению, не наполнил его свежестью и бодростью, скорее, еще больше вымотал.

– Ты плохо знаешь людей, которые хорошо знают меня.

– Что?

– Есть такие доброжелатели, которые рассчитывают на скандальный провал этого громкого дела.

Иными словами, мечтают, чтобы Зверь проиграл. Могу их понять. Что что, а «располагать» к себе имперский родственник умел.

– Уберут тебя с дороги, Мышка, и спугнут мою добычу, – буднично закончил Кериас, дав понять, что игра, в которую я ввязалась, является еще более запутанной, чем показалось вначале.

– А... – вопроса, призванного вытянуть подробности об этих самых «доброжелателях», не последовало, поскольку дверь наконец-то распахнулась, едва не припечатав меня к стене. Рука дознавателя перехватила и удержала створку на полпути, а улыбка, возникшая на лице мужчины, вызвала сильное удивление, которое меня порядком встряхнуло.

– Амели-и, – протянул Кериас столь низким и чувственным голосом, что я тут же постаралась разглядеть обладательницу этого имени прямо сквозь перекрывающую обзор деревянную преграду.

– Ох, – сдавленный стон выражал равную степень радостного изумления и удовольствия, – милорд! В столь ранний час! Умеете вы быть

неожиданным.

Это он точно умеет.

– Прошу вас, проходите, – защебетала хозяйка, оправившись от удивления, – что я могу для вас сделать?

Фраза прозвучала многообещающе и еще не была закончена, когда меня молниеносным движением вытянули из-за двери и, крепко держа за плечи, сунули чуть ли не под нос вновь изумившейся Амели.

– Ааа, – протянула миловидная брюнетка лет тридцати пяти в наспех накинутом на плечи роскошном пеньюаре и быстро окинула мою фигуру цепким профессиональным взглядом, – желаете подобрать платье?

– Желаю подобрать все! – на этой сакраментальной фразе меня толкнули прямо в просторную прихожую.

Я не слишком внимательно осматривалась в роскошной гостиной с золотой лепниной на потолке, огромным камином и зеркальным паркетом, удовлетворившись тем, что в нишах возле эркерных окон стояли удобные диваны. Заметив, как мой сиятельный любовник вольготно устроился на одном из них, улыбаясь порхающей вокруг гостя Амели, я рухнула на другой, стоявший чуть поодаль, и проигнорировала брошенный мельком взгляд дознавателя.

Знаю, что согласилась, но можно отложить исполнение новой роли до того момента, когда я выплусь? Ответного взгляда Кериасу хватило, чтобы он уловил мое настроение и, ласково взяв хозяйку за руку, что-то ей шепнул. Думаю, это было нечто из разряда: «Моя спутница ужасно ревнует, моя волшебница, даже не желает делить со мной этот диван. Не стоит ли начать примерку?» По крайней мере, выразительную гримаску на лице Амели я заметила и мелодичный смех, в меру веселый, под стать шутке, услышала. А после хозяйка испарилась из гостиной и явилась обратно спустя несколько минут, которых мне не хватило, даже чтобы собрать остатки сил, открыть рот и что-нибудь сказать императорскому родственнику, закинувшему ноги на заботливо подставленный пуфик, а спину на возникшие из ниоткуда подушки.

Оказалось, Амели использовала эти несколько минут, чтобы облачиться в наряд королевы и соорудить на голове прическу, точно для выезда на бал. Из только что проснувшейся феи с длинными распущенными волосами (которые, к слову сказать, не были ни растрепаны, ни всклокочены, а лежали блестящими волнами на белых, выглядывающих из-под пеньюара плечах), она превратилась в царственную особу, с горделивой осанкой и повелительным взглядом темных глаз.

– Дорогая, – это обращение относилось ко мне, – пройдите вон за ту занавеску, вами немедленно займутся.

Жест и тон оказались такими выразительными, что согнутые колени разогнулись сами собой, а гудевшие ноги выпрямились и отнесли меня за упомянутую занавеску, и только там я задумалась, как сюда дошла.

– Я уже разбудила девочек, милорд, – донесся из гостиной немного приглушенный музыкальный голос, – они сейчас же спустятся и займутся вашей, ммм, подопечной.

– Миланта не подопечная.

– Ооо, – тихонько протянула Амели, – прошу прощения, милорд.

Понимать намеки, завуалированные сдержанным тоном, хозяйка умела.

– Какого превращения вы желаете?

– Такого, на какое вы способны, моя волшебница.

Моя? Пф! Какая жалость, что у нее в гостиной нет большого и удобного стола, как у него в кабинете. Им же неудобно беседовать в привычной для Зверя манере.

– Девочки не подведут, а я отдам им соответствующие распоряжения. Так рано в доме находятся лишь Жюли и Мартина. Вы ведь помните малышей?

Наверное, в ответ последовало пожатие плечами, поскольку голоса дознавателя я не слышала.

– Ах, милорд! В который раз убеждаюсь в жестокосердии мужчин, – заворковала Амели, умело пользуясь богатым тембром голоса и приглушенным, почти интимным тоном, – Жюли была в вас влюблена, а малышке Мартине вы всегда ужасно нравились.

– Жюли? – протянул сыщик, явно напрягая память.

– Вы не помните! – притворно досадуя, воскликнула хозяйка.

Конечно, не помнит, у него плохая память на женские имена, а может и на лица, поэтому он предпочитает запоминать на ощупь.

– Ах, коварные мужчины!

К чему вся эта болтовня?

Оказалось, болтала мадам лишь для того, чтобы лестью и заигрываниями развлечь своего раннего посетителя, дабы он не досадовал на ожидание помощниц, которые, по логике, сами обязаны ждать прихода клиентов. Я слышала их приближение, поскольку мою комнатку отделяла не одна, а две занавески. Наверное, это было нечто вроде примерочной, с одной стороны, примыкавшей к гостиной, где проводился показ всего, что предполагалось выбрать и купить, а с другой стороны выходявшей в

мастерскую, куда, щебеча, и впорхнули пташки мадам Амели.

– Кериас, – услышала я приглушенный вздох.

– Он, точно он!

Вероятно, девушки посмотрели в замочную скважину, поскольку в гостиную выходило несколько дверей. Одна вполне могла вести в мастерскую.

– Мадам лишь сказала, что пришел клиент.

– Как же давно он не появлялся.

– Ох, Жюли, только не говори, что до сих пор страдаешь по милорду. У тебя ведь есть Лоран.

– Я не говорила, – приглушенно вздохнули за занавеской, одним этим вздохом подтверждая все мыслимые и немыслимые страдания.

– Ой!

– Что?

– Мадам помогает ему снять куртку, а он сегодня в форме.

Я задумалась над тем, что они назвали формой. При наших встречах дознаватель всегда носил черную кожаную куртку и того же цвета брюки. А сегодня я и вовсе не запомнила его одежды.

– Ах!

От этого восхищенного возгласа даже усталость стала отступать, зато накатило понимание, что я, жутко утомленная, жду, когда ко мне хоть кто-то заглянет, чтобы со всем рвением взяться за навязанную роль любовницы, а там мадам воркует с притащившим меня сюда мужчиной, а помощницы вовсю им любят.

– Какие у него мускулы! – раздалось за занавеской.

– Ты даже не представляешь, – мечтательно протянула Жюли, – они такие твердые и сильные.

Сильные мускулы, очень поэтично.

– Форменная майка очень выразительно обтягивает его грудь, а без куртки можно полюбоваться руками. Как хорошо, что дознаватели не носят модных нынче просторных рубашек. В них совершенно невозможно рассмотреть весь этот идеальный рельеф.

Светлые боги! Вы там только слюной не захлебнитесь или от разрыва сердца не умрите, а то мой приезд и потерянное время окажутся напрасными.

– На ощупь еще лучше, особенно когда проводишь по ним кончиками пальцев или губа...

Я что-то уронила. Случайно. Просто в полном отчаянии запрокинула голову и отступила подальше от занавески, а в итоге сбила манекен, с

грохотом повалившийся на пол. Зато напомнила о своем присутствии сразу всем.

Мадам оказалась в примерочной даже быстрее своих помощниц.

– Что это такое? – всплеснула она руками, явившись пред мои очи разгневанной хозяйкой, – почему они до сих пор не приступили к работе? Девочки!

Красные, пылающие точно маков цвет девочки, осознавшие, что клиентка находилась в метре от них за тонкой занавеской и все слышала, медленно вплыли в примерочную, где тотчас же стало жутко тесно.

– Если вы немедленно не займетесь нашей очаровательной гостьей, – благосклонный и чуточку извиняющийся взгляд в мою сторону (раз не просто подопечная, можно проявить больше почтения, вдруг я снова к ним милорда привезу), – я вам тотчас же подпишу расчет!

– Мадам! – девицы раболепно склонили хорошенькие головы, а Амели чуточку смягчилась.

– Приступайте. Полный набор услуг, без исключений, а я займу на это время милорда.

Занимать милорда пришлось полдня. Уж не знаю, как с этим справилась радушная хозяйка, но ее девочки приступили к своим обязанностям с таким рвением, что я поняла смысл слов «Полный набор» как разрешение довести клиентку до полного изнеможения.

Начиналось все неплохо. Разом превратившись в молчаливых, сосредоточенных мастериц своего дела, помощницы мадам увели в другую комнату, раздели и усадили меня в наполненную ароматной пеной горячую ванну.

Роскошь! Как же давно я не испытывала подобного удовольствия. В волосы втирали какие-то масла, тело растирали мягкой губкой, а потом заставили выбраться из настоящего благоухающего рая и приступили к пыткам. На кожу лился теплый воск, а мои крики и мольбы о помощи ни на йоту не поколебали решимости привыкших к угрозам и более сиятельных посетительниц девочек. Они удаляли с меня все лишние волоски с таким остервенением, словно являлись помощницами палача. И прекратилось все, лишь когда ни единого признака лишней растительности на теле не осталось.

За этим разгоряченной, покрасневшей кожи коснулась охлаждающая мазь с легким ментоловым запахом, а я от облегчения выдохнула и удивленно наблюдала, как поверх синей субстанции начинают разворачивать пленку.

– Волосы не будут расти еще очень долго, – сделала пояснение та девушка, которую, судя по голосу, звали Мартина. Обмотав меня пленкой и решительно усадив на деревянный табурет, она начала наносить на волосы нечто тягучее и липкое.

– Оно смывается? – с подозрением уточнила у сосредоточенной Жюли, которая только кивнула в ответ, не сочтя нужным пояснить, смывается ли маска просто с волос или вместе с ними.

Я всегда была достаточно терпеливой и сдержанной, по крайней мере, считала себя таковой и даже не предполагала, что могу громко ругаться и требовать меня отпустить, не имея возможности вырваться из рук хрупких с виду девушек.

Сейчас мне дико не хватало магического браслета, способного отбросить на расстояние не менее километра двух садисток, принявшихся с помощью жестких мочалок и кремов с мелко истолченными косточками снимать с меня верхний слой кожи.

Потом снова была охлаждающая мазь, притупившая болезненные ощущения и позволившая перевести дух, и я в мыслях уже несколько раз казнила Кериаса, очевидно, потребовавшего превратить меня в красотку за один день.

Помощницы мадам Амели знали свое дело. Они не пропустили на моем теле ни единого крохотного участка: голова, плечи, руки, спина, живот, ноги, ногти, уши, даже глаза, которые чем-то закапали и... что там еще имелось в наличии?

Я потеряла счет всем втираемым в меня мазям, кремам, краскам и прочим жидким, сыпучим, тягучим и иным веществам.

Самой приятной из всех процедур стал массаж на завершающей стадии, когда я уже и ругаться перестала, а послушно позволяла делать все, что им заблагорассудится, лишь бы закончили побыстрее.

– Теперь подберем одежду, – тоном читающей проклятие ведьмы произнесла Жюли.

Захотелось жалобно умолять их отпустить меня с миром и совершенно голый, но помощницы, вышколенные самой мадам Амели, не поддались бы на уговоры и подкупить их было нечем.

– Мадам дала пояснения относительно фасона, цвета и тканей, – решила проявить милосердие Мартина, точно обещая скорое избавление, – у нас есть заготовки.

Эти слова были последними, предшествующими затяжному сосредоточенному молчанию, когда меня поставили на стул (как я умудрилась простоять на нем все время? Может потому что меня грозились

исколоть булавками, если пошевелюсь, а продлевать испытанные уже мучения не хотелось) и принялись подносить одну ткань за другой: бархат, хлопок, шелк, вельвет, гипюр, кружево, креп, парча, тафта, муслин. Всех мыслимых и немыслимых цветов.

Я это выдержала. Не знаю как, но выдержала. И даже не пикнула, когда меня стали обряжать в готовый наряд, начав с нижнего тончайшего белья из шелка и кружев, затем натянув на ноги чулки, после заставив меня просунуть руки и голову в вырез тонкой батистовой сорочки, затем – необычное бюстье, наверняка разработанное самой мадам, обрисовавшее и поднявшее грудь так, что я заслужила одобрительное хмыканье Мартины.

На спине жесткий каркас стянули шнуровкой. Это был не корсет, но спина у меня тут же выпрямилась, а плечи мгновенно ушли в стороны, пытаюсь соответствовать горделивой осанке. Платье я заметила на спинке стула, и его очертания уже расплывались перед глазами. В памяти отложилось, что оно было насыщенного лавандового цвета с гипюровыми вставками.

– Волосы, – коротко скомандовала Жюли, и они вместе с Мартиной, вооружившись щетками, напали на мою уже очищенную ото всех кремов, мазей и красок шевелюру и расчесывали, пока пряди не начали искриться.

– Лицо, – этот приказ означал начало преображения непосредственно лица, но косметики на него положили на удивление мало. Пуховка с ароматной пудрой слегка пробежалась по лбу, носу, щекам и подбородку. Мне оставалось только гадать, отчего я отделалась так легко, избежав даже втирания маскирующего крема. Разве только после всех притирок выравнивать цвет уже не имело смысла.

– Ресницы, – тут меня ждало новое испытание, поскольку мои родные были признаны недостаточно длинными, густыми и черными и просто красить их никто не собирался.

Пришлось лечь на кушетку и терпеливо ждать, пока Мартина нанесет нечто густое и странно пахнущее на каждую ресничку правого глаза, а Жюли – левого. А потом, я готова поклясться, ощутила, как ресницы растут. В гудящую голову пришла несуразная мысль, которая умудрилась укорениться в мозгах лишь благодаря вскользь брошенному Зверем «Волшебница» – мадам Амели использует непростые крема.

Сколько же стоят ее услуги?

Хотя какая мне разница? Я не настаивала на роли любовницы, а человек, который может позволить себе магический накопитель, не разорится от покупки нескольких нарядов и от дюжины волшебных процедур. Не напрасно мадам работает и процветает, значит, знает толк в

своем деле и удовлетворяет требования клиентов, иначе ее давно бы наказали за использование созданных магами препаратов. Как она их покупает? Какой-нибудь канал контрабанды? Бред! Или не бред? Кажется, я очень многого не знала о взаимодействии людей с магами, пока не столкнулась с представителем сильных мира сего.

– Волосам не хватает блеска, а цвету насыщенности, – сдержанно заметила Жюли – она была сама сдержанность во время проведения процедур – и принялась снова втирать что-то в волосы, а затем расчесывать.

Когда меня обрядили в платье, на ноги надели удобные туфельки на невысоком каблуке, я решила, что все закончилось и вот сейчас обрету желанную свободу, но девушки принялись придирчиво оглядывать со всех сторон, затем втерли в губы бальзам из тонкого тюбика, пригладили брови с помощью щеточки, с нанесенной на нее пенкой, зачем-то припудрили уши, шею и руки, а потом заставили меня еще полчаса выдерживать пытку прической. Ее сооружали так старательно, словно готовили новую содержанку милорда к выходу в свет (я не сомневалась, что были и старые, с прочно забытыми именами, которых он приводил к мадам «как же давно»). Волосы немного начесали и забрали в высокий хвост, скрепив его заколкой, а потом тщательно расчесывали каждую прядку, спуская на спину или плечи в кажущемся творческом беспорядке (если только можно тщательно организовывать беспорядок).

– Готова, – бесцветно произнесла Жюли.

– Все как пожелала мадам, – более эмоционально добавила Мартина.

Интересно, я теперь и правда соответствую высокому званию любовницы милорда дор Харон амон Монтсеррат? Судя по взгляду девушек, все же соответствую, и теперь за нищую благодетельствованную подопечную меня не примут.

– Прошу вас, – повела рукой Жюли, приглашая следовать из комнаты пыток в примерочную, а оттуда – на суд зрителей.

ГЛАВА 4

Я прошла по заданной траектории, очень стараясь не отклоняться, и остановилась перед занавеской, за которой было настолько оживленно, что не возникало сомнений – мадам превосходно справляется с развлечением милорда. И я вдруг вспомнила, что забыла посмотреть в зеркало.

Девушки отдернули занавеску и, подхватив под руки, вывели меня в гостиную, в которой резко воцарилась тишина.

Первая мысль – со мной что-то не так. Девочки мадам Амели что-то сотворили с лицом! Они как-то...

Громкий выдох оборвал тонкие ниточки мыслей, и я замерла.

Выдохнула сама мадам, так отреагировав на мое появление. Показалось, она хотела вскочить с дивана, на котором устроилась рядом с Кериасом, но, совершив первое спонтанное движение, Амели осталась сидеть, только повернула лицо к Зверю, старательно пряча под внешней невозмутимостью собственную растерянность.

Тогда и я решилась посмотреть на хранившего молчание целую минуту милорда.

Он смотрел холодно и пристально, и холод во взгляде, если его усилить магическим накопителем, мог бы меня заморозить.

– Что это? – колючие льдинки его тона полетели напрямик в мадам и, имея она возможность, закрыла бы порозовевшее личико руками, чтобы острые ледяные края не поцарапали нежную кожу.

– Это... эта... Как вы просили.

Она позабыла добавить игривости в тон и сильно сжала ладони. Девочки рядом со мной переглянулись и быстренько отступили, только занавеска колыхнулась вослед.

– Я просил привести ее в подобающий вид и подобрать нужные наряды. А это что?

– Эффект, – мадам откашлялась и все же решилась подняться, чтобы приблизиться ко мне, – эффект действительно неожиданный.

Кажется, Амели подошла не столько рассмотреть, сколько желая отгородиться от сыщика моей замершей фигурой.

Где же зеркало?!

– Что вы хотели, милорд? – мадам оказалась подальше от дознавателя и несколько овладела собой, – иногда, берясь огранить алмаз, не можешь предугадать, как он засверкает в форме бриллианта. Эффект, про который

вы спросили, называется «Перламутровая кожа». Стандартная процедура, которую выбирают многие клиентки, она позволяет коже приобрести белизну и бархатистость. Очень редко, крайне редко, позвольте заметить, достигается результат, подобный этому. Все зависит от структуры кожи.

Кериас молча поднялся и тоже приблизился ко мне, они с Амели оказались по обе стороны баррикады, которой я и являлась.

– Перламутровая? – чуть ли не по слогам и очень отчетливо уточнил сыщик.

Мадам сглотнула и быстро кивнула, подтверждая его слова, а ладонь сыщика легла на мое обнаженное плечо и провела сверху вниз, задержавшись на запястье. Пальцы легко обхватили его и подняли, поднеся почти к мужским губам. Мне показалось, еще секунда и он прижмется ртом к голубой быстро-быстро бьющейся жилке, но Кериас лишь рассматривал кожу.

– Видите, это естественное сияние. Нам с непривычки оно бросилось в глаза. У девушки чудесная кожа, которая всего лишь страдала без должного ухода, огрубела, пожелтела, теперь она вернула свой натуральный цвет, впитала целебную силу снадобий. Дотроньтесь еще раз, она стала бархатистой на ощупь.

Мадам окончательно овладела собой и принялась расхваливать «товар», а Зверь не заставил просить себя дважды, провел рукой до шеи, попутно лаская пальцами, и подхватил упавшую на ключицу прядь волос.

– Вы покрасили ей волосы.

– Подобрали цвет, наиболее гармонирующий с конкретным цветотипом внешности. Этот эффект мы называем «Шелковым каскадом».

Кериас пропустил прядь сквозь пальцы и поднес ближе к лицу.

– Пахнет, как прежде, – тихо заметил сыщик, а мадам продолжала разливаться соловьем.

– Почувствуйте, какими мягкими стали волосы, какими гладкими! Это цвет густого темного шоколада. Тягучего и пряного, как само желание.

И прежде чем сыщик коснулся какой-то еще части моего тела, Амели сама развернула меня лицом к нему, чуть ли не втолкнув в мужские объятия, да еще подняла голову за подбородок.

– Этот цвет изумительно оттеняет ее глаза. Они кажутся большими, бархатистыми, как у пугливой лани, милорд. Их блеск может соперничать с любыми драгоценными камнями.

– Блеск тоже ненатуральный? – уточнил сыщик, смотря на меня, а не на мадам.

– В моем салоне все натуральное, – оскорбилась мадам. – Капли лишь

усилили первоначальный эффект. У девушки чистый глубокий взгляд.

Следующего вопроса Кериас не задал, просто коснулся пальцами моих губ.

– Они останутся такими же нежными и яркими, даже без использования помады. Удобно, не правда ли? Никаких следов после поцелуев.

Судя по изменившемуся взгляду мужчины, он сам решил в этом убедиться и очень неторопливо опустил голову ниже, а я отчего-то даже не отклонилась, наверное, потому что за спиной стояла мадам. Или меня загипнотизировали, или снова применили магию. Или потому что он так смотрел... Я не помню, чтобы на меня хоть раз так смотрели.

– Слишком красиво, – он резко отклонился, – мне не нравится.

Мадам ошалела – иного слова и не подберешь – хотя и пыталась взять себя в руки. Вдыхала, выдыхала, наверное, вспоминая в этот момент, что за клиент посетил ее салон, а в темных глазах светилась жажда крови.

– М-милорд, – с явным трудом произнесла Амели, – вы первый мужчина, – тут она умудрилась изобразить нечто, напоминающее улыбку, – который возражает против излишней красоты.

– Она привлекает ненужное внимание, – отрезал Зверь, нимало не заботясь о состоянии мадам.

– Ах, вот что! – Амели наконец-то сделала понятные для себя выводы, и ее отпустило.

Только мне было ясно, на что намекал дознаватель. Ему требовалась фиктивная любовница, не блеклая невзрачная мышь, а ухоженная, интересная женщина, чей внешний вид не вызовет сомнений и вопросов, почему кузен императора выбрал именно ее, но не та, кто одним появлением повергает всех в затяжное молчание. Мадам же пришла к иным выводам.

– Что я вижу, милорд, неужели вы впервые в жизни ощутили горечь ревности? Но вам ли испытывать неуверенность в собственных силах, разве вы позволите кому-то увести столь прелестную куколку?

– Именно так ее и хочется называть. Я просил превратить Мышку в Милашку, а вы сотворили из нее куклу.

Именно такое прозвище «Куколки» я слышала прежде в разговорах людей. Оно не являлось оскорбительным, скорее, наоборот, неким эталоном красоты и изящества, удивительного сочетания чисто женского магнетизма и очарования, восхищавшего людей. Ведь именно куколками звали всех императорских фавориток. Но в устах дознавателя это слово прозвучало оскорблением.

– Она вовсе не кукла! – вновь всплеснула руками мадам, выдержка ей изменила, потому что Амели не смогла подобрать другого определения, – не кукла, она ваша, ваша...

– Моя, моя? – издеваясь, изломил брови дознаватель.

– Именно! Ваша! Забирайте! – и меня от переизбытка чувств все же втолкнули в мужские объятия, которые сжались вокруг кольцом и разжиматься не планировали.

– Заберу, если вернете, как было, – заявил Кериас, при этом продолжая крепко обнимать и откровенно забавляясь тем, что довел Амели до белого каления.

Возможно, мне следовало и дальше молчать и слушать их препирательства, но я только представила себе повторение всех садистских процедур, и в душе похолодело.

Ладонь взлетела вверх прежде, чем я задумалась, что собираюсь сделать, и легла на мужскую щеку, провела по ней, цепляясь за колючие щетинки, появившиеся за бессонную ночь, и замерла, когда сыщик опустил на меня взгляд.

– Дорогой Кериас, – наверное, выражение его лица можно было описать, как изумленное, но мне сейчас не удавалось анализировать, – прошу, поедem домой. Я очень устала.

И уткнулась головой ему в грудь, собираясь спать здесь и сейчас, если меня не повезут хоть куда-нибудь.

Амели победно кашлянула, Кериас промолчал, а потом мои колени начали медленно подгибаться, а сама я завалилась на сыщика, и он быстро склонился и поднял меня на руки.

Счастье какое! Мне больше не нужно стоять!

Устроив голову на уже довольно привычном плече, закрыла глаза и перестала подавать признаки жизни.

– Хорошо, мадам, – подвел итог всем препирательствам дознаватель.

У меня и сил не достало посмотреть на Амели и убедиться, что сейчас хозяйка выглядела в высшей степени удовлетворенной, поскольку именно удовлетворение звучало в ее голосе, когда она ответила:

– Природу не обманешь, милорд, если она дала потрясающие данные, их только нужно извлечь на свет и профессионально подчеркнуть. Мы будем счастливы видеть вас снова. Вся заказанная одежда будет доставлена по нужному адресу. Во дворец, позвольте уточнить?

– В мой особняк, – голос сыщика звучал ровно и безэмоционально.

– О-о-о, – протянула Амели, точно что-то подсчитывая в уме, – вы открываете городской дом? В нем, должно быть, после стольких лет

требуется навести лоск?

– Требуется, – коротко согласился Кериас, и также коротко спросил, – возьметесь?

– У меня есть нужные знакомства, проверенные компании. Я так понимаю, требуются найм слуг, уборка и...

– Охрану я организую сам.

– Тогда я немедленно раздам нужные распоряжения, и сегодня же к вам придут нужные люди.

– Стоимость посредничества включите в счет, – на этом Зверь круто развернулся и направился к выходу.

– Всего доброго, милорд, – долетел в спину еле слышимый голосок Амели, с трудом пробившись сквозь клубившийся в голове туман, а дальше я уже спала.

Слишком яркие события вызывают самые глубокие впечатления. Я почти привыкла к серенькой безликой жизни, и резкий поворот в ней не мог не отразиться на сознании. Именно этим проще всего объяснялись все испытанные за время знакомства с Кериасом ощущения.

Переезд в карете и прибытие в нужное место я хоть и проспала, но все же ощутила. Доносились сквозь дрему какие-то шумы и звуки голосов, а когда перестало покачивать и трясти, накатил крепкий сон. Перемешались в голове все образы и сказанные слова, и сон стал таким же тягучим и сладким, как шоколад мадам Амели.

Сновидения, от которых становилось жарко, от которых хотелось запрокинуть голову, вдохнуть больше воздуха, зажмуриться, а после распахнуть глаза и ладонью пробежаться по коже, унимая покалывания жгучих поцелуев. Эти поцелуи сплетали паутинку на теле, набрасывались на меня полупрозрачной сетью, отчего хотелось выгнуться, схватиться за что-то, способное послужить спасением, даже если это скрипящий шелк простыней.

И шепот, шепот в голове, он слышался тихим «Не надо» или «Не стоит», переплетался с тяжелым судорожным дыханием, путался в густых прядях волос, смешивался с горячностью ладоней и сплетенных пальцев, разливался по коже растопленным золотистым медом новых поцелуев. Все тело плавилось от жара, и теперь касания чужих губ охлаждали, и хотелось позволить им дотрагиваться до прозрачной кожи быстро-быстро, в ритме бьющихся паутинок сосудов и прерывистых вдохов.

Ладони широкие, чуточку шершавые гладили ноющую грудь, живот и бедра, тонкие щетинки волос покалывали, оставляя красный след на шее,

ключицах и плечах, а губы накрывали губы, уверенно, без сомнений, заглушая полупротест, полумольбу: «Не могу».

– Не могу больше! – задыхаясь, выкрикнула в остропряную темноту цвета шоколада и открыла глаза.

Комната, просторная и светлая, а вокруг кажущаяся пустота. Кажущаяся, потому что мебель была закрыта белыми чехлами, и, кроме белого, вокруг оказалось слишком мало красок. Обои, когда-то желтые или золотистые, выцвели, даже паркет на полу поблек и был темнее окружающей белизны лишь на несколько тонов.

В раскрытое окно врывался легкий ветерок, проносился по поверхностям чехлов, разносил в воздухе запах пыли. Он шел от пола, от покрытого серым слоем паркета, зато чехлы оставались нетронутыми снежными и чистыми.

Я задумалась, отчего так получалось, но мысли еще не успели выпутаться из тонкой сети сновидения и, прижав ладони к щекам, ощутила жар кожи, тот жар, что мне привиделся.

Рядом не было никого, на широкой кровати примятой осталась лишь моя сторона, а на белом чехле не виднелось следов чужого присутствия. Дотронулась до белоснежной поверхности, она скрипела под пальцами, и это оказался не шелк.

Я прошла до двери и повернула ручку, открыла, прислушалась. В пустом доме царила тишина и все та же кажущаяся пустота. Свет гулял по коридору, свободно проникая сквозь окна, столь же чистые, как и чехлы на мебели.

Звук, донесшийся откуда-то снизу, словно сдвинули или уронили что-то тяжелое, унял забившееся быстрее сердце.

– Кериас, – позвала, добежав до лестничной площадки и свесившись через перила.

Внизу были открыты двери, не входные, а другие, ведущие в белоснежное пространство иной комнаты.

Я сбежала по ступенькам, начиная ощущать себя неуютно в этой пустоте, и ворвалась в столовую, чтобы, резко затормозив, чуть не сбить стоявший у длинного стола стул.

Дознаватель, устроившийся по ту сторону, удивленно поднял голову и, оглядев меня, с интересом спросил:

– За тобой гнался Призрак?

– Нет, – я вздохнула с облегчением и быстро села на стул, рассматривая, что Зверь держал в руках. Гербовые листы и документы, и даже ни намек на закуски или иную пищу. Ведь не собирался он есть

бумаги на завтрак?

– Еду скоро доставят, – ответил на невысказанный вопрос дознаватель и продолжил просматривать листы.

– Так от кого ты бежала, куколка? – уточнил он несколько минут спустя, отложив бумаги, пока я тихо сидела и осматривалась кругом.

– Я ни от кого... – замялась, не зная, как продолжить, – от чего, – выдавала растерянно.

– Ты бежала «от чего»?

Я кивнула, не зная, каким образом объяснить собственный испуг и эту резкую смену эмоций от плавающего жара к белой пустоте.

– Просто сон, – провела рукой по лбу, ощутив на нем испарину, – сон.

Думала, ему достаточно будет и этого. Выглядел Кериас слишком невозмутимо и равнодушно для человека, заинтересованного в моих объяснениях, но он все же спросил:

– Страшный сон?

Рассудив, будто решил, что я видела Призрака, качнула головой и пояснила:

– Жаркий.

Темные брови изогнулись, а уголки губ приподнялись в усмешке. Он не стал повторять слово, которое я умудрилась подобрать для описания более чем странного сновидения, а как-то понимающе качнул головой. Настолько понимающе, что испытанные во время пробуждения подозрения всколыхнулись вновь.

– Вы знаете, что мне снилось?

– Могу догадаться.

– Как это можете? – я подалась вперед, прижав к гладкой поверхности белого стола сжатые ладони и пристально, требовательно посмотрела на дознавателя.

Его же взгляд невозмутимо прогулялся по моему лицу, спустился ниже, задержался в области декольте, и я тут же сменила позу, осознав, как выгодно подчеркнула все и без того подчеркнутые платьем мадам округлости.

– Я тоже отдыхал, – пояснил дознаватель, видимо полагая, что этого достаточно.

Пожав плечами, собралась слушать дальше и вновь поймала его усмешку, а Зверь продолжил:

– Чем плохи магические накопители? Тем, что могут транслировать магию, даже когда не управляешь ими. Чаще всего, когда носитель открыт, не ставит барьеры и испытывает довольно сильные эмоции.

– довольно сильные для чего? – я нахмурила брови, пристально разглядывая широкий золотой браслет.

Сейчас Зверь тоже был без куртки, и я не решалась отвести взгляд от его руки, чтобы ненароком не сконцентрироваться на том, чем восхищались девочки мадам Амели. Обсуждаемая тема сама по себе оказалась довольно щекотливой.

– Для трансляции. Иногда браслет передает интенсивные желания тому, кто находится рядом и точно так же открыт, чтобы эту передачу принять.

Умно, сложно, и не до конца понятно человеку, не знакомому с принципом работы накопителей, но общий смысл я уяснила, а осознав до конца, смутилась.

– Вы..., - покраснела и замешкалась с вопросом.

– Хочу тебя?

Покраснела сильнее.

– Бесспорно.

Я схватилась за край стола и пожалела, что на нем не стоял хотя бы стакан с водой. С очень холодной ключевой водой.

– Желания преходящи, куколка, – сам Кериас нисколько не смутился, говорил ровным тоном, но чуточку насмешливо, – от них накаляется воздух и трескается кожа на пересохших губах, но глоток отрезвляющей воды и вот...

– Что вот? – взгляд совсем отяжелел и теперь уже сам не поднимался выше золотого обруча, охватывавшего мужское запястье.

– Они испарились, как облачко пара. Сегодня есть, завтра нет. Навязчивы только идеи. Например, идея поймать того, кто неуловим.

– Послушайте, – я тряхнула головой, но мысли прояснились очень неохотно, – зовите лучше Мышкой, вам же не нравятся куколки.

– Разве? – смех в его голосе прозвучал достаточно отчетливо, – мужчина способен возражать против излишней красоты?

– Не знаю, – теперь я отважилась посмотреть ему в глаза, поймала их насмешливое выражение и перестала смущаться.

Почему решила, что не нравится? Вероятно, по тому, как неуловимо кривились его губы, словно в презрительной издевке, произнося это прозвище чуть не по слогам. Единственный признак, который и признаком считать не стоит.

– Лучше Мышкой, – вздохнула снова.

– Что же ты не спрашиваешь, Мышка? – весело поинтересовался он, не отпуская моего взгляда.

– Чего?

– Почему не нравятся.

– Я подумала, вы знали кого-то..., - сказала и замолчала, почувствовав, что попала в точку.

– Я имею информацию обо всех, – отрезал Кериас и продолжил уже более ровно, – работа, Мышка; фавориток императора приходится проверять... И знал одну, – закончил неожиданно.

Он умел так: построит конец фразы и, кажется, все ясно, но вдруг точка в последнем предложении вызывает еще больше желания получить ответ на тот же самый вопрос.

– Одну? – уточнила, но не стала спрашивать был ли он чересчур лично с ней знаком, с той одной.

– Да. Была только одна, – он опять усмехнулся, – с чистым глубоким взглядом. Была и нет.

– Что? – такой концовки я вновь не ожидала. Просто не подходили его фразы выражению, с которым произносились. Ни горечи, ни даже сожаления.

Вдруг вспомнились разом его резкие слова и странное поведение, заявления и поступки, повергающие в шок окружающих, стремительные жесты, короткие отрывистые фразы и то, что въелось в кровь не хуже собственных привычек, будь то манера поведения или разговора. Насколько все это настоящее? Может, подделка? Заслон против чего-то? Чего-то равнодушного, черствого, такого, что говорит со спокойствием в голосе: «Была и нет». Или у меня просто разыгралось воображение, у библиотекарей ведь богатое воображение.

– Наш завтрак, Мышка, – повторил Кериас то, что я не расслышала в первый раз, – пойдешь открывать на правах хозяйки?

– Вы их нарочно транслировали? – почему бы не воспользоваться его манерой общения? Ему-то удастся сбивать меня с толку неожиданной сменой темы, а я вот выбрала вернуться к предыдущей.

– Нет, – он совсем не растерялся. – Думал о тебе, представлял.

И так он это «Представлял» произнес, чуть растягивая гласные, глядя прямо в глаза, что меня как молнией пронзило.

– Это даже не сон был?

– Свободная передача эмоций, Мышка. Я расслабился, что с того?

Что с того? Да то что мне... да то что я...

– Так откроешь? Там сейчас вынесут входную дверь.

Не зная, как иначе справится с возмущением, подскочила со стула и, игнорируя усмешку Кериаса, рванула к двери. Следовало посмотреть

сперва, кто пришел, но рядом с главным имперским дознавателем я тоже расслабилась, в том смысле, что возложила все обязанности по собственной охране на его плечи, а потому не взяла за труд проверить личность посетителя. А проверить стоило.

Вдох застрял в горле, колени подогнулись и я бы села на пол самым неприличным образом, не поймай меня за локоть наш посетитель. Неприличным, потому что императора принято приветствовать поклоном и сидеть в его присутствии позволяет только он сам.

Пока справлялась с головокружением и хватала ртом воздух, Ириаден авин Тартос амон Монтсеррат поднял мою голову за подбородок и принялся изучать с пристальным вниманием. Я бы даже сказала, слишком пристальным.

– Кого я вижу, – веселый голос от двери в столовую немного встряхнул и вывел из транса, – сюрпри-из! Это так по-императорски.

Снова заглодело в груди. Как он может разговаривать подобным тоном? Нас же обоих сейчас казнят.

Холодный взгляд истинного владыки империи Монтерра, обратился на прислонившегося к дверной притолоке Зверя. Дознаватель даже не подумал кланяться, он стоял, засунув одну руку в карман брюк, и с нарочитой радостью на лице созерцал сиятельного кузена.

– Ты так и не научился манерам, – скривился император.

– А ну кыш! – ответил на это Кериас, и я едва не скончалась на месте от сердечного приступа, пока не поняла, что слова обращены не к императору, а к его охране, которую я тоже умудрилась не заметить.

Логично было предположить, что атрионы, так называли лучших воинов, призванных защищать владыку, не принимали приказы ни от кого, кроме своего повелителя, но, очевидно, я ошиблась. Без лишних споров шестеро мужчин, одетых в военные мундиры, вытянулись по стойке смирно, склонили головы и исчезли за входной дверью.

– Отпусти Мышку, – а эти слова были обращены именно к императору, – не люблю, когда ее трогают чужие дяди.

Вот если бы сейчас великий и светлейший Ириаден авин Тартос послушался Кериаса, я бы всерьез задумалась, а не начать ли мне отвечать поклоны Зверю, но владыка Монтерры и бровью не повел.

– Значит, родственникам можно, – со всей уверенностью заявил он.

Игра в слова точно была их семейным увлечением. Даже сразу представилось, как на досуге, сидя в огромной зале у камина, Кериас и император пытаются обыграть друг друга в словесной битве, потягивая горьковатые напитки из высоких бокалов.

– Если только осторожно, – ответил на это дознаватель, а потом я пискнула, не успев даже дорисовать картинку игры до конца, потому что меня выдернуло из рук императора, протащило по холлу и бросило на шею дознавателя. То есть со стороны это выглядело так, что я бросилась ему на шею, а по ощущениям, меня охватила вокруг талии гибкая широкая лента, завязалась узлом и утянула в руки Кериаса. Эти самые руки обвилились вокруг, а я носом уткнулась в мужскую грудь, которую всеми силами избегала рассматривать начиная с посещения ателье.

Если от чужого взгляда могут подгибаться колени и холодеть затылок, то не стоит рисковать и оборачиваться. Я рассудила так: раз теперь все равно казнят, лучше держаться за императорского родственника, и вцепилась в Кериаса. Кажется, от испуга не рассчитала сил и слишком сильно вдавила ногти в его кожу, оставив на ней красные полукружия следов, которые заметила позже.

– Я бы имел честь пригласить императора разделить с нами скромную трапезу, но еду никак не доставят. Наверное, этому мешают те шестеро громил, что торчат за дверью моего дома.

– В наши намерения не входило задерживаться.

С этими словами, подразумевая под «наши» себя сиятельного, император величественно прошествовал мимо и устроился во главе длинного стола, заняв место дознавателя. Ухватил кончиками пальцев одну из бумаг, поднял, бегло просмотрел и бросил обратно на стол.

– Садитесь, – дозволил он.

Усомнившись в том, что Зверь не сел бы без разрешения, я тем не менее опасалась проявлять инициативу, пока Кериас не утянул на стул.

Мы сели. Точнее, дознаватель сел, а меня усадил к себе на колени. Скажу честно, к этому моменту я была уверена, что ничему уже не удивлюсь, но уверенность оказалась преждевременной.

– Интересно, – изрек император, подперев подбородок рукой и внимательно глядя в нашу сторону, в то время, как я пыталась не встретиться с ним глазами.

– Она меня успокаивает, – заявил Зверь и провел широкой ладонью по моим волосам, словно я была любимым питомцем, уютно примостившимся на руках хозяина. Но чего бы мужчина ни делал, лучшим казалось молчать.

– Пускай, – дал высочайшее дозволение император, явно привыкший к странностям своего родственника. – Как настроения в Снежном княжестве?

Если судить лишь по его тону, могло сложиться впечатление, что два хороших друга расположились в гостиной, чтобы мирно поболтать.

– Волнения, как обычно.

– Принимаешь меры?

Фраза прозвучала спокойно, но с необычными требовательными нотками, словно обсуждалась не политическая ситуация в целом, а нечто другое, понятное им двоим. Я принялась судорожно перебирать в уме названия княжеств нашей бескрайней империи, пытаюсь вспомнить уже упомянутое, а попутно прислушивалась к беседе.

– Люди стали больше читать, а новые знания ведут к новым взглядам, – продолжил император.

– Чтение не запретишь, – ответил на это дознаватель, – можно взять под контроль, чтобы свободомыслие не распространялось дальше очерченного круга.

Я все же решилась посмотреть на владыку, а он в этот миг бросил задумчивый взгляд на меня. Быстро опустив глаза, продолжила перебирать в уме княжества.

– Контроль – это хорошо. Как раз твой круг обязанностей. Разберешься с тем, что вызывает большее беспокойство?

– Как всегда, – с ленцой протянул Зверь и с намеком добавил, – стоило ли озарять сиятельным присутствием такое скромное и заброшенное жилище?

– Стоило, – коротко ответил император и поднялся, – не провожай, лучше потратить время, чтобы снять, наконец, эту защиту.

Он величественно покинул комнату, а затем и дом своего кузена, оставив в моей душе трепет, рожденный его появлением.

Стих гул захлопнувшейся двери, а мы еще не обменялись ни единым словом. Я приходила в себя, а Зверь... Он просто сидел, молчал и гладил мои волосы. Ладонь поднималась вверх, подхватывала густую прядь и сжималась в кулак, чтобы медленно поскользиться вниз, потом снова вверх, пальцы распрямлялись и проходили сквозь волосы, разделяя их ровными бороздками, затем опять вверх.

– О какой защите он говорил? – не выдержала я этой тишины.

Его взгляд медленно сфокусировался на моем лице, затем скользнул ниже, к губам, и Кериас ответил:

– О той, что внутри дома, – он указал рукой в сторону, точно демонстрируя, вон же она – защита, и улыбнулся, вымолвив, – как странно.

– Что странно? – я попыталась слезть с его колен, но ощутила ту самую невидимую ленту, которая крепко привязала меня к мужчине. – Отпустите, больше нет надобности держать.

Его улыбка стала дразнящей, навеяв мысли о чем-то тягучем, сладком, и снова вспомнился шоколад.

– Что это первое, о чем ты спросила – о защите. И так всегда, Мышка. Молчишь, думаешь о своем, не досаждаешь пустой болтовней и не смотришь на императора, который смотрит на тебя. Ты странная.

– Я странная?!

– Беда красивой женщины в чем, Мышка?

Он меня с ума сведет своей манерой разговора.

– В ней самой, – ответил дознаватель, – со скромной неприметной библиотечаршей другие мужчины не хотят сделать вот этого:

Резкий рывок и я уже лежу на столе, а сыщик нависает надо мной.

И слова не успела вымолвить, как он остервенело впился в мои губы, бешеным, жадным, почти грубым поцелуем.

Я задышалась, упиралась ладонями в его грудь, пальцы соскальзывали с напряженных мышц, впивались в широкие плечи, путались в распущенных черных волосах, и оттолкнуть не выходило.

Сумасшедший, совершенно сумасшедший и поцелуй, и он сам!

Освободил он меня также неожиданно, отстранился, облокотился ладонями о столешницу, тяжело дыша и опустив голову.

– Если вы повторите такое, – сложно было говорить, отдышаться не получалось, а досказать мысль не вышло – горячая ладонь накрыла мой рот и заставила замолчать.

– Как я и думал, – произнес Кериас, пристально посмотрев на мою правую руку, а на губах появилась невеселая усмешка, – феникс, Мышка, – он очертил костяшками пальцев мое плечо.

Я столкнула его ладонь, закрывшую рот, и села на столе. Одернула подол платья и пригладила волосы, только после этого попыталась рассмотреть плечо, на котором золотистой канвой проступал неприметный рисунок.

– Ты знакома с символикой императорского дома? – спросил Кериас и, не дожидаясь ответа, сам пояснил, – это знак императора.

– Еще одна метка? – мне хотелось убить кого-нибудь в этой комнате. – У вас это тоже семейное, метить что попало? Попало плечо, отметили, попало бедро, тоже метку поставили? Мы договаривались, что вы обойдетесь без физического контакта, кроме случаев, когда это необходимо.

– А это необходимо, Мышка. Иначе такой рисунок не проявился бы. Теперь у нас месяц.

– Месяц до чего? Договаривайте фразы до конца, если беретесь что-то объяснять. Не сводите меня с ума!

Я разозлилась и расстроилась, хотя пока не понимала отчего конкретно.

– Ты понравилась императору, а отбор фавориток через месяц. Если за это время Призрак не объявится, правитель не будет спрашивать ничего разрешения, он просто заберет тебя во дворец.

– Когда он вам сказал?

– Мы обсудили ситуацию при тебе.

– Ах, вот что. Все же использовали шифр? А я голову сломала, припоминая Снежное княжество. Зачем только себя утруждали?

– Привычка, Мышка.

– То есть император понимает, что я приманка?

Зверь просто кивнул.

– А это зачем? – я показала на свое плечо.

– Проверка. Кузен привык не доверять никому на слово, ему самому нужно было разобраться, что у нас за отношения. Обнимаю ли я тебя только на людях или целую даже тогда, когда императора здесь нет. Открыл ли я дом для приманки или для интересной мне женщины.

– И что?

– А то, что ему теперь нет до всего этого дела. Я уже сказал, ты ему понравилась, и у нас на работу месяц. Если Призраку нужна невинная Мышка, ему стоит поспешить и явиться за тобой до отбора.

В некоторых ситуациях мои руки жили собственной жизнью, то есть могли вдруг размахнуться, чтобы отвесить хлесткую пощечину стоявшему напротив мужчине, который так спокойно рассуждал об убийце и желал его скорейшего появления.

Он перехватил руку за запястье, крепко сжал и стащил меня со стола. Блокировал возможность двигаться, прижав локоть к своей груди и ухватив меня за талию.

– Все из-за вас, – мой голос напоминал шипение рассерженной кошки, а в конце фразы сорвался на крик, – вы потащили меня к Амели!

– Спокойно, Мышка, – он держал, не позволяя вырваться, – Амели рассудила, что на работу над твоей внешностью потребуется много сил, и в итоге переусердствовала. Теперь ничего не исправить, но если поймаем Призрака, сможем.

– Я не хочу быть приманкой Призрака, любовницей Зверя и куколкой императора! И отпустите меня, наконец!

Он выпустил, отступил на шаг, а потом отвернулся и направился к двери, бросив на ходу:

– Придется.

ГЛАВА 5

Все, кого мадам Амели наняла по просьбе Кериаса, явились на удивление быстро. Они пришли почти сразу после ухода императора и приступили к выполнению своих обязанностей. Я к тому моменту была так раздосадована разговором с дознавателем, что в воздухе ощущалось приближение грозы и могла вспыхнуть грандиозная ссора, и кто бы вышел из нее победителем, гадать не приходилось.

Когда Зверь покинул комнату, я бросилась следом. Хотелось вцепиться в его плечи, развернуть, заставить посмотреть мне в глаза и потребовать: «Вы втравили меня в это, решите вопрос с императором», – но требования не были озвучены. Когда я выбежала в холл, Кериас стоял посередине, закрыв глаза и разведя руки в стороны.

Сперва я замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась, потеряв глаза и приняв происходящее за обман зрения. Окружающее пространство пошло рябью, заколыхалось, как тюль на ветру, и стало распадаться мелкими каплями, которые вспархивали в воздух белым туманом и медленно таяли. То одна поверхность проявлялась под прежде белоснежным покрытием, то другая. Дом обретал краски, мебель обретала очертания. То, что я приняла за чехлы, оказалось магической накидкой. Позже довелось узнать, что она защищала вещи от старения, пыли и грязи, а вот паркет нарочно не был закрыт, чтобы на нем отпечатались следы тех, кто задумал бы пробраться в пустовавший дом без ведома хозяина.

Волна побежала дальше, пройдя мимо меня дуновением ветра, я обернулась, следя за медленным преобразованием пространства вокруг, а когда повернулась к Кериасу, он уже опустил руки, устало тряхнул головой, и по холлу разнесся громкий стук.

– Теперь точно завтрак, – не повернув головы, бросил дознаватель и ушел. Быстрым шагом пересек холл, открыл дверь, за которую еще не довелось заглянуть, и исчез. И позже, когда принимала разносчиков еды, и спустя минут десять, когда в двери постучала нанятая мадам Амели прислуга, Кериас не показывался. А, возможно, он и вовсе покинул наполнившийся людскими голосами и обычной суетой особняк или уехал в Дом имперского сыска.

Я не видела его до вечера. И устав от изматывающего полного событий дня, от собственных домыслов и опасений, вернулась в ту комнату, где проснулась утром, оглядела преобразившуюся уютную спальню и

собралась уже стянуть с себя платье мадам Амели, как за дверью спальни раздался тонкий голосок:

– Леди, откройте, я пришла помочь.

Я подошла к двери, распахнула ее и увидела на пороге миниатюрную девушку. Она присела, склонив голову, но тут же шустро выпрямилась и скороговоркой произнесла: «Я помогу вам подготовиться ко сну». Попытка отказаться от такой помощи привела лишь к тому, что девушка ухватила меня за руку и повела к туалетному столику, уставленному множеством баночек, быстро лепеча на ходу:

– Меня прислала лично мадам Амели, она дала указания относительно того, как следует за вами ухаживать. Изменения во внешности были столь стремительны, что необходим особо бережный уход, иначе могут проявиться неприятные последствия: сыпь, зуд и жжение, местами кожа может потемнеть, и появятся пятна, точно у леопарда, волосы после окрашивания требуют тщательного мытья с закрепителем, иначе цвет изменится, а еще могут просто клочьями полезть. Вы ведь не хотите остаться наполовину лысой?

Я не то чтобы не хотела, это ведь могло оттолкнуть императора, но вот зуд и жжение пугали, а еще те самые неприятные последствия, упомянутые девушкой. Вдруг отполированные гладкие ноготки тоже вылезут? А ослепнуть не доведется? Мадам Амели применила суровые методы, стремясь исполнить желание клиента, она точно не размышляла на тему: «А вдруг приведенная библиотечная мышка не так плоха, как кажется на первый взгляд», – иначе ослабила бы напор и воспользовалась более мягкими средствами наведения красоты.

Вот так я и позволила незнакомой служанке заняться моей внешностью, покорно села на мягкую банкетку и посмотрела в зеркало.

В первый момент равнодушно разглядывала незнакомку с выразительными ореховыми глазами под сенью густых ресниц, а потом медленно раскрыла рот и подалась вперед, ойкнув, когда слишком сильно натянула прядь волос, в которую девушка втирала розовую пенку. Что это? Кто это? Это я?

Кожа изумительная, она и правда словно светила, перламутрово-белая, нежная, даже на вид бархатистая. Ровный тон, гладкая текстура. Да от одного созерцания такого идеала можно было зайтись завистливым: «Бывает же!» И это если не рассматривать дальше, упустить из внимания шелковый каскад блестящих густых волос. Мадам не обманула, их цвет великолепно оттенял нежную белизну тела, изумительный, теплый и насыщенный оттенок густого растопленного в белоснежной миске

шоколада. Он струился вдоль овала нежного личика, падал на покатые плечи, свешивался до самой талии, маня прикоснуться и на ощупь прочувствовать его мягкость и гладкость.

Сейчас я без сомнений приняла тот факт, что Амели и правда волшебница. Так умело подчеркнуть все совершенства, усилить и оттенить природные достоинства и скрыть недостатки. Ведь мои глаза никогда прежде не вызывали особого восторга и желания восхититься ими, заглянуть в манящую глубину, полюбоваться трепетной тенью длинных ресниц, ложившейся на нежный румянец щек. Мадам провела сравнение с бархатистым взглядом пугливой лани, и я даже не могла его оспорить.

Они сияли, как могут сиять глаза счастливой женщины, и это высшее мастерство – добиться подобного эффекта, чтобы взгляд блестел хрусталиками непролитых слез, словно я вот-вот расплачусь от счастья, и навевал мысли о драгоценных камнях. Удивительно, что теперь они не только казались больше, но и природный цвет стал глубже, даже зелень вокруг радужки приобрела насыщенность, точно древесный листок с кофейными прожилками и крапинками, подсвеченный солнечными лучами. Красивый сочный оттенок плавно перетекал в цвет иссушенной коры коричневого дерева.

Ореховый цвет – это ведь даже не небесно-голубой, не изумрудно-зеленый, не загадочно черный, а выглядел он теперь самым необычным, загадочным и манящим. Светлый по контуру, глубокий, таинственный ближе к зрачку.

Я прежде не могла похвастать идеальными чертами лица, но теперь оно смотрелось чудесно милым, с розовеющими щечками, высокими скулами, чуть вздернутым носиком и яркими пухлыми губками с четко очерченным контуром.

– Куколка, – именно так я и прошептала, касаясь лица кончиками пальцев.

Мадам – умелица, а ее девочки – профессионалки высочайшего класса. Это была натуральная косметика с магическими компонентами, проникшая в клетки кожи, ставшая ее составляющей. Ведь подходящую косметику не только нужно подобрать, но, что гораздо сложнее, нанести правильным образом, чтобы смотрелось естественно, а недостатки внешности не замечались, скрытые подчеркнутыми достоинствами.

– Волшебница, – повторила я, опуская глаза на темно-зеленый лиф платья, видневшуюся в вырезе высокую мраморную грудь и тонкую талию, подчеркнутую шелковой лентой.

Девочки Амели и над телом немало потрудились. Я думала они только

волоски удаляют и убирают верхние ороговевшие клетки, а оказалось, что все эти притирки и снадобья призваны были оказать и иной эффект. Когда служанка стянула с меня платье, и я осталась в чулках и полупрозрачной сорочке, смогла убедиться, что тело выглядело удивительно подтянутым, точно моим излюбленным времяпрепровождением были верховая езда и различные спортивные упражнения. Грудь поднялась, ягодицы тоже, талия казалась тоньше, а ножки, несмотря на мой невысокий рост, стройными и изящными.

Интересно, будь я от природы этакой упитанной, пухленькой девушкой, мадам добилась бы подобного эффекта даже с магическими средствами? Словно весь жир в ненужных местах попросту сгорел. Может, от этого мне было так больно? Это ведь практически операция без инструментов, одними только препаратами.

– Вот вам и мир без магии, – пробурчала себе под нос, а служанка уже выкатывала из-за невысокой расписной ширмы в углу маленькую кушетку.

– Ложитесь. Необходимо сделать профилактический массаж.

Мне казалось, что засну я быстро, только положу голову на подушку, как окажусь в стране сновидений, а в итоге вертелась с бока на бок не менее получаса. Измучившись, откинула в сторону одеяло и подошла к окну, отодвинула занавеску и выглянула в сад. Не выдавший ножниц садовника, он был в самом запущенном состоянии, почти как лес, а не парк при доме. Он простирался далеко, с моего окошка даже не видно было ограждающего забора. Захотелось выбраться на улицу и погулять под развесистыми кронами и навесами переплетшихся древесных лиан, пробраться по высокой траве в какой-нибудь укромный уголок.

Сад оказался старше дома, я узнала это из разговоров слуг. Много лет назад случился обвал старого перекрытия. Тогда особняк насчитывал несколько веков, и для предотвращения подобных происшествий его решили снести. Не знаю, действительно ли это требовалось, ведь если дом был старым, то должны были сохраниться изумительные архитектурные элементы, которые слишком жалко уничтожать. В конце концов, существовали различные способы реставрации, дабы отстроить нечто новое, не разрушая старого. А дом снесли и возвели снова. Закончили строительство и закрыли особняк на много лет, вот до этого самого дня.

– Как же странно, – вздохнула я, – сколько вокруг загадок. И хозяин этого места – одна сплошная загадка.

Только произнесла, как тут же заметила самого хозяина. Я не видела его весь день, а теперь разглядела в саду. Он шел по заросшей тропинке,

засунув руки в карманы, на плечах черная куртка, взгляд устремлен под ноги, а потом остановился, словно размышляя над чем-то. Не успела даже задуматься, делаю ли что-то неправильное, наблюдая за Кериасом, как он вскинул голову и, кажется, заметил меня.

Прежде я бы настояла, что невозможно разглядеть кого-то за темным стеклом и занавеской с расстояния, отделявшего второй этаж дома от тропинки заброшенного сада, но с Кериасом нельзя было утверждать наверняка. Я не могла разглядеть его лица и глаз не видела, только чувствовала, вопреки логике, что он смотрит на меня. Призрак вот также смотрел прямо сквозь дерево. А потом дознаватель вдруг резко отвернулся и быстро, в свойственной ему стремительной манере, прошел по дорожке и исчез за углом дома.

Я отступила от окна и лишь сейчас почувствовала, как колотится сердце. Поспешно забралась под одеяло, натянула его до подбородка и облокотилась на спинку кровати, не понимая, отчего пришла в такое волнение. Наверное, это было предчувствие. Предчувствие того, что спустя минут пять раздастся решительный стук в дверь.

Я еще размышляла, стоит ли отворять, а замок уже щелкнул, и дверь раскрылась сама. Сжав сильнее край одеяла, наблюдала, как в комнату, освещенную рассеянным лунным светом, проникает темная тень, как на секунду задерживается на пороге, а потом приближается к кровати, замирает совсем рядом и наклоняется ко мне.

Я зажмурилась, сжалась и попыталась мысленно вознести молитву о защите, о помощи и успела припомнить только несколько вступительных слов, как широкая ладонь накрыла мою и сжала.

– Снова дрожишь, Мышка, – сказал Кериас.

Меньше всего я способна была сейчас ответить ему в грубой или же насмешливой манере.

Он потянул меня за руку, стянул с кровати, а мужская рука обхватила за талию, помогая устоять на ногах.

– Не дрожи, Миланта. Это глупо.

Кериас отпустил меня и отступил на шаг, чтобы отдать совсем уж невероятный приказ.

– Раздевайся.

Что за невыносимый человек? Возмущение встряхнуло и дало сил ответить соответственно ситуации.

– Вы серьезно ждете, будто сейчас возьму и разденусь?

– Жду.

– Даже не подумаю! И в комнату вас не впускала, нечестно открывать

замок магией.

– Не хочешь как хочешь, – и он развернулся и пошел.

Уже у самой двери я его окликнула, когда невероятным усилием воли подавила собственное раздражение.

– Вы только за этим приходили?

– Нет.

Хотелось запустить в него чем-то тяжелым.

– Так зачем?

– Выжечь метку императора и поставить защиту против подобных ей.

Это кардинально меняло ситуацию. Неужели нельзя начинать вот с таких простых пояснений, вводить в курс дела, а потом переходить к действиям?

– Сразу вы не могли объяснить?

– Не мог.

– Ну почему? Неужели сложно вести себя нормально или хотя бы вежливо, раз посреди ночи вламываетесь в комнату, куда вас не приглашали?

– Сложно.

Кажется, Зверь пребывал в самом отвратительном настроении и совершенно серьезно собирался уйти. Потом не предложит защиты, он ведь такой.

– Ну стойте же! – задержала его, когда ладонь дознавателя уже повернула дверную ручку. – Вы убедили меня раздеться. И стоило с этого начать, к чему вы постоянно все усложняете?

– Я упрощаю, Мышка, ты усложняешь.

Он слегка задержался у двери, а потом уперся кулаком в стену, оттолкнулся от нее и, наконец, отошел, чтобы вернуться ко мне.

Остановился рядом, ожидая моих действий, и тут совершенно некстати накатили робость и смущение. Пальцы больше комкали ткань сорочки, чем поднимали, и стягивалась она медленно. Я даже успела подумать, что вся беда в неудобстве фасона, попадаешь в подобное одеяние, как в силок, а выбраться не можешь. Только, словно в насмешку над моими неумелыми попытками, Зверь повернул спиной к себе и потянул за ленту. Ткань упала к ногам, а я растерянно прижала руки к груди. После опомнилась и попыталась прикрыться распущенными волосами. Их я отрастила до бедер, хотя и привыкла носить забранными в высокий пучок на затылке. Тогда и пришло понимание, что у мадам Амели не бывает непродуманных нарядов.

– Теперь стой и не двигайся. Выжигать больно, терпи. Защита не

болезненна, но занимает больше времени.

Смущенная, растерянная, пыталась не шевелиться, благо разворачивать лицом к себе Зверь не спешил, а я попробовала уверовать в то, что в темноте ему не видно деталей, лишь очертания, и действует мужчина больше на осязание.

Его ладонь легла на плечо, украшенное золотистой меткой, которая теперь вновь проступила и ярко засветилась. Контур мерцал, а кожу щипало и с каждым мигом все сильнее. Я зажмурилась и от сдерживаемого стоны желваки заходили на скулах. Хотелось, очень хотелось сбросить его руку, но ведь императорская метка – не пустой рисунок, не красивая татуировка, а способ контроля и клеймо принадлежности. Захоти император, и во время последнего поцелуя с Кериасом я могла бы испытать невыносимую боль. Просто так, потому что владыке не нравится, когда его выбор пытаются оспорить. Хорошо, что в тот миг у него были иные цели, ну а дальше?

А дальше не смогла сдержать стоны, слезы выступили на глазах, и я все же вцепилась в ладонь дознавателя и попыталась увернуться, убежать от физической боли, но Кериас прижал к себе, крепко перехватив поперек груди свободной рукой. Сейчас мне было не до смущения, стыд смыло новой мучительной волной, а затем самая яркая вспышка, и боль пошла на убыль, медленно затихая. Я еще могла ее чувствовать, но по сравнению с предыдущими ощущениями, она не казалась столь оглушительной и невыносимой.

Мужчина скользнул ладонью по предплечью и смягчил хватку, чтобы сперва выпустить, а потом сжать руками оба плеча. Теперь он держал не так крепко, а стоило моему дыханию выровняться, а темноте перед глазами уступить место сумрачным краскам ночи, Кериас и вовсе ослабил захват. Он не опустил рук, просто перестал касаться всей ладонью, а дотронулся кончиками пальцев.

Первое прикосновение досталось плечам, показалось чуточку щекотно. Мужчина легко и неспешно провел до шеи и вернулся обратно, чтобы закончить движение на выпирающих косточках ключиц. Затем пальцы снова пробежались к рукам, коснулись локтей мягкими, чуть поглаживающими движениями и спустились до запястий. Больше не было щекотно, но ощущались легкое тепло и покалывание, и мурашки, но их я чувствовала не в местах прикосновений, а в груди. Хотелось дернуть плечами, отойти и немного перевести дух, прежде чем позволить ему продолжать, но Кериас свое разрешение уже получил и прерываться не собирался.

Мужские руки снова вернулись к шее, чтобы потом спуститься до самой поясницы и подняться на уровень лопаток. Отсюда движения расходились легкими поглаживаниями вдоль ребер: очертили первые, вернулись, прошлись вдоль вторых и обратно, снова к бокам, к позвоночнику, ниже. На талии пальцы замерли, а потом быстро провели вверх, до подмышек, и в другой раз я бы не сдержала смехок, а сейчас, напротив, закусила губу, потому что смеяться не хотелось.

Странная защита. И не в том смысле, что Зверь мог использовать ее как предлог, а в том, что его движения напоминали плетение звеньев разного размера и формы, но они точно пересекались и соединялись друг с другом. Я попробовала сосредоточиться именно на этой мысли и сделала попытку отслеживать и даже считать звенья, но сбилась и отвлеклась, когда дознаватель встал ближе, чтобы переместить руки со спины на живот.

«Хорошо, что только пальцы, а не губы», – эта мысль мелькнула в сознании, а очень яркая картинка тут же сменила ее, дав насладиться иным способом наложения защиты. Я вспыхнула от смущения, и именно в этот миг мужские пальцы мягко очертили полушария грудей. И совсем не двигаться стало трудно.

В другой ситуации я бы уже извелась, потопталась на месте, переступила с ноги на ногу, начала вертеть головой, сцеплять пальцы, водить плечами, как-то еще отвлекать тело от точечных иголок и колючих разрядов, не болезненных, в чем-то щекотных и тягуче приятных. А двигаться было нельзя, оттого проблема ощущалась острее. Проблема именно неподвижности, мне очень хотелось отступить на несколько шагов, потряхнуть головой, проясняя мысли, и накинуть сверху что-нибудь плотное и длинное, желательно до самых пят, а можно было лишь вздохнуть, закрыть глаза и «терпеть» дальше. Назойливые мурашки появлялись то на руке, то бежали по ногам или вдоль позвоночника, а теплое мужское дыхание опаляло обнаженную кожу.

Когда он уже закончит? Хотелось развернуться и задать этот вопрос, но я не посмела, потому что Кериас, очертив бедра, перешел к ногам, коснулся ягодиц. Звенья выплетались, покрывая невидимым рисунком тело, а я кусала губы, но молчала, дознаватель тоже молчал: ни приказов, ни шуточек, ни намеков, тихое быстрое дыхание и равномерные прикосновения.

Момент, когда он выпрямился и отстранился, ускользнул от внимания, хотя именно его я и ждала, зато быстрый, резкий и чересчур громкий хлопок в ладоши заставил вздрогнуть и вновь скрестить на груди руки. По широкому магическому brasлету поползли красные змеи, отблески

выхватили из мрака лицо дознавателя, сосредоточенное, с прищуренными глазами и твердой линией сжатых губ.

Хлопок запустил какой-то процесс, а потом я увидела замерцавшие звенья. Мое тело засветилось мягким голубоватым светом, каждая черточка, каждая деталь и изгиб отчетливо проступили в темноте. Волосы немного прикрывали наготу, как и скрещенные на груди руки, но это не остудило охватившего меня жара смущения. И я еще переживала это острое чувство, когда мягкая тьма снова опустилась легким покрывалом, кожа перестала светиться, а Кериас произнес:

– Все. Теперь любая метка сползет с тебя, точно краска, смытая водой.

– Даже ваша? – не удержалась я, а вопрос прозвучал язвительно. Может потому, что все еще стояла голая, пыталась разглядеть под ногами упавшую ночную рубашку и никак не могла найти.

– Некуда ставить, – удостоил коротким ответом Зверь, проигнорировав издевку.

И когда я уже надумала удивиться отсутствию сарказма, добавил:

– Кроме одного места.

Вот тут уж мое любопытство запылало ярким пламенем.

– Какого? – уточнила осторожно.

– Такого.

– А подробней?

– Потом, Мышка, я устал. Ты меня не поцелуешь?

Опять этот резкий переход, уже начинала привыкать.

– В благодарность?

– Можешь и в благодарность.

– Могу сказать вам большое спасибо в благодарность. Вы устали, а я замерзла и хочу одеться.

– Зачем одеваться, если будешь меня целовать?

А вот это уже был привычный намек, который и додумывать не нужно.

– Не буду я вас целовать! Даже из благодарности. – Топнула ногой и зацепила кончиками пальцев рубашку. Склонилась подхватить спасительную ткань, а когда выпрямилась, прижав ее к себе, точно тонкий батистовый занавес, успела увидеть темную фигуру Зверя на фоне распахнутой двери. Он вышел и захлопнул створку за собой, а замок отчетливо щелкнул в повисшей тишине. А еще показалось, будто дознаватель покачнулся.

– Удивительно легко избавилась на этот раз, – пробурчала себе под нос и поскорее натянула сорочку, чтобы скользнуть под одеяло и закутаться в мягкий теплый кокон, а через секунду уже провалиться в сон.

Я не привыкла, чтобы меня будили словами: «Пора вставать. Стоит нанести утреннюю маску», – потому подняла голову с подушки и удивленно посмотрела на вчерашнюю служанку.

– Завтрак уже на столе, вот здесь, у окна.

– Что? – спросонья плохо соображалось, особенно момент с завтраком вызывал растерянность.

Мне подали еду? А теперь еще начнут ухаживать за моей внешностью, как вчера? Я думала – это разовая мера, без которой нельзя обойтись, но служанку определенно приставили не на один день.

– А теперь всегда нужно что-то втирать, иначе пойду пятнами и случится непоправимое?

– Только неделю, а после поддерживающий уход.

Фух! Камень с души упал. Я даже не стала спорить, когда служанка усадила меня на банкетку прямо в сорочке и накрыла плечи тонкой хлопковой тканью, чтобы не испачкать кожу светло-розовой пенкой для волос.

И только она начала наносить снадобье мадам Амели, как в дверь постучали. Я бы не удивилась, явись ко мне Зверь со словами: «Ты достаточно отдохнула, Мышка, чтобы оплатить мой вчерашний подвиг с удалением метки и установкой защиты?» – удивление вызвал бы иной факт – вежливый стук. Ведь мужчина обычно входил, куда хотел, не усложняя, как он выразился, весь процесс.

Я все еще раздумывала, звать ли визитера в комнату или отослать, пока не переоденусь во что-то более приличное, а за меня уже решила служанка, громко крикнув: «Не беспокойте госпожу, она занята».

– Но это срочно, – раздалось из-за двери.

– Мы здесь тоже не праздным делом заняты.

– Так только спросить.

– Пф-ф, – издала девушка, со всем усердием продолжая втирать пенку. Показалось, она надумала продолжить спор, а потому я громко уточнила: «О чем спросить?»

Неужели и правда все здесь держат меня за хозяйку? Ответ не заставил себя ждать.

– Госпожа, – раздалось по ту сторону двери, – вы дайте указание, за доктором посылать или нет?

– Каким доктором? – я подняла вопросительно брови, глядя в зеркало на недоумевающую девушку.

– Каким доктором? – громко повторила она.

– Так плохо хозяину. Лихорадка! Жар унять не можем? Быть как?

– Звер... Дорогому Кериасу плохо? – я подскочила, а белая накидка сползла с плеч и розовые волосы накрыли тончайшее кружево сорочки, расцветив ее веселыми кляксами. Однако наряд сейчас не волновал, беспокоило другое.

– Но ночью он был в полном порядке!

Девушка понимающе хмыкнула, а затем пожала плечами.

– Переутомился? Если препараты загодя пил, то мог и жар подняться.

– Какие препараты? – сперва показалось, будто помощница от мадам Амели что-то знает.

– Ну, такие, для поднятия, эм, энергии.

Я осознала, что служанка имела в виду, и с досады чуть не высказалась по адресу мадам. Ее девочки разбирались в тонкостях всего, связанного с неземной красотой, умело совмещая это с прочими знаниями, порой даже слишком умело.

– Не нужны ему никакие препараты! – заметила раздраженно, подразумевая совсем иное, а не то, о чем подумала вновь хмыкнувшая горничная.

– Есть здесь халат, плед, плащ? Мне нужно проверить доз... дорогого Кериаса.

А вдруг это Призрак? Он уже начал охоту, но не смог прорваться сквозь защиту, и удар пришелся по дознавателю?

– Халат, госпожа. Только масочку с волос еще пятнадцать минут снимать нельзя.

– Нельзя, так нельзя.

Я тряхнула этими самыми волосами, уже подсохшими, но по-прежнему розовыми. Затянула пояс длинного шелкового одеяния потуже и поспешила к дверям, обнаружив за ними пожилую экономку, также нанятую вчера.

– Ведите, – быстро распорядилась, вспомнив, что не знаю, где в этом доме комната моего работодателя.

Когда я вошла, у постели дознавателя суетились две молоденькие служанки: одна меняла компресс, другая тщательно (даже чересчур) обтирала обнаженное мускулистое тело. Я вдохнула, закашлялась и огромным усилием воли не отвела глаз, поскольку странно смущаться нагого вида собственного любовника, прикрытого простыней лишь в самом сокровенном месте.

– Покиньте комнату, пожалуйста.

– Но ему нужно делать обтирания постоянно, он весь горит, –

запротестовала та девушка, что в данный момент водила мягкой губкой по широкой груди дознавателя.

– Вот вы и позовете доктора, – указала я на нее, – он ведь назначает лечение. Поезжайте и побыстрее.

Девушка скривилась, но послушно сползла с кровати, подхватила фарфоровый тазик и вместе со своей помощницей покинула комнату.

Я тут же бросилась к мужчине и быстро натянула покрывало до плеч, а потом приложила ладонь ко лбу и тут же отдернула. Он и правда пылал.

Второй тазик с водой для компрессов стоял на тумбочке, и я выжала плотную ткань и вновь положила на лоб сыщика.

– Кериас, – позвала.

– Что? – он открыл глаза, а я отметила, что их цвет не изменился и взгляд остался чистым.

– Страстный шоколад идет тебе больше розового, – заявил дознаватель и зевнул.

– Что случилось? – спросила, сообразив, что замечание относилось к новому оттенку моих волос. В первое мгновение даже успела не на шутку испугаться, а теперь перевела дух.

– Смени, – ответил дознаватель и ткнул пальцем в компресс.

Я быстро окунула тряпку в воду со льдом, отжала и положила на лоб императорского кузена, вновь прикрывшего глаза.

– Легче?

– Угу.

– Это Призрак что-то сделал с тобой, раз ты в таком состоянии?

– Это Мышка напала.

– А?

– Одна глупая Мышка, на защиту которой я отдал массу сил, а теперь ощущаю все прелести энергетического истощения.

– То есть?

– Целовать ты не стала, потери не восполнила, а теперь еще прогнала моих служанок. Иди Мышка, а девушки пускай вернуться.

Я пропустила указание мимо ушей, схватила компресс и вновь окунула в воду, а потом, толком не отжав, бросила на раскаленный лоб сыщика.

Он сжал зубы, а по лицу потекли капли воды.

– Извини, – совесть всколыхнулась, когда Зверь не ответил в обычной насмешливой манере и глаз не открыл. Схватив полотенце, бережно отерла его лицо, сообразив, что при такой температуре даже прикосновение махровой ткани ощущается, как касание наждачной бумаги. – Я ведь не могла знать, что браслет вытягивает силы, а благодарность в виде поцелуя –

это не очередная издевка.

Кериас глаз не открыл да еще и голову от меня отвернул.

Что за характер!

– Я была неправа.

Решившись, даже легонько погладила его по щеке.

– Ты... вы пошли на риск, разрушив печать императора, и наложили на меня защиту, стоило отблагодарить так, как вы просили. Хотя вы обычно не просите, сами целуете без разрешения. Могли бы и в этот раз...

– Не мог, – Зверь повернул голову и чуть приоткрыл глаза. Такой вот взлохмаченный и прищурившийся, он напомнил большого ленивого кота, хотя я и понимала, что это проявление вовсе не лени, а редкого для дознавателя физического недомогания.

– Целовать нужно добровольно?

Он промолчал, значит, угадала.

– Давайте, сейчас поцелую.

– Не надо.

Какой же гордый!

– Надо, если поможет. Тогда и доктора не придется вызывать, разве нет?

– Сказал, не надо. Кыш из моей комнаты, Мышка. Спрячься в норку.

– Наглец и грубиян! Сейчас поцелую, приготовьтесь.

– К чему готовиться? Не умеешь целоваться, не берись. Позови девочек.

– То есть вам все равно, кто целовать будет?

– Силу пропускает через себя тот, кому она отдана, часть поглощает защита, часть возвращается, – отрезал сыщик, – это логично и понятно любому, кхм, любому другому. От помощи девочек мне легче, Мышка, а от тебя голова болит сильнее и ты забываешь про компресс.

– Ой.

Быстро сменила компресс.

– Тело тоже горит, – с намеком сказал дознаватель, – поэтому слезь уже с покрывала и верни ту милашку с губкой. Сомневаюсь, будто ты сможешь обтереть меня и не умереть от стыда.

– Как ваша любовница, я должна ее сегодня же уволить. Разве вы не настаивали на правдоподобном исполнении роли? Но если она вам так понравилась, давайте оставим, пусть обтирает в любое удобное время. Я остаюсь только потому, что меня совесть мучает. Вот верну долг и пойду.

И объяснив тем самым свои намерения, обхватила его голову и поцеловала в губы.

Сперва точно я целовала, при этом очень старалась, не зная, как именно выглядит процесс восполнения отданной силы – браслет ее трансформирует или что-то там еще задействуется. Наверное, все же второе, поскольку это еще ощутилось сквозь тонкое покрывало, намекая, что не стоило слишком решительно оседлывать раздетого дознавателя.

Лихорадка Кериаса все же ударила ему в голову и помутила сознание, так как процесс выздоровления внезапно превратился в какой-то другой процесс и не по моей вине. Да и сложно проявлять инициативу, когда тебя переворачивают на спину, подминают под себя, не размыкая губ, и продолжают целовать с... с остервенением. Руки проникают под халат и сорочку, гладят тело совершенно бесстыдно, поскольку ни о какой защите и речи не идет, а обнаженный торс, открытый сползшим покрывалом, касается твоей груди, прижимает к кровати так, что не шелохнуться, а мужская рука ведет по ноге, поднимаясь от колена все выше...

– Кхм, простите. Мне сказали, в этой комнате больной, – раздался от двери голос, перекрывший громкий гул в ушах.

Напор на мои губы и тело ослаб, Кериас отстранился и приподнялся на руках, сперва посмотрел на меня, потом на доктора, затем сказал такое, к чему и добавить было нечего:

– Меня уже лечат, дождитесь своей очереди.

Доктор явно был не из робкого десятка, а может оказался знаком с императорским кузеном. Он не растерялся и не подумал покинуть спальню. Аккуратно притворил дверь, прошел к небольшому бюро у окна и поставил на него саквояж.

– Позвольте усомниться в эффективности подобного метода. По описанным симптомам и по внешним признакам, которые я у вас наблюдаю, весьма походит на лихорадку. В эту пору года самое распространенное заболевание, замечу я вам.

Пока мужчина невозмутимо рассуждал, я попыталась выбраться из-под дознавателя, и он даже отпустил. Доктор стоял, повернувшись к окну, и рылся в своем саквояже. Я воспользовалась этим, чтобы привести одежду в порядок, а потом быстро приложила ладонь ко лбу Кериаса. Температура не снизилась и на градус.

– Не помогло? – полный разочарования вопрос вырвался сам собой. Доктор чуть насмешливо крякнул и повернулся.

– Успех подобного лечения можно гарантировать лишь в двух процентах случаев, очаровательная леди.

Я требовательно взглянула на Кериаса, который лежал, раскинув руки в стороны. Одеяло сбилась, но удачно, на том самом месте, которое и

стоило прикрыть.

Обманщик!

Кузен императора слегка скосил на меня глаза, отметил мое возмущение и оказал честь коротким пояснением:

– Сегодня уже поздно.

То есть? Можно было не целовать? Раз началась лихорадка, силу уже не передать? Она рассеялась? Или что там с ней?

Зверь пожал плечами, отвечая на невысказанные вопросы, и пояснил во второй раз:

– Я ведь говорил, не надо. Любишь ты, Мышка, настаивать в самое неподходящее время.

Так это я виновата?

– Ладно, доктор. Осматривайте, лечите, иначе голова сейчас взорвется.

– Вы приняли хорошее тонизирующее, – заметил на это врач, с улыбкой взглянув на меня, – весьма и весьма действенное, оно заметно вас взбодрило. В вашем состоянии пациенты обычно не могут шевельнуть даже пальцем и беспрестанно стонут. Ну-с, приступим к осмотру.

Я не стала дожидаться ни осмотра, ни заключения, стремительно направилась к двери, не оборачиваясь, чтобы спрятать от сосредоточившегося эскулапа свое пылающее лицо (сейчас еще мне поставит лихорадку), а из комнаты вышла, громко хлопнув дверью. Даже если у больного от стука голова треснет, совесть меня больше не беспокоит.

ГЛАВА 6

Вот же мастер играть словами и изворачивать фразы, – возмущалась я, протискиваясь сквозь заросли разросшегося сада. Сбежала сюда после того, как настырная горничная отловила меня возле двери Кериаса, потащила в спальню и заставила смыть маску с волос. Она говорила что-то про другие процедуры, а я клятвенно пообещала совсем немного прогуляться по саду и быстро вернуться.

– Это логично и понятно любому другому, – попробовала я скопировать тон дознавателя, – отдать силу может тот, кто ее забрал. Да-да. Так-таки любой это понимает, буквально каждый день имея возможность пользоваться аккумулянтами. Уже не надо, Мышка! А ведь мог просто сказать: «Теперь нет смысла, поскольку лихорадка уже началась», – а он... наглец! Даром что родственник императора, у них вся семейка наглая. Ого!

Возглас вырвался сам собой, когда обогнув низкорослые пушистые елочки, я вдруг оказалась на берегу озера. Круглая ровная чаша с зеркальной водой, в которой отражалось голубое небо. Водоем явно создавался искусственно и раньше его берег был вымощен камнем, а теперь сквозь него проросла трава, пробились колючие ползуны. Сад был очень красив, но почти непроходим, я изрядно оцарапалась о ветки, пока шла напролом, куда глаза глядят, желая отыскать укромный уголок.

– А это что такое? – изучая берег, я увидела скрытые плющом стены старого здания. Разглядеть можно было только крышу круглого павильона, расположившегося у самой воды. Неплохой особняк отстроил Зверь в центре столицы. Такой приличный кусок земли с садом и озером имелся далеко не в каждом загородном доме.

Перепрыгивая и переступая по камушкам, поскольку дорожка заросла так, что ее и видно не было, я добралась до павильона. Вблизи удалось различить оконные проемы и очертания двери. Я потянула за иссохшие лианы, ломая хрупкие ветки, обмотала снятым с головы тонким шарфом ладонь и принялась расчищать проход от упрямого плюща.

Провозилась долго, но в результате глазам предстала старая деревянная дверь, и она оказалась не заперта. Покосившая створка была приотворена и намертво вросла в землю. Я дергала за ручку, пинала ногами, пытаюсь расшатать, толкала плечом, а затем попробовала протиснуться в широкую щель, напирая изо всех сил, отчего старая деревяшка наконец-то поддалась и с жутким скрипом сдвинулась еще на

несколько сантиметров. Этого хватило, чтобы оказаться внутри.

Раньше из высоких окон озерного домика – от пола до потолка – открывался изумительный вид на воду и росшие по берегам деревья, а теперь плющ затянул помутневшие стекла и скрыл прелестную картину. Внутри было сумрачно, свет проникал через приотворенную дверь и через изумительный потолок. Купольный витраж с рамной конструкцией из латуни изгибался разноцветной полусферой. Правда, кусочки стекла потускнели и потемнели, годы оставили на них толстый слой серой пыли, а вездесущий плющ пробрался даже на крышу, но красоту и мастерство исполнения не могла скрыть даже грязь.

Я прошла в центр пустой комнаты по вороху шуршащих листьев, остановилась под куполом, запрокинув голову, и попыталась рассмотреть рисунок. Судя по витражу, этот павильон был так же стар, как и сад, и прежний дом, в новом уже отсутствовала декоративная отделка стен и потолка и разноцветные окна – признак древности любого здания.

Бойкие солнечные лучики просачивались сквозь отдельные стеклышки, создавая удивительную игру света – точно радужная дымка висела в воздухе. Это напомнило мне о найденном в библиотеке камне, чьи грани разбрасывали вокруг разноцветные блики. Я оставила его на столе, когда сбегала, решив, что сыщики сами найдут и изучат, а потом и вовсе позабыла про находку. Кериас тоже о ней не упоминал и не расспрашивал.

Листья зашуршали по полу от порыва, заглянувшего в заброшенный дом, ветерка, я поежилась, сунула руки в карманы и хотела уже направиться к двери, когда пальцы вдруг сжались вокруг гладкой поверхности с неровными краями. Не веря себе, я вытащила кулак наружу, раскрыла ладонь и уставилась на камень, о котором только что вспомнила и который никак не мог оказаться в кармане нового платья от мадам Амели.

– Быть такого не может!

Но это было. Реальный камень холодил ладонь и разбрасывал вокруг разноцветные блики, и пока я наблюдала за этой игрой света, стала легонько кружиться голова. Внимание рассеивалось, мысли разбегались, глаза заболели от света переливающихся граней, а я все смотрела и смотрела. Видела, как радужная пыль, витавшая под стеклянным куполом, смешивается с искристым сиянием сверкающего на ладони кристалла. Невероятно красиво и завораживающе, особенно когда лучи света рассыпались разноцветными пайетками, закружившими в удивительном танце. К каждой частице прилеплялась другая по типу мозаики, и вокруг меня складывался замысловатый рисунок. И все быстрее, быстрее вращались они, выстраивая сверкающую стену, пока я не оказалась в

центре удивительного радужного пространства.

Голова перестала кружиться, а глаза больше не слезились, изо рта вырвалось облачко пара, но холода не ощущалось. Я приложила руки к стене напротив, она казалась хрустальной, и сквозь цветные прозрачные стеклышки проглядывали очертания комнаты, но невозможно было пройти насквозь и покинуть странное место.

– Где я? – спросила пространство вокруг.

– У меня в гостях, – ответило пространство.

Я резко обернулась и также стремительно подалась назад, прилипнув лопатками к холодной поверхности.

– Призрак!

– Здравствуй, Миланта, – он улыбнулся, приветственно склонив голову. Улыбка была красивой и холодной.

Сидя в центре этого странного места с приглушенно светящимися разноцветными стенами в круге света, но не солнечного, а снежно – белого, он рассматривал меня с отстраненным интересом.

Белая одежда, белые волосы и бледная мраморная кожа, а глаза синие и тоже морозные.

– Я хотел познакомиться с девушкой, увидевшей камень.

Сколько книг я прочитала, от философских и научных трудов до приключенческих романов, но знания, и опыт, изложенные чужими словами, не подсказали, что можно сделать в эту минуту, оказавшись наедине с убийцей в каком-то радужном кубе. Героиня книги спросила бы смело и с достоинством: «Что это за камень? И что это за место?»

А я ничего не хотела спрашивать, я хотела убежать, мне было страшно. Тот же ужас, что испытала однажды, когда он приходил за мной в памятную ночь.

– Ты нашла его, – Призрак легко и плавно поднялся с сиденья, напоминавшего трон, свитый из нитей света, и шагнул в мою сторону. Стена за спиной не давала мне сдвинуться с места, а он продолжал приближаться, говоря, – это подарок. Он обладает очень большой силой и отныне принадлежит тебе.

Крик тоже замер льдистым комком в груди, пока я наблюдала, как убийца подходит, сокращая расстояние между нами, и останавливается в одном шаге. Вытянул руку и коснулся моей щеки, мягко провел сверху вниз, а выражение его глаз оставалось все таким же отстраненным и изучающим, я же превратилась в ледяную статую.

– Ты боишься меня, – и снова улыбнулся. Красивая улыбка, красивая и холодная.

– Напрасный страх. Твои помыслы чисты и сердце свободно от чёрных намерений, душа и тело невинны, мне не за что наказывать тебя. Я не враг, Миланта.

Вряд ли я восприняла даже половину того, о чем он хотел сказать. Оглядывалась затравленно по сторонам, видя кругом одну сверкающую стену и, пронизанный потоками белого света, воздух – бежать было некуда.

Призрак протянул ко мне руки, и я вся сжалась напряженной пружиной, готовясь к тому, что сейчас из сверкающего пространства вдруг появится нож, а убийца лишь взял мои ладони. Бешеные удары сердца, отдававшиеся гулом в ушах, сменились размеренным стуком, рваное бурное дыхание выровнялось, а ходившие ходуном плечи опустились, сбросив с себя невидимый груз. Колоссальное напряжение отпустило и исчезло вместе со страхом.

– Я не враг тебе, – повторил он, – не сейчас и не здесь.

– Где, здесь? – прошептала, впервые решившись заговорить.

– В другой реальности, – он повел рукой в сторону, обводя искрящиеся стены, – чью чистоту нельзя нарушить.

– Зачем я вам?

Пусть страх и тревога улеглись, точно по волшебству, но я была ещё очень далека от того, чтобы доверять словам человека, перерезавшего горло мёру на моих глазах.

– Я хочу стать твоим другом. Позволишь?

Большей растерянности ещё не доводилось испытывать. А можно ли отказаться, когда дружбу предлагает тот, кого называют неуловимым убийцей? Не будет ли глупейшей ошибкой дать отрицательный ответ мужчине, который с лёгкостью отыскал и заманил меня в сверкающий капкан?

– Зачем? – спросила осторожно, боясь обидеть или разозлить решительным отказом. – Вам не хватает друзей?

О, ляпнуть подобное было нереально глупо, но сверхглупостью стало бы закончить вопрос уточнением: «Вы их всех убили?» Слава всем высшим силам, оно не сорвалось с моего языка.

– Тебе одиноко, тоскливо, страшно, даже защита того, кто оберегает тебя, не даёт ощущения безопасности, – проговорил Призрак, так странно сформулировав ответ. И вдруг провел пальцами вдоль моего плеча, точно подцепляя невидимые струны музыкального инструмента, и я услышала тихий звон, а вокруг тела голубым светом вспыхнула защита.

– Что вы делаете? – я снова испугалась, – вы ее разрушаете?

А если весь этот разговор лишь способ отвлечь? И сейчас он меня

убьет, как только справится с охранкой Зверя?

– Непросто разрушить защиту, связанную с силой дающего.

Он убрал руку, а я снова ничего не поняла.

– Грани тянут свое, – словно бы вздохнул Призрак, – приходи снова, Миланта, когда захочешь.

Он отступил, а картинка поплыла и смазалась перед глазами.

– Ой, – я медленно села, приложила ко лбу ладонь и огляделась.

– Я что, упала? – поспешно ощупала голову в поисках шишки от удара, которая бы объяснила, как я оказалась лежащей на полу, если еще несколько секунд назад рассматривала красивый разноцветный потолок.

– Наверное, засмотрелась и оступилась, – пояснила самой себе, пытаюсь сообразить, на какое время потеряла сознание. Похоже, лишь на несколько секунд, поскольку голова болела не так, как могла бы, ударься я со всего маху о каменный пол.

Встав и отряхнувшись, я одернула подол платья и направилась к двери, вдруг почувствовав, как сильно замерзла. И ведь не сказать чтобы внутри домика у озера было слишком свежо или морозно, однако мои руки оказались практически ледяными, пальцы подрагивали, а в груди поселился странный холод.

Сложно объяснить, почему я не поспешила в собственную комнату или на кухню, не налила горячего чаю или молока с золотистым медом, чтобы согреться, а пошла напрямик к дознавателю. Для описания моих действий более или менее подходило слово: «Беспокойство». В теперешнем состоянии сыщика была и моя вина, а потому следовало узнать заключение доктора, ведь я убежала из дома, даже не поинтересовавшись, что, конечно же, странно для переживающей любовницы.

В комнате Кериаса не было никого, кроме самого хозяина, и он крепко спал.

Говоря себе, что подхожу с целью проверить температуру, я приблизилась к кровати и склонилась над Зверем. Не отдавая отчета в странности своего поведения, взяла лежавшие поверх покрывала расслабленные ладони и крепко их сжала.

Удивительно, но пока я шла по парку, торопясь вернуться в дом, холод отступил, а быстрая ходьба согрела все тело, и только холодок в груди исчезать не спешил.

Ладони Кериаса были широкими и жаркими, от них в мои пальцы перетекало тепло, растапливая льдинку, не дававшую свободно дышать. Я точно вырвалась на свободу из колючего плена и перевела дыхание, ощутив

небывалую легкость. Улыбка скользнула на губы, а я открыла глаза и столкнулась с внимательным и изучающим взглядом проснувшегося мужчины.

Мгновенно отшатнувшись от кровати, чуть было снова не оступилась и не растянулась на полу.

– Ты очнулся? – спросила первое, что пришло в голову, ощущая при этом странное чувство вины.

– Как интересно, Мышка, – протянул Кериас, не став пояснять очевидного, – а не хочешь поделиться, кто научил тебя забирать таким образом чужие силы? – он кивком головы указал на собственные руки и снова пристально на меня посмотрел.

– Что? – услышав от Зверя подобную непонятную фразу, я отступила подальше. Возможно, он бредит?

– Мышка, зачем же через ладони? Через поцелуй возьмется намного больше.

– Я... – когда он заговорил про ладони, я наконец провела параллель между собственными действиями и его словами, но ведь никакого намерения брать энергию не было и в помине, – я просто замерзла, – попробовала объяснить ему то, что сделала.

– Замерзла? – сыщик слегка прищурился и окинул меня взглядом с ног до головы.

– Гуляла в саду, замерзла, а потом пришла сюда проверить, не прошла ли у тебя... вас температура. Взяла ваши ладони, а они оказались такими теплыми. Вот.

– Моя прелесть просто замерзла, – в голосе главного имперского дознавателя появились бархатистые чарующие нотки, и он заботливо отогнул край одеяла, похлопав ладонью рядом с собой, – ложись сюда, согрею.

Я отступила еще подальше и снова замерла под пронзительным взглядом, который никак не сочетался с мурлыкающими интонациями его тона.

– Не нужно. Мне уже тепло. Сожалею, что разбудила. Отдохните, я приду позже, через часик или два, или три.

Впереди уже маячила спасительная дверь, а потом раздалось повелительное: «Стоять!» – и я поняла, что бегство меня не спасет.

Приказа, отданного таким тоном, послушался бы только ненормальный, поэтому я снова остановилась, но поворачиваться к дознавателю не спешила.

– Мне нужны подробности, Мышка, – сказал Кериас, и я чуть снова не

рванула к двери, потому что он умудрился неслышно подойти и теперь оказался за моей спиной. Но стоило только подумать о бегстве, как ладонь дознавателя сжала плечо и развернула меня лицом к мужчине.

– Говори! – знакомый тон. Как тогда, в первое посещение дома имперского сыска, когда он допрашивал похожим образом, и увиливать или отнекиваться было бесполезно. Но что я могла ему сказать, если сама едва ли понимала происходящее.

Взгляд сконцентрировался на мужской груди, и я успела подумать, что помощь доктора оказалась более действенной, чем моя, раз Кериас уже поднялся на ноги. Уперев ладони в эту грудь, попыталась удержать мужчину на расстоянии вытянутой руки и попутно сделала вывод, что жар ушел, а еще дознаватель красовался в штанах, а не совсем без одежды, хотя и стоял на полу босиком. Пока я замерла, глубоко задумавшись над тем, что такого сделала, как и зачем, пальцы сами собой принялись выводить замысловатые рисунки, перепархивая с одного участка рельефной груди на другой.

– Используем проверенный способ, Мышка? – полный издевки голос вырвал из мысленного путешествия по саду к домику у озера.

– Что? – я вскинула голову и снова опустила, столько насмешки светилось в глазах Зверя.

– Один раз сработало, может снова помочь и отвлечь внимание? Раз не хотим отвечать, будем притворяться дурочкой и воздействовать лаской? – разъяснил мне Кериас.

Я тут же вспомнила тот момент, в ателье мадам Амели, когда положила руки на его плечи, прижалась к груди и попросила поехать домой. Лучше бы послушалась и потерпела еще немного, тогда бы император не нарисовался на горизонте.

– Нет! – я отдернула ладони, которые уже жили собственной жизнью, поглаживая четко обрисованные натренированные мышцы.

– И почему нет? – приподнял бровь Кериас, – а вдруг сработает? Разве можно подозревать в чем-то такую милашку? – и он запустил пальцы в мои волосы, как будто лаская, и вдруг резко запрокинул мою голову и склонился ниже, провел носом вдоль шеи, втягивая воздух, вырвавшийся обратно внезапным коротким хрипом, напомнившим звериный рык.

Я отшатнулась, а он не пустил и дернул обратно. Сжал голову обеими ладонями, удерживая меня на месте и заглядывая в глаза. Первое мгновение в черноте его взора горело такое голодное и настороженное выражение, что засосало под ложечкой. Темный взгляд словно обвинял и одновременно чего-то требовал, но лишь мгновение, а секунду спустя вновь стал

насмешливым и изучающим.

– Не брала мои силы? – и ласковая улыбка на лице и бережное поглаживание пальцами по шее и плечам, широкой ладонью по спине, чтобы нежно привлечь ближе, прижать к его телу.

– Нет, – я сжалась, интуитивно ощущая исходящую от мужчины опасность, – не знаю, как это делать. Вы сами сказали... – я запнулась и замолчала, потому что его губы коснулись моей шеи, проводя выше, прижались к тонкой коже за ухом, шевеля горячим дыханием короткие волосы.

Он спрятал от меня свои глаза, я больше не видела их выражения и не выходило понять, о чем он думает.

– Что я сказал? – глухо произнес он, слегка сжав рукой мою талию.

– Что могу отдать энергию через поцелуй, но вы не говорили, будто могу ее забрать, а, кроме вас, некому об этом рассказать. Я не маг, как сумела забрать ваши силы?

– Ты не маг, Мышка, – он отстранился лишь затем, чтобы сделать несколько шагов назад, увлекая за собой к кровати. Медленно опустился на одеяло, устроился удобнее, облокотившись спиной на подушки, и резко дернул меня вниз. Когда я упала на покрывало, он ухватил за плечи, подтянул и усадил между широко расставленных ног, спиной к себе. Склонившись к самому уху, понизил голос почти до шепота и доверительным тоном сообщил:

– А теперь я объясню, что случилось, малышка.

Наша поза больше подходила не для объяснений, а для обмена любовными признаниями. Он сидел, положив один локоть на согнутую в колене ногу, а вторую руку мне на талию, крепко прижав ею к своей груди и пресекая попытки к бегству. Я не сопротивлялась, не перечила, ощущая так отчетливо, как никогда, что сейчас не время для препирательств. Инстинкт самосохранения шептал не двигаться и покорно слушать все, о чем Кериас хотел рассказать.

А он не спешил начинать, потому что занялся совсем уж странным делом. Развязал ленту, удерживавшую тяжелый узел волос, раскинул шелковым покрывалом по моим плечам и запустил в них пальцы, провел сверху вниз несколько раз, а потом прижался к волосам щекой и вздохнул. Тут как нельзя кстати вспомнилась его фраза, сказанная императору: «Она меня успокаивает». И сейчас я уловила, как прежде отчетливо ощущавшееся чувство опасности перестало электризовать воздух вокруг, сгущая и делая его столь плотным, что становилось трудно дышать. Кериас правда успокоился и когда снова заговорил, голос его звучал ровно:

– Ты хорошо знаешь историю, малышка? – и не дожидаясь ответа, – магических существ было так много в то время: оборотни, фейри, ламии или ведьмы в простонародье, буры или те же вампиры. У каждого своя магия, свои силы и возможности воздействовать на людей. Без людей никто из них существовать не мог, люди были их пищей. Но не тем видом, к которому мы привыкли, да, Мышка? Энергетической пищей, источником сил. Никто не пил кровь человека, не ел его мясо, как это потом извратили в старых сказаниях, они просто забирали жизненную энергию и обогащали ею себя, отсюда долголетие, молодость, красота и прочее. Никто не помышлял искать другие источники, поскольку люди всегда находились в непосредственной близости. Подходи и бери.

Были среди магов существа, которые принимали людей за живых существ, признавая за ними право на жизнь, чувства, собственные мысли и желания, а другие не особо переживали даже тогда, когда могли вытянуть с силами практически жизнь человека.

И вот те, кого в истории окрестили хранителями, придумали формы особенной защиты. Ведь и магические существа могли влюбиться, создать семью с человеком, родить одаренных детей. Судьбы смесков касаться не будем, ведь суть в другом – эта защита была нескольких уровней. Простую рисовать не стану, лучше сразу опишу самую сложную – защиту, основанную на силе дающего.

Странно. Я впервые слушала про магическую защиту, ведь даже в нашей библиотеке не было запрещенных книг по магии, но сейчас в ушах отчетливо прозвучал чей-то чужой голос: «Непросто разрушить защиту, связанную с силой дающего». Кто еще мог упомянуть при мне про охранные чары?

Я отвлеклась на секунду и когда вновь прислушалась к словам Кериаса, он завершал пояснения:

– Охранный сет формируется по всему телу и связывается с силой того, кто ее поставил. В нашем случае, с моей жизненной энергией. В момент, когда я отдал силы, пропустив через твоё тело, часть их могла вернуться, не оказись мышка такой жадиной.

– Да я не знала! Могли бы сказать про поцелуй!

– Я сказал.

– Вы же не объяснили, а упомянули так...

– Как обычно.

И снова я виновата!

– Таким образом, за ночь сила замкнулась в круг, наполнив ячейки сети, после чего было уже бесполезно возвращать, – подвел итог моей

жестокости дознаватель.

– А отчего начался жар? – я не собиралась мучиться угрызениями совести из-за вредного характера Зверя, потому что точно знала – имей обо всем полное представление, не стала бы жалеть поцелуя.

– Организму пришлось восстанавливаться. Это долго и болезненно.

– А вы быстро поправились.

– Надо было еще поболеть? – я собралась уже пояснить, что другое имела в виду, а Кериас продолжил:

– Императорский лекарь не тот человек, который позволит болеть главному дознавателю. Моя работа – это жизненная необходимость всегда находиться на боевом посту, Мышка. Даже краткое отсутствие и невозможность быстро среагировать на опасность могут привести к крайне нежелательным последствиям.

– Значит, вас лечили не простыми средствами?

Мужчина хмыкнул и промолчал. Но и так было понятно. Простые люди в нашей империи жили обычной жизнью и даже не задумывались о том, насколько плотно соприкасаются с магией сиятельные правители и их семьи. Средства для красоты, лекарства и даже магические браслеты.

– Еще один побочный эффект у этой защиты, помимо кратковременного недомогания, это установившаяся связь между нами. Ты словно сидишь у источника и когда захочешь напиться, можешь наклониться и зачерпнуть хоть полные ладони. Высшая защита не дает ограничений тому, кого хранит носитель силы. Связь односторонняя, поскольку ты закрыла канал и не установила между нами свободный обмен. Так что, Мышка, своим отказом добровольно поделиться моей же собственной силой, ты превратила себя в маленького очаровательного вампирчика, который может подкрасться к мирно спящему больному и забрать энергии, сколько пожелает. Правда не ожидал, прелесть, что ты окажешься настолько коварной. Говоришь, никто не учил тянуть энергию? Не показал и не продемонстрировал, как это можно сделать?

– Нет! – я передернула плечами, стараясь отклониться, а лучше всего вывернуться из объятий Зверя, а заодно осмысливая всю переданную им информацию.

– А где ты была, Мышка, пока я спал под воздействием чудодейственного снотворного?

И снова тон его голоса был таким ласковым, а рука нежно гладила волосы, пропуская пряди сквозь пальцы.

– Я гуляла по саду.

– И совсем никого не видела в саду?

– Нет. Почему вы мне не верите?

Я хотела повернуть голову и взглянуть Кериасу в глаза, но меня только крепче стиснули руками и ногами, попросту защелкнув своеобразный капкан, а голос дознавателя звучал также ровно и спокойно:

– Потому что любое воздействие оставляет свой шлейф, подобно духам, но с неприятным запахом. И он накладывается поверх природного очень притягательного аромата.

И мужчина потерял носом о мою шею.

– Я что-то не совсем понимаю.

– Все верно, малышка, раз уж выбрала игру в растерянную непонятливую Мышку, нужно блефовать до конца.

Он снова меня в чем-то обвиняет?

– Вы можете привести пример? – попыталась разобраться в этом вопросе.

– Конечно, – чуть насмешливо ответил Кериас, – когда мой брат оставил на тебе печать, запах почти неуловимо, но изменился.

Ах, вот он о чем!

– Я не блефовала, просто не подумала о воздействии императора.

– А о чем ты подумала?

– Ни о чем, кроме вашего, я подумать не могла, поскольку в саду я никого не встречала. У вас после болезни нарушилось восприятие.

– Вот как?

– Именно.

Мне было неудобно разговаривать с ним, сидя спиной. Не видя глаз собеседника, чувствуешь себя по меньшей мере неудобно. А с таким как Зверь растерянность возрастала с геометрической прогрессией. Да в чем он меня подозревал? Хотя чему здесь удивляться, ведь подобное поведение очень в его стиле. Он же еще во время первого дознания пытался выяснить, не играю ли я на пару с Призраком.

– Ну ладно, Мышка, раз у нас тут полный порядок, а ты совсем случайно пришла в комнату и утянула немножечко сил, пытаясь измерить температуру, значит, самое время мне еще отдохнуть.

Он вдруг выпустил меня, еще и отодвинул подальше, чтобы не мешала вольготно растянуться на кровати. Подложил ладони под голову, сохраняя на лице самое равнодушное выражение. Но я не могла не уточнить еще один момент:

– Так теперь всегда будет? То есть коснусь вас и заберу энергию? А через поцелуй возьму еще больше?

– Пока стоит защита, Мышка, – и снова спокойно ласковый тон, от

которого я уже начинала раздражаться, – когда захочешь.

Ну опять эта манера строить фразы! Я начинала злиться потихоньку и снова предприняла попытку прояснить:

– Могу брать в любое время, когда захочу, пока стоит защита? А если не захочу, то выйдет обычный поцелуй или прикосновение?

– Можешь проверить опытным путем, – не дал прямого ответа Кериас, чем разозлил меня уже буквально до невозможности. Подозревает, делает какие-то намеки, пугает. Он заслужил не только жара, но и хорошего удара чем-то тяжелым по голове для вправления мозгов.

И вот пока расслабленный сыщик прикрыл глаза, явно уверенный, что я снова засмущаюсь и никакие опыты проводить не стану, я взяла и стала, причем начала со способа, который, по словам Зверя, являлся самым эффективным. Если прикосновения дают мало, то и ощутить нюансы передачи силы сложнее, а с поцелуем проблем не возникнет.

С такой мыслью я и накинулась на томно нежившегося на мягкой перине мужчину. Обхватила ладонями его голову и впилась в губы со всем желанием обесточить наглого, зарвавшегося императорского родственничка, который однажды заявил, будто со мной он может делать что угодно, а ему за это ничего не будет.

В первый миг ощутила лишь тепло его губ, а вот то, что он назвал жизненной энергией почувствовала несколько позже, когда приятный жар и истомы прокатились по всему телу легким покалыванием, принося ощущение легкой эйфории и удовольствия, а потом огромного разочарования, когда меня с силой оттолкнули, да еще погрозили у носа указательным пальцем.

– Это уже наглость, Мышка.

– Вы сказали проверять, я проверяю. А эксперимент еще не закончен.

Дознаватель закатил глаза к потолку и раскинул руки в стороны, очевидно, разрешая приступить ко второй части опыта.

Ладно. Сейчас попробуем успокоиться, вдохнуть глубоко и выдохнуть и так несколько раз. Не злиться, не вспоминать о мести и о том, что теперь и в моих руках появился способ воздействия, не помышлять о желании поймать еще чуточку эйфории, а просто поцеловать, совсем ни о чем не думая.

И я, как и в первый раз, ухватила голову дознавателя ладонями и снова наклонилась, целуя осторожно и без злости.

И тоже сперва почувствовала тепло губ, их мягкость и слабый аромат можжевельника. Упоение и томление накатили внезапно, дразня предвкушением той самой эйфории, не думать о которой было сложно, как

и сдерживать саму себя, когда уже ощущала покалывающий жар и чувство томной неги, разливающейся по телу. А потом эта истома сменилась более реальными ощущениями мужских прикосновений.

Если я всего лишь проводила эксперимент, то Кериас со второй попытки втянулся в процесс и теперь перехватил инициативу, сбив меня с намеченного курса тем, что четким и безошибочным движением нашел способ быстро распустить шнуровку платья от мадам Амели, и теперь гладил мои обнаженные плечи и открытую вырезом спину. Пальцы проходили вдоль позвоночника, чуть надавливая, поднимались к шее, чтобы обхватить ее ладонью, не позволяя не то что прервать опыт, но даже попробовать почувствовать разницу между двумя разными способами.

И имей я возможность говорить, сейчас бы непременно пояснила ему, как он мешает и отвлекает от действительно важного дела. Особенно тем, что перевернул меня на спину, а сам невероятно наглым образом устроился между моих ног и превратил экспериментальные поцелуи в менее невинное занятие, вроде скольжения губ вдоль шеи и ниже, к лифу предательского, очень быстро снимаемого платья. Скорость, с какой оно сползало, а также шуршание и треск материи как раз и напомнили, что рот уже не занят и говорить я могу.

– Ой, пустите, – пискнула, одновременно пытаюсь прикрыть руками обнаженную грудь, но Кериас быстро перехватил мои ладони, прижал к постели, а сам перевел горящий взор на мое лицо и хрипло выдохнул:

– Пустить? – и отвел глаза, шепнув, – безумие.

Не поясняя, что подразумевал под безумием, мою просьбу или собственные действия, продемонстрировал это определение наглядно, когда поймал горячим ртом сосок, а другой ладонью накрыл вторую грудь.

Заторможенность моей реакции, когда сразу не оттолкнула, объяснялась, вероятней всего, отсутствием опыта. Сообразить, что правая рука свободна, я смогла с опозданием, уже когда Кериас отпустил и левую, чтобы удобнее было обхватить полушария обеих грудей, свести их вместе и ласкать одновременно.

Я так стану любовницей быстрее, чем собиралась. Хотя я ведь совсем не собиралась.

Мыслительный процесс давал сбой, и в этом явно прослеживалась вина Зверя. Я заподозрила, что он недоговорил о воздействии забранной энергии и последствиях эйфории, они затуманивали мозги тому, кто забирал. Это я ощутила на собственном опыте и очень отчетливо, как и холодок на груди, которой уже не касался горячий язык, ведущий влажную дорожку по животу.

– Вы сошли с ума-а-а, – я вцепилась в смолянистые пряди, когда черноволосая голова уместилась между моих бедер, а язык стал творить совершенно неуместные непристойности, настолько бесстыдные, что они напрочь отвлекли даже от мужских ладоней, которые крепко сжались на обнаженных ягодицах и не позволяли мне извернуться.

Сила, та самая, которую я столь опрометчиво вытянула из него, ударила наотмашь, как хлесткая пощечина, расколола голову на сотни долей. Я вырвала ладони из черной гривы, сжала виски, изогнувшись всем телом, в котором пульсировала чистая энергия. Она прокатилась до горла, вырвала из него протяжный всхлип, добралась до вновь согретой широкими ладонями груди, пробежала по ногам и сосредоточилась внизу живота, распавшись вспорхнувшими бабочками, чьи крылышки тут же облетели, как лепестки цветка под шквальным ветром.

– Ай, – я всхлипнула громче и резко крутанулась в сторону, получив этот шанс, когда ощутила, что сильные руки больше не держат так крепко. Подтянула покрывало, обмотала вокруг обнаженного тела, лихорадочно строя заслон между мной и мужчиной, который стоял сейчас на коленях, ссутулившись, уткнувшись лбом в перину и сжимая в кулаках ткань скомкавшейся простыни. Он дышал тяжело, лихорадочно, так что широкие плечи быстро поднимались и опадали.

– Как вы посмели! Как можно было? Что вы сотворили?

– Ничего, Мышка, – ответ прозвучал тихо и глухо, пальцы не выпускали простынь, но на эти детали я не обратила внимание.

– Вы использовали меня, использовали для чего-то... грязного! Мне было... Нельзя так... Слышите? Наймите проститутку, возьмите любую уступчивую служанку, трогайте ее, где вам заблагорассудится! Потому что я не давала согласие, а вы, мерзавец! Ненавижу! Не смейте никогда больше прикасаться ко мне!

Стыд затопил такой жгучей волной, что сквозь шум в ушах я с трудом понимала какие оскорбления выкрикиваю и в чем его обвиняю.

– Не смей? – его хриплый ответ я расслышала даже сквозь гул в голове, – а ты попробуй заставить меня!

И ладонь, секунду назад ласкавшая умело и бережно, сжалась на моей шее, минуя заслон из скомканной на груди ткани, опрокинула меня на кровать, а Зверь навис сверху.

– Заставь, оттолкни, запрети, но не води себя по-идиотски, сперва дрожа подо мной, покорно раскрывая губы, не отталкивая рук, а выгибаясь им навстречу, а потом крича, чтобы я не смел пользоваться тобой. Или твое тело живет собственной жизнью, Мышка, лживой самостоятельной

жизнью вдали от твоего чистого незамутненного сознания?

– Я вас убью, – теперь уже я хрипела, потому что он был невменяем, не контролировал свою силу и сжимал горло слишком сильно, – выпью энергию и не оставлю ни капли.

– Тогда начнем сначала? – он склонился к моим губам, сверля возбешенным потемневшим взглядом, – только сперва объяснишь, как я тебя использовал? И почему после этого не я, а ты испытала удовольствие.

Ничего я не испытала, а если испытала, то последствием стал мучительный стыд, ожегший краской все тело, и осознание того, что стремительно скатываюсь в пугающую пропасть.

Но эту фразу я уже не могла выкрикнуть, а Зверь заметил, как я судорожно хватаюсь за его руку, и быстро разжал пальцы, отшатнулся от меня и снова схватился руками за голову, пока я кашляла и пыталась отдышаться. Я надсадно вздохнула и услышала его шепот.

– Много сил ушло... не хватает на контроль. Только не сорваться, нельзя...

На моих глазах его тело стало бить крупной дрожью, а тихий шепот был едва слышен:

– Уйди, уйди.

Сумасшествие заразно, я это поняла в тот момент, когда метнулась к нему, обняла за плечи и принялась гладить по голове, укрыв нас обоих плащом из рассыпавшихся волос. Я отдавала себе отчет, что слово «Приступ» означает нечто страшное, намного страшнее всего остального, особенно учитывая силу Зверя и то, как воздух вокруг снова сгустился. Мой уход не означал бы моего спасения здесь, в доме, где он являлся хозяином. Он ведь поймал меня однажды. Если сейчас убегу, где гарантии, что не бросится вдогонку?

Потому и кинулась теперь и позволила прижать к себе и уткнуться лицом в волосы, и даже не пискнула бы, заяви он, что это я довожу его до невменяемого состояния. Но он молчал, сжимал до хруста в ребрах и молчал, а потом оттолкнул неожиданно, резко и сам соскочил с кровати.

– Не помогает, Мышка. Твой запах сейчас – это катализатор, он не успокаивает. – Зверь запрокинул голову, жадно втягивая в легкие воздух, – хуже, только хуже! Я все еще чувствую твой вкус на кончике языка и я сейчас сорвусь.

А потом он прыжком преодолел расстояние до двери, и грохот сотряс комнату, когда деревянная створка с гулом захлопнулась за спиной дознавателя. По коридору разнесся залихватский свист, и затихающий вдали голос Зверя, коснулся слуха:

– Где в моем доме доступные служанки?

Стук оглушил на время, как и его слова, и действия. Кутаясь в покрывало, я сползла с кровати и подошла к окну, чтобы распахнуть его, подставляя лицо свежему ветерку и, совсем как недавно Кериас, запрокинула голову и жадно вдохнула аромат сада.

Я увидела его неожиданно и тут же укрылась за занавеской. Мужчина быстро шагнул по дорожке, ведущей к подъездной аллее. Зачем я спряталась и сама не поняла, наверное, оттого, что сейчас кузен императора вызывал у меня желание находиться от него подальше.

– Служанок не нашел, – пробурчала себе под нос, наблюдая, как он идет, а потом заметила подъезжающую карету и собственную горничную, стремительно сбегающую с крыльца. Кериас галантно взял девушку за руку, помог подняться в экипаж и что-то с улыбкой сказал. Девушка мадам Амели похихикала в ответ и скрылась в недрах кареты, где секундой позже устроился и дознаватель. Дверца захлопнулась, а кучер хлестнул лошадей, направив транспорт к распахнутым воротам.

Я закусила губу, а потом быстро отвернулась и принялась искать свое платье.

ГЛАВА 7

Если мужчина стоит во главе имперского сыска, то он должен обладать соответствующими догадливостью и проницательностью, а если ему хватает такта, пусть не врожденного, но хотя бы приобретенного в силу воспитания, то он свою мнимую любовницу оставит в покое. Не знаю, чего хватило Кериасу, но выводы из моего поведения, которое сводилось теперь к пряткам от дознавателя, он сделал правильные.

В течение трех дней я мужчину практически не встречала, никаких случайных и намеренных свиданий, все пожелания передавались только через горничную. Да, да, ту самую горничную, которая имела наглость войти ко мне в комнату вечером того же дня с очень довольной улыбкой и заняться моим внешним видом.

Спустя пару дней эта же девица с озабоченным выражением на миловидном личике поинтересовалась: «Вы поссорились с милордом?»

В первый момент я думала промолчать, но решив, что слугам нужно дать пищу для сплетен, раз уж я все еще числюсь любовницей и соответственно рассчитываю на денежную компенсацию от исполнения данной роли, согласно кивнула.

– О, понимаю, тогда его попытка вымолить прощение совсем неудивительна.

– Какая попытка? – во-первых, я если честно удивилась, а во-вторых, все попытки прошли мимо меня.

– Как же, а новые вещи от мадам, которые сегодня доставят?

– Ааа, – более вразумительная фраза на ум не пришла.

– Ах, вы не знали, значит, это сюрприз. Вам непременно понравится.

Девушка весело похихикала, чем вызвала в душе смутные подозрения.

– Почему?

– Потому что милорд бесподобный выдумщик, – служанка снова рассмеялась, – мужчины стремятся все упрощать, а милорд Кериас не такой. Он очень, ммм, изобретательный. Мадам голову ломала, создавая выкройки специально для вас. Мы так и назвали новую модель «Панцирь».

Насчет того, что милорд не склонен упрощать, я бы поспорила, но с его изобретательностью согласилась вполне.

– Почему панцирь?

– А как иначе? Нет, вы не думайте, с виду это будут совершенно изумительные платья, у мадам других не бывает, но чтобы снять его,

придется потрудиться, как милорд и пожелал. Мадам всегда старается исполнить пожелания клиентов, особенно таких, – и девица с намеком улыбнулась. – Если мужчине интересны игры и он хочет, чтобы получить вожденный приз было сложнее, то кто, как не мадам, в этом поможет? Хозяйке даже понравилось, она разработала целую систему хитроумных крючков и застежек в том числе и на белье. Это будет весело.

– Правда?

Я даже не знала, что подумать, потому решила не заострять внимания на новой выдумке Зверя. К чему понадобилось заказывать новые наряды, наверняка дорогие, если я и старые не все еще носила? К тому же никаких опытов проводить я больше не планировала. Никогда! Хватило и одного глупейшего промаха, чтобы понять, насколько по-разному мы смотрим на такую вещь, как поцелуй в целях эксперимента.

А платье действительно доставили вечером. Сперва только одно, но к нему прилагались белье и чулки. На первый взгляд, эти вещи ничем не отличались от предыдущих. Такие же прелестные фасоны, умопомрачительно красивые и из изумительно дорогой материи, от которых невозможно было отвести взгляд.

– Посмотрите, – горничная держала на руках нежно-голубой наряд, демонстрируя его со всех сторон – Я помогу его одеть.

– Разве сама не справлюсь?

– О, это не так просто. Возьмите, подержите, почувствуете разницу?

Разницы я не чувствовала.

– Обычное шелковое платье.

– Оно необычное, – глаза девушки загорелись энтузиазмом, когда она принялась рассказывать об особенностях новой модели.

– Каждая пятая ниточка этого наряда переплетается с невероятно тонкой проволокой из особого сплава. Он лёгкий, прочный, но его невозможно разрезать даже ножом.

– Как же из него сшили платье?

– Сперва были сделаны заготовки, а сшивались они также особой нитью и простой иглой, которая проходила между дырочками материи, минуя прочный сплав. Даже по шву наряд разрезать невозможно.

– Я так понимаю он и пули не пропустит.

– Мы больше ориентировались на усложнение процесса снятия деталей туалета, но, полагаю, платье может послужить своеобразной защитой на манер щита.

Потрясающе! Меня собрались заковать в броню.

– А к наряду не прилагается металлическая клетка с прутьями из особого сплава? – решила я сострить.

– О, нет, – не поняла моего юмора служанка, – к нему прилагается особенное нижнее белье.

– Оно идёт с замочком? – уточнила я, – это пояс верности?

– Нет, нет, оно крепится к платью с помощью крючков и особых завязок, а чтобы всё распустить и расстегнуть нужно постараться.

То есть где-то на середине процесса желание все снять уже пропадет. Это тебе не ленточки, за которые потянул, и платье само упало к ногам.

– И как долго я буду раздеваться, чтобы, например, лечь спать? Может к утру, когда и спать перехочу?

– Здесь существует своя система, если освоить её, можно избавиться от наряда минут за десять, а если наловчиться, то еще быстрее.

– То есть милорд не знаком с этой системой? – невинно поинтересовалась я.

– Он просил ему не рассказывать, – заговорщицким шепотом поведала горничная.

«И смех и грех», – вздохнула про себя. Хотя с такой защитой до греха, возможно, больше не дойдет.

Убедиться в собственной правоте выпало позже, когда старательная горничная от мадам Амели обрядила меня в женские латы, замаскированные под красивое платье. Одев, она еще долго кружилась вокруг, восхищаясь умением своей хозяйки и ее чудесным вкусом, рассуждая об именитых клиентках, которые бы убили за такую диковинку.

– Даже троюродная племянница его императорского величества не пользуется таким расположением мадам Амели, как милорд Кериас, и вынуждена ждать своей очереди. Его же заказ изготовили необычайно быстро.

– Тронута заботой мадам и милорда, – нехотя отозвалась, устав уже от болтовни словоохотливой девицы. Как мне сейчас не хватало общества моих лучших друзей – книг, которые разговаривали со мной в блаженной тишине. Еще очень хотелось провести отца, подержать за руку, узнать о самочувствии, но визита к нему я не могла себе позволить. Рассказывать о единственном родном человеке дознавателю даже не собиралась, не хотелось давать дополнительных ниточек контроля в его руки.

– А теперь можно идти к милорду.

– То есть? – я так погрузилась в воспоминания об отце, что не сразу поняла фразу горничной.

– Милорд Кериас вас ждёт. Он просил спуститься в его кабинет, когда

вы будете готовы.

Он что, собрался проводить испытания?

Ответ на вопрос мог дать только сам дознаватель.

С огромным нежеланием я спустилась на первый этаж и остановилась возле лестницы, вспомнив, что не знаю, где находится кабинет хозяина. Пришлось искать какое-то время, исключив те комнаты, в которых я уже побывала.

Открыв очередную дверь, я замерла под внимательным взглядом темных глаз. Как-то разом накатило смущение, и чем дольше Кериас смотрел, тем сильнее хотелось убежать.

– Заходи, Мышка, не бойся, – нарушил мужчина затянувшееся молчание, – я тебя больше не съем.

Щеки запылали так, что я ощутила покалывание на коже.

– Мыша-ханжа, – забавляясь, протянул Кериас.

– Вовсе нет, – поспешно возразила, лишь бы что-то сказать и избавиться от чувства снедающей меня неловкости.

– Что же прячешься в норке, словно произошло нечто, из ряда вон выходящее?

– А не произошло? – тон его голоса и насмешки вызвали волну возмущения в душе.

– Поскольку ты ещё девственница, все в полном порядке.

– Ну, знаете! – и как ему не надоест подтрунивать над моей неопытностью, – подобных оправданий собственной развращенности я еще не слышала.

– Скорее раскрепощенности, Мышка, – с улыбкой парировал наглый императорский родственник и отодвинул для меня кресло.

Я уселась с самым гордым и независимым видом, на какой была способна, стараясь даже не смотреть в сторону дознавателя, но удержаться от издевки не смогла.

– Значит, в порядке? Полагаю, даже в порядке вещей. С вами, похоже, подобное происходит каждый день.

– Очень редко, Мышка! – Кериас положил ладони на спинку кресла и склонился ниже, чтобы прошептать, – лишь когда держу в объятиях обнаженную женщину, которая свела с ума ещё при первой встрече.

Я переложила руки на правый подлокотник и отклонилась как можно дальше.

– А таких женщин вы встречаете с завидной регулярностью?

Зверь хмыкнул, но ничего не ответил.

– Зачем вы меня позвали? – мне уже хотелось уйти.

– Затем, чтобы проверить работу Амели. Давай, Мышка, рассмотрим все внимательно, только не сгори от смущения.

– И не подумаю, – поклялась скорее себе, чем ему. Правда, когда поднялась из кресла и повернулась к мужчине, запал чуточку поутих. В глазах Зверя светилось предвкушение. Возможно, ему было интересно проверить собственную выдумку в действии, но с ним никогда нельзя было знать наверняка.

– Изумительно, – улыбнулся он, окинув меня взглядом с ног до головы, – Амели, как всегда, на высоте.

– Ой! – это уже я воскликнула, поскольку не ожидала следующего манёвра, когда широкие ладони уверенно провели по гладкому блестящему шелку, огладив меня сверху донизу.

– Ай! – снова вскрикнула, когда Кериас таким же способом принялся изучать то, что было надето под платьем, то есть чулки и кружевные шортики.

Движения были четкими, быстрыми, словно на досмотре, но меня прикосновения все равно смутили.

– Что вы делаете?

– Проверяю, насколько ткань отличается от обычной на ощупь.

– Вы лапаете меня в очередной раз!

– Какая проницательная Мышка, не хочешь на меня работать?

– Я уже на вас работаю.

– Еще и наблюдательная, – хмыкнул дознаватель и искренне восхитился, – Богиня!

Последнее утверждение адресовалось не мне, так как мужчина добавил:

– Я готов расцеловать Амели.

– Используйте такую возможность, когда она будет лежать обнаженная в ваших объятиях, – не упустила я шанса съязвить.

– У маленькой Мышки растут зубки? – изломил бровь Кериас и плавно поднялся с колен. Ухватив меня за подбородок, он коснулся большим пальцем нижней губы и слегка оттянул, рассматривая зубы. Я не смогла удержаться и куснула наглого дознавателя.

Он отдернул пальцы и тряхнул укушенной рукой, а потом стремительно обхватил ею мой затылок, привлек к себе и прижался к губам. И хотя отпустил почти тотчас же, но было ощущение, словно ураган сбил с ног. И не успела я перевести дух после неожиданного нападения, как мужчина достал нож. Глаза у меня стали шире чайного блюдца, и я поспешно попятилась.

– Вы этим проверять собираетесь?

– Угадала, – кровожадно оскалился Зверь, сделав шаг ко мне.

– Ой, а можно...

– Не можно.

– Вы сейчас очень похожи на Призрака. Просто одно лицо.

– Неправда, – дознаватель продолжал наступать, – у меня лицо жгучего брүнета, а он невзрачная моль.

– Нож в ладони придает вам сходства. Ох!

Кериас ухватил за запястье, подтащил меня к себе и развернул спиной.

– Материя очень прочная, я верю мадам на слово, – я попыталась отобрать у мужчины край юбки, но услышав многозначительное: «Не дергайся», – тут же замерла. Просто когда ощущаешь, как острый кончик кинжала оттягивает край чулок, совершать лишних движений совсем не хочется.

– Наточенный, – шепотом прокомментировала скольжение холодного оружия вдоль полупрозрачной материи.

– Прочная, – ответил на это дознаватель и очертил указательным пальцем кружевную тесьму чулок. Я едва сдержалась, чтобы снова не дернуться, но устояла, так как нож переместился к подвязке. Внутри невинных на вид бантиков, которыми крепилась упругая лента, крылись металлические крючки, поэтому недостаточно было просто потянуть за кончик, чтобы распустить. Нож со скрипом скользнул по эластичной материи, и подвязкаสปружилила обратно, а я вздрогнула.

– Не больно? – поинтересовался Кериас, легонько проводя пальцами вверх по бедру почти до кружевных шортиков.

– Нет, – я повела плечами и уточнила, – а можно не гладить меня?

– Почему? – пощекотало ушко горячее дыхание.

Ну хотя бы потому что сочетание подобных ласк с прикосновениями холодного металла слишком уж... чересчур.

– Вы собирались проверять прочность ткани, а не моей кожи.

– Тогда у тебя самые неподходящие ножки на свете, Мышка.

– Неподходящие для чего?

– Для проверки. Слишком красивые и ужасно увлекают.

– Отвлекают, – исправила я.

– Да нет. Именно увлекают. Пробуждают исследовательский интерес.

Я покраснела и решила больше не поддерживать беседу, лишь выхватила из руки увлекшегося дознавателя поднятую до пояса юбку. Вытянув ее в сторону, бросила многозначительный взгляд на нож и стала свидетельницей жуткого акта вандализма, когда сыщик принялся кромсать

изумительное платье.

– Ни следа, – снова восхитился он, закончив попытки разрезать материю по шву.

– Теперь я могу уйти? – уточнила в слабой надежде, что меня отпустят.

– Ещё нет, – безжалостно ответил кузен императора.

Пришлось опять стойко терпеть новые испытания на снимаемость, стараясь не вздрагивать.

В наряде мадам Амели все было продумано согласно озвученным пожеланиям. К короткой сорочке под платьем с помощью сотни миниатюрных крючков и широкого ажурного пояса крепились кружевные шортики, к ним подвязками цеплялись чулочки с секретными бантиками. Сама сорочка соединялась с платьем многочисленными ленточками. Таким образом, все детали туалеты были связаны друг с другом. Хитроумная система разоблачения, рассказанная мне служанкой, напоминала некий код, не зная которого можно было промучиться с чудесной одеждой немало времени, а разрезать одним махом не смог даже острый нож дознавателя.

Впрочем, чудесная ткань не защищала от прикосновений мужских рук, и я вздохнула с облегчением, когда проверка подошла к концу.

– Надеюсь, вы не станете стрелять в меня из своего револьвера или пытаться поджечь материю?

– Не сегодня, Мышка, – улыбнулся сыщик.

Повторный вопрос о том, могу ли я уйти, задать не успела, поскольку в дверь постучали. По лицу Кериаса пробежала какая-то тень, но он спокойным тоном пригласил стучавшего войти.

Я очень удивилась, увидев как в комнату, чеканя шаг, прошли трое мужчин в форме личной охраны императора.

– У нас приказ доставить леди на бал, – взяв под козырек, заявил тот, кто шагал во главе.

Мои представления о бале совершенно не вязались с подобным способом приглашения, хотя я ни разу не посещала не то, что императорских, даже обычных балов. Кажется, Кериас тоже так подумал, поскольку уточнил:

– Нас пригласили танцевать под охраной?

– Так точно, – отдал честь старший, – и тут же добавил, – его императорское величество велели передать, что приглашают леди посетить дворец, а у вас слишком много дел, связанных с расследованием.

– Хм, то есть братик обиделся на печать, и я теперь в опале? – задумчиво и так тихо, что услышала только я, произнес Кериас, – как занятно, – добавил он громче, – а если я вам леди не отдам?

– У нас приказ! – старший встал по стойке смирно, – со всем уважением.

– Рискнете и попытаетесь забрать? – нехорошо прищурился Зверь и скрестил на груди руки.

Лица у атрионов стали такие, что я мужчин даже пожалела. Они сперва переглянулись, а потом вновь выпрямили спины, и главный отрапортовал:

– Никак нет, милорд Монтсеррат, – а затем сконфуженно, что совсем не вязалось с обликом закоренелого вояки, добавил, – за невыполнение приказа нас накажут.

Мне вдруг стало жаль этих мужчин, таких же заложников своей службы, какой теперь являлась я, хоть и попала в безумный водоворот лишь на время. Для них не повиноваться приказу императора было смерти подобно.

– Я поеду, – тут же высказала согласие, избегая смотреть в глаза Кериасу, и услышала облегченный выдох, синхронно вырвавшийся у троих атрионов.

– Правда? – протянул сыщик.

– Д-да.

В комнате повисла тишина, а после короткой паузы кузен императора вдруг согласился.

– Хорошо, Мышка, поезжай, – он отступил, давая мне дорогу, и усмехнулся так недобро, что тотчас захотелось изменить решение. Однако Кериас лишил этой возможности, добавив, – ты и одета подходящим образом.

Мужчины в форме быстро воспользовались уступкой, пока дознаватель не передумал, а старший поспешно распахнул дверь, пропуская меня вперед. И бросив последний взгляд через плечо, я отправилась во дворец.

Освещенные фонарями улицы, закрытый экипаж, которым правит один охранник, в то время как второй занял место на запятках кареты, полумрак, поглотивший обитые бархатом стены, и мой третий провожатый на сидении напротив. В подобном сопровождении ездить еще не доводилось.

Я даже не знала, имею ли право нарушить царившее в карете торжественное молчание и задать главе охраняющей меня группы один любопытный вопрос.

– Извините, – я откашлялась и продолжила, заметив, что мужчина

повернул голову и смотрит на меня, ожидая окончания фразы, – скажите, пожалуйста, а разве личная охрана императора не повинуетя беспрекословно приказам самого императора?

Понятно, что вопрос мог показаться странным, поскольку ответ был очевиден, однако я уже во второй раз наблюдала весьма необычное поведение атрионов. Впервые, когда повинаясь слову дознавателя, охранники испарились из его дома, оставив императора наедине с родственником, и сегодня они не решились забрать меня без дозволения Зверя.

– Так точно, – коротко ответил мой собеседник.

Пришлось проявить некоторую настойчивость и внести пояснения в свой вопрос, так как нужен был исчерпывающий ответ.

– Но тогда вы могли не спрашивать разрешения и увезти меня сразу, – я сделала акцент именно на этом, поскольку показалось, что охранник испытывает благодарность за мое вмешательство.

Знать ответ очень хотелось, и мужчина его предоставил. Очевидно, рассудил, что особе, приближенной к милорду Кериасу, можно разъяснить детали, которые сами по себе вряд ли являлись тайной.

– Милорд дор Харон амон Монтсеррат – глава службы личной охраны.

– Ооо, – теперь стала понятна заминка вояк, а также их растерянность.

То есть главный подопечный приказал исполнить высочайшее повеление даже в случае отказа со стороны главного начальника. Это значило, что Кериас не просто глава сыскной службы. Как тогда упомянули бандиты в подворотне? Зверь не занимался мелкими делами, ну то есть мелкими, с точки зрения человека, ответственного за жизнь и безопасность самого императора. Вот, выходит, в чем дело! Последней жертвой Призрака стал мэр столицы, то есть ставленник императорского дома, фигура очень значимая. Ничто не мешало неуловимому убийце метить намного выше и плести заговор против самого правителя, постепенно подбираясь к нему и устраняя верных сторонников.

Я, конечно, не была мастером построения логических цепочек, но вывод сделала, основываясь на словах Кериаса. Он упоминал, что во дворце самая сильная защита, через которую Призраку не пробиться. Гипотетически. Ведь убийца спокойно появлялся в разных неожиданных местах и исчезал оттуда необъяснимым образом, а вдруг ему всегда кто-то помогал и это заговор? Да, подобное положение дел любого заставит поволноваться, особенно ответственного за жизнь властителя целой империи, который вдруг проявил живейший интерес к главной приманке для Призрака.

И ведь, с одной стороны, удивительно, а с другой, император на то и император, чтобы дать указ и не задумываться над способами его выполнения. Как там Зверь справится с поимкой преступника, проблема самого Зверя. А еще здесь отчетливо прослеживалось нечто личное. Властитель явно не испытывал недостатка в претендентках на роль фаворитки, но увидел меня и прикрепил метку, а Зверь ее снял, не ставя кузена в известность. Я понимала, что он исходил не столько из своих интересов, сколько из желания не отпугнуть Призрака, однако владыку подобное не могло обрадовать.

Вот это я попала! В самый центр интриг. Оказалась внутри такого хитроумного плетения, что даже не представляла, как из него выбраться. Ко всему прочему, император решил, очевидно, не выжидать месяц, раз Зверь взял на себя смелость пойти против светлейшего в его выборе. Это просто западня какая-то!

– Вам нехорошо? – вдруг уточнил охранник, заметив, как я вцепилась руками в роскошную прическу, сотворенную горничной буквально за десять минут.

– Нет, нет, все в полном порядке, просто отлично, – и я отвернулась к окну, внутренне готовясь к дальнейшему развитию событий.

– Прошу вас, – меня вели по извилистым абсолютно пустынным коридорам, без окон, с чадящими факелами на стенах. Еще и придерживали под руку, чтобы не споткнулась на выщербленных плитах пола.

Интересное место, очень похожее на подземелье. Это явно не парадные дворцовые переходы. Что же, на бал теперь пробираются тайком? Или только особые гости, то есть гости?

– Сюда, пожалуйста, – меня провели вверх по ступенькам, открыли тяжелую обитую железом дверь и пригласили в круглую комнату с побеленными стенами и витражными стрельчатыми окнами.

Выпрямившись по стойке смирно и синхронно опустив головы, охранники императора попрощались и в мгновение ока испарились, оставив меня одну.

Я в удивлении наблюдала, как закрывается дверь, прячась за старинным гобеленом, а потом огляделась, но не нашла в комнате ни одного предмета мебели, на который можно было бы присесть.

Подойдя к окнам, коснулась кончиками пальцев затейливой разноцветной мозаики и со вздохом убрала руку. Слова: «Не нравится мне все это», – сейчас прозвучали бы глупо.

Тихий скрип, признаться, напугал. Я резко повернула голову и

увидела, как в комнату входит невысокая сутулая женщина в одежде прислуги. Поклонившись, она повела морщинистой рукой, призывая следовать за ней через вторую дверь, и мы вновь устремились куда-то по пустым коридорам, на этот раз не подземным.

Когда добрались до цели нашего путешествия, то оказались в просторных светлых покоях, освещенных сотней свечей. Старушка, исполнявшая роль проводницы, с поклоном удалилась, тихо притворив красивую резную створку.

Новое помещение отсутствием мебели не страдало, а само внутреннее убранство свидетельствовало об очень тонком вкусе и несомненной привычке к роскоши. В отделке преобладали тона зеленого и цвета морской волны. Удобные кресла из полированного красного дерева с золотисто-зеленой обивкой разместились возле круглого столика, большой диван располагался недалеко от огромного камина, отделанного зеленым камнем, а звук шагов приглушал толстый ворс роскошного ковра, чей рисунок по расцветке напомнил переливы павлиньего хвоста.

И вот пока я сосредоточенно изучала эту расцветку, замерев на том месте, где оставила меня старушка, в комнату кто-то вошел. Дверь за спиной не открывалась, но я отчетливо ощутила чужое присутствие.

– Дорога была утомительной? – раздался низкий мужской голос.

Я медленно обернулась. Император стоял чуть левее, поигрывал резной тростью, а его глаза небрежно пробежались по моей фигуре, словно прикидывали примерную стоимость выставленного на обозрение товара.

– Нет, – ответила и поспешно посторонилась, поскольку сиятельный собеседник прошел мимо к одному из кресел. Он расположился с комфортом и закинул ногу на ногу. Трость уместилась поверх колена, а я только сейчас прикинула, что владыка облачен в роскошный костюм с золотым шитьем и драгоценными камнями вместо пуговиц, который и правда годился для бала, а вот для встречи с моей скромной персоной казался чересчур торжественным.

Внезапно осознав, что так и не пошевелилась с момента прихода императора, запоздало присела в поклоне, а когда подняла голову, владыка поманил к себе.

Ноги показались чугунными, когда я делала крошечные шажки, постепенно приближаясь к креслу. Вся поза правителя дышала таким величием и превосходством, что мне непременно следовало проникнуться благодарностью за оказанную честь, только мешало непонимание, с чего я этой чести удостоилась.

– Разрешаем сесть, – небрежно махнул он рукой, а я огляделась

растерянно, заподозрив, что придется устроиться прямо на полу, и только потом заметила невысокую скамеечку, куда и присела, оказавшись буквально у ног императора.

Он неторопливо протянул руку с зажатой в ней тростью, подцепил мой подбородок и поднял голову, заставляя взглянуть на него. И вот пока Ириаден авин Тартос амон Монтсеррат с ленцой во взоре разглядывал мое лицо, я лихорадочно пыталась догадаться, с чего вдруг такое внимание, что ему нужно и как отсюда сбежать. Все-таки попав вместо бала в личные покои владыки, ощутила себя, мягко говоря, не в своей тарелке.

– Что же Кериас? – прозвучал неожиданный вопрос, – просто отпустил?

Я замешкалась на секунду, думая, как лучше сказать, а потому сам ответ прозвучал торопливо:

– Да, повелитель, – и поспешно опустила голову, избегая встречаться с его взглядом и попутно отстранившись от набалдашника из резной кости, который так неприятно упирался в подбородок.

У нашего императора волосы были на тон светлее, чем у его кузена, и доставали до плеч, а глаза отличались светло-карим оттенком, но смотреть они умели столь же пристально, отчего становилось не по себе. Мягкости во взоре не было и в помине, как не проявлялась она и в величавых чертах его привлекательного лица.

А потом властитель вдруг отложил трость и медленно поднялся.

– Встань, – велел он, а когда я поспешила исполнить приказ, неловко пошатнувшись при этом, поймал меня за локоть, а второй ладонью сжал плечо.

«Проверяет», – подумалось мне, и судя по лицу мужчины, проверка или вернее попытка вновь отметить выбранную игрушку успехом не увенчалась.

Он убрал руку, отпустил мой локоть, но уместил вторую ладонь на талии:

– За ужином беседа протекает более приятно, – спокойно промолвил император, после чего повел меня еще в одну комнату, на пороге которой я едва не споткнулась. В присутствии владыки становилась на редкость неуклюжей, то и дело сбивалась с шага, особенно когда видела перед собой огромную спальню с кроватью королевских размеров.

Испуганно продолжая переставлять ноги, повиновалась направляющей руке, пока меня не повернули в другую сторону, заметив мимоходом: «Так не терпится опробовать королевское ложе?»

Я непонимающе взглянула в лицо правителя, увидела вопрос в его

глазах, с трудом сообразила, что шла именно к кровати, пока он не потянул к окну, и побледнела. Сравнявшись цветом с белоснежными статуями, прятавшимися в альковах просторной комнаты, быстро покачала головой.

– Мы так и полагали, – проговорил повелитель и отпустил меня, лишь доведя до сервированного столика, прятавшегося в уютной нише и отделенного от остальной комнаты шелковыми занавесками.

Уставившие стол блюда источали заманчивый аромат, а в высоких бокалах кровавыми бликами играло вино. Повинуясь взмаху мужской ладони, я присела на краешек стула с высокой спинкой, схватила салфетку со столешницы и долго расправляла ее на коленях, не решаясь поднять головы.

– У тебя есть просьба или пожелание, которое мы могли бы выслушать?

Кажется, меня решили одарить высшей милостью, но, бросив затравленный взгляд в сторону кровати, я поспешила отказаться. Вдруг озвученная просьба потребует немедленной оплаты.

– Нет, нет. Благодарю. У меня все хорошо.

– Ты удивляешь, – растягивая слова, сказал владыка и сделал глоток из своего бокала.

– Я должна что-то попросить? – уточнила очень тихо и неуверенно.

– Обычно люди не упускают возможности, получив шанс увидеться с императором, – величественно произнес Ириаден авин Тартос.

– Мне правда ничего не нужно.

Император кивнул, холодно заметив:

– Изменение статуса все еще вызывает восторг, оттого невозможно оценить новые перспективы своевременно?

– Прошу прощения, ваше императорское величество, я не до конца поняла, – отважившись взглянуть в лицо владыки, натолкнулась на надменный взгляд.

– Ты прежде работала библиотекарейшей?

– Да.

– Так что непонятного в моих словах?

Действительно. Ведь сиятельные мы прямо говорим твоей скромной персоне, что ты жуть как рада превратиться в мнимую любовницу кузена и наверняка не отказалась бы от роли постельной грелки, прикинув возможные выгоды, а тут вдруг сам император обратил на тебя свой благосклонный взор.

Я протянула руку, схватила бокал с вином и, рискуя пролить жидкость на платье, так как пальцы подрагивали, сделала несколько больших

глотков. На последнем едва не поперхнулась:

– Хорошо ли мой кузен обращается с новым увлечением?

Отставив вино в сторону, приложила титанические усилия, чтобы изобразить подобие улыбки и выдавить из себя:

– Просто чудесно, спасибо. Так приятна ваша забота.

Император пристально посмотрел на меня, но я изобразила самое невинное выражение лица. Правда, маска быстро слетела, когда Ириаден проговорил:

– Мы рады, что кузену удастся себя контролировать.

Слова о контроле прозвучали неожиданно, и император, кажется, вдоволь насладился отразившимся в моих глазах смятением.

– Отчего ты не ешь? – как ни в чем не бывало спросил он, удостоив снисходительной улыбкой.

Я тут же схватилась за ложку, пробуя суп, который наверняка был изумительно приготовлен, однако мне в данный момент показался пресным. Вкуса совершенно не чувствовала.

Я решила отложить столовый прибор и вновь поднять глаза на правителя, когда ложка стукнула о дно пустой тарелки. Император едва ли сам притронулся к еде. Он как раз пригубил вино и наблюдал за мной поверх хрустального бокала.

Откашлявшись, решила задать вопрос, которого он судя по всему ждал.

– А разве у милор... у дорогого Кериаса какие-то проблемы с контролем?

– А разве для кого-то это секрет? – переиначил мою фразу властитель, – или избраница кузена не знает даже его прозвищ?

– Я..., - что тут можно было ответить? Только правду. – До встречи с милордом никогда не интересовалась придворной жизнью и слышала лишь, как его называли Зверем.

– Правда?

– Да.

– То есть прозвища «Сумасшедший кузен» и «Кровавый волк» для тебя пустой звук?

Естественно, я не ответила, поскольку сказать было нечего.

– Прежние пассии Кериаса были в курсе его душевного расстройства. Хотя обычно он выбирал женщин одного с ним круга. Во дворце его приступы ни для кого секретом не являются, – при этих, поистине шокирующих для меня, словах Ириаден небрежно повел плечами и высокомерно скривил уголок рта, – оттого досадней выслушивать глупые

жалобы на его жестокость.

Видимо, император не слишком верил в роль приманки, а просвещать меня насчет кузена доставляло ему особенное удовольствие, однако я едва ли могла испытать наслаждение от нашей беседы.

– Почему Кровавый волк? – спросила едва слышно.

Владыка бросил на меня изучающий взгляд, оценил мою бледность и снова поднес бокал к губам. Пришлось ждать несколько изматывающих минут, прежде чем повелитель изволил ответить:

– Ты слышала о преданности волков? Кериас точно так же предан своей семье. Он вцепится в горло любой опасности и не разожмет зубов, даже если будет издыхать. И столь красивые личико и тело, – император отсалютовал мне бокалом, – не удержат его от того, чтобы бросить тебя в темницу и пытаться до потери сознания, если заподозрит измену.

Оценив эффект от своих слов и мое молчание, Ириаден добавил:

– Почему бы тебе не попробовать мясо?

Я быстро подцепила вилкой какой-то листочек, служивший приправой для нежнейшего филе ягненка, которое и без ножа легко разделялось на части, но ела чисто механически, а император потягивал вино, продолжая изучая меня поверх хрустального сосуда.

Уже когда я разделалась с десертом, попутно отвечая на новые вопросы владыки и демонстрируя при этом крайнее косноязычие и рассеянность, Ириаден вдруг поднялся. Я сообразила, что должна встать, только когда он оказался позади моего стула. Очутившись на ногах, поняла, что лучше бы сидела. Повелитель сдвинул стул в сторону, и я оказалась в тисках его рук, а шагнуть вперед мешал стол.

– Так и будешь стоять спиной к своему императору? – спросил сиятельный, убирая с моего плеча упавшие на него локоны. Я ощутило вздрогнула, когда кожи коснулись горячие губы, и взмолилась высшим силам, чтобы сотворили невозможное, перенесли меня как можно дальше ото всех Монтсерратов, хоть на край света. Выворачиваться сейчас или отталкивать владыку было просто невозможно, оставалось лишь беззвучно шептать обращения ко всем божествам нашего мира.

Божества просьбам не вняли.

В следующую секунду Ириаден резко развернул к себе и зафиксировал мое лицо, чтобы склониться к губам, прильнуть к ним, раскрывая в горячем поцелуе. Всем телом он прижал меня к столу, а руки уже скользили по спине, спускаясь к поясу широкой юбки. Все медленней и медленней, пока не замерли на уровне талии. И вот тогда император отстранился.

И поцелуй, и прикосновения я стойко вытерпела, не выдав протеста ни

единым движением, а потому увидеть гнев в потемневших глазах стало полнейшей неожиданностью.

– Что это за платье? – цедя слова сквозь зубы, спросил владыка.

– А... – я не на шутку растерялась. Он ведь еще не пробовал расстегнуть, что же тогда разозлило, – от мадам Амели, – ответила заикаясь.

Ириаден прищурился, не отпуская моего взгляда.

– Любимой модистки Кериаса?

– Да, – пискнула я и выдохнула весь воздух, стараясь хоть так создать толику пространства между нашими телами и отстраниться от разъяренного Монтсеррата. Желание поклясться, будто совершенно не в курсе происходящего, было столь сильно, что с огромным трудом удержалась от попытки оправдаться. Подобные оправдания сродни чистосердечному признанию.

– И почему ткань обычного выходного платья «кусается», – подцепив мой подбородок двумя пальцами, гневно уточнил владыка.

– Кусается? – мое изумленное неверие притворством не являлось, наверное, по этой причине раздражение высочайшей особы несколько поутихло.

Правда, ответом Ириаден не удостоил, вместо этого схватил мою ладонь и провел ее по ткани лифа сверху вниз.

Я ойкнула от сильнейшего желания отдернуть руку. Ощущение сотни маленьких иголок, впивающихся в кожу, нельзя назвать приятным.

С ума сойти! Вот же Кериас с мадам изобретатели! Хотя это свойство платья наверняка придумал дознаватель, ведь он так старательно оглаживал меня во время проверки. Еще и скрыл эту деталь, чтобы император не заподозрил нас троих в сговоре.

– Зная кузена, полагаю, в эту праздничную упаковку, – Ириаден ухватил кончиками пальцев тончайшее кружево и скомкал в кулаке, – он подсунул еще немало сюрпризов.

Его глаза снова сузились, а потом император вновь прижал меня к себе, чтобы поцеловать, и в этот раз я не смогла сдержаться, дернулась и болезненно застонала, когда владыка прокусил губу.

Он выпустил из чересчур крепких объятий, от которых трещали ребра, лишь затем, чтобы пройти к бюро из орехового дерева и взять с него инкрустированную перламутром шкатулку. Приложив пальцы к саднящим опухшим губам, я глубоко вдохнула, пытаясь удержать слезы, а повелитель уже поманил к себе. Внутренне содрогнувшись, покорно приблизилась и приняла в дрожащие ладони прямоугольную вещицу, при этом император

величественно произнес:

– Передай Кериасу, я заметил сходство. Это мой подарок в обмен на его. И это тоже.

В следующий момент пальцы императора пробежались по обнаженной коже рук, и меня точно огненной волной захлестнуло. Мигом перехватило дыхание, иссушило горло и задрожали колени.

Глаза закрылись сами собой в ожидании еще одного поцелуя, и он последовал, такой же болезненный, как и предыдущий. Я ощущала во рту привкус собственной крови из истерзанных губ, но не могла ни взять себя в руки, ни обуздать дикого желания, от которого затрясло все тело. Император приник к моей шее и, показалось, прокусил кожу. Боль от ссадин и синяков, остававшихся после его прикосновений, совершенно не приводила в чувство, напротив, лихорадило еще сильнее. В какой-то момент голова попросту пошла кругом от силы испытываемых эмоций, зубы застучали точно от холода, в груди сдавило, а вся боль разом сосредоточилась в висках, раскалывая голову.

Тьма заволокла сознание, я пошатнулась, потеряла опору под ногами и рухнула, не ударившись о мраморный пол лишь по той причине, что меня поймали, а далекий голос императора кому-то приказал:

– Лекаря! Немедленно!

ГЛАВА 8

Все же я не лишилась сознания, потому что слышала произносимые слова и не потеряла способности понимать чужую речь.

– Ваше императорское величество, – незнакомый мужской баритон плавно заполнил пространство вокруг, мешаясь с тихим гулом в ушах.

– С каких пор вам требуется столько времени, чтобы дойти до моих покоев?

– Светлейший император, прошло всего...

– Мне неинтересны оправдания. Приступайте к своим обязанностям, если не хотите поплатиться за собственную халатность.

– Сию же секунду. Не опишете ли, что произошло с девушкой?

– А вы потеряли способность видеть? Лечите!

– Будет исполнено, разрешено ли мне применять...

– Разрешено, чертов вы маг!

– Да, ваше светлейшество. Но не могли бы вы положить девушку, на кровати лечить будет удобнее.

Ириаден ничего не ответил, но через секунду я очутилась на мягкой перине.

А потом ко мне прикоснулись чьи-то руки, и по телу побежало тепло. Боль, которая ощущалась на шее, губах, в руках, стала отступать, по мере того, как нарастало покалывание в местах, где оказались синяки и ссадины.

Я не спешила открывать глаза и проверять, что делает маг, я вовсе отключилась от попыток мыслить и рассуждать, просто брала приятное тепло, устранявшее даже малейший дискомфорт.

– Закончили? – послышался голос владыки.

– Да, ваше императорское величество.

– Тогда оградите меня от этих чертовых эмоций!

– Прошу прощения?

– Не принимайте растерянный вид! Или вы плохо рассмотрели, что я с ней сделал?

– Оградить можно лишь будучи точно уверенным, что это чужие эмоции. Возможно, добавки к еде...

– Это обычный шафиан!

На этом слове в мозгу всплыли картинки из книг по редким растениям. Конечно, никто бы и не подумал усомниться, что для императора готовят самые лучшие повара из лучших продуктов, даже используют редкие

приправы, но ведь шафиан в какой-то мере являлся афродизиак, он усиливал физическое влечение. И одно дело, если человек принимал его регулярно и у него вырабатывался своего рода иммунитет, и совсем другое, когда его пробовали впервые.

– Он, безусловно, безвреден, но на девушку оказал необычное воздействие, как и на вас.

– Это ее кровь.

– Простите?

– Я прокусил ее губу до крови, ощутил вкус и после нахлынули эмоции. Теперь вы достаточно уверились, что они не мои? Это он ее хочет до безумия и теряет контроль. Доставайте ваши препараты.

– Будет неприятно.

– Кому-то после сегодняшней ночи будет неприятней вдвойне.

После этих слов наступила тишина, нарушаемая только звоном склянок с вышеупомянутыми препаратами, а потом маг мягко произнес:

– Все готово. Приступить?

– Сперва отправим девушку домой, если ей уже лучше?

– Определенно, – подтвердил лекарь и коснулся моего лба ладонью, вновь передавая приятное покалывающее тепло, и я поняла, что нет смысла притворяться дальше.

Открыла глаза, увидела приятного седобородого старичка, который по доброму мне улыбался, посмотрела в сторону, где стоял император, и вздрогнула, встретив его полный желания взгляд.

Хлопок в ладоши, и в комнату заглянула охрана.

– Проводите леди обратной дорогой, – велел владыка, не отрывая от меня взора.

И пока поднималась с кровати и шла к двери, этот требовательный голодный взгляд неотрывно следовал за мной, отчего ужасно хотелось припустить со всех ног, но пришлось у двери развернуться, поклониться императору и поблагодарить старичка, и только после этого поспешно покинуть королевские апартаменты.

Охранники проводили меня лишь до дверей, а дальше вновь вела пустынными коридорами знакомая старушка, и снова комната с витражными окнами, где она оставила меня дожидаться других провожатых.

Набрав в грудь воздуха, я прислонилась лбом к холодному стеклу. Перед глазами расплывались разноцветные стеклышки, сливаясь в одну радужную картинку, напомнившую о найденном когда-то странном камне. Протяжно выдохнув, я отстранилась, сжала в кулаки ладони и охнула,

вновь раскрывая правую, на которой сверкал неровными гранями угловатый кристалл.

Как...?

Вопрос не успел оформиться до конца в моем сознании, когда вокруг ослепительным роем закружились разноцветные частицы, складываясь в сверкающие стены. Один миг, равный судорожному вдоху, и я оказалась за переливающимися гранями.

– Здравствуй, Миланта, – улыбнулся мне Призрак, и я все вспомнила.

– Вы... – в этот раз страха не было, только волнение, которое потихоньку гасло под воздействием удивительного холода, царящего по эту сторону сверкающих стен. Он не причинял мне боли, не щипал чувствительную кожу, как обычный мороз, а, напротив, забирал все тревоги и переживания, оставляя чудесное ощущение покоя.

В этот раз даже улыбка Призрака не казалась холодной.

– Я рад видеть тебя снова, – сказал мне хозяин радужных граней, взмахнул рукой, и справа от меня из лучей холодного света сплелся еще один «трон».

Я села, сложив на коленях руки, прислушиваясь к собственным ощущениям: голову не сдавливало, томительное чувство в груди отступило, а тело больше не дрожало в ознобе после испытанного потрясения.

– Вы наблюдали за мной все это время?

– Нет, – покачал головой Призрак.

– Как же вы пришли?

– Ты позвала. Каждый раз, как ты активируешь камень, я получаю твой зов.

– Я не помнила ни о вас, ни о камне.

– Можешь говорить мне «ты», Миланта. Пока ты сопротивляешься, обе реальности не могут слиться в твоём сознании воедино, одна в твоих мыслях постоянно, вторую ты помнишь на уровне подсознания, но не хочешь принимать ее.

– Я не знаю, что произойдёт, если приму.

С Призраком легко было разговаривать, и он слушал внимательно. Я не ощущала отголосков гнева, попыток подавить мою волю, столь свободно я беседовала лишь с отцом.

– Мой дар даст тебе ответы на вопросы, возможность переходить из одной реальности в другую, когда пожелаешь.

– Такое возможно?

– Можешь проверить прямо сейчас. Задай камню вопрос и жди ответа.

– Он ответит? – я вообразила, что камень заговорит.

– Он покажет, – с улыбкой ответил Призрак, – спрашивай, Миланта.

– Хорошо. Я хочу знать, что не поделили Кериас с Ириаденом?

Одну из сверкающих стен вдруг заволокло белым дымом, а потом она истаяла, явив моим глазам большой кабинет. Окна были открыты, а за ними светилась яркими звездами ночь, ветерок колыхал отдернутые занавески и пламя зажженных свечей, за внушительных размеров столом сидел человек. Я даже сделала шаг назад, когда узнала в поднявшем голову и посмотревшем будто на меня мужчине Ириада.

– Он не видит тебя, – отреагировал на мой испуг Призрак, – это будущее, которого еще не произошло.

– Откуда вы знаете? – спросила его, осторожно делая шаг вперед и словно ступая внутрь озаренной теплым светом комнаты. Все казалось таким реальным, вплоть до выставленных на полках книг, я даже могла прочитать их названия на корешках.

– Камень отвечает на вопросы, показывая сцены из прошлого или будущего, различить их можно по тому, что картинки прошедшего темнее и подернуты дымкой чужих воспоминаний.

– А будущее?

– Оно более четкое.

– Я могу увидеть даже далеко-далеко вперед?

– Ты можешь увидеть лишь то, что уже определено.

На этих словах я удивленно ахнула, поскольку дверь кабинета отворилась и зашел Кериас. Точнее, не он сам, его завели двое людей, что примечательно, одетых не в форму личной охраны властителя, а в темно-бордовые костюмы со странной нашивкой на груди. Таких я никогда прежде не видела.

Император величественно кивнул, и мужчины покинули кабинет, оставив кузенов наедине.

Владыка холодно усмехнулся, а Кериас недовольно повел плечами, и я заметила, что его руки скованы стальными браслетами. Не в силах сдержать удивления и любопытства, я обошла дознавателя и пригляделась к браслетам внимательней. Они плотно обхватывали его запястья, ниже золотого аккумулятора, и по ним то и дело пробегали синие искры. Я коснулась одного, но палец прошел сквозь металл, а Зверь вдруг тряхнул головой, и я испуганно отпрянула.

– Ты осторожничаешь, Рид, – произнес дознаватель.

– С тобой приходится, Крис.

Я впервые слышала, как кузены говорят друг с другом таким тоном, на равных, даже употребляя сокращенные имена.

– Предусмотрительно, – хмыкнул Зверь, – руки так и зудят набить тебе морду.

Император высокомерно изогнул бровь в ответ на неприкрытое оскорбление, но не спешил вновь звать стражу или грозить непокорному подданному страшными карами.

– Неужели? – лишь уточнил он.

– Думаю, ты и сам догадался, – и дознаватель снова повел плечами, демонстрируя, что его запястья скованы. – Одно удивительно, Рид, в нашей паре я являюсь сумасшедшим, так какого черта ты набрасываешься на беззащитную девушку? Прежде не замечал за тобой подобного обращения с женщинами. Зачем ты опоил ее?

При последнем вопросе в голосе Кериаса отчетливо послышался рык, а в глазах мелькнуло шальное выражение, отчего даже озноб пробежал по коже. Я, забывшись, положила ладонь на мужское плечо, собираясь успокоить, но пальцы вновь прошли сквозь тело дознавателя.

– Я не собирался заканчивать ту ночь таким образом, и ее реакция на приправу оказалась намного сильнее, – холодно пояснил Ириаден, – а вот насчет моей реакции ты должен объяснить. Что за чертовщина с ее кровью? Стоило ее ощутить, и твое безумие коснулось моего разума. Ты должен сдерживать его, это твоя основная задача!

– Это сильнее меня. Ее запах успокаивает, а ее вкус возбуждает.

– Неужели? – император окинул кузена насмешливым взглядом, – не хватает сил себя контролировать?

– Я предупреждал, не подходи к Миланте.

– Ты? – император медленно поднялся и упер ладони в столешницу. – Ты ставишь условия своему императору? Идешь наперекор моей воле, посмеив нацепить на избранницу специальный наряд? Забываешься, Крис! Ты всего лишь отражение, подобие человека, которого не существовало бы, не будь меня на этом свете.

Уголки губ Зверя цинично изогнулись.

– Темнейшее отражение светлейшего императора. Я так виноват, что вы не сдержали собственных чувств, ваше императорское величество, – и рассмеялся.

– Смеешь поднимать на смех мои слова? – император по-прежнему не демонстрировал недовольства или гнева, только холодное презрение, но от него отчетливо веяло угрозой. И как я поняла секунду спустя – не зря.

– Три дня в карцере, Крис.

– В этот раз ты невероятно милосерден.

Император попросту проигнорировал сарказм кузена и продолжил

фразой, стеревшей улыбку с лица Зверя.

– А Миланта с сегодняшнего дня переезжает во дворец.

Кериас нехорошо прищурился, а я заметила, как сжались в кулаки руки за его спиной.

– Плохая идея, – четко проговаривая слова и вновь не проявляя ни малейшего страха перед всемогущим правителем, промолвил дознаватель.

– И у тебя даже найдутся веские доводы? – поинтересовался владыка, вновь опускаясь в свое кресло.

– Если захочешь услышать, – невозмутимо парировал Зверь.

Удивительно было наблюдать за их беседой, она напоминала игру в шахматы, где каждый участник делал свой ход. Оставалось лишь ждать, чья партия окажется выигрышной.

– Говори.

– Наш общий мертвенно-бледный друг, способный проходить сквозь любые препятствия.

Судя по промелькнувшему в глазах императора выражению, это был шах.

– И что наш друг? – заинтересованно спросил он.

– Может добраться до тебя через нее, – просто сформулировал Кериас.

Император откинулся на спинку кресла, сложил пальцы домиком и задумчиво посмотрел на кузена.

– И откуда сведения?

– Остаточный след, который ощутил на ней в моем доме.

– Даже так?

Вопрос оказался риторическим, и судя по лицу императора это был шах и мат.

– Не перестаю удивляться, как ты умеешь сочетать свою волчью хватку с личными интересами. Я всегда отдавал должное твоему уму, Крис.

– Хорошо иметь в родственниках умного сумасшедшего, – искривил уголок рта дознаватель.

– Хорошо, – кивнул владыка. – Ты меня убедил. Но столь вопиющая выходка не может остаться без наказания, ты согласен?

Смысл последнего вопроса не сразу дошел до моего сознания, а потому я удивилась, когда дверь приоткрылась и в кабинет проскользнул давешний старичок-маг. С доброй улыбкой на лице он приветствовал Кериаса точно старого друга.

– Мой мальчик, – распахнул он объятия, – давно не видел тебя во дворце.

– А, мясник, – протянул Кериас, уклоняясь от рук старичка. – Был бы

рад не видеть тебя еще дольше.

Я впала в еще большую растерянность от непонятого прозвища и явного отвращения, что демонстрировал в присутствии дружелюбного мага дознаватель.

– Ваше императорское величество, – старичок с грустью отвернулся от не оценившего душевный порыв Зверя и слегка поклонился, – вы велели прийти.

– Скажите, давно ли у кузена были срывы? – поинтересовался император.

На этих словах Кериас ощутимо напрягся, а я заметила, как побелели костяшки его сжатых в кулаки пальцев.

Старичок обернулся, и куда только пропала его добродушная улыбка? Взгляд стал острее, и он просканировал неподвижного Зверя сверху донизу.

– Сила милорда растет, он справился с двумя приступами и последний удержал не так давно.

– Пора дать моему брату возможность выпустить пар, не находите? Помешательство такая непредсказуемая вещь, непонятно, когда настигнет.

Старичок снова поклонился и ответил:

– Как прикажете, владыка. Но я вынужден предупредить, что последние попытки обуздать безумие стоили милорду очень больших усилий, к тому же он потратил энергию на некое крайне сложное заклинание, его защитная оболочка сильно истончилась. Спровоцированный приступ может серьезно пошатнуть здоровье и причинить слишком сильную боль.

На это император пожал плечами, словно говоря, что он все принял к сведению, но не видит причин отменять приказ.

Маг распрямил плечи и подступился к дознавателю, беря в тиски рук его голову.

Кериас не вздрогнул и не сделал попытки отшатнуться, он ни словом, ни жестом не выдал ни одной эмоции, которые в данный момент им владели. Но мне показалось, что я слышу хруст сжимаемых с нечеловеческой силой пальцев, а еще возникла стойкая ассоциация с сильным зверем, которого охотники загнали в ловушку и ранили острыми копьями. А главный из звероловов хладнокровно за этим наблюдал.

Точно в ответ на мои мысли мелькнувшая на лице Кериаса шальная ухмылка превратилась в настоящий оскал.

– Желаю тебе сгореть в том пламени, Рид, на которое обрекаешь меня, – а в следующий миг глаза дознавателя заволокло темной пеленой, он запрокинул голову, а картинка комнаты смазалась и поплыла, подернулась

белым туманом, и уже издалека до меня долетел нечеловеческий вой.

– Стойте! – я дернулась, но комната уже пропала, а передо мной вновь переливалась разноцветными искрами полупрозрачная стена.

– Камень ответил на твой вопрос, – прозвучало позади.

– Что? – еще не до конца придя в себя, я обернулась, вспомнив, наконец, в какой реальности нахожусь. – Он не ответил, он показал... показал какой-то кошмар!

– Это ответ. Ты спросила, что не поделили эти мужчины, они не поделили тебя.

– Невозможно! Они не могли возненавидеть друг друга из-за меня, однако их взаимная неприязнь ощущается так отчетливо. Вы же сами видели.

– Я видел страх. Страх того, кого не мучил огонь.

– То есть вы... вы об императоре? Он опасается Зверя? Но владыка всесилен. Он только что доказал это, заставив Кериаса страдать.

– Он хочет управлять, – спокойно заметил Призрак, – но сложно повелевать тем, чья воля слишком сильна, как и нельзя подчинить страхом того, кто не боится. О причине противостояния камень рассказал честно. Он не обманывает, Миланта, никогда.

– Не могут император и его кузен так ссориться из-за меня. Я обычная, простая библиотечарша. Пусть даже сейчас меня и превратили в такую... куклу, но я не гожусь на роль коварной соблазнительницы, из-за которой мужчины забывают даже о долге. Та же мадам Амели даст мне сто очков вперед. У них было что-то в прошлом, и я об этом спрашивала.

– Нужно задавать правильные вопросы, – улыбнулся Призрак и медленно поднялся. – Извини, Миланта, но больше я не могу держать грани. Приходи еще, когда решишь, что готова принять обе реальности, тогда ты будешь помнить.

Стены заискрились так ярко, что я зажмурилась, а когда открыла глаза, перед моим взором сливались в разноцветное пятно стеклышки витражного окна, голова гудела, хотя лечение императорского мага вроде бы принесло облегчение. На душе было тяжело, а ужин у владыки оставил после себя тянущее чувство страха в душе.

Когда позади отворилась дверь подземного хода, а вернувшиеся охранники попросили следовать за ними, я с большой охотой исполнила их просьбу. Ничего так не хотелось сейчас, как побыстрее покинуть дворец.

В доме давно погасли огни, ведь утро еще не вступило в свои права, хотя ночь была на исходе. Личная охрана императора оставила меня на

ступенях особняка и, отвесив еще один поклон, поспешила удалиться.

Я вошла в просторный холл, подошла к лестнице и хотела уже подниматься вверх, когда вспомнила, что в руках у меня та самая шкатулка, переданная в дар Кериасу от императора. Ее вложил мне в ладони глава стражи, когда уходил.

«Просто оставлю на его столе в кабинете», – решила про себя и тихонько направилась в сторону рабочей комнаты дознавателя.

Осторожно повернув ручку, я приотворила тяжелую дверь, сделала шаг вперед и, ойкнув, замерла. На меня удивленно смотрел сам хозяин кабинета, который, оказывается, и не думал спать, а сидел за большим столом, заваленным грудой бумаг.

– Вы даже по ночам работаете? – не нашла ничего лучше, чем задать очевидный и не требующий ответа вопрос.

– Может, это такая манера отдыхать? – уточнил у меня Кериас, – ну или дежурить на случай, если любопытная Мышка сунет сюда свой носик.

– Я не совала вовсе! Не имею привычки обшаривать ночами чужие кабинеты.

– Правда? – уточнил дознаватель, явно потешаясь надо мной, – тогда я все же уснул, а ты мой очаровательный сон.

– Во все не сон! Я зашла, лишь чтобы отдать вам подарок императора. Точнее, хотела оставить на вашем столе.

С этими словами я прошла вперед и водрузила шкатулку на гладкую столешницу.

– Как мило, – склонив голову набок и рассматривая подношение, заключил дознаватель, – я бы даже сказал, сентиментально.

– Он просил передать, что видит сходство, – раздраженно повторила слова владыки, все еще не отойдя от подозрений сыщика. Я бы ни за что не стала рыться в его вещах!

– Видит, – медленно повторил за мной Кериас, а его шутливый тон разом исчез, словно его не было и в помине.

– Мужчина подвинул к себе шкатулку, откинул крышку и достал книгу в тисненой кожаной обложке.

Я удивленно наблюдала, как он изучает подарок тяжелым взглядом, а потом словно нехотя открывает. Стоило Кериасу лишь коснуться пальцами краешка переплета, как книжка открылась сама примерно посередине. Признаюсь, меня мучило любопытство и о загадочности послания, и о том, почему им стала именно книга, но как только увидела помрачневшее лицо дознавателя, тут же передумала задавать вопросы.

– Отчего не идешь спать, Миланта? – глухо поинтересовался у меня

Кериас, все еще не отрывая взгляда от раскрытого подарка, – послание достигло цели.

И то, как он это сказал и как при этом смотрел в книгу, заставило мои ноги буквально примерзнуть к полу. Что он там увидел?

– А ты знала, Мышка, что когда сгораешь от любопытства, у тебя кончик носа удлиняется?

Что? Я тут же схватилась за нос, но быстро опустила руку, поймав ухмылку дознавателя. Надо было тотчас же пожелать ему спокойной ночи и гордо удалиться, вернув Кериасу холодную усмешку и продемонстрировав, что их с императором тайны меня не волнуют. Однако они волновали и теперь особенно сильно, поскольку затронули мои интересы и даже жизнь, сделав заложницей сиятельных решений.

– Так сильно хочешь посмотреть? – поднял брови дознаватель, наблюдая за внутренней борьбой, которая явно отражалась на моем лице. – Ну иди сюда.

И он развернул книгу и резким толчком сдвинул ее на край стола, чтобы мне не пришлось его обходить.

Шаг за шагом я приблизилась и пригляделась к желтоватым листам явно старого издания, а потом от удивления склонилась ниже, стараясь рассмотреть детали.

Это было некое жизнеописание особенно выдающихся личностей нашей империи, поскольку на обеих страницах шли биографии разных людей, а к каждой прилагался портрет. Первый лист полностью занимала история жизненного пути некоего барона, первооткрывателя западных земель, которые до его изысканий считались бросовыми и непригодными для обитания. На следующем листе поместились две биографии поменьше. Та, что занимала больше половины страницы, опять же принадлежала известному мужчине-историку, чье имя мне доводилось слышать. А вторая, как ни странно, касалась женщины, хотя мало кто из представительниц слабого пола обладал столь незаурядными способностями, чтобы быть включенными в издание, хранящееся в императорской библиотеке.

Сперва я прочитала имя – Инесса Асвальди, и наряду с фамилией в голове всплыло воспоминание об известнейшем музыкальном театре нашей столицы – Асвальдский дом музыки или по-простому Асвальди. Впрочем, всколыхнувшееся любопытство было утолено, когда я увидела чуть ниже строчку «Золотой голос империи». Эта женщина была певицей и именно была судя по датам рождения и смерти. Она ушла из жизни довольно молодой в возрасте двадцати с лишним лет, при этом за время короткой и головокружительной карьеры настолько поразила собственным

талантом современников, что в ее честь назвали лучший театр. А вот следующие строчки заставили меня буквально замереть и перечитать их заново: «Первая фаворитка только взошедшего на престол императора Ириадена авин Тартос амон Монтсеррат». Затем еще несколько предложений о весомом вкладе в развитие музыкальной культуры империи и основании целого музыкального направления, а последняя строчка о гибели певицы в результате несчастного случая. На этот раз я изучила дату не вскользь, а прикинула, что некое трагическое происшествие имело место лет десять тому назад.

Подняв голову, я посмотрела на сосредоточенного Кериаса и снова подвинула книгу к нему. К сожалению, портрет, отпечатанный в ней, был небольшим и слишком темным, чтобы внимательней изучить черты изображенной девушки, а еще представленной информации оказалось недостаточно для понимания.

– Удовлетворила любопытство, Мышка? – серьезно поинтересовался дознаватель, и пусть вопрос прозвучал невозмутимо, но ощущалось в его голосе и манере говорить нечто, указывающее на полное отсутствие демонстрируемого спокойствия.

Я покачала головой. Лучше навлечь гнев мужчины, но разобраться, в конце концов, в тайнах прошлого.

– Нет, я поняла лишь, что император прислал вам книгу с биографиями известных людей и что намекал, скорее всего, на эту женщину, свою первую фаворитку. Однако я не вижу сходства, и понимания от этой информации не прибавилось.

Кериас как-то устало прикрыл глаза, провел ладонью по лицу, потом вдруг поднялся почти неуловимым движением и прошел к одной из стен. Коснулся ее ладонью, послышался щелчок, часть стены выдвинулась, превращаясь в искусно скрытый тайник, который реагировал судя по всему именно на магию императорского кузена. Затем из его глубин была извлечена одна из папок и брошена мне. Именно не передана, не положена на край стола, а вот так отправлена по воздуху, чтобы в итоге притормозить и зависнуть над моими вскинутыми вверх ладонями.

Осторожно дотронувшись до парящей папки, не успела подхватить ее, когда чары левитации рассеялись. Она упала, и часть листов рассыпалась по полу, а я присела, чтобы быстро собрать их обратно и снова выронить, громко охнув и подхватив лист плотной бумаги с отпечатанным на нем портретом.

Большие темные глаза, обрамленные густыми ресницами, длинные перекинутые через плечо волосы, цвета тягучего темного шоколада, белая

кожа и изящные черты лица. Более изящные и гармоничные, чем у меня. Да и красота девушки была явно дарована ей самой природой, а не тщательно отшлифована мадам Амели, однако нельзя было не заметить сходства, сходства между мной и той, кого называли золотым голосом империи и первой фавориткой императора.

Захотелось застонать и вцепиться руками в волосы, выкрашенные в чужой цвет.

Ну почему эта модистка тогда просто не махнула на меня рукой, не дала первое попавшееся платье и не выгнала из своего салона? Мадам Амели оказала медвежью услугу, явив миру облик, крившийся под невзрачной внешностью библиотечной мышки.

Дрогнувшей рукой я медленно положила портрет в папку, старательно контролируя собственное желание перевернуть его лицом вниз, потом подтянула другие листы с различными данными, вплоть до того, где родилась и провела детские годы императорская избранница. А на последнем листочке я совсем забыла как дышать и снова перечитала бросившиеся в глаза строки: «Инесса дор Харон амон Монтсеррат, урожденная Асвальди, погибла в результате несчастного случая в родовом поместье семьи после обрушения одного из перекрытий».

Все. Вот тут наступил такой сумбур в голове, что перед глазами появились и поплыли разноцветные круги.

Дор Харон – имя рода, к которому принадлежит Кериас. Но как подобное возможно, если Инесса являлась фавориткой императора?

Медленно, невероятно медленно, я все же сгребла листы в одну кучу, засунула в папку, поднялась на ноги, прижав объемное досье к груди. Выпускать из рук не хотелось, хотелось забрать наверх, закрыться в спальне и пересмотреть все, вчитываясь в каждую строчку, в каждый пункт, рассказывающий о чужой жизни незнакомой мне женщины, чья судьба неожиданным образом повлияла на мою.

– Отдашь? – протянул ладонь Кериас.

Не знаю, что на меня нашло, но я покачала головой.

– Ты узнала достаточно, и любопытство теперь удовлетворено, – с легкой досадой произнес дознаватель, а в следующий миг папка вырвалась из моих рук, взмыла высоко и, описав круг, вернулась в тайник. Щелкнул замок, и стена вновь стала цельной, скрыв потайное отверстие.

Кериас направился к двери, otvorил ее и приглашающим жестом указал мне на выход. Вот так относительно вежливо, но непреклонно, велел покинуть его кабинет.

Я подошла и остановилась на самом пороге, чтобы спросить:

– И она настолько хорошо пела, что вы оба до сих пор забыть не можете? Император шлет вам книгу, чтобы кровь попортить, а сам при этом пытается сделать меня собственной фавориткой. Все лишь потому, что я умудрилась напомнить внешне женщину, погибшую десять лет назад?

– Она пела как ангел, или вернее будет сказать, как морская сирена. При звуках ее голоса люди забывали себя. Этот ответ устроит тебя, Мышка?

– Устроит, если вы отпустите меня на все четыре стороны. Хотите ту девушку, загримируйте под нее кого-нибудь другого!

– А с Призраком ты сама справишься? – совершенно спокойно и словно мимоходом поинтересовался Зверь. Его заявление немного сбilo с толку, и я не сразу нашла, что ответить.

– Тебя привезли сюда для защиты от него в первую очередь, а если вдруг не устраивает сходство с моей бывшей женой, то поверь, вы абсолютно разные люди.

В следующий миг меня обхватили за плечо и развернули к выходу, но только я сделала глубокий вдох, пытаясь справиться со своими эмоциями, и шагнула прочь, как пальцы Кериаса сжались крепче, удержав на месте.

– Так, стоять! – велел сыщик.

Он склонился ниже, зачем-то рассматривая ворот моего платья, потом резко выдохнул и, схватив теперь за оба плеча, легонько встряхнул.

– Твоя кровь или его?

– А?

– Кровь на вороте платья твоя или императора? Ты ударила его или он обидел тебя?

– Он меня укусил, – зло выдохнула в лицо напряженного дознавателя. – Намеревался поставить метку, но не сумел, имел на ночь свои планы, но догадался, что выставит себя дураком, не справившись с платьем. Он решил отпустить меня к вам, приложив к основному подарку, но прежде хотел оставить метку на губах, чтобы вы видели, а потом...

Я сжала зубы, пытаясь вернуть самоконтроль, и перевела дух.

– Что потом?

Кажется, зубы сжимала не я одна.

– Потом он потерял голову.

– Так как ощутил вкус твоей крови?

– Да.

Я прямо посмотрела в лицо дознавателя, которому, кажется, больше объяснений не требовалось. Он глубоко вдохнул, выдохнул, потом снова и, наконец, вымолвил: «Я решу этот вопрос».

– Набьете ему морду? – сыронизировала я.

– У представителей охраны императора магически ставится блок – невозможность нанести вред правителю, если только ценой собственной жизни, – пояснил Кериас и вдруг добавил, – ты устала, Мышка, иди.

Его руки скользнули по моим плечам, выпуская, а я вздрогнула.

Сердце забилося быстрее. Я сглотнула и попыталась перевести дыхание, но не справилась с собой.

Вновь, как в случае с владыкой, в теле вспыхнул огонь. Он молниеносно разнесся по кровотоку и вызвал такое невозможное томление и страсть, о существовании которых я раньше не догадывалась. Мне казалось, что лекарь излечил последствия, вызванные шафианом, но он, видимо, лишь наложил слабые чары онемения. Сейчас точно морозная корочка трескалась в груди, освобождая бешено забившееся сердце, из меня выходил холод, сменяясь горячечной дрожью.

Я попросту не могла удержать собственных ладоней, которые легли на широкую грудь напротив, оглаживая проступавшие под черной майкой мышцы, чувствуя тепло, которое перетекало в мое тело, согревало и побуждало прикасаться вновь и вновь. И мне невыносимо хотелось поцелуя, а Кериас медлил, нахмутив брови и пытаясь определить, что со мной происходит. И много времени ему не потребовалось.

Быстро перехватив мои запястья, Кериас наклонился и забросил меня на плечо, а потом стремительно понёс к лестнице и также быстро взбежал по ней наверх. Добрался до моей спальни и отворил дверь даже не магией, а ударом ноги.

Все его действия я фиксировала краем сознания, поскольку от нарастающего желания пришлось вцепиться зубами в руку, в ту самую, которая так и норовила прогуляться по мощной спине. Ведь отчетливо понимала, что это все ужасная приправа, именно из-за нее я готова броситься на шею любого мужчины, и гадкий император не мог придумать ничего хуже, чем подсунуть Зверю меня вот в таком состоянии. Сразу вспомнились его слова: «Это мой подарок в обмен на его. И это тоже». Последнее «Это» явно подразумевало одурманенную шафианом меня, хотя владыка мог и не предвидеть столь сильной реакции. Наверное, хотел раздражить Зверя, помня о его запрете не прикасаться к невинной Мышке.

– Ой!

Кериас бросил меня на кровать и хотел выпрямиться, а я вцепилась в его шею, как утопающий хватается за борт спасательного плота.

– Миланта, – с очень недоброй интонацией проговорил еще один Монтсеррат на мою голову и принялся разжимать мои пальцы, а я... Я

смотрела в его глаза и замирала, млела, таяла, изнемогала и испытывала восторг оттого, что он рядом. Он! Такой невероятный, красивый, сильный, такой, что просто дух захватывает и сердце бьется иступлено от собственной смелой просьбы: «Поцелуй меня».

Кериас с трудом, но все же разжал мои руки и попросту отпрыгнул от кровати, проигнорировав и просьбу, и безмолвный порыв, когда всем телом подалась к нему в сумасшедшем стремлении вновь прикоснуться.

– Так, Мышка, – хрипло проговорил он, откашлялся и, очутившись возле круглого столика, схватил с него графин. Быстро налил воды в стакан, щедро расплескав жидкость вокруг, – тебе нужно выпить это и успокоиться, – заявил он и махом осушил стакан.

Следующая порция воды тоже расплескалась, зато оставшаяся часть досталась мне со словами: «Пей».

Я потянулась к хрустальному сосуду и вновь застыла, не в силах оторвать глаз от этого мужчины. У меня от взгляда на него по коже пробегали мурашки и губы пересыхали от желания поцеловать. Я проводила по ним языком, но кожа мгновенно трескалась снова. Наверное, нужно все же выпить, потому что в горле саднит нещадно, но... Коснувшись сжимавшей стакан руки, вновь позабыла о своем намерении, а вместо этого погладила сильные пальцы, мечтая, чтобы они также нежно прикасались ко мне, сперва трепетно, осторожно, а потом все решительней, все откровенней...

Мужская ладонь легла на мое запястье, обрывая мечты, сжалась стальным обручем и отвела руку в сторону. А потом бережно, но непреклонно переместилась на плечо в попытке удержать меня на месте и напоить водой, даже если я этого не захочу. Я ничего против не имела, честно, но... но схватилась за его руку, прижалась щекой к ладони и, повернув голову, поцеловала.

Вся так и не выпитая вода пролилась на кровать, а несчастный стакан отлетел к стене и разбился. Я тоже отлетела, но не к стене, а спиной на покрывало, и, к удивлению, не растерялась под стремительным натиском, не помыслила отстраниться, а вцепилась в густые черные волосы и с наслаждением прижалась к широкой груди, отвечая на упоительный поцелуй.

Наконец-то жар, мучивший меня, получил выход в прикосновениях и ласках, и безумно приятно было дрожать от чувственных поцелуев и жадных поглаживаний, слышать хриплое дыхание, ощущать, как в мужской груди тоже рождается стон и вырывается наружу одновременно с моим, а затем стихает, погаснув под напором вновь встретившихся губ.

А потом раздался треск материи, короткое ругательство и ладони Кериаса уперлись в покрывало по обе стороны от меня, и тяжесть мужского тела внезапно исчезла. Однако стоило лишь раскрыть глаза от разочарования, как его взгляд опалил, заставил судорожно сглотнуть и вновь приоткрыть губы в предвкушении.

– Чертово платье отлично работает, – выдал Зверь, не спеша вновь склоняться ко мне, – надо будет отблагодарить Амели.

«Отблагодарить» прозвучало синонимом слова «казнить».

– Все, Мышка, – с трудом переводя дыхание, добавил дознаватель, – запираю тебя в этой комнате, чтобы не вздумала из нее выбраться.

– Что?

– Спать, я сказал, пока действие отравы не пройдет.

– А как же поцеловать меня?

– А чем я только что занимался? Если бы не этот капкан, уже бы не только целовал.

В другое время я бы смутилась, одумалась, спросила себя: «Что я творю?» – но сейчас была сама не своя. Ведь нельзя сперва подарить удовольствие, выпустить наружу снедающий тело огонь, а потом сказать: «Спи до утра». Мне же физически плохо становилось без поцелуев, поэтому и следующий вопрос, который задала, показался логичным:

– А еще?

– Больше не могу, – буквально прорычал Зверь, – иначе начну разгадывать код на чертовом платье.

– Я подсказу, – с радостью ухватила за эту мысль, – если потянуть крюч... – рот внезапно закрыла широкая ладонь, которую тут же сменил шелковый платок, вмиг извлеченный из кармана дознавателя. Его повязали на крепкий узел, а едва я попробовала стащить, как руки тоже связали. Просто в мгновение ока перевили лентой для волос, до этого спокойно лежавшей на тумбочке, а другой ее край скрепили узлом на спинке кровати.

– Ммм...

– Все, Мышка, отдыхай, а я сейчас пойду и прибью кого-нибудь. Давно с ребятами не прочесывали злчные места.

– ММ!

– Узлы развяжутся, когда я буду за дверью и запру ее на... амбарный засов, да, еще заколочу, пожалуй. Пусть слуги гвозди вытаскивают, пока я в отъезде.

– Мм! – дернула со всей силы руками, сверля дознавателя взбешенным взглядом, он же предпринял тактическое отступление в сторону двери.

– Мышка, – развел руками Кериас, замерев у стены, – помочь я могу

только одним способом, но завтра утром ты будешь готова за это убить. Так что спи, прелесть.

И скрылся за дверью.

Как только она захлопнулась, с той стороны донесся стук, а с меня сразу слетели и лента, и платок.

Соскочив с кровати, я подлетела ко входу и заколотила по деревянной поверхности кулаками.

– Кериас!

– Не выпущу, Мышка, – раздался приглушенный голос дознавателя.

– Ты гвозди в дерево магией загнал?

– Да.

– Где ты их взял?

– Из двери напротив. И вытащить их можно только вручную, так что я теперь внутрь не попаду, даже если очень захочу.

– А окно?

– Высоковато, не хотелось бы что-то себе сломать. До встречи, Мышка.

И, приложив ухо к двери, я услышала звук удаляющихся шагов.

ГЛАВА 9

Если исходить из опыта, которого у меня было совсем немного, то чтобы заснуть в моем состоянии, требовались холодный душ и успокоительный настой. Второго в распоряжении не имелось, а вот с остужающим способом стоило попробовать.

Схватившись за ворот платья, по которому наискосок шли крючки, я отсчитала третий, пятый, восьмой и расстегнула, после чего потянула за ажурную тесьму на горловине, распуская бантик, а затем уже стала стягивать плотный лиф вниз. Крючки с легким щелчком раскрывались сами, и платье спало с плеч, после чего пришел черед юбки. Здесь сперва следовало развязать семь завязок на поясе в строгой последовательности, а затем только расстегивать крючки.

«Тринадцатый, десятый, первый», – посчитала в обратном порядке, ориентируясь на скрытый шов на юбке, после этого вновь потянула ткань в разные стороны, и все остальное расстегнулось само. Начинать можно было с чего угодно, хоть с нижней, хоть с верхней части, а если я просто желала не снять, а расстегнуть, чтобы иметь возможность стянуть кружевные шортики, то приступить следовало с тесьмы именно на них.

В общем, с успехом применив нехитрый шифр, я освободилась и от платья, и от сорочки, и от чулок с шортиками, а затем рискнула забраться под холодный душ. Не скажу чтобы такой радикальный метод успешно помогал против томительного жара в груди, скорее он очень неплохо способствовал замерзанию, отчего мысли о поцелуях немного отступали на второй план. Стуча зубами, я выскочила из ванной комнаты, наспех отерла тело полотенцем и забралась под одеяло, нырнув под него с головой. И пока согревалась, смогла немного успокоиться и даже устроиться поудобнее с намерением заснуть.

Удалось мне это, к сожалению, лишь когда солнечные лучи уже вовсе скользили по задернутым занавескам. Мерный шум за дверью подсказал, что слуги действительно приступили к извлечению гвоздей, и, как ни странно, эти звуки постепенно успокоили разбушевавшиеся чувства, а может сошло на нет действие шафиана. Однако испытанные этой ночью ощущения: томление, жар, дрожь, вожделение и изматывающую тоску неудовлетворенного желания я запомнила надолго.

Проснулась ближе к полудню в лучших традициях уставших за ночь любовниц, однако мужчина, которому полагалось меня утомлять, сам

утомлялся в другом месте. Не знаю, правда ли Кериас отправился ловить преступников, но выяснить этот вопрос сразу не удалось. На следующий день в комнату вместо привычной девочки мадам Амели пришла совершенно другая горничная. Она осторожно постучала в дверь, а услышав мое приглашение войти, несмело проскользнула в спальню и робко присела, демонстрируя все знаки внимания, которых заслуживала любовница императорского кузена.

– Кто вы?

– Меня прислали из агентства по найму прислуги.

– А как же моя бывшая горничная?

– Я слышала, она вернулась к мадам Амели, поскольку вы более не нуждались в ее услугах. Но она рассказала мне все, что требуется, госпожа.

Собственно, мы и правда закончили со всеми масками, притираниями и массажами, а модистка- волшебница вряд ли могла надолго отпустить своих девочек, ведь услуги подобных профессионалок ценились очень высоко. Неожиданно, правда, что меня не предупредили. Хотя бывшая горничная вряд ли могла попасть накануне в комнату. Кериас хорошо защитил меня от любой возможности выбраться, а также впустить внутрь какого-нибудь представителя мужского пола.

– Позвольте я помогу вам причесаться. Сегодня утром доставили два платья по заказу милорда, желаете примерить?

Я прикинула, что прибыли очередные доспехи, и кивнула.

Вниз сходила в полном защитном облачении и с твердым намерением сперва позавтракать, чтобы набраться сил, а после притвориться, будто вчера ничего не произошло. Новая служанка рассказала, что Кериас вернулся несколько часов назад, жутко уставший и судя по виду участвовавший не в одной битве, однако хорошее настроение милорда намекало на полный успех ночного рейда.

По поводу того, что утром пришлось вытаскивать гвозди из моей двери, прежде чем выпустить возлюбленную дознавателя на волю, горничная промолчала, только промолвила нечто вроде: «Милорд так заботится о вашей безопасности». Вот девочка мадам Амели ни за что бы не упустила случая поинтересоваться подробностями столь эксцентричного поступка. Кажется, Кериас счел необходимым избавиться ото всех чересчур болтливых особ в своем доме и оставить тех, кто не будет распространяться относительно причуд хозяина.

Самое обидное, до малой столовой, в которой обычно накрывали на стол, я так и не дошла. И не потому, что кто-то помешал, а из-за собственного неумного любопытства.

Я спускалась по лестнице, когда на первом этаже, возле перил, заметила фигуру в плаще. Она стремительно шагала за слугой, который говорил: «Милорд ждет вас в кабинете». Оказавшись внизу, обнаружила, что посетителя и след простыл, зато слуга уже возвращался назад к своему посту возле входной двери. Я бы не подумала интересоваться гостями Кериаса, если бы не бледность и явная нервозность, проявившиеся на лице обычно невозмутимого Авилора. За время, что провела в доме дознавателя, я почти никогда не видела этого молодого служащего в волнении. По этой причине и уточнила:

– Что-то случилось, Авилор?

– Госпожа, – низко поклонился он, – все в полном порядке, извините, если встревожил, – он немного замялся, оглянулся и нервно вытер пот со лба. – Я всегда так реагирую на предсказателей. Они – потомки магов, в их присутствии прямо дрожь по телу.

– Предсказателей?

– Мадам Памфи, предсказательница его императорского величества Ириадена, – почти шепотом промолвил слуга, а потом снова поклонился и поспешил к дверям.

Я задумчиво остановилась возле лестницы, размышляя, что известной на всю империю особе понадобилось в этом доме. Прежде слышала, будто она живет затворницей и на людях почти не появляется, а уж о том, чтобы самой посещать простых смертных и говорить не стоило. Хотя последнее утверждение вряд ли можно было отнести к Кериасу. И ужасно захотелось узнать, что сейчас происходит в кабинете.

Я присела на ступеньки, раздумывая, сразу ли Зверь меня почует, если решу подкрасться к двери и подслушать. А вдруг дело каким-то образом касается моего будущего? Что если Кериас позвал Матильду Памфи предсказать ему исход этого жуткого противостояния с Призраком, а она ему ответит? Мне необходимо было узнать. Я хотела услышать их разговор любым способом!

Поплывшая перед глазами радужная пыль на миг отвлекла, и я потрясенно наблюдала, как размывается вид просторного холла, теряясь за полупрозрачными неровными стенами. Я сидела теперь на ступеньках, сплетенных из холодного белого света, а на ладони покоился угловатый искрящийся камень. В этом странном пространстве я была одна, и хотя почти тотчас же подскочила, напряженно осматриваясь, хозяин радужных граней так и не появился.

Память об иной реальности вернулась лишь сейчас, когда я очутилась внутри. Неужели сама призвала ее?

Изо рта вырвалось облачко пара, а стены слегка покачивались, словно состояли из дивой материи, плавно перетекавшей из одного цвета в другой, подобно струящейся по камням воде. На секунду почудилось, что материя эта живая, обладающая собственной силой. Подчинялась ли чужая энергия мне, можно было выяснить лишь одним способом.

– Я хочу узнать, что происходит в кабинете Кериаса, – громко проговорила, зажмурившись на миг и пытаясь сконцентрироваться на этом желании. Когда открыла глаза, интерьер за разноцветной стеной сменился. По ту сторону находилась другая комната, за столом сидел темноволосый мужчина, а в кресле напротив – скинувшая с головы капюшон пожилая женщина. Ее волосы напоминали по цвету выбеленную пряжу, морщины пересекали высокий лоб и собирались в лучики возле темно-зеленых глаз.

Я шагнула вперед, и одна из стен исчезла, впуская меня внутрь комнаты. Остановившись за плечом Кериаса, на всякий случай коснулась кончиками пальцев его волос, но рука пошла сквозь тело дознавателя, а он никак не отреагировал на мое присутствие. Выдохнув, сосредоточила все внимание на собеседнице Зверя.

– Считаешь, я зря трачу время? – говорила она меж тем, и чистый звонкий голос совсем не сочетался с внешностью невзрачной старушки.

– Я не просил тебя приходить.

– Иного способа увидеться не было.

– Матильда, мне не нужны твои предсказания.

– Лишь оттого, что тебе неведомы новые знания, открытые мне высшими силами.

– Послушай, – Керис положил ладони на стол и слегка склонился вперед, – нет смысла рассказывать. Вспомни, что я говорил о твоих прежних предсказаниях.

– Это невозможно.

– Да.

– Я помню.

– Тогда что ты здесь делаешь?

– Кериас, я никогда не ошибаюсь в своих видениях.

– Ну хорошо, – дознаватель хлопнул ладонями по столу так неожиданно, что я даже вздрогнула, – раз настаиваешь на этом, говори, я слушаю.

– В твоей жизни появилась девушка.

– До тебя дошли слухи? – изломил бровь сыщик.

– Я видела ее, когда в последний раз бросала карты. Тихая, замкнутая, совершенно беззащитная с виду. Она погубит тебя, Кериас.

На этот странный выпад, из-за которого я пораженно затаила дыхание, сыщик совсем не отреагировал.

– Если не избавишься от девушки сейчас, то, пытаясь защитить ее, сам погибнешь.

Матильда откинулась на спинку кресла, крепко сцепила перед собой руки в замок и не сводила глаз с невозмутимого мужчины напротив.

– И? – был единственный ответ, которого она дождалась.

– Ты не должен умереть. Ты единственная надежда великого рода. Я уже говорила об этом. Сейчас две линии судьбы пересеклись, одна прямоком ведет к престолу, к тому, чтобы стать великим императором, а вторая – к смерти. Отпусти девушку.

– Тогда ее убьет Призрак, разве нет?

– Он существо, не принадлежащее нашему миру, ты напрасно поставил своей целью поймать его. Человеку не под силу с ним совладать. А девушка уже попала под его влияние, дороги назад нет, зато у тебя есть шанс остановиться. Ты последний представитель рода Монтсеррат и обязан принять власть.

– Матильда, это бред!

– Мои видения...

– Я знаю, всегда сбываются, – оборвал предсказательницу Кериас, – но не я последний, ты забыла о моем брате?

– Карты предрекали величие сильнейшему. А в тебе есть сила.

– И в Ириадене.

– В нем сильнее гордыня.

– Я его защитник и не могу нарушить клятвы, и ты все знаешь об этом проклятом сумасшествии. Ненормальный император не может править страной. Что на этот счет говорят тебе карты?

– Они лишь открывают будущее, но не дают пояснений того, что и как произойдет.

Кериас ничего не ответил на ее последние слова, и Матильда продолжила:

– Отошли девушку. Судьба дает тебе выбор. Задумайся об этом, вспомни о миллионах других людей, о том, что империя захлебнется в крови, когда последний представитель рода погибнет.

Мужчина молча склонил голову и запустил пальцы в волосы, я слышала, как он вздохнул, а потом снова поднял глаза на предсказательницу, собираясь озвучить свое решение, и в следующий момент передо мной вновь выросла радужная грань.

– Нет! Не сейчас. – Я протянула руку, пытаясь оттолкнуть ее с дороги

и снова вернуться в кабинет, а вместо этого вдруг качнулась вперед и упала на холодный мраморный пол холла, слетев со ступеньки. И самое ужасное, я ощущала себя совершенно обессиленной.

На мое счастье, лестница делала изгиб в сторону стены, и потому площадка у ее подножия была скрыта со стороны входа. Меня не заметили покинувшие кабинет Кериас с предсказательницей. Я даже не представляю, как принялась бы объяснять, почему лежу на мраморном полу. Зато короткая передышка оказалась весьма кстати. Мне достало сил вползти на ступеньку и, держась за перила, вновь принять сидячее положение. Когда проводивший мадам Памфи Кериас стремительно дошагал до лестницы, собираясь взбежать наверх, я встретила его совершенно невозмутимо и даже приветствовала вежливой улыбкой:

– Доброе утро.

Ни выражением лица, ни тоном голоса я не выдала того, о чем успела услышать, и подозрений относительно своей будущей судьбы. Будут ли от меня избавляться самым радикальным способом или передадут в полное владение императора?

Радужный кристалл лежал в кармане платья, даря чувство спокойствия и удивительной уверенности в собственных силах, чего я никогда не ощущала прежде. Теперь у меня тоже был какой-то козырь в этой неравной схватке, оставалось только разобраться в свойствах камня и понять, как смогу использовать его дальше, чтобы избежать участи бесправной игрушки.

Да, теперь я помнила обе реальности, как и обещал Призрак.

– Миланта, – Кериас присел на корточки, вглядываясь в мое лицо.

Вопроса о том, почему сижу здесь, а не нахожусь, например, в комнате, я дожидаться не стала. Объяснила все дознавателю раньше, чем он успел спросить.

– Я спустилась пообедать, но внезапно ощутила слабость.

– Это у тебя реакция на шафиан? – нахмурил брови Зверь.

– Прошу прощения, – мой голос прозвучал достаточно холодно и невозмутимо, – но если для членов императорской семьи подобная изысканная приправа считается обычной, то я не имела радости употреблять ее в пищу каждый день.

– Я знаю, Мышка, – также спокойно ответил Кериас, – не стоит кусаться.

Он хотел взять мои ладони, но я отдернула руки и вообще отклонилась подальше.

– Я отвлекаю вас от важных дел. Вы, кажется, шли наверх.

– Шел, чтобы затем поехать на работу.

– Работаете и днем, и ночью. Всегда на страже покоя и защиты его императорского величества, – равнодушно отметила я и прислонилась головой к перилам.

Кериас молча отстранился и, больше не спрашивая ни о чем, ушел, а через минуту ко мне спустился слуга и, поклонившись, поинтересовался, не желаю ли подняться в комнату.

– Я желаю в столовую, поскольку ещё не обедала, – ответила на его вопрос, а потом с его помощью встала на ноги.

В столовую добрела только потому, что слуга придерживал за плечи, не давая упасть. Устроившись на стуле, я обессиленно уронила руки на стол и прикрыла глаза. Мне требовались еда и силы, а ещё план дальнейших действий.

– Так отчего тебе стало плохо? – долетел от двери мужской голос.

– Моральные потрясения, голод и ночное бодрствование не способствуют активности, – мой голос звучал ровно, – у меня закружилась голова.

– Это снова цитата из какой-нибудь книги о здоровом образе жизни?

– Весьма верная, замечу.

– Ощущаю себя нерадивым читателем, получившим выволочку от грозной библиотечарши, – ехидно прокомментировал дознаватель и подошел ближе. – Все же странная реакция. Сперва ты полна сил и очень активно отвечаешь на поцелуи, а потом вдруг почти теряешь сознание.

– Я вчера и на поцелуи вашего брата отвечала активно, – откликнулась, любясь помрачневшим лицом Зверя, – а потом тоже почти потеряла сознание. В него возвращал меня личный лекарь его императорского величества.

Удивительно, прежде я бы не решилась говорить с Кериасом подобным тоном, а сейчас ощущала непоколебимое спокойствие и уверенность в собственной правоте.

– Значит, у тебя нет сил? – резюмировал сыщик, и не успела ему ответить, как уже была поднята на ноги, а за плечи меня крепко придерживали мужские ладони. Рядом лежал непонятно когда упавший стул, а Зверь сверлил меня взглядом.

– Ну, бери, – выдохнул он.

– Что?

– Тебе нужны силы, бери.

– Я обойдусь без вашей помощи, – отказалась решительно. – Достаточно с меня поцелуев сиятельных особ. Еда и отдых помогут

восстановиться. Так что отпустите, будьте добры.

И он отпустил, а поймать успел у самого пола, куда я едва не свалилась.

– Я не предлагал поцелуи, – зло высказался Зверь и, усадив меня на другой стул, встал рядом и соединил наши ладони, крепко переплетя пальцы.

– Бери.

Хотела снова гордо отказаться, но его тепло оказалось таким манящим, что с легким вздохом я позволила ему потихоньку перетечь в мою руку.

– Пальцы у тебя ледяные, – заметил Кериас, а потом стоял молча, пока я с наслаждением впитывала согревающий каждую клеточку животительный жар. Что странно, до этого момента холода не чувствовала, а сейчас поняла, как замерзла. Замерзла так основательно, что тело ощущалось чужим, а сердце словно замедлило стук. Теперь кровь забурлила, разгоняясь по венам до своей привычной скорости, вбирая в себя тепло, теряя вязкость.

Нежная волна благодарности заставила открыть глаза и взглянуть на Кериаса, прошептав ему: «Спасибо».

Взгляд дознавателя потеплел в ответ, а легкая улыбка скользнула по губам:

– Пользуйся, Мышка.

Он внезапно расцепил наши ладони и выпрямился.

– А почему..., – я закусила губу и оборвала вопрос на полуслове.

– Что почему?

– Ерунда.

– Неужели я снова вижу румянец смущения на белоснежных щечках? Признаться, ты напугала меня, Мышка. Показалось, за эту ночь ты обратилась в ледяную статую. Я так обидел тебя вчера?

Воспоминания о собственных домогательствах внезапно нахлынули на меня, заставив покраснеть до корней волос.

– Нет, не обидели, – невнятно проговорила и опустила глаза.

– А о чем ты хотела спросить? Ведь я вижу, как твой любопытный носик слегка удлинился.

– Он не удлиняется! – я схватилась за нос и возмущенно посмотрела на смеющегося дознавателя, разом забыв о смущении.

– Удлиняется.

– Нет!

– Да!

– Ну знаете! Я хотела спросить, почему когда прикасаюсь, чувствую тепло, а когда целую, вместе с ним накатывает ещё и эйфория?

Вот сказала со злости и снова смутилась, а все из-за взгляда Кериаса, который вдруг стал обжигающим и таким пристальным, что ощущался кожей, точно легкая щекотка.

– Потому что за раз можешь взять гораздо больше, – несмотря на выражение глаз, совершенно спокойно пояснил дознаватель.

– Аа, кхм, спасибо.

– Или потому что без ума от меня, – невозмутимо добавил Кериас.

– А?

– Эйфория, – словно смакуя, произнёс мужчина, – при поцелуях, – мурлыкнул он, – все сходится.

– Эй! – запротестовала я и хотела уже вступать в спор, когда была остановлена вкрадчивым: «Проверим?»

Это просто невозможно! Как он сам справляется с подобными перепадами настроения? От злости и раздражения прийти в хорошее расположение духа, дразнить меня и всюду веселиться? Но я-то еще не лишилась здравомыслия, чтобы начать проверять, поэтому весьма решительно покачала головой.

– А я уже приготовился, – хитро улыбнулся Зверь.

– Проверки всегда плохо заканчиваются.

– Что ж, – пожал плечами дознаватель, – я предложил ради тебя, Мышка. Теперь будешь умирать от любопытства, думать все время, в силе дело или в чем-то ином, а бывает ли другая реакция на поцелуи и...

– Вы говорили, я не умею целоваться! – оборвала его на полуслове, всерьез начиная опасаться, что меня сейчас заболтают и склонят к экспериментам.

– Ты очень быстро учишься, – нашелся с ответом Кериас, – целуешься все искуснее и искуснее.

И пощекотал меня за ушком.

– М-милорд! У нас договор, о котором вы постоянно забываете и письменный экземпляр которого я до сих пор не получила, а еще я... есть хочу!

– Ты права, Мышка, – вкрадчивый шепот над самым ухом заставил вздрогнуть, а дверь в столовую вдруг сама распахнулась, и в комнату, в буквальном смысле слова, внесло очумевшего повара.

– Где еда для леди? – очень строго спросил Зверь.

Повар так и замер, переводя круглые глаза с меня на дознавателя, в руке его был зажат половник, с которого на рукав слуги капало что-то густое и белое.

– А, эм, там.

– Все еще на кухне?

– Уу... гу.

– Подать немедленно! – рявкнул Кериас. Даже я на стуле подпрыгнула, а повар от испуга впечатался спиной в стену, икнул, попятился и снова икнул, поклонился, икнул, исчез.

– Распоясались, – строгим голосом и с трудом сдерживая смех, подытожил Кериас, – моя возлюбленная оголодала и совершенно неспособна на эксперименты.

А дальше он, насвистывая, отправился к двери, где обернулся, послал мне воздушный поцелуй и, сказав: «До встречи, леди», – исчез из поля зрения.

Не удержавшись, я подскочила со стула и подбежала к окну, чтобы понаблюдать, как он выходит на крыльцо и, взмахом руки отослав прочь уже поданный экипаж, удаляется по подъездной дороге и скрывается за воротами.

– Он меня с ума сведет, – подвела итог этого безумного разговора и поспешно обернулась, когда с громким: «Ваш обед, госпожа!» – в комнату вкатили тележку, уставленную таким количеством еды, что хватило бы накормить не одну голодную девушку, а целый полк королевских дознавателей.

Стоит отметить, с момента нашей первой встречи, начавшейся очень неординарно, отношения со Зверем по-прежнему складывались весьма странно и мало походили на чисто деловые, оформленные ни много ни мало настоящим официальным договором. Его, кстати, доставили в тот же день. Когда я развязала бечевку и вынула документ из плотной бумаги, то заметила, что он уже заверен и подписан одной стороной.

И вот я сидела за бюро орехового дерева в совершенно пустой библиотеке фамильного особняка и вновь перечитывала наше соглашение. Казалось бы, я по всем правилам играла роль любовницы на людях и даже несколько раз назвала дознавателя дорогим Кериасом, а он как будто и не злоупотреблял своим положением, хоть и дождался от меня обвинений в нарушении договорных пунктов. Однако, как было оговорено заранее, при особых обстоятельствах (если исходить из анализа ситуаций, особые обстоятельства возникали постоянно), Кериас вполне мог меня трогать, лапать, обнимать и почти ничего не нарушал.

Если говорить честно, то в отличие от начала нашего знакомства, сейчас мне все реже хотелось называть его Зверем. И пускай определенная озверелость в Кериасе присутствовала, но настоящей жестокости по отношению ко мне он не проявил ни разу. Хотя, полагаю, мог быть очень

страшным с кем-то другим, равным ему по силе. Я даже начинала привыкать к своеобразному характеру дознавателя, пусть и не слишком уравновешенному. Радовал тот факт, что несмотря на обвинения в сумасшествии, мужчина пока ни разу не сорвался окончательно. Не знаю, соблюдал ли он таким образом нашу договоренность или хранил привлекательность приманки для Призрака, но найти веских причин для разрыва соглашения я не могла.

Порассуждав подобным образом, собралась уже поставить свою подпись и на миг замерла, увидев дату. Договор действовал месяц, по истечении которого я получала денежное вознаграждение, собственное жилье и номинальную свободу. Конечно, формулировка была несколько иной, но я вдруг усомнилась, что действительно верну утраченную самостоятельность. Ведь обязательства по моей защите Кериас снимал непосредственно перед выбором фаворитки императора, и либо так совпало, либо дальше я могла отправляться прямоком в покои владыки.

Рука замерла над листом, и расписаться я не отважилась. Решила дожидаться вечера и поговорить с Кериасом на эту тему откровенно.

Однако к вечеру дознаватель не вернулся. Не пришел он и ночью, утром следующего дня и даже к обеду. Я то и дело подбегала к окну и смотрела на подъездную аллею, спрашивала горничную и слуг, но никто не объяснил мне задержки хозяина, никто не упомянул особых распоряжений, отданных на предмет длительного отсутствия. Кериас совершенно точно намеревался вернуться еще вчера. Но где он тогда? Неужели показанное Призраком будущее уже произошло? То есть кузены повздорили из-за меня, и император заключил дознавателя под стражу на трое суток? Ведь именно такой промежуток времени был озвучен.

Я не знала, что и думать, но только во дворец отправиться не могла. А все потому, что Кериас слово решить проблему с владыкой сдержал. То ли его замечание относительно остаточного следа оказало свое влияние, и император решил поостеречься, пока не пойман Призрак, то ли сорвал всю ярость на кузене и немного успокоился, однако на личные аудиенции, а также балы, прогулки, обеды и прочее меня больше не звали. Возможно, Кериас даже нарочно довел брата до бешенства и сам подставился под удар, поскольку так вернее всего было уладить проблему с уязвленным самолюбием. Отправляться в таком случае во дворец одной было сродни сумасшествию. Однако без присутствия Зверя рядом я чувствовала себя незащищенной и беспрестанно нервничала.

Когда в очередной раз подошла к окну, то тут же подскочила на месте, а потом рванула к шкафу и, схватив первый попавшийся платок, набросила

его на плечи и сбежала вниз. На крыльце я замерла и терпеливо дожидалась, пока подъедет простая черная карета. Однако когда она остановилась, меня ждало полнейшее разочарование.

– Леди Миланта, – поклонился вышедший из кареты незнакомый мужчина, – Раир Стефано к вашим услугам.

– К моим услугам? – уточнила я.

– Именно так, леди. Я прибыл по поручению милорда Кериаса.

– А он..., – я попыталась заглянуть в пространство открытой кареты, вдруг дознаватель лежал там без сознания, но господин Стефано прибыл один.

– Милорд не приходил на службу, но такие отлучки для него не впервой. Судя по всему, ему было дано личное поручение от самого императора. Иногда бывает, что начальник отлучается по особым заданиям без предупреждения, порой может пропадать месяц.

– Месяц? – я даже похолодела.

– Особые поручения всегда касаются только милорда. Мне же еще раньше было поручено доставить вам все найденные книги. Начальник говорил, что вы сможете разобрать и систематизировать их, поскольку прежде занимались подобной работой.

– Какие книги? – растерянно уточнила.

– Если позволите, их сейчас завезут. Телеги стоят за главными воротами, разрешите им въехать?

– Если, – я откашлялась и постаралась говорить более уверенно, – если Кериас дал такое поручение, то конечно, но вы не пояснили, что за книги.

– Они были найдены в замурованной комнате столичной библиотеки, – ответил мужчина и отослал кучера, велел ему передать послание для привратника.

– В замурованной комнате?

– Милорд обнаружил ее во время осмотра библиотеки после гибели мэра. Как только получили разрешение, мы сломали стену. Пришлось какое-то время потратить на поиск специалистов, способных справиться с защитными заклинаниями, а потом только вынести книги. Не поверите, но в комнате действовала настоящая магия.

– Отчего же не поверю, ведь в самой библиотеке работает охранка на магической составляющей.

– О, нет. Я вовсе не имел в виду современные методы защиты, разработанные совместно с официальными представителями закрытого магического сообщества. Предприимчивые торговцы многие вещишки покупают у магов, и большая их часть даже допускается к ввозу, особенно в

связи с расширением торговых соглашений. Я говорил о настоящей древней магии. Только с одобрения его императорского величества нам дозволено было посетить закрытое поселение и под строжайшим надзором привезти оттуда в столицу одного специалиста по древним заклинаниям.

Я чуть было не ляпнула, почему маг императора не вызвался помочь, а потом сообразила, что его пребывание во дворце могло быть засекречено.

Вот, значит, какую пустоту ощутил тогда Кериас, а я за всеми событиями почти позабыла о том дне, как и о намерении дознавателя узнать, что кроется за стеной. Зато сыщик ничего не забыл, и он действительно хорошо выполнял свою работу. От сознания этого стало немного не по себе.

Отойдя в сторону, я наблюдала, как к ступенькам подъезжают две телеги, а слуги начинают разгружать их.

– Несите в библиотеку, – дала распоряжение, а сама отправилась следом, чтобы понять, какие сокровища удалось отыскать в запечатанном хранилище.

– Сокровища, – шептала я, любовно поглаживая истрепавшиеся книжные корешки, – настоящие, истинные, самые драгоценные!

Застань меня Кериас в подобном экстазе и предложи снова провести эксперимент, даже секунды не сомневалась бы, и без шафиана всего расцеловала бы. Чего не сделаешь для мужчины, доверившего мне сущее богатство.

Хорошо, что в библиотеке я осталась одна. Слуг выслала почти сразу, как только внесли последнюю стопку книг. Ничьей помощи мне не требовалось, чтобы заняться разбором такой прелести, а вот принять меня за буйно помешанную другие могли.

– Вы мои хорошие, вы мои древние, – шептала я старым фолиантам. Хотелось подгрести их все под себя и чахнуть, как дракон над золотом.

– Кто же такой плохой вас в кучу свалил, стеной замуровал, пылиться заставил? – продолжала ворковать и попутно протирать мягкой тряпочкой покрытые серым налетом обложки.

– И не переплетали вас, и не заботились и не открывали сколько лет.

После этой фразы я не удержала счастливого вздоха, а потом с дрожью в руках раскрыла один особенно толстый талмуд.

Ну что может быть лучше для истинного ценителя, чем те самые книги, которых я ни в жизни не увидела бы, не окажись в статусе любовницы императорского кузена по совместительству главного дознавателя империи? А ведь их уже долгое время не касалась рука человека, потому как это были настоящие запрещенные старейшие

фолианты.

И вот теперь они оказались у меня в руках, и требовалось заняться самой любимой работой: привести в порядок, рассортировать, расставить. Кериас явно знал путь к сердцу истинного библиомана, и это сердце сейчас радостно колотилось в груди, намекая, что пока не закрою последнюю книгу, не буду есть, спать и не покину стен фамильной, более не пустующей библиотеки.

ГЛАВА 10

– Леди Миланта, к вам можно? – я узнала голос своей горничной и, недовольно отвлекшись от совершенно невероятной книги, пригласила ее войти.

Бочком протиснувшись в библиотеку, девушка поклонилась и беспомощно огляделась вокруг, пытаясь найти поверхность, куда приткнуть поднос с едой.

Поверхностей в библиотеке было много, но почти все оказались заняты ровными стопками преобразившихся книг. Наконец, приметив свободное пространство на подоконнике, девушка сноровисто подбежала туда и установила поднос.

В последние дни мое общение со слугами сводилось лишь к вопросу, не вернулся ли милорд, а поскольку положительного ответа я не получаладо и все остальное им приходилось делать самим, без распоряжений. То есть полная свобода в выполнении рутинной работы и заботе о забывшей про все на свете любовнице-библиотекарше. Горничная вообще взяла себе за правило утаскивать меня в комнату далеко за полночь, где приходилось тратить драгоценное время на душ и короткий сон.

Мне приходилось уступать служанке, поскольку иначе она начинала причитать под дверью библиотеки, мешая сосредоточиться и вслух перечисляя возможные кары, которым подвергнет всех Кериас, когда вернется и обнаружит до какого состояния я себя довела.

– Скажет, что мы виноваты, мы не заботились, пока милорд был в отъезде, – чуть ли не подвывала она в голос, и потому приходилось с тяжким вздохом закрывать очередную книгу и плестись на выход. На рассвете я уже подскакивала вновь и, с трудом дождавшись, пока девушка закончит приводить меня в порядок, и по-быстрому запихнув в себя завтрак, уже бежала обратно в библиотеку. Ключ от нее я, кстати, всегда носила при себе, даже убирать в святая святых никому не позволяла. Я сейчас походила на дракона, которого кроме сокровищ (и того, когда же, в конце концов, вернется дознаватель), ничего не интересовало. А все потому, что почерпнутая из древних фолиантов информация была просто невероятной.

Оставив очередное сокровище буквально на десять минут, я быстро запихнула в себя то, что принесла служанка, но за размышлениями о собранной информации вкуса блюд не заметила. Я бы и во время еды

читала, но терпеть не могла жирных пятен на книгах, как и любого вопиющего обращения с письменной ценностью вроде загнутых страниц, поцарапанных обложек или – кощунство! – вырванных листов. Сама бы таким «ценителям» волосы повыдидала.

Схватив поднос с пустыми тарелками, я поставила его за дверь, чтобы в библиотеку больше никто не ломился, и вернулась к потрясающей книге, рассказывающей о магических расах и их особенностях.

Все найденные фолианты тем или иным образом касались именно магии. Я сделала вывод, что, кто бы ни упрятал их в замурованную комнату, собирал он книги, ориентируясь именно на их содержание. Скорее всего, этот некто был связан с работой в столичной библиотеке, полагаю, именно в ней хранились магические талмуды, но после окончания войны вся подобная тематика попала под строжайший запрет, тогда книги и упрятали подальше от посетителей, запечатали магией, закрыли, а потом и вовсе забыли.

А ведь в них было столько полезной информации! Те же магические расы. Мы, люди, узнавали о расах ещё в средней школе, но подавались знания удивительно примитивно. То есть были злые маги, которые практически питались людьми, а еще были защитники, которые старались человеческую популяцию уберечь от вымирания, как-то так. Но ни слова о том, насколько прежнее устройство оказалось сложнее, разнообразнее и, что уж говорить, интереснее на самом деле.

В книге, которой я увлеклась, шло перечисление всех представителей магического сообщества с официально принятыми и простонародными названиями: ликаны (оборотни), ламии (ведьмы), обуры (вампиры), эллии (фейри), мольфары (колдуны).

Нам говорили еще с ранних лет, что люди служили пищей для всех волшебных существ. В какой-то мере это являлось правдой, только пища была энергетическая, в связи с чем людей тоже делили на разные виды. Для тех же оборотней существовали шааны и аретерры, на человеческий язык я бы перевела эти слова как наркотик и стабилизатор. Оборотни были крайне чувствительны относительно всего, что касалось обоняния или слуха, и в связи со своей особенностью чутко реагировали на голоса, запахи и в том числе на энергетическую сущность человека, подразделяя людей на условно опасных и мирных.

Из всех магических существ именно ликаны более всех берегли чистоту крови, выбирая пару среди подобных, так как обладали способностью обращаться в зверей, что порой оказывалось несовместимо с жизнью человека. За счет двух ипостасей они являлись едва ли не самыми

сильными из всего магического сообщества и убить их было сложнее, поскольку после гибели человеческой сущности, ликаны обращались в зверей и доживали свой век уже в этом облике, по-прежнему представляя опасность для своих врагов.

Ламии и мольфары являлись представителями одной сущности, сходной с человеком, только ведьмы рождались со способностями повелевать природой, а колдуны оказывали влияние на стихии. Прежде волшебники, так похожие на людей, заключали браки между собой, чтобы усилить магический талант, но природный и стихийный дар, как ни странно, не смешивались, а передавались по наследству в зависимости от пола ребенка. Для людей же главную опасность представляли чародейские ритуалы, в которых человек играл роль жертвы. Именно ритуалы позволяли забирать жизненную энергию, увеличивая силы магов. И пусть даром их наделяло само мироздание, но некоторые не хотели довольствоваться малым, а иными способами усиления способностей, в отличие от тех же обуров, не владели.

Вампиры являлись самым паразитическим представителем волшебного народа, поскольку могли брать человеческую энергию напрямую через прикосновения. В этот миг я вспомнила собственную способность забирать силу у Кериаса, но исходя из почерпнутой в книге информации я просто стала участницей ритуала, что тем не менее не превращало автоматически в вампира. Они-то вытягивали силы у любого человека, а количество забираемой энергии зависело от типов прикосновений. Однако самыми страшными являлись кровавые обряды, и, получая жизнь и энергию смертного через его кровь, обуры становились почти всесильными. Что-то противопоставить им в таком случае могли только ликаны.

Самыми соблазнительными и привлекательными представителями среди чародеев всех мастей были, конечно, элии. Они относились к категории уязвимых, но прекрасных охотников, подобно хищным цветам, привлекающим жертву своей красотой. Невероятно чувственные, изящные, чарующие, они тянули людей словно магнит, и не обладая, например, невероятной физической силой оборотней или тех же перерожденных кровавых вампиров, фейри брали свое через соблазн и секс, иногда опустошали любовника подчистую. Эти же существа реже всего сходились с людьми, как с равноправными партнерами, тут играла свою роль «ущербность», неидеальность людей, потому их предпочитали использовать в качестве кормушки.

И среди всего многообразия волшебников совершенно особый класс

составляли хранители.

Маги, представители всех каст магической общины, в чем-то отличные от сородичей, возможно, обладающие изъянами, не позволяющими влиться до конца в жизнь уникального сообщества, своего рода изгои, которые вставали на сторону людей, спасали их, оберегали и чаще всего создавали с людьми семьи. Их дети нередко наследовали магию, более слабую, чем у чистокровных представителей, но она давала возможность хоть что-то противопоставить охотникам на людей.

И вот только благодаря хранителям нам, людям, удалось отстоять право на жизнь, свободную от влияния магов. То есть прежде это была империя, где правили волшебники, а люди, мягко говоря, им помогали, получали свою защиту, имели свой круг обязанностей, но при этом находились на волосок от гибели. Существовали, конечно, официальные патрули, стражи и прочие представители, охранявшие человеческие кварталы в крупных городах или поселения за городской чертой, но все равно полной защиты не имел никто. И если бы не хранители, вряд ли человек смог что-либо изменить.

Более подробную информацию о наших благодетелях я нашла в другой книге, в разделе о государственном устройстве до начала войны. Именно защитники общими усилиями создали антимагические камни и повели своих подопечных в сражение. Люди выкладывали зачарованные круги, а хранители в один миг их активировали, накрыв места, где обитали маги, отдельными куполами, а затем по единому призыву смертные и их помощники поднялись против охотников. Простых людей всегда рождалось гораздо больше, а потому у обессиленных магов не осталось шанса. Дар блокировали, а кровожадная толпа озверела и готова была погибать, но рвать противника на части. Страх отступил, милосердие было забыто, империя рухнула.

А после мы все восстанавливали и заново отстраивали. Тех, кто уцелел, отправили за антимагическую стену, в так называемый город магов. С ними не пытались договориться, не пробовали использовать способности малочисленных выживших на благо людей, их просто заперли в назидание и из чувства неутолимой мести, потому как обычных смертных в той войне погибло намного больше и потому что не осталось хранителей. Они всегда шли в первом ряду, всегда закрывали собственными спинами дорогих им людей.

Да, этот период в истории знал каждый, но вот о подлости людей, которые истребляли всех магов, даже тех, кого обманом выманили из домов, тех, кто сразу хотел сдаться и не принадлежал к касте охотников,

умалчивалось, как и о хранителях, погибших от руки людей-предателей. На общей волне ненависти восставшая толпа уничтожала представителей магического сообщества, и слабые или относящиеся к людям с сочувствием погибали в первую очередь.

Когда прочитала об очень подробных описаниях бесчинств самих нападавших, волосы на голове встали дыбом, а перевернув последнюю страницу толстого фолианта, я поняла, почему книги скрыли и спрятали от глаз обычных посетителей библиотеки. Такие знания не могли принести обладателю ничего хорошего, пусть даже с момента окончания войны прошло более двухсот лет.

Поспешно подхватив книгу, я отнесла ее к стопке, помеченной как «Магическая империя». И слава светлым богам, что я давно овладела превосходным навыком быстро знакомиться с любым объемом информации, прочитывая книги по диагонали и умея выхватить самое важное. Без подобного полезного качества, которому обучали ещё в школе библиотекарей, скоро сортировать и систематизировать фолианты не вышло бы.

Вздохнув, я обвела взглядом ровные стопочки, которые следовало расставить по полкам, но для начала оставалось доразобрать последнюю горку пухлых книжек, и вот тут я окончательно потеряла счет времени.

Несмотря на всхлипы и завывания по ту сторону двери, которые стихли полчасу спустя, я до утра так и не отправилась спать. А все по той причине, что среди фолиантов с потрескавшейся кожаной обложкой оказалось три тома, озаглавленных как «Магические ритуалы». В книгах даже приводилась информация по защитному обряду, проведенному Кериасом.

Его я изучила подробно, а прочитав некоторые строчки по несколько раз, устроила подбородок на скрещенных ладонях и снова задумалась, стоило ли чисто гипотетически причислить меня к виду энергетических вампиров, если магией я по-прежнему не обладала.

«Сила дающего» – именно так он назывался, являясь высшей степенью защиты, разработанной в свое время хранителями для своих любимых. Она связывала двоих энергетически, и сильнейший в паре хранил слабейшего от любой возможной угрозы. Но! Существовала опасность стать зависимой от тех ощущений, что дарило поглощение чужой жизненной энергии, однако лишь в случае регулярной подпитки и углубления наших отношений, то есть их развития в сторону (тут я покраснела) в весьма интимную сторону. А все потому что на таком глубоком уровне, когда один человек подпускал другого к личной энергии,

сохранять чисто приятельские взаимоотношения не выходило. По всему получалось, что если и дальше буду жадничать и вытягивать из дорогого Кериаса его силу, то не просто стану личным вампирчиком дознавателя, так еще и сама затащу его в постель. Сразу вспомнилось воздействие шафиана и попытки Зверя спастись от озверелой Мышки.

Я застонала, помянула всех высших богов и поспешно пролистала первый том до конца, бегло ознакомившись с информацией про браслеты, трансформирующие жизненную силу в магическую. Здесь внимание привлек момент с индивидуальными аккумулянтами, которые не заряжались чужой силой, становясь непригодными после опустошения резерва, но связывались с энергией носившего. Тот же принцип, что и с силой дающего.

Я вспомнила, как свободно пользовался магией Кериас, как браслеты опустошили его после проведенного надо мной ритуала, и сделала вывод, что его аккумулянты относились именно к этому виду самых редких и дорогих «игрушек».

Чуть ниже шла информация о разных видах меток, включая скорпионов дознавателей, реагировавших на эмоции, например, на сильный испуг или панику, и посылавших сигнал хозяину. Прочитала также о метке принадлежности, которую получила от императора. Сами по себе метки не являлись неким видом магии, но ставились с помощью магически заряженных предметов: браслетов, колец, даже запонок, служивших в качестве миниатюрного хранителя заряда. Привязка создавалась не слишком сильная, но зависела от вида метки. Впрочем, об этих вещах я читала и прежде, просто в данном случае информация оказалась более полной.

Отодвинув первый том на край стола, я загнала неприличные мысли об энергетическом вампиризме подальше и взялась за вторую книгу, а там... там было написано о запрещенных ритуалах.

– Высшие силы! – я не смогла сдержать восклицания, обхватила руками голову и просматривала строчку за строчкой. Во рту то и дело пересыхало, и я периодически хваталась за графин с разбавленным вином, который горничная подала еще к ужину. Просто от такой информации у кого угодно могли волосы дыбом встать, а о некоторых ритуалах даже читать не хотелось. И вот так, сквозь ресницы, бегло проглядывая страницу за страницей, я вдруг споткнулась на ровных выведенных каллиграфическим почерком строчках и быстро вернулась в начало параграфа, озаглавленного как «Зеркальный ритуал».

«Человек есть отражение человека», – начиналось описание довольно

отвратительного обряда. Отвратительного потому что если за счет одного человеческого существа, совершенно здорового и полного сил, пытаются компенсировать врожденные уродства другого, это вызывает только отторжение, у меня, по крайней мере.

В описании подробно рассказывалась история возникновения обряда, проводимые раз за разом опыты над людьми. Маги пытались использовать их как доноров, чтобы избавиться от собственной неполноценности, а убедившись, что люди раз за разом умирали и чужие свойства не могли прижиться во взрослой особи (там так и было написано), стали брать младенцев. Вот они-то почти не погибали. Развивались, росли, принимали чуждую сущность, как часть себя, и, в конце концов, избавляли от уродств настоящего носителя.

Я схватила за волосы, даже не замечая, как болезненно натянулись темные пряди.

«Ты всего лишь отражение, – припомнила я слова императора, – не будь меня, тебя не существовало бы». Силы небесные! Это что же за обряд они провели и как? У предыдущего короля ведь был брат, у него, соответственно, жена. Тот самый род дор Харон, королевская кровь. Но как они могли подвергнуть собственного сына подобному испытанию? Ведь Кериас единственный наследник погибших родителей, а они, кстати, совсем рано погибли, на удивление рано. И ведь я даже ничего не знаю про других детей.

Резко подскочив со стула, подбежала к большому бюро со стопками книг, нашла ту из них, в которой рассказывалось о возникновении рода амон Монтсеррат. «Хранители врат», – именно так переводились два древних слова. Я села с книгой прямо на пол, читая о том, как один из сильнейших предводителей человеческого восстания закрепил кровный договор с повергнутыми магами и запечатал антимагические врата самой сильной из печатей: «Она представляла собой смесь капли его крови и крови всех выживших магов. Самая сильная клятва, нарушив которую и выйдя за пределы магического барьера без дозволения, последние представители магического сообщества погибли бы и обрекли на смерть тех, кто остался за вратами».

Значит, представители рода являлись носителями кровной магической печати, закрывающей врата, и именно они правили бессменно все эти годы, каждый раз оставались у власти, несмотря на многочисленные попытки дворцовых переворотов.

Я вдохнула и забыла выдохнуть, выхватив глазами строчки о самом крупном из дворцовых восстаний, состоявшемся много лет назад, когда оба

кузена были еще слишком малы. Тогда вырезали почти всех представителей императорской фамилии, кроме двух неразлучных мальчишек. Они воспитывались отдельно, далеко за пределами дворца, в каком-то старом-престаром монастыре, оттого и выжили во время воцарившейся смуты. О том периоде я ничего не помнила, поскольку родилась лишь пять лет спустя, когда все успокоилось и власть вернулась в руки последних оставшихся из рода хранителей врат и их сторонников.

Теперь слова гадалки обрели важный смысл и все встало на свои места. Признаюсь, прежде не слишком интересовалась дворцовыми переворотами и подобными вещами, связанными с разделом власти, да и представить не могла, будто окажусь едва ли не в самой гуще событий. Неудивительно теперь, что Призрака сразу причислили к разряду заговорщиков, в чем я, однако, сильно сомневалась. Однако разобраться в особенностях дара странного беловолосого мужчины пока не могла. О нем не упоминалось ни в одной из древних книг, ничего про радужную магию.

Я со вздохом извлекла из кармана платья угловатый камень и покатала между пальцами. Честно говоря, пользоваться им вновь было страшно. Я ещё помнила то ощущение полного упадка сил, которое испытала, выпав из граней. А сейчас и Кериаса не было рядом. Вдруг камень вытянет силы настолько, что я и до утра не доживу? Но как иначе узнать о случившемся с дознавателем и куда он пропал?

Глубоко вздохнув и набравшись храбрости, я покрепче сжала камушек в руке и попросила: «Покажи, где сейчас Кериас».

Знакомая радужная пыль закружилась вокруг, меняя пространство. Миг, и я сидела на белом полу за переливающимися стенами. Протянув руку, толкнула одну из них, не решаясь встать, чтобы после не пришлось стукнуться обо что-то твердое в моей настоящей реальности. Стена истаяла, а за ней...

За ней царил непроглядная темнота. Я беспомощно озиралась кругом и все же не вытерпела, поднялась на ноги и прошлась, пытаясь хоть что-то разглядеть. Но нет: ни полоски света, ни слабого огонька свечи, ни очертаний хотя бы крошечного окна. И стало жутко от сознания, как давит эта чернильная темнота, провоцируя все нарастающую панику, а окружающая действительность сама по себе медленно сводит с ума. Человек не может совсем без света, а тут точно в склепе оказался, в могильной тишине и черноте.

— Кериас, — голос дрожал, и страшно было повысить его громче шепота, — Крис, — повторила едва слышно, прекрасно понимая, что звать бесполезно. Сделала еще два шага, поводила рукой и хотела уже сбежать из

крошечного мрака, когда показалось, будто слышу тяжелое дыхание. Я сделала ещё шаг и снова прислушалась – не показалось. Тяжелое человеческое дыхание наполняло эту тьму и периодически прерывалось короткими хрипами, а потом сменилось рычанием, сперва тихим, затем набирающим силу, вибрирующим и отскакивающим от невидимых стен. Тихий звук, словно мягкая поступь шагов, и сильный удар, удар о стену. И еще один, и еще, будто бились головой. Я вскрикнула, вновь вытянула руки, и вдруг ощутила слабость, колени подогнулись, а темнота перед глазами неожиданно истаяла. Я не упала, оказавшись прижата спиной к чьей-то груди, и вернулась в светящиеся грани.

– Здравствуй, Миланта, – Призрак осторожно развернул к себе лицом, продолжая крепко удерживать за талию. Слабость в коленях все ещё ощущалась, как и дрожь в руках. Дыхание прерывалось, а собеседник вдруг поднял руку и провел ладонью по моей щеке, вытирая скатившуюся с ресниц слезу, – ты просила о помощи, и я пришел.

– Я..., - голова отяжелела, во рту ощущался металлический привкус, в глазах помутнело на миг, и я прижалась лбом к плечу обнимавшего меня мужчины. Перевела дух, отгоняя воспоминания о темноте и продолжая цепляться дрожащими пальцами за белоснежную рубашку, и ответила, – я не просила о помощи.

– Я почувствовал призыв, – ответил на это мужчина, а потом вдруг поднял меня на руки и аккуратно положил на что-то упругое и гладкое. Опустив голову, я увидела проходящие под телом белые лучи, которые изгибались, формируя подобие лежанки.

– Как? – я позволила себе расслабиться, внимательно изучая при этом хозяина радужных граней. Он отвечал спокойным взглядом и едва заметной улыбкой.

– В первый раз ты вспомнила о камне, и я пришел рассказать о своем подарке, второй раз меня призвал твой страх, а сегодня ты была подавлена и огорчена и снова нуждалась в помощи.

Он взял мою ладонь, поднес к своим губам, и вместе с легким прикосновением пришло умиротворяющее спокойствие, дрожь отступила, дыхание выровнялось, и я словно избавилась от тяжести, давившей на плечи, сжимающей грудь.

– Грани забирают мои силы всякий раз, когда хочу что-то увидеть.

– Этого не произойдет, если позволишь мне быть твоим проводником.

То есть когда он со мной я сил не теряю? А ведь верно. Мы тогда вместе смотрели пророчество про Кериаса и императорам после я не была уставшей.

Не спеша забирать у Призрака руку, которую он по-прежнему сжимал в прохладной ладони, я наслаждалась ощущениями мира и покоя, воцарившимися в душе.

– Знаете, – решившись нарушить молчание, слегка привстала на необычном ложе и обвела свободной рукой окружающее пространство, – попадая сюда, а потом возвращаясь, я испытываю ощущение, будто снова вхожу в свое тело, ну как если бы душа на время покидала его.

Наверное, странно звучит?

– Почти так и происходит, Миланта.

– Как?

– Наши тела остаются в иной реальности, а наше сознание проникает в эту.

Я представила как это могло выглядеть со стороны: что-то вроде сидящей на полу неподвижной меня с закрытыми глазами. Наверное, похоже на глубокий транс.

– Если тело остается на прежнем месте, где же вы настоящий?

Призрак снова улыбнулся и, хотя я подумала, что он не ответит на столь щекотливый вопрос, заговорил:

– Приходи в дом у озера, и мы встретимся в реальном мире.

Окружающее пространство истаяло прежде, чем я успела ответить, а вокруг снова была библиотека. Я сидела на полу, а книги так и лежали кругом, ожидая своего момента быть водворенными на полки, но сейчас все очарование древних фолиантов куда-то исчезло.

Значит, дом у озера?

Я не задумывалась над тем, что, возможно, поступаю не совсем верно, когда вышла из комнаты и, привычно заперев ее на замок, отправилась в темный холл. Накинув на плечи теплый плащ, сняла с крюка на стене ключ от входной двери и с его помощью выбралась наружу.

Ночь уже вступила в свои права, звезды ярко светили с небосвода, кругом царил особенная ночная тишина и слышен был хруст гравия под ногами, шелест трав и опавших листьев. Без тени страха и колебаний я шагала по заросшему саду, направляясь к заброшенному строению.

Старый дом все так же прятался среди листвы оплетших его лиан, а дверь, как и в прошлый раз, с трудом поддавалась. Протиснувшись внутрь, я уверенно дошла до центра комнаты, не ощущая ни робости, ни растерянности, только спокойствие и уверенность, что все делаю правильно. А Призрак уже ждал, стоя под кругом радужного света, лившегося с витражного потолка. Он был реален, как и в нашу первую встречу, живой мужчина, лишь волосы и кожа отличались необычайной для

человека белизной. Светлый костюм сидел безупречно на высокой подтянутой фигуре, а глаза смотрели пристально, но теперь в его взоре мне чудилась мягкость, а не холодное равнодушие.

Остановившись напротив, вытянула руку, а он перехватил мою ладонь и крепко сжал:

– Я больше не пугаю тебя, Миланта?

Я покачала головой.

– Отправишься со мной?

Кивнула, даже не сомневаясь в этом решении.

Бледные лучи лунного света, лившиеся с витражного потолка, вдруг сделались ярче, заплясали быстрее, закружились вокруг и вспыхнули всеми цветами радуги, а потом погасли. Я смахнула выступившие на глазах слезы и огляделась. Это был не дом у озера. Разноцветное стрельчатое окно, по форме напоминавшее древнюю бойницу, каменные стены и ступеньки, убегавшие по спирали вверх и вниз и теряющиеся за поворотом.

Удивительно, но я вновь ни капельки не испугалась и не ощутила даже растерянности.

– Где мы?

– У меня в гостях.

Призрак приглашающе вытянул руку, призывая следовать за ним, и неторопливо направился вверх. Миновав ещё один пролет, мы очутились возле низкой двери. Мужчина отворил ее, пропуская меня внутрь.

Маленькая комнатка с двумя узкими окнами, каменный пол, у стены низкая деревянная лежанка, над ней полки, на которых в ряд стояли книги в потемневших обложках. У окна круглый стол и деревянный стул.

Я тихонько зашла внутрь, а мужчина притворил дверь и наблюдал, как я прохожу по кругу, рассматривая залитое ярким светом луны помещение. За окном раскинулся чудный, но пустынный пейзаж: широкая долина, лес вдалеке и узкая полоска реки.

Подойдя к полкам, я привстала на цыпочки, рассматривая корешки книг, но надписи уже истерлись и невозможно оказалось прочитать названия, зато здесь обнаружилась открытая деревянная шкатулка, а в ней кинжал.

Я чувствовала себя столь свободно, что и не помыслила, будто мой интерес может не понравиться хозяину жилища. Достала кинжал и рассматривала его необычайную рукоять, выполненную из радужного кристалла. Удивительный клинок, скорее всего, тот самый, ритуальный, о котором упоминал Кериас. Он совершенно не пугал и даже не наводил на зловещие мысли. Я поднесла палец к лезвию.

– Оно острое, не порежься, Миланта.

Я послушно убрала кинжал на место, а сама аккуратно присела на краешек кровати, сфокусировав взгляд на мужчине. Он продолжал стоять у стены возле самого выхода и спокойно наблюдал за моими действиями, очевидно, ожидая новых вопросов.

– Как вам удалось перенести нас сюда? Мы сейчас далеко от столицы?

Он кивнул и прошел к окну. Задумчиво посмотрел на небо в россыпи звезд и ответил, – далеко. Во многих днях пути.

– Это все камень? Я думала, он лишь дает ответы на вопросы.

– Он связан с магией, о которой все успели забыть, Миланта. С его помощью можно обрести истинную свободу, не зависеть ни от кого, ни от чего, и переходить благодаря граням куда пожелаешь.

Свобода. Какое чудесное манящее слово. Независима от императора или Кериаса, свободна от страха и навязанных мне ролей.

– Вы что-то хотите взамен? – я не могла не задать этот вопрос человеку, который дарил сейчас самую желанную вещь на свете – право распоряжаться собой, снова стать хозяйкой своей судьбы.

– Ничего не прошу, – повернулся ко мне Призрак.

– А вы отпустите, если захочу уйти?

– Ты хочешь уйти?

– Не знаю. Мне спокойно рядом с вами, и я не боюсь, как прежде, хотя не забыла ту первую встречу.

Мужчина приблизился, остановился рядом.

– Я не причиню вреда. Ни тебе, Миланта, – он присел на корточки, взял мою ладонь и раскрыл ее, а через секунду на руке переливался гранями радужный камень, – его немногим дано увидеть, – проговорил Призрак, касаясь светящегося кристалла.

Повинуясь движению его пальцев, камень стал менять форму на каплевидную. На моих глазах грани оплавливались, сглаживались, а в верхней части кристалл вдруг истаял, явив небольшое отверстие, через которое можно было пропустить тонкую веревку или цепочку. И вот уже на ладони лежал кулон в виде хрустальной слезы.

– Повесь его на шею и он станет твоим амулетом, – Призрак вновь сжал мою руку в своей.

– Расскажите, пожалуйста, почему мы встретились? И кто вы?

– Когда-то люди строили свои дома, помня о свойствах света, – он опустил голову, легонько поглаживая пальцами мои руки, а я слушала завораживающий голос и представляла все точно наяву. – Они выкладывали из разноцветных кусочков стекла старую мозаику или

собирали причудливые витражи, преломляя белый свет, расщепляя его на разноцветные лучи, чтобы не позволить пространству замкнуться в одной реальности, а дать выход в наш мир чистой энергии. Сейчас везде, где ещё остались старые строения, существует возможность перехода. Грани связывают эти места между собой.

– И позволяют шагать сквозь пространство?

Он кивнул.

– А мне никто не верил, когда рассказала о вашем появлении. Они искали настоящие ходы, пытались отыскать подземный тоннель до дома мэра. А его там попросту не было. Почему же вы пришли в библиотеку?

– Обычно переходы ведут туда, где пусто, – продолжил он, – подальше от глаз других людей, и лишь изредка открываются в присутствии человека, чья суть роднит его с радужной магией. Так я смог найти тебя, – тихо добавил он, – совершенно особенную девушку.

Он поднял голову, наши взгляды встретились, и я робко спросила:

– Вы искали?

– Я верил, что встречу.

– Кто же вы на самом деле?

– Воин, страж, – он неопределенно пожал плечами, – у меня нет имени, лишь прозвища. Для кого-то убийца, для кого-то Призрак. Камень дарит силу света, наделяет способностями, а взамен я выполняю его волю.

– Какую волю?

– Стоит грехам одного человека переполнить чашу равновесия, а тени черных деяний затмить чистоту, грани зовут меня восстановить баланс и указывают на заслужившего кару. Я прихожу по радужным переходам, забираю его и позволяю его душе освободиться от груза пороков, перейти по ту сторону обновленной.

Я мягко высвободила из мужских пальцев одну руку и погладила Призрака по щеке.

Наверное, непросто существовать одиноко, служа какой-то цели. Хотелось помочь ему, как-то разделить этот груз на двоих. Все прежние желания отступили на задний план, показались неважными сейчас. Я больше не волновалась о том, каково в темнице Кериасу, не думала о жестокости императора, не мучилась от тревоги за отца. Мне было хорошо здесь и сейчас, в затерянной башне, рядом со странным мужчиной, живущим в обеих реальностях.

Прикосновения вырвали из омута сна, легкие, бережные, почти невесомые. Я лишь слегка приоткрыла глаза, наблюдая сквозь ресницы. Призрак стоял возле постели на коленях, а его ладонь плавно скользила по

моей руке, боку, слегка замерла, коснувшись бедра, едва ощутимо провела по ноге, прикрытой широкой юбкой.

Потом он убрал руку, поднялся и отошел к окну, где замер молчаливой неподвижной фигурой. Я лежала еще немного, не спеша показывать, что проснулась, а потом неторопливо села на жесткой деревянной лежанке и пригладила растрепавшиеся волосы. Мы ночью разговаривали, разговаривали, и я сама не заметила, как заснула. По ощущениям это было вчера. Сейчас за окном сгущались сумерки, и по всему выходило, что проспала я весь день до самого вечера.

Я вздохнула и потянулась, освобождаясь от остатков дремы, а Призрак повернулся ко мне. Устроив подбородок на скрещенных руках, я поймала его изучающе – отрешённый взгляд и улыбнулась:

– Не помню, как заснула.

В этот момент явственно ощутила, как подвело от голода живот, и невольно обняла себя руками.

– Тебе холодно? – спросил Призрак.

– Нет. Очень хочется есть. А тебе разве нет?

– Есть? – задумчиво произнес он и бросил последний взгляд в окно, – мне ни к чему.

Я немного растерялась от такого ответа, а мужчина уже приблизился и протянул мне руку.

– Давай спустимся к переходу, и я перенесу тебя в город. Куда желаешь попасть?

– Мне не хочется в дом у озера, можно ли отправиться куда-то в другое место?

Призрак только кивнул, а потом помог подняться, и мы вместе покинули комнату с аскетичной обстановкой и спустились до витражного окошка. Ощущения от перехода не отличались от предыдущих, зато место, где мы очутились, заинтересовало.

– Старая часовня?

Призрак выпустил из объятий, а я обошла вокруг старого каменного алтаря, изучила древнюю мозаику на полу и полуразрушенный свод, прежде расписанный красивыми фресками.

– Она стоит на окраине города, неподалеку есть жилой квартал.

– Там должен быть какой-то трактир.

Призрак молчаливо отворил старую рассохшуюся дверь и вышел на улицу, а я еще раз окинула часовню взглядом и отправилась за ним. Только собралась спросить, не опасно ли ему появляться на людях, как мужчина накинул на белоснежные волосы капюшон, запахнул темный плащ и

повернулся ко мне, протягивая руку.

Когда я утолила голод, совсем стемнело. Порывшись в карманах платья и плаща, я поняла, что денег осталось мало, и если хочу обрести окончательную свободу и сбежать, то мне в любом случае придется вернуться в дом дознавателя, однако оттягивала этот момент. Может, Зверь уже вернулся. Он наверняка почувствует, с кем я провела это время, а слуги доложат, что я отсутствовала весь день. Как же мне возвратиться, а потом уйти незаметно? В заново отстроенном доме не было переходов.

Размышляя подобным образом, я шла по улочке, сопровождаемая молчаливым спутником, и только спустя несколько минут поняла, что мы оказались как раз в той части города, где располагался частный пансионат.

– Постой, – я коснулась ладони Призрака, – вон в том доме с кованой оградой живет сейчас мой отец. Я хотела бы провести его, раз мы очутились поблизости.

Мужчина кивнул, поднял мою руку и легонько прикоснулся губами.

– Часовня в одном квартале, я буду ждать там.

Он повернулся и направился прочь. Длинный плащ хорошо укрывал высокую фигуру, а низкий капюшон прятал необычное по своей идеальности лицо. Я проводила Призрака взглядом и подняла медный молоточек, постучав три раза.

Привратник узнал сразу и отворил калитку, несмотря на довольно поздний для посещений час.

Я нередко навещала отца в это время, поскольку работа в библиотеке днем не оставляла свободного времени.

Шагая по дорожке среди ровных подстриженных кустов, я уже приближалась ко входной двери, когда та отворилась, а на улицу вышел директор заведения, респектабельный мистер Питерс.

– Миланта, – он приподнял в приветствии высокий котелок и посмотрел на меня с нескрываемым удивлением.

– Добрый вечер, – приветствовала я известного и уважаемого врача, – извините, что снова явилась поздно. – Как папа?

Собеседник растерянно потер переносицу и отчего-то забыл снова надеть котелок.

– Весьма удивлен, признаться, – заговорил он, – бумаги о переводе вашего отца в закрытое медицинское учреждение при имперской академии редких заболеваний были подписаны еще на прошлой неделе. Не деле как четыре дня тому назад я сам помогал господину Роберту в заполнении бумаг о его состоянии и успехах, достигнутых в лечении болезни.

– Простите, – перебила я доктора, – вы хотите сказать, что папы здесь

нет?

– Да, именно. Но даже не думал, что вы не в курсе. Дело вот в чем: когда освободилось место в имперской клинике, я сразу же послал запрос. У нас есть возможность проводить подобный обмен больными в случае наличия мест. Я написал вам обо всем, сделав особенный упор на столь счастливом для здоровья вашего отца стечении обстоятельств. Послание было отправлено еще две недели назад. Мне пришло уведомление о согласии на перевод плюс вы заплатили за три месяца вперед.

Доктор замолчал, все еще недоуменно разглядывая меня. Он не понимал, как я умудрилась внести предоплату, причем не маленькую, а ещё согласиться на перевод отца и абсолютно позабыть про этот факт. Зато я хорошо поняла, что пришедшее в библиотеку письмо было направлено директором по иному адресу, мой маленький секрет оказался раскрыт, а приманке не оставили возможности сбежать.

ГЛАВА 11

Я хотела вернуться в часовню, когда заметила проезжающий мимо пустой экипаж. Замахала руками вознице, а стоило кэбу затормозить, не колеблясь, взошла по ступенькам и устроилась на жестком сидении, углубившись в размышления о дальнейших действиях. Призраку можно было послать сигнал позже, после возвращения в дом дознавателя. Чувствовал же меня хозяин граней, а значит мог определить, куда направилась вместо часовни. Мыслила я, как никогда, хладнокровно, просчитывая будущие шаги.

Погруженный в темноту дом, казалось, встретил неприветливо и, словно хмурясь, рассматривал темными глазницами окон. Будто ощущал в моем лице опасность, только-только заполнившей прежнюю пустоту, суете повседневной жизни. Никогда прежде не размышляла на тему – а чувствуют ли дома грусть, стоя заброшенными посреди зарастающего сада. В теперешнем настроении мне что угодно могло привидеться, учитывая желание пойти наперекор решениям властительных тиранов.

Сперва я дождалась, пока ночной лакей отзовется на стук и отворит дверь, с удивленным выражением на лице пропуская меня внутрь.

– Леди Миланта, – он поклонился, – мы переживали, куда вы пропали.

– Я отлучалась по делам, – ответила холодно, передав ему плащ. – Милорд вернулся?

– Нет, мисс.

Отлично, в самый раз для моего плана.

Я поднялась в комнату, где сама разделась и приняла ванну, затем взяла саквояж и сложила в него необходимые вещи и, конечно, деньги, а еще маленькую книжку в твердой обложке, с тиснением эмблемы имперского банка на корешке. На счету оставались накопления, которые я планировала перевести на счет пансионата, теперь они могли пригодиться мне самой.

Когда все приготовила и поместила сумку под кровать, то отыскала на туалетном столике кожаный шнурок и устроила на нем радужную подвеску, а затем устроилась поудобнее в постели и прикрыла глаза. Теперь оставалось разобраться в тайнах прошлого, чтобы оказаться во всеоружии против могущественных и умных противников.

– Хочу узнать об отношениях Инессы Асвальди, Кериаса и императора с самого начала.

Вокруг замерцали кусочки разноцветной мозаики, а едва белое

пространство со стенами окружило меня, как напротив возникли сменяющие друг друга картинки. Это был не один момент из жизни, а целый калейдоскоп событий, и смотрела я внимательно, не желая пропустить даже мельчайших деталей.

Имперская ложа в театре, ныне получившим название «Асвальдский дом музыки», молодой еще император, только недавно вступивший на престол. На первый взгляд, отличия не слишком бросались в глаза, но выглядел Ириаден тогда каким-то более человечным. Вот он подался вперед, рассматривая сцену, на которой появилась стройная девушка в красном обтягивающем платье, ее приветствовали овациями, а затем воцарилась тишина, поскольку певица начала исполнять известную даже на сегодняшний день арию.

Зрители замерли заворуженно, даже я, хотя смогла услышать лишь начало. Картинки очень быстро сменяли друг друга, однако и услышанного хватило, чтобы понять слова Кериаса: «Она пела как ангел или, вернее сказать, как морская сирена». Божественный голос, дарованный свыше. И во время исполнения сама девушка казалась ненастоящей, одухотворенной, недостижимой для простых смертных небожительницей. Думаю, ее привлекательность для окружающих заключалась не столько во внешней красоте, сколько в этом удивительном притяжении ее голоса и манеры исполнения.

Следующий миг показал девушку в кабинете с незнакомым мужчиной, опираясь на слова которого, я причислила его к приближенным Ириаде: «Императору не отказывают, – так говорил он, глядя на бледную Инессу, – у вас ведь есть семья?» Она медленно кивнула и ещё ниже склонила голову.

А затем меня вдруг резко перекинуло в кабинет Кериаса. Дознаватель, кажется, и вовсе не менялся за прошедшие годы, та же усмешка в уголках губ, но совершенно иная манера поведения. Если вспомнить шокирующие методы допроса меня самой, к Инессе Асвальди мужчина отнесся довольно уважительно, по крайней мере, «прощупывал» он девушку исключительно на словах. И главное, он не проявил к ней и толики интереса, как к женщине, в отличие от императора. Просто выполнял свою работу начальника имперской охраны. Он отпустил ее очень быстро, но когда Инесса выходила, то на мгновение замешкалась, задержав взгляд на приступившем к другой работе дознавателе.

А потом калейдоскоп картинок отразил мне сверкающую украшениями истинную фаворитку императора, которая улыбалась льстивым придворным или, кусая губы, стояла посреди знакомой королевской спальни, пока властитель одаривал нежными ласками,

распуская шнуровку умопомрачительного наряда.

Камень показывал непростое развитие отношений троих людей: действительно влюбленного Ириадена, чьи глаза загорались при каждой встрече с любимой женщиной, невозмутимого Кериаса, который лишь кивком головы приветствовал фаворитку, случайно столкнувшись с ней в коридорах дворца, и юной талантливой певицы, каждый раз провожавшей долгим взглядом не того из братьев.

Я следила с интересом стороннего наблюдателя, ожидая переломного момента, и он наступил. Появилось изображение уже снесенного особняка и холла с убегающими наверх ступенями. Удивленный Кериас замер у подножия лестницы, а Инесса застыла на ее вершине.

– Я ждала вашего прихода, – говорила она ему, – и, наверное, сошла с ума, раз явилась сюда к человеку, который... – Она запнулась, отчаянно подыскивая слова, пока он молча слушал.

– Я люблю тебя, – выпалила, кажется, прежде, чем сама сообразила, что говорит. Замолчала, испугавшись смелости признания, а потом с горячностью истинной безумицы лихорадочно продолжила: «Люблю! Всей душой. И я боролась с этим, пыталась скрыть от самой себя, но только твое присутствие заставляет проживать каждый новый день».

Слушая признания, я следила за выражением лица Кериаса, который все больше мрачнел. Вот он отвернулся, желая прервать разговор, а она протянула руки в мольбе и, словно без сил, опустилась на ступеньки. А потом в тишине холла зазвучал голос, непередаваемый, чистый, дрожащий от переполнявших чувств, звенящий, точно горный хрусталь. Полились слова песни, незнакомой, придуманной для единственного и любимого мужчины, а Кериас замер.

Я видела изумление, отразившееся в его взгляде и то, как он схватился рукой за перила, стараясь устоять на ногах, будто безыскусные искренние слова выбили почву из-под ног, а ангельский голос поразил в самое сердце. Не думала прежде, как такое возможно, но когда дознаватель закрыл глаза, а я следила за изменениями в мимике его лица, вдруг получила доказательства, что если в мире существует любовь с первого взгляда, то должна быть и та, что возникает при первых звуках неповторимого голоса.

А потом события стали набирать оборот: предо мной разворачивалась целая летопись тайных встреч, безумных объятий, жарких поцелуев, а затем жесткое непримиримое требование со стороны Кериаса и его предложение – протянутое плачущей певице золотое кольцо. Ее страх и слова: «Императору не отказывают», – ответ мужчины: «Я не готов делить свою женщину с другим, будь он хоть самым Богом!», – и мольба девушки:

«Прости меня, прошу. Ты всегда был против тайных встреч, а я каждый раз приходила сама. Ты не хотел предавать брата, а я нарочно дурманила тебя, зная о твоей слабости. Извини, что не оставила выбора, но я не могу решиться на этот шаг, я боюсь». Все объяснения прервали его объятия и поцелуи, заставившие ее передумать, а затем было кольцо на пальце и венчание в маленькой часовне. И, наконец, тайный доклад на столе императора, бешеный гнев обманутого мужчины, который перевернул вверх дном свой кабинет, прежде чем вызвать на допрос собственного кузена.

Инеессу не тронули, все пытки и мучения выпали на долю Кериаса, но они пронеслись передо мной в безумном калейдоскопе, словно цветные стёклышки бесконечно менялись, не столько желая показать достоверную картину, сколько делая намеки на развитие событий. И уже ощутив слабость из-за влияния граней, я увидела на пороге дома Кериаса старого дворцового мага, услышала его разговор с дознавателем и наблюдала за его итогом: замершая на середине лестницы Инесса, выражение нечеловеческой муки на красивом личике и вопрос Кериаса: «Ты вновь встречалась с Ириаденом?» А потом он закричал: «Ты не станешь любовницей императора снова, плевать на угрозы!» В бешенстве развернулся к старому магу, прошипел: «Уйди, мясник!», – и в бессильной ярости ударил кулаком по стене.

А затем стены дома вдруг закачались, как от землетрясения, и одна из балок над лестницей рухнула. Обрушившееся перекрытие погребло под собой тонкую фигурку певицы. Раздавшийся крик, отдаленно похожий на человеческий, перекрыл грохот: «Инесса!» Страшный крик. Он зазвенел в моих ушах, отвлекая внимание от бросившегося к завалу Кериаса и от мага, в чьих глазах вдруг мелькнуло странное удовлетворение. Зато слова, обращенные к обезумевшему мужчине, я расслышала хорошо: «Это ты убил ее, мой мальчик», – и маг указал на красные всполохи, пробегавшие по широкому золотому браслету.

Грани вытолкнули меня обратно в комнату, где я в изнеможении повалилась на кровать, стараясь восстановить дыхание, а по вискам струился пот, словно я пробежала не один десяток километров.

Попытка открыть глаза принесла боль, в висках заломило, вдобавок к дикой мигрени прибавились тошнота и головокружение. Кое-как повернувшись набок, я подтянула колени к груди, обхватила их руками и попыталась отдышаться, сама не заметив, как от полного упадка сил провалилась в сон.

Тихий звук отворяемой двери, шелест шагов и негромкий стук, будто

на тумбочку поставили поднос с завтраком, как и каждое утро, что я просыпалась в доме дознавателя. С трудом разлепив веки, помутневшим взором наблюдала за крадущейся в сторону двери горничной.

– Кэти, – голос так хрипел, что девушка в первый миг застыла испуганно, потом обернулась и облегченно выдохнула.

– Леди Миланта... Вы заболели? – тут же встревожилась она.

– Не знаю, – только и смогла ответить.

Кажется, я не на шутку перенапряглась вчера, просматривая историю чужой жизни.

– А я испугалась, когда вы пропали. Ночью вы отказались покидать библиотеку, а наутро вас ни в комнате, ни внизу не было. Лакей сказал, входная оказалась не заперта, а хозяйка исчезла. Как хорошо, что вы снова дома, особенно сегодня, когда милорд вернулся.

– Вернулся? – меня хватало только на краткие замечания и уж никак не на эмоции.

– Он, похоже, тоже нездоров, – решила пояснить служанка, хотя я не уточняла о состоянии императорского кузена, – но доктора велел не вызывать и слугу отослал, приказал не беспокоить.

– Понятно, – слова о здоровье Кериаса не вызвали волнения или тревоги, сейчас меня заботила в первую очередь собственная слабость, а значит требовалось поесть и еще отдохнуть, чтобы восстановить вытянутые гранями силы.

Ближе к вечеру самочувствие улучшилось ровно настолько, чтобы я спокойной душой могла еще раз проверить, все ли необходимое сложила в сумку, а затем отправилась в комнату теперь уже бывшего «любовника» сообщить о своем решении.

На улице снова сгущался сумрак, очевидно, я постепенно привыкала к ночному образу жизни, поскольку после всех происшествий каждый новый день уходил на то, чтобы просто выспаться.

В просторной спальне царила тишина, а сам дознаватель обнаружился на кровати и крепко спал. Он лежал на животе, голова повернута в сторону двери, одна рука свесилась почти до пола. Я подошла и присела на корточки, рассматривая Кериаса. На первый взгляд, и правда создавалось впечатление, будто мужчина заболел. Черты лица заострились, скулы обрисовались четче и щеки казались впалыми. И это выглядело странным даже при условии, что дознавателя всю неделю морили голодом. Скорее всего, именно приступы сумасшествия забирали большую часть его сил, ослабляя физически. Спутанные черные волосы падали на высокий лоб, прикрывая красные отметины на бледной коже. Я отвела одну прядь в

сторону, разглядывая кровоподтеки и ссадины, и легкого прикосновения оказалось достаточно, чтобы потревожить чуткий сон мужчины.

Черные ресницы дрогнули, поднимаясь, а темные глаза, еще затянутые поволокой сна, взглянули на меня. В первое мгновение в них мелькнуло странное чувство, которого я не ожидала увидеть – сожаление. Однако последовавший шепот прояснил ситуацию, стоило лишь услышать имя, сорвавшееся с губ дознавателя:

– Инесса, – позвал он, а затем тихо добавил, – прости.

Мужчина зажмурился, черты лица исказились болезненно, губы двигались, а вылетавшие слова мешались в бессвязное бормотание, из которого можно было разобрать лишь отдельные фразы: «Еще подземелье... Думал, вернулся... Снова бред».

Я решила прервать игры воспаленного воображения и достаточно громко произнесла:

– Вы перепутали, милорд дор Харон, меня зовут Миланта.

Новый взгляд, внимательный и более осмысленный, пробежал по моему лицу, забранным в строгий пучок волосам, а Кериас протяжно выдохнул и с негромким стоном повернулся на спину, раскинув руки в стороны:

– Ну конечно, – раздался его голос, – только во сне вас и можно перепутать.

– Милорд, – я перешла на исключительно деловой тон, не считая нужным затягивать наше объяснение.

– Да? – устало спросил он, при этом не глядя в мою сторону, а равнодушно рассматривая потолок над головой.

– Я пришла поставить вас в известность, что ухожу, а наше устное соглашение расторгнуто. Письменного я так и не подписала, и принимаю решение в одностороннем порядке. Ваше мнение в данном вопросе меня отныне не волнует. Оставьте себе деньги и прочее, я одолжу лишь платье, за которое расплачусь с вами при первой возможности.

С этими словами я поднялась, а Кериас медленно повернул голову. Сосредоточенный пристальный взгляд окинул меня с головы до ног, и дознаватель едва заметно повел плечами.

– Иди, – равнодушно бросил он.

Не скажу, что удивилась или была поражена, я приняла эти слова за новый виток хладнокровной просчитанной до мельчайших деталей игры.

– Мой отец, в ваших руках, но это не заставит изменить решение. С меня довольно грязи, в которую довелось окунуться, столкнувшись с представителями императорского семейства.

– Разве тебя уговаривают остаться? – прозвучал безразличный вопрос, – я ведь сказал, иди.

Сделав шаг к двери, заколебалась лишь мгновение и остановилась уточнить:

– Что с папой?

– Жив и здоровствует, – отмолвил Кериас, – полагаю, нас всех переживет.

Я скривилась от неудачной шутки.

– И никаких угроз в мой адрес, милорд?

– А угрозы заставят тебя задержаться? – изломил бровь дознаватель.

– Нет.

– Так какой смысл спрашивать?

И он снова прикрыл глаза, отстраняясь от реальности, погруженной в полумрак, комнаты, а я задумалась над его словами, не спеша покинуть спальню. Не может быть так просто.

Выяснить все, прежде чем уйти, понять и удостовериться, что отцу не причинят вреда, и тогда оставить позади эту главу моей жизни, вычеркнуть и забыть.

Я подошла к кровати, присела на край и повернулась к нему. Ведь ничего не теряю, если просто попрошу?

– Вы можете пообещать, что с папой ничего не случится?

Он снова раскрыл глаза и снова на меня не смотрел. Равнодушный взгляд в потолок, способный обмануть и убедить в безразличии кого угодно, но я чувствовала, просто чувствовала, что безразличия нет и в помине.

– А я настолько благороден? – спросил он вдруг, – разве не ты говорила про грязь? Наше семейство не отличается великодушными порывами, Миланта, мы способны только портить и пятнать все лучшее.

– А ещё убивать, – я произнесла это, глядя прямо на него, и добилась нужной реакции, добилась того, что он тоже посмотрел в ответ. Но прочитать по глазам о его мыслях не выходило. Однако я заметила сожаление прежде, когда он очнулся и не успел еще спрятать свои чувства. Значит, с имперским дознавателем не все потеряно.

– Со мной подобного не повторится, – сказала ему, – я уйду раньше. Даже если вы сейчас начнете угрожать единственному близкому мне человеку. Я никогда не смогла бы стать любовницей двоих мужчин. Как можно говорить о любви и при этом делить женщину с другим? Разве это не мерзко?

– Мы не делили, – Кериас поморщился, когда завел руки за голову и

сцепил их в замок, – я не преступал черту, и Инесса стала моей лишь после нашей свадьбы. Но ее сломил страх. Она поддалась ему изначально, приняв предложение нелюбимого мужчины, она поддалась ему потом, вновь поддавшись на его угрозы и провокации. Когда за мной пришли, чтобы увезти в темницу, я успел пообещать, что вернусь и Ириаден не дойдет до убийства, но ему удалось убедить ее в обратном. Она отправилась к императору, пытаясь спасти своего мужа, а я сорвался, узнав об измене. Не стой она на той проклятой лестнице, будь у меня хоть миг, чтобы совладать с гневом, и трагедию удалось бы предотвратить.

– Предотвратите сейчас.

Он взглянул на меня, вырываясь из омута воспоминаний, в глазах мелькнул вопрос.

– Не причиняйте вреда отцу, когда я уйду. Знаю, что император вряд ли смирится и начнет меня искать, а, возможно, вы тоже попытаетесь, но никто из вас не найдет, даю слово. Не повторяйте ошибок прошлого.

– Я уже отпустил, Миланта, – вздохнул он, – угрозы в адрес твоего отца не будет. Если тебе сложно поверить, то просто отнеси это на счет нашей сделки. Свою роль ты сыграла и задачу исполнила. Теперь черед за мной.

И он снова закрыл глаза, не поясняя последней фразы и показывая, что разговор окончен. Мне оставалось только довериться этому обещанию.

Выйдя из комнаты дознавателя, я потратила несколько минут на возвращение в свою уже бывшую спальню, где достала сумку с вещами, после чего покинула фамильный особняк.

Мой путь лежал через заросший сад, в старый дом у озера, на встречу с тем, от кого прежде пыталась укрыться и кто удивительным образом вдруг превратился в моего защитника. Благодаря ему я могла скрыться от влиятельных мира сего и не зависеть более от сумасбродств императора и его кузена.

Свобода! Чудесное слово.

Достаточно оказалось лишь сжать кристалл в ладони, чтобы в кругу радужного света появился сперва силуэт, а потом мужчина шагнул мне навстречу.

– Извини, – сказала ему, – что не пришла обратно в часовню. Отца не оказалось в пансионате, и я вынуждена была вернуться сюда. Зато теперь готова уйти. Навсегда. Если перенесешь меня куда-то подальше от этого дома, я буду очень благодарна.

– Не стоит благодарить, Миланта, – ответил Призрак, протягивая руку. И когда я подошла ближе и крепко сжала его ладонь, свет вспыхнул ослепительно ярко, а спустя мгновение мы стояли возле небольшого

приземистого домика на окраине леса, в радужном круге. Его формировали лунные лучи, падавшие сквозь окно, сохранившейся невредимой части стены.

– Как человек, ты уязвима, – сказал мой загадочный спутник, – тебе требуются еда и полноценный сон, я не могу заставлять тебя жить в далекой башне, хоть там и безопасно. Это старое строение заброшено много лет назад, но оно находится недалеко от города, зато во многих километрах пути от столицы. Здесь тебя не найдут, если захочешь скрыться. В городе можно добыть еду и все необходимое.

Он подошел к двери, снаружи которой оказался большой засов, и схватился за замок рукой. Металлический скрежет и хруст наполнили воздух, а затем части закрывавшей конструкции упали на землю.

– Поразительно, – вымолвила я, – следуя за отворившим дверь Призраком, – ты просто сломал его одной рукой!

Я вошла внутрь просторной комнаты, походившей на заброшенную даровню. Крыша по форме напоминала купол, под сводом располагались круглые окошки, как в той сохранившейся невредимой части стены. В центре стояла круглая чаша с оббитыми краями, по кругу комнаты скамьи, а в стороне большой очаг.

– В такие строения, насколько я помню, обычные жители приносили дары для своих лордов. Для магов, которые владели их землями? Чтобы те даровали защиту и помощь от других магов, а потом даровни превратились в подобие сакральных мест, где о помощи молили высших богов. После эти строения сменили часовни. Скажи, а в лесу неподалеку не водятся опасные хищники?

– В самой чаще, возможно, но человеческое жилье близко, и с защитой дающего для тебя даже они не представляют угрозы.

Защита! Я совсем позабыла про нее и не попросила Кериаса снять с меня эту сеть. Не хотелось бы никакой помощи от дознавателя, но не возвращаться же теперь назад.

– Здесь вполне можно жить, – я прошлась по кругу, посмотрела на чашу, потрогала каменные стены, – нет сырости, крыша цела.

– Я плохо помню о том, что нужно людям для жизни, Миланта, и готов перенести тебя в любое желанное место. Не бойся попросить, если чего-то станет не хватать.

– Знаешь, мне не нужны горничные или богатые наряды, правда. Мы с отцом всегда так жили. Кто-то бы сказал в скитаниях, а я называла это захватывающими приключениями. Он не мог оставаться на одном месте, всегда в погоне за знаниями. Мы переезжали в новые города или

небольшие деревеньки, папа брался за любую работу, а заработав достаточно, отправлялся дальше. Это было волшебно и сказочно. По вечерам он читал мне книги, это была наша страсть, отправляться в книжное путешествие, запоминать разные интересные места или события. Потом папа спрашивал: «Хотела бы ты увидеть это в реальности», – и я всегда соглашалась.

Я присела на скамью, провела по шероховатой поверхности ладонью.

– На семнадцать лет он сделал мне подарок. Не знаю, как ему удалось скопить хоть что-то за это время, но он оплатил мою учебу в школе библиотечарей. Заочно. Не нужно было посещать занятия вместе со всеми, достаточно оказалось лишь приезжать в столицу раз в несколько месяцев и сдавать экзамены. А с этим никогда не возникало проблем. Учителя считали меня талантливой. Они не знали, сколько книг и реальных мест мне довелось повидать за всю жизнь, а то, что другие изучали в теории, я видела вживую. Но только потом, так неожиданно для меня, отец серьезно заболел. Возраст дал о себе знать. И мы вернулись в столицу. Пришлось осесть на одном месте и искать работу теперь уже мне. Тогда пришло чувство, словно выбили почву из-под ног. Более не было прежней свободы, пришлось много работать, чтобы заботиться о папе, как прежде он обо мне, и денег требовалось немало. Это оказалось очень... непривычно. Я осела в библиотеке среди любимых с детства книг, не хотелось покидать ее, не хотелось окунаться в жизнь большого города, это было так чуждо.

Призрак внимательно слушал, стоя неподалеку. С ним оказалось удивительно легко разговаривать. Напоминало наши беседы с отцом, когда меня действительно слушали, без насмешки, без попыток навязать свое мнение или заставить сделать что-то. Когда принимали за равную себе.

Поджав ноги, я прислонилась к стене, глядя на странного мужчину.

– А потом вдруг ты появился в ту ночь, и все снова изменилось. Мое убежище стало представлять опасность. Наверное, это очень странно, что прежде я боялась тебя, а теперь бегу совсем от других людей. Но так кажется правильным. С тобой спокойно и ты ничего не требуешь взамен. Только приходит вопрос: «Почему?»

– Мне ничего не нужно, Миланта. Я существую не так, как привыкли люди, и далек от их чувств и опасений, но иногда оставаться в одиночестве непросто. Еще сложнее найти во всем мире родственную душу, человека, способного не испугаться. Поэтому грани приняли тебя. Людей держат условности и навязанные страхи, их собственные пороки и слабости. Ты чиста душой, сердцем, не гонишься за материальными благами, а стремишься к духовному обогащению. Таких людей очень мало. Именно по

этой причине тебе спокойно со мной, а остальных я вгоняю в ужас.

– Но ведь я не первая? Были ещё девушки.

– Были.

– Они и правда погибли, как говорил Кериас?

– Да.

– Ты сожалеешь об их потере?

– Я не способен чувствовать сожаление, поскольку все происходящее случается по какой-то причине. Печалиться о том, что не дано изменить, не в моей природе. Я встретил их, как тебя, благодаря граням. И как и ты, они приняли это общение со мной.

– Почему они погибли от твоего клинка?

– Он не мой. Это такая же часть граней, как и камни. Грани живая и разумная материя. Я служу ей, я ее страж и давно им стал. А те девушки, они просто пытались помочь.

– Помочь?

– Верно. Но то было их соглашение с гранями, в таких ситуациях я не имею права вмешиваться и никто не имеет. Случившееся оказалось следствием внутренней слабости. Они не преодолели себя, а потому ушли.

Призрак запрокинул голову, глядя на лившийся через окна лунный свет, а белоснежные волосы упали на плечи, подчеркивая бледность и без того призрачных черт его лица.

– А у тебя было имя? – спросила его, – ты был человеком?

– Был. Меня звали Вернон, это все, что я теперь помню.

Шумно отряхнув потертый плащ от налипших на него веточек и листьев, я прошла к очагу и налила в подвешенный над ним котелок воды. С улыбкой приблизилась к кое-как сколоченному деревянному столу в углу и принялась нарезать овощи, чтобы сварить себе ужин. От разгоравшегося очага шло тепло, и я скинула с волос косынку, заправив выбившиеся пряди за уши.

Сегодняшний поход в город оказался очень плодотворным, мне даже удалось найти подработку в местной пекарне. Меня временно приняли на место разносчика, который по семейным делам отлучился примерно на месяц. Всего-то нужно было по утрам разносить хлеб, а в конце недели забирать заработанные монеты, еще и недостатка в лепешках и булочках теперь не испытывала.

Однако хорошее настроение было связано не только с этим событием, но и с приближающимся вечером. Я знала, что Вернон заглянет ко мне как обычно, когда на землю опустятся сумерки, и испытывала удовольствие в предвкушении новой встречи. Он придет через портал и спросит, готова ли

я к новому путешествию. «Готова», – отвечу с затаенным восторгом, ожидая, когда он подойдет, обнимет за талию и перенесет в прошлое. Может, в кабинет совещаний самого таинственного советника всех эпох, Дианона Шансийского, бесследно исчезнувшего первого помощника императора Пиана четвертого. Его имя сохранилось в веках, затмив славой даже род того, кому он служил. Как же у меня в предвкушении почесывались ладони, когда представляла, что выясню причину его бесследного исчезновения.

А в следующий момент я вдруг вспоминала о затерянной в горах деревушке, в которой родился один из основоположников движения хранителей. И мне ужасно хотелось перенестись именно туда, чтобы своими глазами увидеть молодого человека, впервые задумавшегося о том, как защитить хрупкую девушку, живущую в доме по соседству, если в их селение наведается отряд магов. Несокрушимый Вальт или Непобедимый Вальтдак его прозвали годы спустя, а многие не слабые магии бледнели при одном упоминании его имени.

Однако стоило только подумать о магах, и тут же в голову закрадывались воспоминания о Клариссе Сиятельной, второй жене одного из императоров светлого престола. В нашей истории имя этой женщины сохранилось благодаря не статусу императрицы, а невероятной магической силе. Говорят, она хранила при себе книгу с утерянными заклинаниями, которую никто впоследствии не смог отыскать. Именно благодаря секретным рецептам, императрица, помогая мужу, смогла усилить мощь всей империи и прославить в веках собственное имя. Я бы очень хотела увидеть своими глазами тот тайник, в котором затерялась легендарная книга.

Шипение пара отвлекло и, обернувшись, я увидела, что закипевшая вода выплескивается через край котелка и капли падают на раскаленные угли. Это напомнило о необходимости закончить с приготовлением ужина.

За окном уже стемнело, когда я с замиранием сердца услышала знакомый стук в дверь. Подбежав, откинула засов, впуская в комнату высокого беловолосого мужчину. Улыбка изогнула уголки моих губ, когда взгляд синих глаз остановился на мне. Вернон всегда чувствовал мое нетерпение и знал, что я каждый вечер жду его в старой даровне. Я лишь недавно поняла, как работает магия камня. Активировать переходы оказалось возможно лишь в темное время суток, а количество их было ограничено. Но утром и днем хватало и обычных дел, а после обеда я отдыхала, набираясь сил перед ночными путешествиями в прошлое.

Моя жизнь теперь наполнилась волшебством, а Вернон согласился

быть проводником, не желая, чтобы грани брали энергию у меня в обмен на наши сказочные путешествия. Он дал мне возможность воочию увидеть все, о чем мы с отцом только читали, что пытались рассмотреть в оставшихся памятниках культуры, вместе решая головоломки и загадки древности. И я день ото дня все больше ждала этих минут, когда как обычно спокойный и невозмутимый Призрак придет и спросит: «Куда ты хочешь отправиться сегодня?»

Он шагнул через порог, и я с радостью ухватила за протянутую руку, но вместо долгожданных слов, он притянул меня ближе, обняв за талию, помолчал несколько минут, прижавшись щекой к волосам. Я замерла, прислушиваясь к внутренней тревоге, о которой, казалось, позабыла за это чудесное время, вырвавшись на свободу, освободившись от пут лжи, притворства и изоощренных угроз.

– Что-то случилось? – подняла голову, встречая его спокойный взгляд.

Это раньше мне казалось, будто мужчина ничего не чувствует, и только позже, день за днем встречаясь с ним, общаясь, слушая его замечания или рассуждения, я сделала открытие – Вернон не был бесчувственным.

Страж не являлся человеком, как и сам говорил, но ледяным казался лишь внешне. Человеческие чувства и эмоции, словно подернулись корочкой льда, хрупкой, позволяющей вершить роль палача, не поддаваясь сожалениям. Грани не оставили ему шанса отказаться от своей миссии, однако иные чувства, не связанные с предназначением, отпущенным Призраку непонятной и живой материей, которую он называл Светом, могли пробиться сквозь защитный барьер. И я научилась разгадывать их малейшие отголоски в чертах почти невозмутимого лица, в интонациях всегда спокойного тона. И даже сейчас, когда он сказал: «Тебя ищут», – я увидела если не тревогу, то беспокойство, неприметными морщинками исказившее гладкий высокий лоб.

За время наших встреч я редко наблюдала Вернона в волнении, если подобное описание человеческих чувств можно было применить к стражу. Разве только в моменты, когда я вновь поднимала тему его прошлого и интересовалась, когда он перестал быть человеком. Один раз напрямую спросила, могу ли посмотреть его прошлое, покажут ли грани его жизнь, на что вдруг получила категоричное: «Нет». Тогда я впервые заметила признаки тревоги на его лице.

– Не стоит, Миланта, – смягчая свой отказ, он взял меня за руку, склонился, прижался губами к тыльной стороне ладони, почти не грея прохладным дыханием кожу. А потом отвернулся, прошелся задумчиво в угол комнаты, поднял со скамьи кожаный витой браслет с разнообразными

подвесками, повертел его в руках и добавил, – с этого все начиналось.

– Что все? О чем ты?

Он молчал, продолжая рассматривать миниатюрные фигурки животных.

– Ты о тех девушках? – внезапно осенило меня.

А он снова пропустил вопрос мимо ушей и подцепил пальцами фигурку большой кошки, похожей на барса.

– На этом браслете собраны тотемы самых могущественных ликанов. Ты купила эту вещь в городе?

– Это подарок. Пока я считалась официальной любовницей Зверя, он дарил вместе с нарядами украшения, и только однажды среди всех тех сверкающих вещей я обнаружила что-то нормальное.

Призрак не удивился моим словам, не хмыкнул, как любой обычный человек, для которого подобные предпочтения показались бы странными. Еще бы. Променять сверкающие камни на какой-то кожаный браслетик.

– Единственный подарок, который, казалось, подарили от души. Я взяла его... на память.

– Он тебе нравился, – с легкой улыбкой заметил Вернон.

– Подарок?

– Мужчина, которого ты в разговорах часто зовешь Зверем.

– Я играла роль, – пожала в ответ плечами.

– Он тебя напугал, – не слушая слов и словно читая мысли, проговорил Призрак. – Напугал силой эмоций и желаний, ты не готова была к тому, чего он от тебя хотел. Это ещё одна причина побега.

– Это не мой путь – становиться любовницей и жить вот так.

– Не твой, – с той же улыбкой подтвердил Вернон.

И больше мы к той теме не возвращались.

– Кто ищет? Зверь? – тотчас встрепелась я.

– Не он, – покачал головой Вернон, – указом императора призвано отыскать и вернуть пропавшую кандидатку, которая должна принять участие в имперском отборе.

– Я не собиралась участвовать, – я утвердительно качнула головой, размышляя, как теперь быть с работой в булочной и не стоит ли оставить свое убежище и отправиться в ту далекую, затерянную на дальней равнине башню.

– Он так не считает, – прохладные пальцы коснулись моего лица, провели по щеке, – не волнуйся, никто не заставит тебя вернуться силой.

– Наверное, пришла пора, – я вздохнула, – пора узнать о странном ритуале, что провели над Ириаденом и Кериасом. Может, это позволит мне

раз и навсегда покончить со вниманием сиятельного императора, если даже его кузен меня отпустил? Ты мне покажешь?

– Ты хочешь найти что-то важное?

– Прошрое может дать подсказку или помочь отыскать слабые стороны владыки. Но, боюсь, не удержу грани так долго, чтобы увидеть историю жизни нескольких людей.

– Ты права, Миланта. Ты ещё не набрала достаточно силы, и я помогу.

Призрак поднял руку, и разноцветные частички уже закружились вокруг нас, формируя прозрачные стены, как мужчина вдруг замер, а грани прошлого истаяли в пространстве. Руки Вернона упали вдоль тела, черты лица словно окаменели, превращая его в отдаленно напоминающую живого человека статую. Призрак вновь поднял и повернул правую руку ладонью вверх, а через секунду на ней переливался радужной рукоятью кинжал.

Я отступила на шаг, потому что синий взгляд заледенел, а вокруг фигуры Вернона разлилось холодное белое сияние. Ощущение опасной силы заставляло дрожать воздух, а когда мужчина взглянул на меня, я застыла на месте, не решаясь совершить ни единого лишнего движения. Но следующий шаг страж сделал не ко мне, а в сторону двери. Створка распахнулась от легкого толчка будто от сильного удара, и Призрак оказался снаружи, в кольце радужного света. Кулон на моей груди нагрелся и мягко завибрировал, а через минуту мужчина исчез, и камень вновь стал холодным и неподвижным.

Я выдохнула. Осознав, что на несколько долгих мгновений задержала дыхание, а руки и ноги стали ватными и тело не слушалось под пронзительным взглядом палача, лишившим возможности сопротивляться. Вернон так резко изменился, в один миг, что я сразу поняла, зачем его позвали грани. Он ушел наказывать того, кто вновь поколебал чашу равновесия.

ГЛАВА 12

Первый порыв, которому я в тот момент поддалась, был запереть дверь на засов. После забралась с ногами на лавку, закуталась в одеяло и просидела так без сна не меньше получаса.

Не знаю, что впечатлило больше, сам зов и понимание, что именно за ним последует, или то, как неожиданно перестал походить на человека Вернон. Кулон на груди по-прежнему был холоден, и я сжала его в ладони. Отзовутся ли сейчас грани, если позову?

Я сконцентрировалась, и радужные стены возникли вокруг, стоило лишь их представить. Вновь посреди белого пространства не было никого, кроме меня, а значит одной придется потратить очень много сил. Но я приготовилась к этому. Мне нужно было задать прошлому три вопроса. Первый, самый простой, сформулировала коротко: «С какой целью император ищет меня?» Ответ оказался столь же кратким.

Одна из стен истаяла, и по ту сторону я увидела владыку. В этот раз даже не сделала попытки шевельнуться, понимая, что в той реальности я по-прежнему находилась на лавке, а значит перемещение в гранях могло отразиться и на физическом теле.

Дверь в кабинет отворилась и вошел главный дознаватель. И выглядел он как прежде: полный сил, насмешливый, непокорный. В своей манере он отвесил повелителю издевательский поклон и облокотился о дверную притолоку, устремив полный иронии взгляд на поморщившегося кузена.

– Ты упустил весьма ценную приманку, Крис, которую, по твоим же словам, следовало приберечь для поимки Призрака. Твои объяснения?

– Я был не в форме, – невозмутимо пожал плечами дознаватель, – она сбежала, пока я отлеживался после приятного отдыха в казематах.

Пристальный взгляд императора Кериас встретил, не моргнув глазом, зато в ответ на стук и раздавшийся за дверью голос, он заметно нахмурился.

– Раз ты не справляешься со своими обязанностями, пошлю по ее следу профессионалов, – подтвердил подозрения дознавателя Ириаден.

Вошедшему в кабинет низенькому юркому человечку с блестящей лысиной и хитрым взглядом маленьких глаз он протянул портрет размером с ладонь.

– Найдите в кратчайшие сроки и доставьте девушку во дворец, она будет участвовать в отборе.

Человечек цепко ухватился за карточку с моим изображением и, пятясь, в полусогнутом состоянии выскользнул за дверь.

На лице Кериаса отчетливо проступило отвращение.

– Ты чем-то недоволен, брат, – изогнул брови император. – Молчишь? Это самое разумное в данный момент. Я более не намерен слушать тебя, если дело касается девушки. Ее доставят ко мне, и Миланта станет следующей официально выбранной фавориткой, прошедшей отбор. Она будет со мной ещё долгое время, выполняя все обязанности избранницы. Имеешь какие-то возражения на сей счет?

Слова Кериаса, которых я отчего-то напряженно ждала, так и не прозвучали. Грани решили, что первый вопрос раскрыт полностью, и стена вновь замерцала на прежнем месте, скрыв кабинет.

Глубоко вдохнув и чувствуя пока еще небольшую усталость, я прошептала грядущий вопрос, попросив их рассказать о сути проведенного между братьями ритуала. Надеюсь, сил хватит увидеть короткую реплику, поясняющую самое основное. И глазам тут же предстал знакомый маг, тот самый, которого Кериас прозвал Мясником. Он выглядел намного моложе, волосы еще не поседели, а светлые глаза не выцвели под грузом прожитых лет. Его голос был звонок и отчетливо слышен по эту сторону реальности.

– Ваше императорское величество, – с поклоном произнес он.

Обращался маг к мужчине в тяжелой бархатной мантии, который расположился в роскошном кресле, с позолоченной деревянной резьбой, спиной ко мне. Однако менять положение, чтобы рассмотреть его лицо, я не стала. Еще из книг помнила, как выглядел Франциск амон Монтсеррат, отец Ириадена.

– Ритуал сложен, но это единственный шанс избавить наследника престола от врожденного безумия. Поскольку ваша супруга более не может иметь детей, то, что недуг принца скрыли от общественности, сыграет нам на руку. Зеркальный обряд позволит перенести врожденное заболевание на другого носителя, и тогда его высочество будет здоров.

– Какова суть ритуала?

– Итог в реальности может отличаться от описания в книгах, однако, по существу, все выглядит так: нам нужен второй ребенок, в чьих жилах течет кровь императора, достаточно сильный, способный выжить после проведения обряда. Мы свяжем обоих детей. Это, к сожалению, будет иметь свои последствия для них, но не настолько значительные, чтобы принцу или его отражению был нанесен физический вред. Постепенно, год за годом, пока дети будут расти, я стану следить за претворением ритуала и

поддерживать связующие их нити, если понадобится, провоцировать всплески безумия в том, кто здоров от рождения. Это кропотливая и очень долгая работа, но в итоге к совершеннолетию принц будет абсолютно здоров, а его болезнь перейдет отражению. Одна лишь опасность существует в случае успешного осуществления плана, ваше величество.

– Какая?

– Их нельзя разделять. И беречь жизнь второго придется столь же тщательно, как и жизнь самого принца. Две сущности соединятся в одну, разорвав эту связь, погубим обоих. Если отражение погибнет, потеряем и будущего императорам наоборот. Они разделят между собой эмоции и наследственные черты и, возможно, даже любовь. Но об этом еще рано думать, великий император, пока стоит молиться, чтобы ритуал удался.

– Хорошо. Я думаю, у вас есть план насчет его дальнейшего претворения?

– Безусловно, – склонился в поклоне маг, а стена замерцала, и люди, столь хладнокровно обдумывающие, как разрушить жизнь ни в чем не повинного ребенка, исчезли с моих глаз.

Усталость накатила, но силы еще оставались. В отличие от первых путешествий в гранях я действительно раз от раза все дольше могла продержаться внутри, будто взамен отданной энергии получала другую, дарящую совершенно иные возможности.

– Последний вопрос на сегодня, – выдохнула я вместе с облачком морозного пара и приготовилась выложиться полностью, – хочу знать, как Вернон превратился в хранителя, и что вы такое, грани?

Лишь мгновение спустя моим глазам предстали семеро седовласых мужчин в белоснежных плащах, но присмотревшись внимательней, заметила, как резко контрастировал цвет их волос с молодыми без морщин лицами и крепкими подтянутыми фигурами. Все семеро замерли посреди сияющего круга, выложенного из радужных камней.

Я невольно схватилась за свой кулон, поразившись тому, какое количество сверкающих капель было сейчас рассыпано на замшевых каменных плитах. Сами мужчины вели разговор, но я его не слышала. По тому, как участники поворачивали головы то к одному до к другому собеседнику, как менялись выражения их лиц, я догадалась, что разговаривали незнакомцы совершенно невероятным образом – передавая друг другу мысли через разделявшее их, залитое белым светом пространство.

– Я хочу знать, о чем они беседуют, – прошептала граням, и тут же вокруг зазвучали разные голоса, сливаясь в единые фразы, как если бы

собеседники могли говорить и понимать друг друга одновременно, будто существовали не в одном физическом пространстве, а сразу в нескольких.

– Эра служения свету подходит к концу, в мире наступают великие перемены. Сила магов слабеет, нынешних людей больше заботят собственные радости и горести, а не сохранение равновесия.

– Нам ведомо будущее, оттого мы знаем, что века спустя потомки вовсе позабудут об истоках чистой силы. Не останется способных совладать с ней.

– Придется закрыть людям вход в грани для их же блага.

– Это необходимо, ведь обычного человека великая сила может свести с ума, а чистого душой, но не обладающего знаниями и не прошедшего вековой обряд служения, обратит в пленника, заставит подчиняться себе. И тогда сама суть правосудия будет сжата рамками, ограниченными возможностями одного.

– Наша задача уничтожить все камни и запереть круг света. Позволим ему выходить в этот мир иным способом и творить правосудие другим образом, пусть энергия сама меняет судьбы провинившихся, воздавая им по заслугам в будущем.

– Объединим наши силы.

Семеро служителей скрестили руки, и мерное золотистое сияние затопило все вокруг. Камни на полу таяли на моих глазах, точно кристаллы льда, а белый свет растворялся, сменяясь обычным солнечным. Очертания фигур размывались в пространстве, пока на месте прежнего круга и стоявших в нем людей не осталось ничего, лишь замшелые потрескавшиеся плиты, полуразрушенные стены какого-то строения и затаившие развалины вечнозеленые плетуны.

К горлу подступила тошнота, но я постаралась отогнать дурноту, концентрируясь на иной задаче – увидеть Вернона. И грани снова засияли, являя новую картину: высокий русоволосый юноша в студенческой мантии и со старомодной прической, точно с картинок о моде прежних лет, когда волосы заплетались в сложную мужскую косу, весело пересмеиваясь с друзьями, шагал по коридорам имперской академии.

– А на что спорим? – задорно спрашивал знакомый, но такой непохожий на себя настоящего Вернон.

– Кто ночью проберется в закрытую секцию библиотеки, тот и победил, – отвечал один из его собеседников, рыжеволосый конопатый мальчишка.

Худой и тонкий блондин, шедший по правую руку, тут же округлил глаза и добавил страшным шепотом.

– Там охранные заклинания, мы же не маги, чтобы их обойти.

– А вот и проверим, кто самый ловкий, – поддел друзей рыжеволосый. – У кого кишка тонка, может прямо сейчас отказаться. А кто справится, пусть принесет в доказательство любую книгу.

И они скрестили руки, а картинка резко сменилась ночной темнотой, разгоняемой светом маленького свечного огонька. Вернон с победной улыбкой на губах шагал среди полок со старыми фолиантами. Вот он остановился возле последней, спрятанной от посторонних глаз сдвинутыми стеллажами, просунул в отверстие руку и наугад вытащил книгу.

Внезапно воздух вокруг задрожал и огласился звоном, а взломавший охрану студент со смехом бросился в сторону двери.

Следующий момент показал мне взлохмаченного Вернона в комнате студенческого общежития, что-то убежденно доказывающего своему рыжеволосому другу.

– Я не могу ее сейчас вернуть.

– Преподы звереют. Узнают, что это мы такое с охранкой провернули, и уши оторвут. Лучше давай незаметно снова проберемся туда и положим книгу на место, тогда они поймут, что в хранилище ничего не пропало.

– Говорю тебе, сейчас не могу. Сперва я должен изучить ее до конца. Там написано про какие-то камни, которые позволяют путешествовать сквозь пространство. Только представь, сколько пользы может принести это открытие.

– Так эта польза когда будет? А преподы – они сейчас есть, и это серьезная проблема, а особенно хранитель библиотеки, которого ты умудрился обдурить, и главный по охране, чью защитную сеть ты вскрыл.

– Еще речь идет о равновесии и справедливости.

– Далась тебе эта древняя ерунда, – рыжий поморщился, – как ты эти закорючки разбираешь? – он склонился над раскрытой книгой, – тут ничего не понятно.

– Это устаревший язык, я тебе объяснял.

И калейдоскоп из разноцветных частичек снова смешался, чтобы отразить бредущего по коридору синеглазого юношу. В руках он держал письмо, а между темными бровями пролегла глубокая складка.

– Верн, – окликнули его, – Верн, стой.

Долговязый блондин из одного видения подскочил и ухватил друга за рукав мантии, разворачивая лицом к себе. – Дружище, я читал про твоего брата...

Льдистый взгляд и непроницаемое выражение лица взглянувшего на него друга умерили пыл говорившего, и блондин стушевался, закончив

негромко:

– Мы все верим, что это неправда. Мы ведь знаем твоего брата. Дело шито белыми нитками, любому понятно, что пытаются выгородить сынка высокопоставленной шишки. Справедливость обязательно восторжествует, твоего брата не казнят.

– Справедливость? – Вернон в горькой насмешке изломил брови, – вот она – справедливость, – и он со злостью скомкал в руках письмо.

– Верн, Верн, Верн, – эти голоса сливались в монотонный гул, пока вокруг являлись лица тех, кто знал стража света еще человеком, кто звал его и пытался образумить.

Даже мне, увидевшей в прошлом веселого и смешливого юношу, не чурающегося обычными студенческими проделками, были заметны невероятные перемены. На смену открытому, беззаботному парню пришел сдержанный и молчаливый мужчина с отстраненным взглядом, все свободное время посвящавший изучению древнего фолиакта. И в тот миг, когда грани отразили его полные торжества глаза, когда белое пространство огласилось ликующим: «Получилось!», – а в руках Вернона засиял радужный камень, я уже поняла, что увижу дальше. Достаточно было сопоставить фразы семерых магов о последствиях открытия граней, чтобы понять, как менялся живой человек, превращаясь в холодного стража света. Вернон попался в ловушку и превратился в Призрака.

Я видела смеющегося юношу, окруженного друзьями, а потом наблюдала за мужчиной с редкими белыми прядями в густых волосах, которого провожали настороженными взглядами, от которого шарахались, даже не пытаясь скрыть страха. Люди ещё не знали, в кого он обращался, но уже ощущали в лице Призрака опасность.

А причины... Всего лишь глупый студенческий спор, запрещенная книга, попавшая не в те руки, неудачное стечение обстоятельств и несправедливая казнь близкого человека, ум самого Вернона, позволивший ему не только изучить древние письмена, но воссоздать ритуал и получить радужный камень, а еще его внутренняя чистота, давшая возможность шагнуть в иную реальность.

– Это несправедливо, – я не смогла удержаться от обвинения, и картинка перед глазами тут же растаяла, а я очутилась посреди белоснежного пространства с переливающимися стенами.

– Так нечестно. Ведь он ничего не знал. Просто старая книга с описанием обряда по воссозданию камня, но ничего из тех предупреждений, о которых говорили маги света. Их было семеро. Самые сильные, способные вершить настоящее правосудие. А он? Он просто

человек, который желал справедливости, и он один! Вы заперли его здесь, лишили чувств и эмоций. Разве он желал быть вашим стражем? Что он получил за служение вам? Одиночество, бесконечные годы борьбы с теми, кто склонил чашу весов? Почему вы не отпустите его?

Свет стал ярче, мое дыхание более не согревало воздух вокруг, а щупальца холода на миг обняли крепче и отступили. Нет, в моей голове не звучали ничьи голоса, грани не вели со мной беседу с помощью образов на радужных стенах, но я понимала отчетливо, что они хотят сказать. Как если ты не знал чего-то прежде, задал вопрос, а ответ пришел сам собой. И мой ответ состоял в вопросе: «А хочешь ли ты освободить его?»

– Хочу, – я говорила вслух, хотя грани сами считывали эмоции и мысли.

В следующий миг уже знала, что ритуальный нож с радужной рукоятью, который способен карать лишь виновных, являлся ключом к освобождению Вернона. Если пойти против самой сути клинка стража, если направить его удар против невинного, оружие теряло силу. А если исчезнет клинок, исчезнут и связи, удерживающие заключившего с гранями соглашение Призрака.

Он когда-то решился отдать все силы на борьбу за справедливость, но рядом не было того, кто искренне захотел бы спасти самого Вернона. Грани словно объясняли мне, что энергия равновесия всегда требует что-то взамен, и спрашивали, готова ли я отдать это что-то. В голове сложилась ритуальная фраза: «Когда невинная кровь омоет клинок, когда пройдешь ритуал до конца и не побоишься доказать, что достойна, не сделаешь попытки обманом получить награду и осквернить соглашение, тогда приобретешь все, заслуженное по праву». И весь обряд предстал перед глазами столь отчетливо, что я уже знала каждую деталь, и на новый вопрос: «Ты готова?», – ответила, не колеблясь: «Да».

Странный скрежещущий звук поколебал спокойную тишину, радужные стены осыпались светящимися осколками, словно их разрушили извне, а меня выдернуло в родную реальность, где я, задыхаясь, повалилась на лавку.

Перед потемневшим взором предстало бледное лицо Призрака, чьи синие глаза горели нереально ярко.

Я ощутила стальную хватку на своих плечах, до слуха, с трудом улавливавшего иные звуки, кроме нарастающего гула в ушах, донеслось: «Зачем?».

И прежде чем я окончательно лишилась сознания, успела ответить: «Спаси тебя».

Сны пришли на смену беспамятству, наполняя тело целебной силой, восстанавливая утраченную энергию, отданную в ответ на вопросы. Хорошо, что во сне невозможно логически рассуждать или обдумывать последствия собственных поступков, иначе отдохнуть попросту не получилось бы.

Когда открыла глаза, в первый момент удивилась окружающему интерьеру, пока не сообразила, что это та самая башня, куда Вернон однажды переносил меня. Сам мужчина обнаружился неподалеку. Он застыл у окна, а ледяная скованность его фигуры не нарушалась ни единым движением. Первые минуты я просто смотрела на него, но не дождавшись даже намека на какую-то реакцию, медленно села на постели и прислонилась спиной к стене.

– Ты не желаешь освободиться от своей обязанности? Тебе и правда достаточно такой странной жизни? Получать силы от граней, отдавать им взамен всю человеческую энергию, и тем самым существовать без сна, без еды, без... чувств?

– Когда мне было безразлично, – Призрак не повернул головы, но хотя бы отвечал, – я мог сохранять равновесие.

Я осторожно поднялась с кровати, ощущая небольшую слабость, но все же дошла до Вернона и остановилась рядом, внимательно прислушиваясь к его словам.

– С людскими чувствами невозможно служить палачом граней и без колебаний наказывать виновных, лишая их возможности и дальше совершать преступления. Если смотреть на такого человека по эту сторону радужных стен, то весь его облик – густая и беспросветная темнота, без толики света. Если же разглядывать обычных людей – в них смешиваются тьма и свет, а если наблюдать за такими, как ты, – он особенно выделил последнее слово и обвел рукой мой силуэт, – то это как следить за золотистым солнечным сиянием. Свет, легкая тень и снова свет. Он сияет даже в твоих глазах. И вот такие, как ты, не должны погибать.

– Почему же я погибну? Я видела ритуал, он не предполагает убийства. Клинок получит мою кровь, и ты освободишься. Или все же не хочешь?

Теперь мужчина полностью развернулся ко мне, и голос звучал по-прежнему ровно, но выражение лица больше не походило на маску.

– Когда влияние граней слабеет, я ощущаю отголоски эмоций, не глубокие яркие порывы, но в том состоянии, когда перестал чувствовать, даже они кажутся сильными.

Он коснулся моей руки, провел до запястья.

– Даже прикосновения я ощущаю. И это приятно. Приятно прикасаться, чувствовать тепло, слышать и видеть тебя рядом. Разговаривать или наблюдать. Испытывать удовольствие от понимания, что больше не боишься меня. Мы похожи, потому ты так свободно чувствуешь себя в гранях. Их энергия проникает в тебя, меняет.

Его ладонь взлетела вверх, а пальцы сомкнулись вокруг радужной капли амулета, шнурок натянулся, впиваясь в кожу.

– Но я готов был закрыть их для тебя.

– Что? – мерное звучание его голоса гипнотизировало, но резкие нотки последней фразы встряхнули и заставили схватиться ладонями за его руку, натягивающую короткий шнурок.

– Закрыть! Забрать свой подарок.

– Зачем? – захотелось отклониться, но сжавшаяся вокруг кожаной полоски рука не пустила, а, напротив, заставила качнуться ему навстречу.

– Чтобы они не нашли тебя.

– Вернон! – шнурок слишком туго обхватил горло и, услышав мой вскрик, Призрак тут же разжал ладонь.

– Я пытался сорвать его, пока ты спала, – просто сказал он, – не вышло. Камень чувствует и не позволяет себя снять. Теперь, пока не исполнится ваше соглашение, грани не отпустят. И мне придется перенести тебя в старую часовню и вложить в руки нож, а потом наблюдать за тем, чтобы ничто не мешало ритуалу.

Миг, и нож, о котором он говорил, появился в его ладони.

– Ты будешь лежать на старом алтаре, сама приставишь к груди острое лезвие, – кончик кинжала едва-едва коснулся кожи в неглубоком квадратном вырезе платья, – и в этот миг грани вернут тебе все, что забрали. Человеческие чувства, эмоции, страхи. И ты задашься вопросом, а правда ли так невинна, что можешь безнаказанно предложить свою кровь кинжалу, не совершила ли в прошлом чего-то, о чем позабыла. Сомнения, – его голос звучал все глуше, а острый кончик невесомо рисовал круг за кругом, – они будут нарастать, а твоей рукой станут управлять грани. И вот если хотя бы на миг испугаешься, что недостойна, что обманула и не готова умирать ради чужого спасения, – кинжал вдруг надавил сильнее, а я стояла, не шевелясь, – твоя рука сама пронзит грудь, и ты умрешь.

Он резко убрал нож и отвернулся.

– Умрешь, и я буду это видеть.

Нож замерцал и исчез, а пальцы мужчины сжались в кулак. Я приподнялась на цыпочки, легонько коснулась руками широких плеч, сперва несмело, но, не ощутив протеста, сильнее провела ладонями по

напряженной спине и обняла Вернона. Скрестила ладони на мужской груди и прижалась щекой к ткани белоснежного костюма.

– Все может получиться. И тогда ты снова будешь жить. Ведь это так замечательно – чувствовать. Если хочешь, я покажу тебе много – много интересных, по-настоящему красивых мест, которые помню еще с детства. Можно нырнуть с головой в теплое озеро или босиком пройти по мягкой траве, можно полежать среди цветов, вдыхая их аромат, и слушать ветер, смотреть на небо и меняющиеся форму облака. Можно даже просто молчать или рассказывать друг другу истории. Хотя, нас разделяет столько лет, – я вздохнула и невесело улыбнулась, – ты успел увидеть намного больше меня. Не будь граней, я бы даже не знала, что ты жил на этом свете. Расскажешь обо всем интересном, чему был свидетелем?

Он промолчал, потом разжал мои ладони и обернулся.

– Я бы хотел, Миланта, провести с тобой все время, что у меня есть, но его осталось слишком мало. Грани позовут, и придется ответить.

И неожиданно обхватил мою голову ладонями и склонился ниже. Легко прикоснулся холодными губами в поцелуе, невинном и чистом, призванном оставить лишь светлую память, но я ответила. Потянулась навстречу, разрушая его холод теплом своего дыхания, понимая, что, возможно, отвечаю в первый и последний раз. Погрузилась в ровное мерцание тихой радости, чувствуя, как скользят по моим плечам его руки и прижимают крепко к скованной ледяными путами груди. Я ощущала биение его сердце и знала, что оно отчаянно стремится снова жить и снова чувствовать.

И почему я так бездарно тратила время прежде? Столько драгоценных минут потеряла, которые могла бы провести с Верноном, вот как сейчас: сядя на краю кровати, держась за руки и разговаривая с ним, а не тратя секунды своей жизни на обычную суету.

Никогда ещё прежде не дорожила я несмелыми бережными прикосновениями и каждым взглядом, не понимала ценности времени, проведенного рядом с другим человеком. Не измени грани моих ощущений, и призналась бы себе, что влюбилась, но измерять чувства обычными человеческими мерками, здесь, под влиянием холодных чар, я не могла. Зато признавала, что встретила в своей жизни невероятного мужчину с душой, столь созвучной моей. И ощущение спокойного счастья ценила сейчас намного больше обжигающего пламени чувств, испытанного прежде, с другим человеком.

Солнце за стенами башни клонилось к закату, и страж все чаще бросал взгляд в окно. Он ждал, я понимала это, как и знала, что грядет незачем

долго тянуть. Придет ночь, и мы перенесемся в храм, а потому старалась запечатлеть в памяти каждую проведенную вместе минуту и сохранить как можно дольше волшебное послевкусие единственного поцелуя.

– Почему именно храм? – спросила я Призрака, когда он вновь обернулся ко мне.

– Чистая энергия проникает в мир по-разному, не только через порталы, – он прижал мои ладони к своим щекам, прикрыл глаза и замолчал, будто вдруг устал говорить.

– Я видела в стенах прошлого семерых стражей, – решила нарушить это молчание через несколько минут и легонько скользнула пальцами по его щеке, – вокруг них было какое-то строение, а еще круг из камней на полу. Раньше радужную магию вершили в особенных местах?

Вернон кивнул, все так же сжимая мои ладони.

– Именно в тех местах люди строили храмы позже? Это все по заветам предков, которые управляли чистой силой?

Дождавшись еще одного кивка, я тихонько уточнила:

– А в какой храм ты перенесешь меня?

Он вздохнул, словно я мучила его своими расспросами, но ответил:

– Где мы были в первый раз.

– На окраине столицы, недалеко от пансионата? А прочие девушки...

Я резко прервала расспросы, когда Призрак поднял голову и взглянул мне в глаза.

– Извини, – выдохнула.

– Это опьянение чистой силой, Миланта, – ответил Вернон, – не извиняйся. Избавляясь от части человеческих слабостей, страстей и страхов, начинаешь ощущать себя неуязвимым. Это проходит по велению граней или со временем. После наступает равнодушием за благо воспринимается возможность вновь что-то ощущать.

Он снова задумался и замолчал, а я тихонько высвободила одну ладонь, чтобы коснуться белоснежных прядей. Пока перебирала их между пальцами, вспоминала настоящие русые волосы Вернона, веселый и живой взгляд синих глаз. Нет, я не жалела о своем решении. У него тоже должен быть выбор, пусть и много лет спустя. Если могу помочь, то помогу. Это будет честно. Так я хоть немного отплачу ему за заботу и то, что благодаря ему вырвалась из лап императора. А Кериас... о нем не хотелось думать и вспоминать не хотелось. Его я не понимала, не могла предугадать, с ним я не ощущала чудесного покоя с толикой грустной нежности. С ним чувства казались слишком резкими, пламенными и обжигающими, такими, от которых хотелось сбежать.

Последний лучик солнца погас, а на потемневшем небосводе зажглись звезды. День ушел, и взгляд смотревших на меня синих глаз неувовимо изменился. Он вновь стал холодным и равнодушным, пальцы, сжимавшие мои ладони, разжались, и Призрак поднялся. Я не смотрела на его руки, понимая, что вновь увижу радужный кинжал, потому предпочитала любоваться совершенными чертами спокойного лица. Очнулась, лишь когда он поманил за собой, вниз по лестнице, к старому переходу.

Полуразрушенный храм встретил нас тишиной и запахом пыли. На потрескавшемся каменном алтаре давно уже не оставляли даров. Много веков назад люди позабыли старую религию, начав восславлять светлейших богов. Говорят, они когда-то жили в реальном мире. Маги древности, сильные и справедливые, кого и века спустя люди просили о защите и помощи. А, может до были древние стражи света? Наверное, потом мы и о богах позабудем, и заброшенных храмов, подобных этому, будет становиться все больше.

Я повернулась к стражу, отвлекаясь от собственных отстраненных рассуждений, и Вернон шагнул ко мне. Наклонился, поднял на руки и донес до каменной плиты. Уложил бережно и замер, глядя на меня, словно пытался замедлить стремительно бегущее время, но уже через минуту черты его лица вновь застыли, а в вытянутой ко мне ладони обнаружился ритуальный кинжал.

Я без колебаний схватила за сияющую рукоять, а Вернон отвернулся, вскинул ладони, и вся внутренняя часть храма преобразилась, по стенам пробежали радужные волны, формируя нечто вроде купола со мной в центре, а старые потемневшие стены заискрились, точно усыпанные драгоценными камнями.

Призрак опустил руки и сошел с возвышения, остановившись неподалеку, застыл неподвижной статуей, а камень на моей груди нагрелся и завибрировал. Я сделала вдох и принялась негромко повторять слова ритуала. Сейчас все казалось правильным, и на душе царило спокойствие. Так мирно и легко мы вошли в храм, так свободно я ощущала себя на холодных плитах древнего алтаря, что ничего не боялась.

– Когда невинная кровь омоет клинок, когда пройду ритуал до конца и не побоюсь доказать, что достойна, не сделаю попытки обманом получить награду и не оскверню соглашение, тогда приобрету все, заслуженное по праву.

С последним словом грудь пронзила столь резкая боль, что я выгнулась и ощутила прижатый с левой стороны кончик острого кинжала. Все чувства, все эмоции, потери которых даже не заметила, вдруг

нахлынули стремительно, и на глазах вскипели слезы. Я судорожно задышала, кожа покрылась холодным липким потом. Высшие силы! Я не думала, что настолько разучилась чувствовать!

Переведя взгляд на Вернона, удивилась, насколько в теперешнем восприятии он оказался непохож на человека. Холодный, неподвижный, недоступный. Память услужливо нарисовала события, произошедшие с момента встречи со стражем, заканчивая последними минутами, проведенными в башне. И я опустила глаза вниз, на сверкающее острие напротив сердца.

Свечение радужной рукояти становилось все интенсивнее, а тепло камня на моей груди ощущалось все сильнее. Готова ли я отдать жизнь за свободу этого мужчины? Правда готова? Не совершила ли прежде преступления, за которое клинок покарает меня? Ведь я держу в своих руках кинжал, лишивший жизни бессчетное количество людей. А те девушки, до меня, они тоже оказались настолько чисты, что вошли в грани, но при этом окончили жизнь здесь, на алтаре. Погибли совсем-совсем юными, не успев толком узнать жизнь, влюбившись, как и я, в стража граней. Непоколебимого, невозмутимого, мало похожего на человека, столь отличного от обычных мужчин, знавшего так много и так мало способного чувствовать.

Я ощутила, как быстрее забилось сердце, и зажмурилась изо всех сил. Только не бояться, ничего не бояться, просто верить, что достойна, верить в ту идею, которая еще минуту назад казалась единственной и самой правильной. Верить в спасение, вспомнить другого Вернона, смеющегося, беззаботного, с русыми волосами, с искрящимися синими глазами. Только верить...

Я сжала зубы, задержала дыхание и надавила на рукоять кинжала, настолько острого, что он способен был легко пройти сквозь камень, а не только разрезать тонкую ткань обычного платья.

Тихий скрип скользящего по корсету лезвия заставил недоуменно распахнуть ресницы и взглянуть на клинок. Я быстро вернула его назад, в изначальное положение, ощутив, как задрожал вдруг нож в моей руке. Что это? Почему он не проходит сквозь... Платье! Платье от мадам Амели. Подарок Кериаса. Обычный летний наряд, не тот, на хитроумных крючках и завязках, а самый простой, сшитый из обычной материи... Из обычной ли? Клинок завибрировал сильнее, а державшая его рука вдруг стала какой-то чужой, непослушной.

Нет. Я не обманула! Я готова. Давление стало сильнее, блеск кристалла сделался таким ярким, что ощущалась резь в глазах. Нет.

Клинок, напитанный мощью света, медленно-медленно разрушал звенья зачарованной материи, его магия была сильнее. И страх охватил меня!

Шум взрыва, грохот посыпавшихся камней и сила, вырвавшая из руки радужный нож, а ещё веселый голос с легкой хрипотцой: «Привет. А что вы здесь делаете?» – все это показалось плодом разыгравшегося воображения. Может, я уже умерла?

Я потеряла глаза и привстала на локте, заметив огромную дыру в стене и проходящего сквозь мерцающую сеть Кериаса. За его спиной толпились одетые в черную форму ищейки. Зверя окружал светлый кокон, благодаря которому он и миновал радужную защиту, зато все, кто попытался проникнуть внутрь следом... Ослепительная вспышка, и ищейек отбросило от разрушенной стены в темноту. Радужные грани резко потеряли прозрачность, сформировав иную преграду, и в центре храма оказались я, Кериас и повернувшийся к визитеру Призрак.

Голос стража прозвучал злоеще в накатившей после оглушительного взрыва тишине.

– Ты прерывал ритуал.

– Прошу прощения, – Кериас медленно, крадучись, перемещался от стены по направлению к алтарю. Светлое сияние пропало, но красные блики то и дело пробегали по широкому браслету.

– Я явился без приглашения. Но вы ведь извините за бестактность? Я просто столько ждал, пока ты затащишь Мышку в храм. Бедные подчиненные почти поселились на этих развалинах, и днем, и ночью ведя наблюдение.

– Любого, кто посмел вмешаться в ритуал, ждет кара.

– Что правда? Тогда я действительно не вовремя. Пойду, пожалуй. Только девочку с собой заберу.

Мягким неуловимым движением Зверь вдруг очутился по ту сторону алтаря, вмиг стащил меня с каменной плиты и задвинул к себе за спину.

Свет радужных стен резко изменился, пойдя алыми и бордовыми сполохами, принося ощущение чего-то злоеще. Вернон, чьи глаза теперь напоминали кусочки льда, направился в нашу сторону. Очень быстро Кериас ухватил меня за руку и дернул к пролому в стене. Он явно намеревался с помощью магии вытолкнуть меня наружу, но светлый кокон не помог в этот миг. Пройти сквозь непрозрачную стену я не смогла, сила отбросила, и я упала на пол. А вскинув голову, увидела, как сцепились Призрак со Зверем.

Один раз довелось наблюдать за мощью стража, но тогда я лишь восхитилась, а сейчас стало по-настоящему страшно. Он дотянулся до шеи

дознавателя, пальцы сжались на горле Кериаса, оторвали того от земли, крепко придавив к стене храма и не позволяя вырваться.

– Вот же силен, зараза, – прохрипел кузен императора, и на моих глазах стало твориться нечто невообразимое.

Затрещала по швам одежда, плечи раздались вширь, ногти на пальцах удлинились, обращаясь в острые когти, улыбка на лице дознавателя трансформировалась в оскал, а в уголках рта выросли клыки. Браслет на мощном запястье расстегнулся и со стуком упал на каменный пол.

Мощным ударом Зверь отбросил от себя стража и мягко приземлился на корточки, чтобы, не дав Призраку и секунды на передышку, наброситься на мужчину в явном намерении растерзать.

– Ликан, – только и смогла прошептать, в растерянности следя за молчаливой битвой двух существ, каждый из которых не являлся человеком. Зверь настоящий маг и оборотень, наделенный нереальной силой, еще один секрет сиятельной императорской семьи, чей дар маскировали браслетами-аккумулянтами, и страж – служитель самой невероятной и древней магии, которого одарили мощью и бесстрашием сами грани.

Кто из них двоих, вообще, мог победить?

И зачем Кериас вернулся сейчас, зачем выбил из моей руки клинок, когда почти завершился ритуал? Грани этого не простят. А вдруг оба погибнут?

Сердце сжалось при этой мысли, заныло болезненно, а руки задрожали. Я заозиралась, пытаюсь придумать, как развести обоих, как уберечь.

Кериасом руководила ярость, Верноном холодный рассудок и повеления граней, а мной овладели человеческие эмоции, привычные и чуточку забытые: страх, растерянность, отчаяние, дикое желание все исправить. А потом взгляд остановился на упавшем кинжале.

За всеми событиями я позабыла про собственную роль в ритуале, позабыла про камень на груди, а сейчас ощутила покалывание, на которое тело отозвалось дрожью и затем словно оцепенело. Разум прояснился – если закончу начатое, то спасу двоих, ведь из-за меня они схватились насмерть. Собственная участь заботила меньше всего, я поступала правильно.

Пальцы снова сжались вокруг рукоятки, я подняла ритуальный нож, и больше не глядя в сторону мужчин, не отвлекаясь на ожесточенную схватку и стремление узнать, кто в ней побеждал, быстро легла на алтарь. Повторив слова ритуала, подняла кинжал выше и резко опустила, целясь в сердце.

Лезвие вновь затормозило в самом начале, а потом, неотвратимо разрывая звенья защищавшей меня материи, пробило крохотную дырочку. И вот она уже стала шире, расходясь под напором клинка, а первые капли крови выступили на теле, кинжал вошел глубже и... резко, неожиданно был вновь остановлен не магией, а чужой рукой.

Сверкающий взгляд Кериаса на миг опалил. По вискам и лицу его стекали капли пота, мешаясь с кровью. Правая бровь была рассечена, верхняя губа разбита, волосы прилипли к лицу, спекшись надо лбом буроватой коркой, левая рука болталась безвольной плетью, кожа на костяшках оказалась содрана, зубы скалились в страшном оскале, а глаза светились безумием схватки. Но, несмотря на творившийся хаос, он успел заметить мои действия и добрался до алтаря на несколько мгновений раньше Призрака. И этих мгновений ему хватило, чтобы вырвать нож и резко развернуться.

Дальнейшие события смешались в сплошную неразборчивую череду, в переплетениях которой я пробовала разобраться позднее, стремясь восстановить все по памяти. Составить логическую цепочку событий оказалось невероятно трудно, и не только потому, что я пропустила большую часть схватки, но главным образом из-за терзавшей сердце почти невыносимой боли. Она же, в свою очередь, явилась следствием свершившейся трагедии.

Оба, и Зверь, и Призрак, мало уступали друг другу по силе, но страж постепенно наступал и сдерживать его напор Кериасу становилось все труднее, а потом дознаватель заметил, что я творю. Он полагал, будто из-за страха за собственную жизнь попытаюсь укрыться или хотя бы сделаю попытку вырваться из ловушки, но не предполагал, что захочу завершить ритуал. Об этом поняла позже, вспоминая его полный ярости взгляд. А затем он увернулся от стража, чтобы совершить невероятный, с точки зрения обычного человека, рывок к алтарю и вырвать из моей ладони нож. Его противник, непоколебимый и пугающий в своем равнодушии и своей ужасающей силе, мгновенно кинулся следом. Он опоздал ровно на секунду, в течение которой Кериас успел обернуться, держа перед собой клинок, острием вперед.

Тело Вернона встретилось с лезвием радужного кинжала, испачканного в моей крови. Клинок прошел сквозь сердце стража и рукоятка, выпущенная Кериасом, засияла всеми цветами радуги, а страж споткнулся и застыл.

В тот момент я даже не осознала всего ужаса ситуации, просто в замешательстве и растерянности наблюдала, как все тело Вернона охватило

белое пламя. Оно рванулось вверх ярким столпом, а облик человека в центре менялся в считанные мгновения. Молочные волосы резко потемнели, осталась лишь одна прядь над виском, блее снега, в синих глазах будто истаял лед, и я встретила с этим взглядом, живым, ярким, полным ликования. Успела поймать адресованную мне последнюю, но счастливую и такую человеческую улыбку и слово, которое угадала по движению губ: «Спасибо». Тогда я осознала, что происходили выбросила в отчаянии руки, крикнув: «Нет! Вернон! Не уходи!»

Яркий, ослепительно белый свет ударил мощной волной, расходясь в разные стороны, разрушая радужную преграду стен. Вокруг слышался ужасающий грохот, звон и, кажется, даже человеческие крики в темноте стенного пролома. Меня снесло с алтаря и бросило по ту сторону каменной плиты. Наверное, это и уберегло от основного удара силовой волны и помогло остаться в сознании. Сил достало даже на то, чтобы встать на корточки, поползти до угла и обогнуть алтарь.

На окровавленных ступенях лежал Кериас, его голова была запрокинута, руки раскинуты в стороны, а светлое сияние вокруг постепенно угасало, расходясь колеблющимися пространство волнами.

Стража не было, не оказалось даже тела, как если бы он окончательно затерялся и растворился в сверкающем радужном мареве. Радужный кинжал тоже исчез, канул без следа.

Боль, резкая, неожиданная, из-за которой задохнулась, схватившись за грудь, затопила сердце, слезы побежали по лицу, прокладывая извилистые дорожки до самого подбородка. Я четко осознала одно – больше никогда не увижу Вернона.

Затуманенный слезами взгляд остановился на дознавателе. Я смогла поползти до него, прижалась головой к груди, слушая сердце. Оно билось, точно билось, и я отерла слезы, отогнала прочь все мысли, сосредоточившись на одной – как помочь Кериасу и привести его в чувство. Из-за темного пролома пока не раздавалось даже звука, возможно, силовая волна откинула помощников на несколько метров от храма.

Склонившись ниже, попыталась приподнять голову дознавателя, когда кристалл на груди внезапно заledenел. Волна холода прошла по телу, эмоции отступили, сердце, ещё секунду назад нывшее столь пронзительно, успокоилось и теперь билось ровно. И облик мужчины перед моими глазами приобрел совсем иные очертания.

Он не имел права вмешиваться в древний ритуал и самовольно разрывать чужое соглашение. Он появился наперекор всему. Его появление нарушило равновесие, не дало закончить обряд и даровать спасение

Вернону, вместо этого Кериас убил стража. Не запечатав входа в грани, не соблюдая ни единого правила, разрушил все и вызвал хаос.

«Покарай», – сложилось в голове.

– Да, – произнесла с небольшой заминкой, лишь на минуту задержавшись с ответом. В ту минуту я пыталась оказать сопротивление и успела осознать, что подчинюсь. Вдруг со всей ясностью ощутила себя на месте Вернона, который так сильно не хотел, чтобы я узнала о его прошлом, который не желал переносить меня в храм, а потом собственными руками уложил на алтарь и дал в руки кинжал. Я, как и он, не могла противостоять сильнейшей энергии, слишком идеальной для человеческой души, слишком чистой и оттого непоколебимой, не знающей жалости. Как и говорили древние – человеку не под силу совладать с гранями.

– Да, – повторила громче и решительней, – он посмел вмешаться и убил стража, он тоже заслужил смерть.

Радужный нож исчез, и иного оружия под рукой я не имела, но зато хорошо помнила о другом моменте – защите дающего. Она хранила меня и не позволяла никому причинить вред. Она же оставляла черноволосого мужчину совершенно беззащитным перед той, кого он пытался уберечь.

Склонившись совсем низко, снова приподняла голову дознавателя и прильнула к его губам. Медленно, неспешно, теплом легкого покалывания растекалась по моему телу чужая энергия. Наполняя, туманя голову, но оставляя не затронутым кусок холода в моей груди. Теплые волны приносили удовольствие, но отступали, стоило им коснуться незримого ледяного барьера вокруг равномерно стучащего сердца. А последний радужный камень лишь немного охлаждал кожу в квадратном вырезе потрепанного платья.

«Покарай».

«Я покараю».

Глоток за глотком, и тело уже горит от переизбытка сил, но немного осталось. Он потратил энергию на оборот, он тратил резерв на магическую атаку, он встретил последний удар, оказавшись в непосредственной близости от погибшего стража, и пусть жизнь еще пульсировала в этом теле, но уже уходила, крупица за крупичей перетекала в меня.

И когда я была близка к цели и оставалось совсем немного, когда грудь под моими ладонями вздрогнула в предпоследнем вдохе, ледяной щит вокруг сердца не выдержал. Согретый чужим теплом, он пошел жуткими трещинами и осыпался. Незримые осколки впились в мои внутренности, жаля их жестокой болью. И тогда я поняла, что творю.

Отшатнулась так резко, что ударилась затылком о каменный алтарь, голова пошла кругом, в глазах потемнело, и тело сползло на ступеньки, но переполнявшая его сила позволила быстро прийти в себя. Я вскинула голову, пытаюсь рассмотреть лицо Кериаса.

Облик человека подернулся легкой дымкой, засветился, задрожал, смазался, мне почудилось, что наступили галлюцинации. Мотнула головой, тут же отозвавшейся мучительной ломотой, но, стиснув зубы, пригляделась и застыла, столкнувшись нос к носу с оскаленной мордой свирепого барса. Белоснежная шерсть с темными пятнами на загривке страшного хищника встала дыбом, а острые клыки готовы были вот-вот вцепиться в мое горло. Одна лапа безумно большого кота была размером с мою голову.

Изогнув спину, барс зашипел, его хвост ходил ходуном и яростно бил по впалым бокам. Но я даже отползти не попыталась, впав в полнейший шок. Знала доподлинно, что ослабленным потомкам древних ликанов, а уж тем более их смескам, давно не давалась древняя магия – способность к полному обращению, разве только...

«После гибели человеческой сущности, ликаны обращались в зверей и доживали свой век уже в этом облике, по-прежнему представляя опасность для своих врагов», – услужливая память подкинула цитату из древней книги, и рассеянная гранями боль в груди внезапно вернулась, усилившись в разы, если только это было возможно.

Я убила Кериаса.

Наверное, только это понимание и помогло окончательно позабыть страх перед яростным хищником. Я его враг, и сейчас он расправится со мной, и пусть будет так. С пониманием того, что натворила, я даже не представляла, как жить дальше.

Кот втянул воздух, его ноздри задрожали, а прижатые к голове уши внезапно выпрямились. Хвост ударил по бокам ещё пару раз, хищник подступил ближе, почти вплотную, снова понюхал и, фыркнув, отступил.

Гибкое сильное тело изогнулось в прыжке, когда огромный оборотень мягко запрыгнул на каменный алтарь, а с него на высокую узкую перекладину в нескольких метрах над полом. По ней зверь прошел, точно ловкий канатоходец, чтобы через минуту протиснуться сквозь круглое окно без стекол и исчезнуть в темной ночи, скрывавшей пространство за храмом.

Я осталась сидеть в той же позе, в какой замерла перед не тронувшим меня хищником. Камень на груди больше не холодил и никак не проявлял себя, а по ту сторону стенного пролома слышался шум. Один за другим в храм осторожно проникали помощники главного дознавателя, встревоженно озирались по сторонам, рассредоточивались по периметру

разрушенной залы. В руках они сжимали оружие, точно приготовились нападать или держать оборону, но бороться было уже не с кем.

– Леди, – кто-то осторожно коснулся моего плеча. – Вы в порядке? Что здесь произошло? Милорд дор Харон погнался за преступником? Вы можете указать направление?

Я перевела взгляд на говорившего и смотрела на него целую минуту, прежде чем свободный от влияния граней человеческий разум заволокло беспросветной темнотой.

ГЛАВА 13

Мое бессознательное состояние в этот раз не было вызвано опустошением после радужной магии, а очнулась я не где-нибудь в дознавательской или подземном каземате, а в той самой комнате, что отвели мне в поместье дор Харон. Едва открыв глаза, вспомнила все произошедшее, а потом накатило осознание, и захотелось вновь окунуться в спасительную темноту. Была согласна даже на холодное белое пространство между радужных стен, лишь бы душа и сердце снова онемели. Я не в состоянии оказалась выносить эту боль, жуткое чувство вины и раскаяния, а ещё огромной невосполнимой потери.

Я нащупала каплю амулета и крепко сжала в ладони, но он не откликнулся. Не нагрелся, не завибрировал, а продолжал лежать на груди холодным бесцветным куском, потерявшим радужный блеск.

Кериас и Вернон – я не то что спасла, я потеряла обоих. Один погиб, потому что я рискнула заключить договор с древней магией, превратив стража в пленника ритуала. Ему пришлось наблюдать, дабы не позволить никому вмешаться. А второго я убила сама. Вытянула последние силы из того, кто до последнего защищал меня.

Закрыв лицо ладонями, я раскачивалась на кровати, тихонько подвывая, и, кажется, медленно сходила с ума. Даже не отреагировала на стук в дверь, не поняла, что кто-то зовет по имени, пока меня не встряхнули легонько за плечо.

– Леди Миланта, – горничная Кэти стояла возле кровати и пыталась привести меня в чувства,

– прилягте, прилягте, доктор не велел вставать, а то рана опять закровоточит.

Я подняла на девушку глаза, силясь понять, что ей нужно, когда служанка решительно наклонилась и заставила откинуться на подушки. Подоткнула одеяло и немного поправила тугую повязку на груди. Посмотрев вниз, я обнаружила бинты, обмотавшие тело.

– У вас там рана, напротив сердца. Доктор велел лежать. Я принесла лекарство, выпейте.

Она приподняла мою голову, ласково уговаривая при этом, и заставила выпить горький пахнувший травами напиток.

– Вот и хорошо. Полежите теперь.

– Зачем меня сюда привезли?

Я ухватила отстранившуюся девушку за руку и так крепко сжала, что испугала горничную.

– Так, – она растерялась, силясь дать ответ, – я право не ведаю, леди Миланта. Милорд говорил, вы уехали, а вот вчера вас привезли ночью его помощники. Они и не знали, что вас куда-то в другое место проводить следует, да и без сознания вы были, ещё и в крови вся. Мы доктора сразу позвали, а он не велел вас трогать, чтобы рана затянулась.

– Я не хочу быть здесь, – снова обхватив голову ладонями, зажмурилась, из горла вырвался приглушенный стон.

– Леди Миланта...

– Я не хочу. Я не могу быть здесь. Это его дом. Его! А его нет больше. Я не могу.

– Вы успокойтесь, успокойтесь. Доктор говорил, что лихорадка может начаться. Сейчас вот настой подействуете вы еще поспите. Не нужно метаться, полежите. Леди Миланта, ведь рана снова откроется.

– Я так хорошо понимаю теперь, Кэти, зачем он снес тот старый особняк. Он не мог находиться в доме, где погибла Инесса.

– Конечно, конечно, леди. Вы только полежите спокойно, а как легче станет, так сразу поедете, куда захочется. Вот милорд вернется...

– Он не вернется! – со злостью прервала я девушку, – не вернется! Никогда! – закричала и попыталась подняться с подушек. Грудь сразу пронзила резкая боль, перед глазами поплыло.

– Тише, тише. Ведь говорила вам. Ничего, сейчас легче станет. Вы дышите потихоньку.

– Я хочу разучиться дышать, – прохрипела ей в ответ.

Состояние между явью и сном – в таком я пребывала, пока медленно затягивалась рана на груди. Кэти доложила о моей истерике доктору, и тот назначил новые препараты, не позволявшие выплыть из вязких волн сонного тумана. А еще однажды в полудреме я услышала чьи-то препирательства, и хотя плохо понимала смысл, зато запомнила слова, поскольку прозвучало имя Ириаден.

– Император приказал привезти, – чужой холодный приказ.

– Куда ж вы ее повезете? – моя несмелая и робкая Кэти шипела точно рассерженная кошка,

– неужто не видите в каком она состоянии? Что же прямо такую и заберете? Поди еще умрет на ваших руках.

– Не дерзи, девчонка. Не видишь, с кем говоришь?

– А вы в чужом доме не распоряжайтесь. Я только приказам милорда Кериаса подчиняюсь и леди Миланты.

– Пропал твой господин! – обрубил ее разозленный чужак, – не говорила о нем леди?

– Что она скажет, коли в себя еще не пришла? – не растерялась и не выдала меня девушка.

– Ну, смотри, – наверное, погрозил ей кулаком некто неизвестный и добавил, – как придет в себя, доложить немедленно.

На это Кэти лишь фыркнула, а потом раздался громкий стук и последовавший за ним шорох легких торопливых шагов. Похоже, девушка заперла за чужаком дверь.

Окончательно я пришла в себя ночью. Возле кровати стоял кувшин с водой, в придвинутом к постели кресле крепко спала моя горничная. Я коснулась рукой груди и ощутила, что бинты сняли, осталась лишь мягкая повязка в районе сердца.

Потихоньку опустив ноги на пол, я на цыпочках дошла до двери. Отворила ее, чтобы петли не скрипнули, и пошла вниз. Самое сильное желание было сбежать. Меня не беспокоило, что собралась на улицу одна и в белой ночной рубашке до пят. Если след от ножа затянулся, то разум до сих пор окутывал болезненный горячечный жар.

Однако возле двери дежурил лакей. Я заметила его, когда сошла с лестницы, а потому быстро прижалась к стене. Хотя мужчина дремал, сидя на стуле, я не рискнула приблизиться.

Потихоньку прокравшись вдоль стены, скользнула в темный коридор и остановилась возле двери в библиотеку. Через ее окно можно было попытаться уйти в сад.

Зачем мне так жизненно необходимо было покинуть поместье, я сама не знала. Просто казалось, что, очутившись снаружи, избавлюсь от тяжести в груди, не позволявшей свободно дышать. Однако войдя в темную комнату, я поторопилась и споткнулась о грудку книг. Растянувшись на полу, замерла, надеясь, что грохот не привлеч чужого внимания. Когда спустя несколько минут никто не заглянул, я села и осмотрелась.

В лунном свете, лившемся сквозь окна, видны были стопки книг, которые сгрудила здесь, когда разбирала древние фолианты. Они так и лежали на полу, столе и других поверхностях в том самом порядке, в каком я все оставила.

Книги манили точно магнит.

Даже пока поднималась на ноги и шла к окну, а потом сдвигала щеколду, то и дело оборачивалась, бросая взгляд на старые фолианты.

Задвижка щелкнула, окно отворилось легко и без скрипа, но я не торопилась встать на подоконник, чтобы перебраться через него. Вместо

этого, повернула голову и смотрела, не отрываясь, на полку, где темнели расставленные мной книги. Среди них – я хорошо помнила – находился толстый том с запрещенными заклинаниями.

Постояв еще немного, я притворила створку и направилась к стеллажам.

Пару минут спустя колеблющийся язычок свечи выхватил для меня из темноты ровные рукописные строчки. Не знаю, какая надежда теплилась в сердце, но я сопоставила слова неизвестного посетителя, явившегося проводить меня к императору, с тем, что Ириаден до сих пор жив, а Кериас оказался не просто человеком. Может, если они связаны, для ликана есть шанс вернуться? В этот момент любая цена за его возвращение не показалась бы слишком высокой.

В старой книге, в которой описывался даже зеркальный обряд, оказался и ритуал для оборотней, единственных представителей магического сообщества, обладавших двумя физическими оболочками. Именно по этой причине для них был придуман ритуал возрождения, но когда я прочитала его суть, волосы на голове встали дыбом.

Захлопнув книгу, снова бросилась к окну, неосторожно уронив фолиант на пол. Нужно было глотнуть свежего воздуха, потому что я вновь начала задыхаться.

Меня отбросило обратно, как только толкнула стеклянную створку. Растянувшись на полу, перевела взгляд на возвышавшуюся на фоне окна фигуру. Мягко, по-кошачьи плавно и бесшумно, она двинулась в мою сторону, а потом присела на корточки рядом.

Тонкие пальцы с неожиданной силой схватили за волосы, поднимая голову выше, а миндалевидные глаза черноволосой незнакомки слегка светились, почти вплотную приблизившись к моему лицу.

– Убийца, – прошептала она, – я знаю, это была ты. Твой запах я ощутила, а след привел сюда.

Сердце заколотилось стремительно, его стук отдавался в ушах, мешаясь с шипением женщины.

– Ты забрала жизнь моего Кериаса, а я заберу твою.

На выпустивших волосы руках стремительно удлинялись когти, один такой прижался к моей щеке и провел вниз до подбородка, рассекая кожу, точно острое лезвие. Я ощутила, как потекли, набухая, красные капли крови, но не попыталась отстраниться или отползти.

– Забирай, – ответила не колеблясь.

Кровожадный блеск страшного взора слегка потух, едва незнакомка осознала, что я не буду вырываться или предпринимать иной попытки

спасти. Она изучала меня, склонив голову набок, а потом плавно поднялась и обошла по кругу.

Ее тонкие изящные пальцы с длинными когтями сжались в кулаки так, что послышался хруст. Движения были резки и стремительны, а длинная черная коса била по пояснице, подобно кошачьему хвосту, когда женщина принялась метаться по библиотеке из стороны в сторону, будто это я поймала ее в ловушку.

Я села на полу, подтянула ноги к груди и снова перевела взгляд на незнакомку.

– Вы ведь тоже ликан, верно? Вы видели его? Видели Кериаса?

Ужасно хотелось услышать хоть какое-то известие о том, куда отправился снежный барс в своей звериной ипостаси.

– Не называй его по имени, – обрубил все надежды черноволосая красавица, обнажив острые клыки в уголках рта.

– Здесь, – игнорируя то, что женщина замерла в такой позе, будто приготовилась прыгнуть и вцепиться в мое горло, я подтянула упавшую книгу с запрещенными ритуалами и открыла на нужной странице, – описан древний обряд возрождения? Вы слышали о таком? Это правда?

Брюнетка прищурилась и протянула недоверчиво и с угрозой:

– Что-о?

Я подтолкнула к ней книгу, которую женщина стремительно подхватила, подняв легко, будто толстенный фолиант ничего не весил. Она впиалась взглядом в строчки, описывающие один из самых кошмарных обрядов, которые только попадались мне прежде. Затем незнакомка вскинула голову, лицо ее смертельно побледнело. Прижав книгу к груди, она попятилась к окну. Еще секунда, и ловкая, гибкая брюнетка перемахнула через подоконник и скрылась в саду.

Последовать за ней я не успела, как только попыталась, дверь в библиотеку с треском распахнулась, и в комнату вбежали Кэти с ночным лакеем.

– Вот вы где! – девушка всплеснула руками и бросилась ко мне, – куда же вы на ночь глядя и без плаща? Ну коли прогуляться желаете, давайте утра подождем? А то бродите одна в темноте, вон и щеку где-то оцарапали.

Она разговаривала со мной ласково, увещевая, точно неразумного ребенка.

– А если вам наверх идти трудно, так Дин донесет.

У меня не оказалось сил сопротивляться и даже спорить. Пришлось последовать за квохчущей горничной, а молчаливый лакей пошел следом. Зато следующее утро началось вовсе не с прогулки, а с визита мужчин в

форме императорской охраны. И я была уверена, что во дворец о моем состоянии донесла вовсе не Кэти.

Наверное, меня затем привезли к императору с самого утра, едва очнувшись, чтобы не вздумала уйти на прогулку и не вернуться. Хотя ни о каких казематах речи ни шло и провожали во дворец не подземными тоннелями. Зато по приходу отвели в гостевые апартаменты, где меня попросту заперли. Комнаты были просторны, состояли из ванной, гардеробной, спальни и гостиной, и даже обед был подан в определённое время, но из покоев не выпускали. Император же изволил принять лишь к вечеру. Когда за окном сгустилась чернильная темнота, а часы пробили двенадцать, за мной пришли.

Если в прошлый приход во дворец я следовала за пожилой экономкой до сиятельных покоев, то теперь к дверям провожал улыбающийся придворный маг. Старичок лично набросил мне на плечи длинный плащ, накинул на голову капюшон и позвал следовать за ним. При этом он не забывал улыбаться, болтать на отстраненные темы и в целом демонстрировал такую искреннюю радость от новой встречи, словно я приходилась ему по меньшей мере родной племянницей.

— Я очень рад, что вы нашли время прийти, — затягивая меня в императорскую гостиную, бормотал мужчина, которого Кериас называл не иначе как Мясник. — Каково ваше самочувствие? Я вижу, слухи оказались правдивы, вам серьезно нездоровилось.

По этикету следовало ответить ему нечто нейтральное и выдавить хотя бы слабую улыбку, но я не смогла себя заставить. Если при первой встрече он показался мне добрым и заботливым старичком, то уже после целой ночи под воздействием шафиана, последствия которого маг и не подумал снять, я изменила свое мнение. А все последующие картинки, увиденные в гранях, и вовсе сыграли не в пользу душевного расположения к собеседнику.

Таким образом, я молчала всю дорогу и в покоях тоже не промолвила ни слова. Лишь потеряла руку, когда он изволил выпустить из крепкой хватки мою ладонь. Улыбка на лице мага стала задумчивой, а потом он очень галантно указал мне на дверь, за которой находилась спальня императора.

Ириаден расположился в кресле у окна. Напротив, как и в прошлый раз, стоял круглый столик, а на нем, кроме фруктов, бутылка вина. Рубиновый напиток плескался в бокале, который император перекачивал между пальцами. Мой приход владыка отметил небрежным кивком и указал на второе кресло.

Канделябры со свечами, освещавшими остальную комнату, стояли чуть поодаль, создавая в нише приятный полумрак. Сам Ириаден будто осунулся и выглядел излишне бледным, но, возможно, свою роль играло освещение.

Повинуясь приглашающему жесту, опустилась в бархатное кресло и проигнорировала стоявший рядом бокал. С прошлого посещения четко уяснила, что по мере возможности нужно избегать есть и пить в присутствии императора. А потому с отстраненным выражением на лице наблюдала за сохранявшим величавое достоинство правителем. Вновь даже против воли возникало чувство, словно мне оказали великую честь, дозволив очутиться рядом с самим владыкой. Однако равнодушие точно ветром сдуло, когда губы мужчины изогнулись в холодной улыбке, а сам он произнес, приподняв бокал:

– Почтим память моего братца?

Того, как искривились черты моего лица, мог не заметить только слепой, а таковым Ириаден не являлся. Впрочем, он не отреагировал на болезненную гримасу, просто пригубил напиток и слегка кивнул на мой бокал:

– Пей.

Движение сбоку привлекло внимание я заметила мага, с ласковой улыбкой наблюдавшего за нами двумя. При взгляде на меня он и вовсе начал лучиться дружелюбием, от которого сводило челюсти.

Схватив бокал, я в несколько глотков осушила его и со стуком вернула на стол.

Владыка сел поудобнее, перевел взгляд на мясника и поинтересовался с поистине императорской холодностью:

– Что дальше?

– Я так полагаю, ваше императорское величество, – маг поклонился и извлек откуда-то два браслета, соединенных короткой толстой цепью, – вернее будет приковать девушку, чтобы не портила сопротивлением весь процесс.

Слова оглушили подобно громовому раскату. Резко оттолкнувшись ладонями от широких подлокотников, я подскочила на ноги.

– Не стоит волноваться, – Мясник оказался быстрее. Он очутился позади и надавил на плечи, заставляя опуститься обратно в кресло, а после я совсем потеряла способность двинуться, – все не так страшно, как может показаться. А даже если и так, то что вы можете поделать?

Не будучи способной увидеть мага, я впилась взглядом в мужчину напротив. Ириаден не проявлял ни малейших признаков волнения или

возбуждения, практически не демонстрировал эмоций совсем, но ответил мне легкой улыбкой.

– Мы знаем, что Кериаса больше нет.

Он вытянул в мою сторону руку и поднял выше рукав расшитого золотыми нитями бархатного халата. И рассеянного света хватило, чтобы увидеть потемневший рисунок вен на его коже – четко очерченные почти черные линии на бледном фоне.

– Для других он просто пропал, ищейки сбились с ног, разыскивая начальника, но нашу связь не обмануть.

Ириаден коротко кивнул стоявшему позади меня магу, и с резким щелчком на запястье сомкнулся браслет.

Это напугало, но я не могла даже дернуть рукой, а владыка поставил бокал и величаво, неторопливо поднялся на ноги.

– Тебя мы приказали не беспокоить, к чему бесполезные допросы?

Император направился к огромной кровати, туда же потащил меня старик-маг, используя соединяющую браслеты цепь точно аркан. Оказать должного сопротивления не выходило, тело двигалось по чужому желанию и туда, куда направляли. А возле императорского ложа Мясник затормозил и пристегнул второй браслет к металлическому кольцу, вбитому в изголовье.

Ириаден остановился позади, положил ладони на мои плечи.

– Не думаю, что сработает, – заявил он магу, при этом ведя рукой вверх, вдоль моей шеи, пока не коснулся пальцами скреплявшей волосы заколки. Расстегнул ее и принялся перебирать рассыпавшиеся пряди.

– Узнать можно, лишь проверив, ваше императорское величество.

Я услышала негромкий вздох – единственное проявление хоть каких-то эмоций со стороны Ириаде́на. Сама по-прежнему покорно стояла возле постели и даже шагнуть в сторону не могла без дозволения управлявшего мной мага.

– Ты можешь заставить ее слушаться, к чему браслеты? – император отпустил, а сам присел на кровать и медленно лег, вытянувшись поверх роскошного парчового покрывала. Облокотился на подушки и, взяв мою руку, разглядывал широкий металлический ободок.

– Я должен стоять на страже, а если начну расходовать силы на девушку, подвергну вас опасности.

Губы владыки скривились в усмешке – ещё одно проявление эмоций. Он окинул меня взглядом и вдруг прижался к запястью губами, прихватил кожу ниже металлического браслета, сперва легко, а потом чуточку болезненно, когда прикусил ее зубами.

Неожиданно он отстранился и приказал старику:

– Свяжи мои запястья и веревку вдень в кольцо.

– Ваше императорское величество! – Мясник не мог скрыть изумления.

– В прошлый раз я целовал ее до крови, что будет сейчас?

– Это имеет значение? Она нужна нам лишь для проверки. Если не сработает, в любом случае придется избавиться.

– Я должен повторить приказ? – венценосная особа лишь слегка искривила в недовольстве уголок рта, а маг уже засуетился.

– Как вам будет угодно, – и он тотчас отправился прочь из спальни, добывать необходимое.

Ириаден остался лежать, созерцая меня изучающим взглядом.

– А говорить ты можешь? – спросил император.

Открыв рот, поняла, что могу не только разговаривать, но и двигаться. Короткая цепь не позволила уйти дальше, чем на полшага, зато мой порыв был замечен владыкой, который догадался о вернувшихся способностях к речи. Однако вопрос правителя оказался неожиданным.

– Как погиб Кериас?

Соврать не позволило чувство вины, вспыхнувшее в душе с удвоенной силой.

– Он боролся с Призраком и победил, но в итоге потерял много сил, а то что осталось, забрала я вместе с его жизнью.

Холодное удивление отразилось в темных глазах, но ни намека на ярость.

– Так сильно ненавидела? – это прозвучало простой констатацией факта, но ответить я не успела, поскольку император решил уточнить, – как тебе удалось?

– Он подарил мне защиту дающего, а в результате..., - отвечать было трудно, так трудно как никогда прежде, но вовсе не из-за страха. Причиной служили эмоции, что досуха выпили меня за последние дни. Я не обладала самообладанием и императорской невозмутимостью, потому не смогла закончить фразы. Тем большей неожиданностью стал издевательский смех владыки.

– Как бесславно увенчался благородный порыв, – отсмеявшись, заметил император, – глупая смерть для Кериаса. Однако посмотри на себя. Беззащитная, не способная причинить вреда, а сделала то, чего не удавалось всем заговорщикам и бунтовщикам империи. Ты, – он притянул меня за запястье, – убила сразу двоих.

Его полубезумная улыбка в сочетании с безразлично-холодным

выражением, застывшим в глазах, откровенно пугали.

– Вы живы, – борясь со слезами, просипела в ответ.

– Ненадолго, – произнес Ириаден так спокойно, словно объявлял о пусть и важном, но не имеющим к нему отношения, событии.

– Без отражения есть лишь дни, пока держится магическая защита.

– Вы... – предположение, возникшее в голове, показалось полнейшей нелепицей. Да и как иначе, если сама читала о зеркальном ритуале, о том, сколь много времени требовалось двум сущностям, чтобы слиться воедино. Но кто знал наверняка, вдруг в реальности могло существовать несколько способов или же в обряде имелись исключения и дополнения. – Вы хотите сделать меня отражением?

Приподнятые брови владыки подсказали, что предположение – бред чистой воды. Однако Ириаден не снизошел до ответа, а пояснений я дождалась от другого человека.

– Милое дитя, – улыбчивый маг, намотавший на запястье крепкую веревку, вернулся в спальню как раз вовремя, чтобы услышать последний вопрос, – да разве такое возможно? Отсеченная сущность должна быть заменена в момент гибели, иначе становится слишком поздно.

У нас, к сожалению, под рукой не оказалось подходящей жертвы, ведь сам факт осознали не сразу. Да и сущность должна быть очень сильна, иначе слияния не произойдет. А откуда ты знаешь об отражении?

Объяснять им что-то? Рассказывать о Верноне и гранях? И не подумаю! Это мои воспоминания, дорогие, близкие сердцу, и пускать в них этих двоих я была не намерена.

– Кериас рассказал? – выдвинул ошибочное предположение маг, – ах, мой мальчик, ну к чему было посвящать девушку в такие подробности, – он скорбно покачал головой. – Ладно, сделанного не воротишь. Зато ты поймешь, дорогая, почему мы нуждаемся в твоей помощи.

Подобное обращение мало походило на просьбу о помощи. Хотя кто здесь говорил о добровольном содействии?

– Помнишь, как наш Кериас успокаивался в твоём присутствии? Ты была аретеррой для звериной сущности. Мягкое и нежное природное успокоительное, – он рассмеялся, – такая ирония судьбы, ведь Инесса оказалась шааной.

При имени фаворитки я невольно скосила глаза на императора и поймала в ответ высокомерно-презрительную гримасу.

– Связь моих дорогих мальчиков была столь глубока, что любовь одного из них к женщине эхом отдавалась в другом. Вот Ириаден с первого взгляда выбрал Инессу. Неплохой выбор для императора. Она была красива

и талантлива. Кериасу же понравилась ты. В целом тоже недурно. Милая и умная девочка, скромная, неболтливая.

Маг по-доброму улыбнулся.

– И понимаешь, как нехорошо получилось? Кериас умер, и сработал зеркальный эффект.

Я наморщила лоб, пытаясь сообразить, о чем он говорит, но маг продолжил без вопросов.

– Когда-то мне пришлось провоцировать в Кериасе всплески безумия, а теперь это все возвращается к нашему великому императору и забирает силы быстрее, чем мне удастся их восполнить.

И тут я поняла, что имелось в виду. Ведь в книге описывалось, как при слиянии разделялись души двоих. Половина одной души заменяла чужую и наоборот. Теперь же часть сущности императора погибла, и в снежном барсе осталась лишь родная половина Кериаса. Выходило, владыка еще носил в себе вторую часть души его кузена, ведь барс был жив? Его видела та черноволосая кошка! – я лихорадочно подсчитывала в уме шансы отражения выжить, пока не осознала, что после смерти Ириадена зверь тоже был обречен. Половины слишком неполноценны, чтобы существовать отдельно наглядный пример находился перед моими глазами. Сердце снова сдавило от потери последней надежды.

– Вы хотите бороться с безумием с моей помощью?

Я недоверчиво посмотрела на мага.

– Моя магия бессильна блокировать приступы, а Кериас совладал с несколькими в твоём присутствии, так почему бы не попробовать?

И после этих слов вдруг захлестнуло ликование.

– Так вам и надо обоим! – я просто не смогла удержаться. – Вы даже после совершеннолетия не остановились, продолжали мучить Кериаса жуткими приступами, превратили их в форму наказания, чтобы заставить его слушаться! Вот и ощутите на себе, каково приходилось ему!

Пусть все вернется, пускай с лихвой оплатит за жуткие часы, проведенные им в горячке и темноте!

Я проговорила это, со злостью глядя в глаза Ириадена, и в глубине его потемневшего взора уловила отголосок того самого опасного безумия.

– Зря ты так, девочка, – покачал головой старик.

– Зря? Разве не вы получали удовольствие от его мучений? Именно вы! Император хотел наказать, а вы только радовались. И я даже знаю почему. Забирали силу, которую Кериас терял, стараясь не сойти с ума окончательно. Вы ведь из магов, питавшихся людьми благодаря придуманным ритуалам? Я понимаю, как вы все провернули. Выбрали в

закрытом городе самую талантливую кошку, подсунули ее родному брату прежнего императора, чтобы впоследствии родился ребенок-ликан, сильный маг, способный пережить ритуал. А затем вырастили из него отличного защитника для правителя.

Меня буквально трясло от напряжения, гнева и отчаяния. Пусть хоть убьют сейчас, но я все выскажу, все! И тут же задохнулась. Схватила за горло свободной рукой, но невидимый аркан невозможно было сбросить. Он давил и душил, пока перед глазами не поплыли круги, а потом милостиво разжался на долю секунды, достаточной для одного глотка кислорода, и снова стиснул шею. И пытка продолжалась до тех пор, пока не раздалось повелительное: «Довольно».

Я задышала, захлебнулась воздухом, глотая его с жадностью. С испуга втягивала даже больше чем нужно, наполняя горящие легкие, на одних инстинктах пытаюсь вдохнуть еще и еще, чтобы сберечь лишнюю толику про запас, если снова прекроют воздух.

Теперь я стояла возле постели на коленях, уронив голову на край перины. Слезы, выступившие на глазах, впитывались в тонкий хлопок простыни. В висках билась тупая боль, увенчавшая голову тернистой короной.

Крепкая хватка мужских пальцев на подбородке заставила запрокинуть лицо и встретить горящий гневом взор императора. С горечью я прохрипела:

– Не стоит забываться?

– Не стоит подражать манере Кериаса, – скривился правитель, – он достаточно досаждал нам своим неповиновением.

– А была такая послушная девочка, – вторил владыке почти задушивший меня маг, – бунтарский дух заразен.

Император бросил на него недовольный взгляд, и Мясник мгновенно замолчал, демонстрируя идеальное послушание и повиновение.

– Довольно бесед, они нас утомили, – отрезал правитель и откинулся на подушки.

– Предчувствие, ваше императорское величество?

Теперь маг проявлял лишь озабоченность состоянием подопечного, совершенно позабыв о методиках воспитания непокорных девиц.

– Да, – Ириаден снова поморщился, – совсем скоро. Неси сюда веревку.

На сей раз старик и не подумал спорить, хотя по брошенному на меня взгляду я поняла, что Мясник по-прежнему против излишней жалости к девочке. Ну подумаешь, дорвется неменяемый император до какой-то

библиотекарши, главное проверить, поможет ли ее присутствие погасить приступ. Если что-то пойдет не так, то потом все залечат.

Меня даже удивило, как после высказанных в лицо владыки обвинений, он не передумал, а пошел на подобные меры, позволив себя связать.

– К чему вам терпеть лишние неудобства? Руки, скрученные над головой, совсем не красят правителя.

Я приготовилась к новому приступу удушья, но его не последовало. Более того, Ириаден ответил:

– Разве сложно догадаться? Ты напоминала ему и мне напоминаешь, – его взгляд затуманился темной пеленой, – он выложился до конца ради твоей защиты, а я никогда не мог причинить ей настоящего вреда.

Император неожиданно обхватил мою голову ладонями, впился в губы жалящим требовательным поцелуем, вдруг обнажившим истинные чувства владыки. Скрытые глубоко внутри, похороненные много лет назад, они накатили лавиной чужой изматывающей страсти, мешая мне дышать, отдаваясь в ушах отголосками неродного имени. Я стала вырываться, попыталась оттолкнуть, приложив к этому все силы, и он разжал руки и отпустил, ощутив это сопротивление.

Не думала, что явно теряющий связь с реальностью Ириаден все же прибегнет к озвученным мерам, до последнего сомневалась, будто из-за опасения причинить мне вред, позволит привязать себя к кровати, но он остался верен своему решению.

Давно минула полночь, где-то в глубине гостиной часы гулко пробили два раза. Я сидела на полу возле изголовья, склонив голову на свободную руку, покоящуюся на коленях. Глаза слипались несмотря на чувство тревоги. Маг устроился в кресле неподалеку, а император лежал на своем роскошном ложе. Переплетенные веревкой запястья поверх груди, глаза закрыты, как во время крепкого сна. Периодически поднимая голову и приглядываясь к лицу мужчины, я не замечала на нем умиротворения и покоя, свойственных спящим. Правильные черты время от времени искривляли странные гримасы, а грудь резко поднималась и опускалась. И моя тревога не унималась.

Все же сон оказался сильнее, потому что некий отрезок времени не сохранился в моей памяти, и я не сразу отреагировала на странный звук, раздавшийся совсем рядом – тихое утробное рычание. В первый миг сознание сыграло злую шутку, мне почудилось, что я вновь в разрушенном храме гляжу в светлые глаза ощеренного зверя, не видя в них даже проблеска человеческой мысли, одну жажду крови. А потом мысли

прояснились, память подсказала, где я нахожусь.

Вскинув голову, оцепенела – на меня смотрели черные глаза императора. Зрачок расширился и, казалось, заполнил всю радужку. Мужчина находился так близко и смотрел, не отрываясь, жутким, немигающим взглядом. Губы обнажили ряд верхних зубов, из уголка рта капала слюна, а из горла вырывался этот вибрирующий, весьма далекий от человеческой речи звук.

Я вздрогнула всем телом, когда он резко бросился вперед, но веревка, привязанная к кольцу, натянулась. Руки Ириадена взлетели над головой, выворачиваясь в суставах, а он и не заметил, продолжая рваться ко мне.

Мясник подскочил со своего кресла, вытянул вперед ладони, но не понимая, что он делал, я точно знала – ждать помощи не имело смысла. Скорее всего, маг старался ослабить приступ, чтобы тот не нанес непоправимого вреда властителю. Я же извивалась ошпаренной змеей, лихорадочно дергая сковавшую запястье цепь. Веревки уже трескали под натиском взбесившегося владыки, сумасшествие придало императору сил.

– Кровь, мясо, – жуткое искаженное лицо пересекали черные сосуды, – плоть, – шипящие звуки складывались в кошмарные по смыслу слова. Он хотел добраться до меня, чтобы оторвать кусок плоти, вгрызться зубами в мое тело.

– Тоонкая, – он перевел взгляд с моего лица ниже, а пальцы над его головой уже скрючивались, хватая воздух и сжимаясь, словно сворачивали мне шею. – Хочу, хочуу.

Я забилась в самый угол, но прикованная рука так и висела в воздухе на короткой цепи, и он ее заметил. Игры больного воображения всегда покрыты мраком, однако порой сумасшедшие проявляют жуткую сообразительность, когда сильно желают что-то получить. Не совладав с веревкой, Ириаден пополз к изголовью, с леденящей кровью улыбкой ухватился обеими ладонями за толстые звенья и потянул на себя.

– Иди, иди, – звал меня сумасшедший.

Я пыталась уцепиться за ножку массивной кровати и удержаться на полу, но он оказался сильнее. Подтащил к себе и впился зубами в запястье, выше браслета. Я закричала пронзительно, пыталась оттолкнуть его и вырвать окровавленную руку, а потом произошло то же, что и в прошлый раз. Едва Ириаден ощутил вкус моей крови, как его мысли резко сменили направление. Он обхватил меня ногами поперек тела, уронил на кровать, а сам тут же извернулся, чтобы усестись сверху. Собственные связанные запястья использовал как аркан, заведя их мне за голову, потому что я сопротивлялась отчаянно. Уже готова была отгрызть себе руку, лишь бы

увернуться от этого чудовища. Его поцелуи тоже были голодными и болезненными, он совсем не контролировал себя, только набрасывался, как отощавший падальщик, кусая, захватывая губами мой рот, сдавливая шею, чтобы не изворачивалась.

У меня оставалась свободной только одна рука, но никакого оружия, ничего, способного его остановить. А он рвал одежду зубами, целовал до лиловых синяков. От отчаяния я схватилась за каплевидный кристалл, оттянула и всадила острым концом в шею императора. Мелькнула мысль напугать сумасшедшего неожиданным ударом, причинить боль и заставить выпустить меня. Это единственное, что могла придумать, поскольку минерал сам по себе едва ли служил оружием, но я просчиталась.

Легкая вибрация и тепло – так отозвался кусочек граней справедливости, а потом начало твориться невообразимое. Со стороны это могло напоминать накатывающие на берег волны. Все приступы, когда-то спровоцированные у Кериаса, возвращались Ириадену одновременно, волна за волной, кожа темнела от стремительно чернеющих вен, потом снова светлела.

Я выскользнула из его захвата и скатилась с кровати, когда император забился в первом припадке, а он кричал и выл, раздираемый болью и огнем. Побелевший маг с трудом стоял на ногах, но я видела, его сил не хватало, он не мог удержать, не мог справиться с таким количеством силы, и Ириаден попросту не вынес этого.

Вой прекратился, император затих, то ли потерял сознание, то ли сердце не выдержало, а маг покачнулся, упал и также неподвижно замер на полу. Я от ужаса не дышала какое-то время, пока инстинкт самосохранения не взял верх, не сподвиг меня подняться на колени, чтобы отыскать хоть какой-то предмет, способный помочь мне освободить запястье. Но ничего не было, широкое кольцо, ввинченное в крепкое дерево, не поддавалось. Еще и очертания предметов расплывались из-за слез, я вытирала их, размазывая по лицу кровь, и начинала снова искать.

Тихий вздох напугал настолько, что я рванулась прочь от кровати и, кажется, вывихнула руку.

Император открыл глаза, и я уже успела представить, что сейчас все повторится, как он снова глубоко вздохнул. Протяжно, устало и совсем человечески, хотя к этому моменту я совершенно перестала считать его человеком.

– Почти закончилось, – его голос прошелестел так тихо-тихо, что не цари кругом мертвая тишина, и я могла бы не слышать.

– Ты рада? – его взгляд, обращенный ко мне, но смотревший словно

сквозь мое тело, теперь не пугал и казался осмысленным. Однако император выбрал самое неподходящее время, решив вступить в диалог сейчас, после всего произошедшего.

– Мне все равно.

Это единственное, что могла ответить.

– А я рад, что ты пришла, Инесса.

Поморщившись, ощутила, как саднят израненные губы. Я поспешила с заключением, что рассудок Ириадена прояснился. Меня он не узнавал, но каким-то невероятным образом разглядел в истерзанной девушке свою первую фаворитку. А ещё странность была в том, что в кои-то веки владыка не называл себя на «Вы». Говорил он по-прежнему тихо и, похоже, даже двинуться не мог, зато вся чернота с кожи сошла, оставив после себя мертвенно-бледный оттенок.

– Я ему отомстил за твою смерть, – губы императора растянулись в самой нелогичной и странной улыбке, – знал, ты поймешь однажды, что я один тебя любил и придешь...

Он не договорил, зашелся в таком жутком кашле, что я вздрогнула. Из уголка его рта потянулась тонкая струйка крови, а глаза мужчины закатились.

Я стояла ни жива, ни мертва на своем коротком поводке, не имея возможности отойти и опасаясь приблизиться. И честно, не знаю, сколько провела времени в таком состоянии. Не приди в себя старый маг, возможно, не двинулась бы, пока держали ноги.

Мясник очнулся и сразу же попытался подняться, а потом бросился к кровати. Схватил неподвижного владыку за руку, склонился к его лицу, попытался нащупать пульс, а затем прижал ладонь к глазам императора и сам зажмурился.

– Все кончено, – его голос дрожал, – они оба ушли, мои мальчики.

Если честно, я давно решила, что мясник был главным злодеем в истории, связанной с императорской семьей, он являлся тем злобным гением, который предложил сотворить жуткий ритуал. И я совсем не ожидала услышать, как рыдает старый маг. А он плакал, уткнувшись в грудь навсегда уснувшего императора, пока слезы не иссякли. И только тогда Мясник вспомнил обо мне, поднял голову и будто впервые увидел. Изучал пристально, словно мог разглядеть что-то за настоящим месивом. Там же живого места не осталось, а рука, висевшая на натянутой цепи, и вовсе опухла.

– Пока ты не появилась, все было хорошо. Ты ведь вторая. Та самая предсказанная женщина в их жизни. Я и представить не мог, что

пророчество Матильды было о тебе.

Он ждал, будто я отвечу? Просчитался. Даже предсказание не интересовало в этот момент, ничего не интересовало. Я просто покачнулась и почти свалилась на пол, когда маг поймал, и не оказала сопротивления, когда уложил на постель рядом с Ириаденом. А потом Мясник стал лечить все те синяки, ссадины, раны и даже вывих. Только сперва вправил кисть самым обычным методом, отчего я отключилась на несколько минут, но маг быстро привел в чувства. Он принес смоченную водой тряпку и отер мне лицо и руки.

– Никто не должен видеть тебя такой. Мы не допустим слуха об истинной причине его смерти. Он умер достойно, как полагается императору. От продолжительной болезни, которую мужественно и долго скрывал от своих поданных, или от чего-то иного. А еще можно сказать, что это была ты. Ведь так проще всего объяснить твоё убийство.

– Разве вам не следует бежать? – ко мне вернулся голос, зато страха перед его планами не было и в помине. Устала бояться. – Кериас придет и убьет вас. Ликаны помнят своих врагов, а император теперь не защитит.

Старик посмотрел на меня и покачал головой.

– Не придет. Существо с половиной души может прожить недолго, хотя и есть способы продлить его дни.

Он зачем-то потянулся к плечу императора, а потом снова отклонился, держа на ладони тускло-блестящую вещь, напоминающую сотканную из золотых линий брошь. Когда маг заговорил, его голос снова дрожал.

– Я дал ему илонит, чтобы тот подпитал физические силы, укрепил здоровье, но против зеркальных приступов он оказался бессилен. Привел ему тебя, надеясь успокоить, но присутствие аретерры второй сущности не помогло. Надежды оказались тщетными. Кериас теперь тоже погибнет.

– Он больше не человек.

– Неважно.

Честно, я не понимала, зачем мы спорили друг с другом в такой момент и в такой обстановке. Притом оба сознавали бессмысленность спора. Может, это отвлекало, помогало хоть немного прийти в себя и не лишиться разума?

– Ты так много знаешь. Слишком умная и начитанная библиотекарьша, которой отчего-то известны даже позабытые и запрещенные темы, – говорил меж тем маг, – а что ты слышала о процессе объединения душ? Ничего? А это важно, потому как половина души одного сливается с половиной души другого. И погибает в первую очередь именно подселенная сущность, она более уязвима. Кериас умер и обратился в

Зверя, как сильный ликан и маг, сохранив часть своей души, а вот Ириаден часть себя потерял. Теперь он погиб, а в Кериасе осталась только его собственная сущность, но она неполноценна. И без второй половины не выживет даже сильнейший из магов.

Он не придет, даже если считал меня врагом, хотя я никогда не желал ему зла. Я растил их обоих с детства, в монастыре, вдали от дворца. Я был их учителем, особенно для Кериаса, обучал его магии. Из двоих мальчиков он был мне чуточку ближе. К Ириадену следовало относиться как к будущему императору, а из Кериаса я растил воина и защитника, внушал, что он обязан до последнего вздоха защищать брата. Были у них и другие учителя, преподававшие все, что полагалось знать наследникам, но я всегда был ближе. Ведь я даже присутствовал при рождении Кериаса, именно я, по приказу императора, отыскал в городе магов подходящую девушку. Они оба были мне роднее собственных сыновей.

Я выслушала всю тираду спокойно, но в конце не выдержала и разразилась истерическим хохотом.

– Смеешься? – маг нисколько не обиделся, – думаешь, раз я питался силой Кериаса, то делал это с дурными намерениями? Просто иначе я бы не протянул так долго, не смог бы всегда быть рядом и защищать их обоих. Я заботился не только о воспитании, но и о благополучии моих мальчиков. Они росли вместе и были неразлучны, пока их не развела Инесса.

При последних словах лицо мага скривилось.

– Для императора это был хороший выбор, но девушка не довольствовалась старшим братом, ей понравился младший. А потом она узнала о тайне Кериаса и воздействовала на натуру оборотня, используя свой божественный голос. Ликаны ведь очень чувствительны к звукам и к ароматам. Он не смог противостоять, она стала его шааной, наркотиком. С таким притяжением невозможно бороться. И она была первой, развела моих мальчиков, и даже ее гибель не смогла сплотить их снова.

– А вы помогли ей погибнуть?

Это была ночь самых неправильных вопросов с моей стороны, но какая разница, что спрашивать, если до утра не доживешь в любом случае. Да и чего бояться, когда лежишь рядом с погибшим императором, а с другой стороны сидит маг, который планирует избавиться от лишней свидетельницы.

Я удостоилась еще одного цепкого и внимательного взгляда, но старик не спешил сознаваться и изливать душу, а потому проще было закончить за него.

– Я читала в одной книге, что магические потоки идут

непосредственно туда, куда направлены. А если Кериас от злости ударил по стене и стена задрожала, то эта дрожь не могла так быстро дойти до старого перекрытия, только если кто-то подправил вектор потока. Вину на него вы возложили, чтобы проще было управлять убитым горем Зверем?

– Не могу понять, откуда ты столько знаешь?

– Люблю много читать.

Мне повезло, что маг выложился подчистую этой ночью, а потому не имел лишних сил снова мучить меня, добиваясь признания. Однако последние слова стали поводом ускорить приведение в жизнь моего приговора.

Мясник поднялся и немного отошел от ложа, чтобы удобнее было колдовать.

– Прощай, девочка, – вот и все, что он мне сказал.

Хотелось бы гордо и смело смотреть ему в глаза, пока маг убивал, но моих сил на то не хватило. Я зажмурилась, мечтая, чтобы все закончилось прямо сейчас, и эта мечта осуществилась в то же мгновение. Не было ни раскатов грома, ни ослепительных молний или иных непередаваемых впечатлений, символизирующих конец моей недолгой жизни, только подарок Вернона на груди вдруг осыпался пылью, и послышался глухой стук.

ГЛАВА 14

Не спеша открывать глаза, я примеряла на себя новые ощущения, однако почти не замечала разницы между прежним и теперешним состояниями. Вот так просто? Умерла, но ничего не чувствую по этому поводу?

Я решилась чуть-чуть подглядеть сквозь ресницы, и лицо будто жаром обдало, – скрюченная иссохшая фигура мага застыла на полудам, где он еще минуту назад стоял, держа руки вытянутыми и обратив ладони ко мне. Мясник направлял магический поток, способный забрать мою жизнь, как когда-то забрал жизнь Инессы Асвальди.

Светлые боги! Я жива? Правда осталась в живых?

И одна в этой комнате продолжала дышать.

Вся жуть ситуации попросту не доходила до моего опаленного безумными событиями сознания. Это только спустя время поняла, что в ту ночь защитил меня именно кулон стража, последний подарок, сперва наказавший императора, воззавший к справедливости граней, а после добивший, желавшего убрать свидетельницу, старика. Он обратил силу мага против него, но и сам рассыпался в пыль. От последнего ключа ничего не осталось, доступ к граням оказался утерян, и они снова закрылись, возможно, навсегда.

Я сползла с кровати, не оборачиваясь на императора и обходя по дуге погибшего мага, качнулась, схватилась за спинку кресла, а пальцы зацепились за ткань плаща, в котором я пришла в эту комнату. Я протащила его за собой по полу, пока шла к дверям, а после по пустому коридору.

Примечательно, что тогда я направилась по дворцу в сторону тайных переходов, чьего расположения по здравом размышлении даже не смогла бы вспомнить. Наверное, попробуй задуматься, куда именно следует идти, и точно бы заплутала, а в полувменяемом состоянии шла по наитию и забрела в нужный закуток, дверь в который запиралась изнутри. Через нее я смогла попасть во внутренний двор, где уже сновали люди. В предутренних сумерках туда-сюда бегали слуги, а я пошла к воротам и, ощутив сырость промозглого утра, сообразила закутаться в плащ.

Миновала позевывавших охранников вместе с группой служанок с корзинами в руках, отправлявшихся на рынок, и брела за ними по узким улочкам, пока чуть не угодила под копыта лошади. Возница закричал: «На тот свет торопишься?» – а я зачем-то ответила, что мне нужно в храм.

В кармане плаща осталось несколько монетами я и заплатила за проезд, а потом стояла и смотрела вслед вознице, который оставил меня на ступенях разрушенного старого здания. Сейчас не выходило вспомнить, как я велела извозчику привезти именно сюда и с какой целью это сделала. Однако поворачивать назад не стала, а пробралась внутрь сквозь проем в стене. Дошла до испещренного трещинами алтаря, опустилась на ступеньки, где целый век назад Кериас сражался с Верноном, и легла, подложив под голову ладони.

Тянуло сыростью, а холод камня пробирал даже сквозь плащ, но я все равно уснула, а может, медленно уплыла в забытие, так как сном то состояние было сложно назвать. Лежала на ступеньках и замерзала, пока не привиделось, что каменная постель стала мягкой и теплой.

Очнулась, когда храм всюду заливал солнечный свет, попадавший в стенные проемы и дыры в потолке. Тело, как ни странно, не затекло и не болело, после долгого лежания на твердых камнях. Я пошевелила пальцами и, ощутив, как они погружаются в мягкий густой мех, резко открыла глаза.

Под моей щекой оказалась подушка из белоснежной шерсти с темными пятнами, а грудь была прижата к мощной спине огромного спящего барса.

Кериас!

Даже не поверила себе в первый момент, решила: либо приснилось, либо галлюцинации, но мех был слишком реальным на ощупь, более того, почувствовав, что я пошевелилась, кот приоткрыл глаза.

– Кериас! – громко закричала, отчего барс недовольно дернул ушами.

– Кериас, это ты, – повторила тише и уткнулась лицом в пушистый загривок, сжала в горсти мягкую шерсть и заревела громко и горько, что очень не понравилось снежному зверю. Длинный хвост ударил по бокам несколько раз, отчего досталось и мне, сидящей верхом, а потом кот поднялся на все четыре лапы и встряхнулся, очень эффектно ссадив меня на пол.

Оказавшись на ступеньках, я громко шмыгала носом и размазывала по лицу слезы, а поняв, что влага на щеках и не думает пересыхать, снова уткнулась в колени и опять заплакала, только тише.

Зверюга отреагировал на новые всхлипывания тем, что запрыгнул на алтарь позади меня, растянулся поверх плиты и, опустив лапу, мягко шлепнул по голове. Учитывая размер лапищи, досталось ещё шее и плечу, а мои растрепанные волосы зацепились за спрятанные коготки.

Я вынуждена была отвлечься от душевных терзаний, чтобы перехватить натянувшуюся прядь и попытаться ее освободить, поскольку

барс принялся вылизывать лапу и зажевал волосы.

Только их отцепила, как шершавый язык прошелся по щеке и уху и снова утянул длинную прядь в розовую пасть.

– Ты и в таком виде не упускаешь случая подразнить?

Действия кота окончательно переключили мысли на насущные проблемы – как не остаться без волос – и я снова потянула их обратно, а он приплюснул мои руки лапой к алтарю.

– Знаешь, игры – это хорошо, но у нас разные весовые категории, – принялась убеждать несносного котяру, стараясь теперь вытащить ладони, – ты раз в десять больше и тяжелее.

Едва вытянула, как зверь поднялся во весь свой немалый рост, демонстрируя, что все, сказанное о нем, правда, и спрыгнул. Сошел с возвышения, обнюхивая ступеньки, потом оглянулся, посмотрел на меня и направился к пролому в стене.

– Кериас, подожди, – я бросилась следом, испугавшись, что оборотень надумал уйти, оступилась и рухнула прямо на усевшегося барса. Зверь чуть пригнулся, потом извернулся, вытянул шею и прикусил мою руку. Со стороны выглядело пугающе – тонкая кость, сжатая белыми клыками. Стиснет зубы чуть сильнее и точно перекусит, однако снежный кот держал бережно и совсем не проявлял агрессии. Только минуту спустя я сообразила, что наступила на длинный пушистый хвост, и быстро убрала ногу.

– Извини.

Белоснежный кончик недовольно подмел каменную плиту, после чего кот снова встал и ловко просочился сквозь небольшое отверстие наружу.

Я поспешила следом, спотыкаясь и хватаясь рукой за каменные препятствия, по которым ловко перебежал мой мохнатый спутник. Приходилось продираться сквозь кусты, обходя лужи и перепрыгивая канавы. Для кота путешествие не представляло труда, а вот я запыхалась и утомилась, когда ведомая им дошла до городской стены.

Здесь сохранились остатки сторожки и отчетливо виднелись очертания заделанного проема, кругом росли низкие деревца, лежали камни, но человеку перебраться по ту сторону было невозможно.

– Я не перейду туда, – сказала запрыгнувшему на очередной валун хищнику, – могу выйти только через городские ворота, но они далеко.

Зверь вскочил на толстую ветвь низкого деревца, ловко балансируя на ней и переступая лапами, вплотную подошел к каменной кладке.

– Кериас, я не переберусь, слышишь?

Он обернулся, посмотрел на меня, дернул ушами, затем вдруг

непостижимым образом развернулся на узком пяточке и прыгнул обратно на высокий камень. Я подошла ближе, а барс опустил голову и позволил погладить себя между мягкими ушами.

Не удержавшись, обняла его за шею и зарылась лицом в густой мех. Он пах можжевельником и опавшими листьями и щекотал кожу. Глубоко вздохнув, прижалась еще крепче и замерла так на несколько минут. Лишь большим усилием воли заставила себя выпустить покачивающего хвостом хищника, который терпеливо перенес непрошеную ласку.

– Ты приходил попрощаться, да? – на глазах снова выступили слезы. – Или же почувствовал гибель императора и потому вернулся в город? Пожалуй, второе, я права? Собственные следы привели тебя в разрушенный храм, ведь иных мест, наверное, не помнишь, а внутри храма ты нашел меня.

Голова поникла, но я торопливо отерла соленую влагу с ресниц.

– Спасибо, что не дал замерзнуть, согрел, что не держишь зла и... – Откашлявшись, попыталась продолжить, – не хочу, чтобы ты уходил. Даже если суждено навсегда остаться зверем, пусть будет так. Лишь бы знать, что ты где-то есть, что живешь. Маг сказал, недолго осталось, – задавила горький всхлип, – но я не хочу верить ему. Знаю, что правда, но не хочу верить.

Показалось, будто кот вздохнул.

– Ты выглядишь таким крепким, полным сил, даже шерсть блестит и переливается. Конечно, я совсем не разбираюсь в ликанах, но радостно видеть, как ты дурачишься и играешь. Вот император действительно походил на больного, а ты... – Нет, у меня не вышло закончить фразу, а ещё эти слезы все текли и текли из глаз, мешали говорить.

Кот фыркнул, ткнулся лбом в грудную клетку, щекотно обнюхал мое истерзанное платье и заворчал, почувствовав чужой запах, а потом попытался сунуть нос в карман плаща. Понятно, что он туда не пролез, но барс принялся активно выкусывать заинтересовавшую его вещицу.

Я отстранилась, чтобы запустить пальцы в небольшое углубление, извлекла на свет, сотканный из золотых нитей, илонит и уставилась на брошь.

– Светлые боги! Откуда?

Я помнила, что покинула спальню императора, боясь даже оглянуться напоследок. Когда же успела захватить с собой волшебную вещь? Подробности никак не желали вспоминаться. Сосредоточившись до такой степени, что заболела голова, я припомнила, как по пути к дверям императорских покоев наступила на что-то. Раздался хруст, и, подпрыгнув

от испуга, я склонилась и заметила под ногами что-то блестящее. Но как я это что-то схватила и сунула в карман совсем не помнила.

– Кериас! Он же дарит силы и здоровье, так маг сказал.

Задумалась, как старик использовал магическую вещь, и на ум пришло воспоминание, что он снимал брошь с оголенного плеча владыки. Судя по форме – гладкой с обеих сторон и без застёжки – илонит должен был сам держаться на теле.

Положив руку на шею барса, я притянула того поближе, в волнении приглядываясь, куда можно прицепить нужный и полезный артефакт.

– Это тебе пригодится, – твердила я фыркающему и вертящему головой коту, который, выказывая протест, умудрялся следить за моими действиями с любопытством истинной кошки, – вдруг поможет, Кериас. Ну не вырывайся же, пожалуйста.

К моему горькому разочарованию, илонит ни так, ни этак не желал цепляться к звериной шерсти. Возможно, он служил только человеку. От отчаяния я бросила брошь на землю и снова уткнулась лицом в грудь барса. Тот уселся на камень с поистине царским выражением на морде, явно демонстрируя, что позволяет все эти нежности и сантименты исключительно из чувства кошачьего превосходства.

– Прости, – я погладила его по голове, а потом прижалась щекой к квадратному носу, – даже здесь не в состоянии помочь.

Очевидно, барс счел, что вытерпел достаточно, поскольку опустил шею и, пятясь, вытащил голову из моего захвата. Затем он развернулся и перемахнул на ветку, с нее на крышу приземистой заброшенной сторожки, а оттуда в невероятном прыжке переместился прямо на верх городской стены. Замер, оглянулся, помахал хвостом и, наклонившись, поскользился лапами по обратной стороне, пока не исчез из поля моего зрения.

– Кериас! – до слуха долетели удаляющийся хруст и шорох, а я подбежала к заграждению, приложила к нему ладони и задрала голову. Ждала, что он все же вернется, но ликан ушел. Ни через пятнадцать минут, ни через тридцать, ни даже спустя час он так и не появился.

Помнится, раньше я мечтала, чтобы главный имперский дознаватель оставил меня в покое или вовсе забыл о моем существовании, и теперь мечта осуществилась, но легче от этого не стало. После всего случившегося я желала, чтобы Кериас остался живой и невредимый и не в облике дикого кота, однако не зря говорят, прежде чем загадать, хорошенько обдумайте, того ли вы хотите.

Встреча с пострадавшим из-за меня мужчиной, который несмотря ни на что пришел и обогрел, вырвала из кошмарного состояния, в каком

находилась после страшной ночи, и словно встряхнула. Я вспомнила, что у меня остался единственный родной человек, который всю жизнь обо мне заботился. Я не имела права сдаваться и бросать его сейчас, когда так тяжело было смотреть в собственное будущее.

Мне требовалось забрать отца из лечебницы, и не только потому, что оплатить пребывание в таком месте было не по силам, но также из-за гибели императора. Пусть я была не виновата в ней, а о моем визите в апартаменты владыки этой ночью знал лишь погибший маг, но не следовало искушать судьбу.

Склонившись и подобрав со злости выброшенную брошь, я сжала ее в ладони, молясь, чтобы с папой илонит сработал, иначе я обрекала отца на медленную и мучительную смерть. Вернув волшебную вещицу в карман, по положению солнца определила, что наступил полдень. Мне следовало торопиться в лечебницу, пока весть о безвременной кончине правителя не облетела всю столицу, а вслед за тем всю империю.

Меня разбудил шум на улице. Тихонько поднявшись со старой скрипучей кровати, я подошла к окну и выглянула наружу. Ряд низких домов напротив закрывал обзор того, что творилось в ближайшей подворотне.

– Задерни занавески, дочь, – раздался голос отца.

Я послушалась и поспешила вернуться в постель. Две недели прошло с момента, как я забрала папу из лечебницы, но сразу покинуть столицу мы не смогли. Хотя приложенная к плечу брошь пристала мгновенно, а после выпуклые линии стали вровень с кожей, превратив украшение в золотистую татуировку, однако отец был еще слишком слаб. Илонит возвращал силы медленное только три дня назад папа впервые поднялся с постели и сам прошел по комнате без моей поддержки.

Поселились мы в небольшой гостинице, не самой дорогой, но в спокойном районе города.

Именно по этой причине меня так встревожил звук драки и звон разбитых стекол. В столице становилось все беспокойнее день ото дня, ходили слухи, что за пределами города в небольших поселениях также нередки волнения, и когда они выльются в вооруженные конфликты, оставалось делом времени.

После наступления сумерек я не покидала гостиницы, а днем ходила в основном на рынок или в иные места неподалеку, вроде обувной лавки. Один раз пришлось поехать почти в центр, именно там находился имперский банк, а мне понадобилось снять деньги со счета, чтобы продлить наше пребывание ещё на одну неделю. Несмотря на относительно

недорогую цену временного пристанища, проживание в столице обходилось недешево, в этом заключалась ещё одна из причин, отчего мы решили уехать.

В тот день я не смогла добраться сразу до банка, что-то случилось на дороге впереди.

Извозчик высадил меня, объяснив, в какую сторону лучше отправиться, чтобы быстрее достичь нужного места. Я совсем не ожидала, что дорога будет проходить мимо ажурной витой ограды знакомого мне особняка. На долю мгновения замерла рядом с воротами, разглядывая скрытый купами деревьев роскошный дом, а потом торопливо отвернулась и так быстро постаралась миновать резиденцию дор Харон, что сбила по дороге идущую навстречу девушку.

– Простите, – я помогла ей подняться и тут же узнала свою бывшую горничную.

– Леди Миланта, – раскрасневшаяся Кэти прекратила отряхивать платье и в волнении схватила меня за руки, – это вы!

– Здравствуй, Кэти, – я постаралась, чтобы голос не выдал моего волнения.

– Как вы? Где живете?

– Да все хорошо, Кэти.

– А вас тут искали.

Сердце тревожно забилося.

– Искали?

– Да, приказчик милорда Кериаса. Особняк велено закрыть, а мы должны прибрать, порядок навести, за это всем слугам обещали выплатить наперед за целый месяц, ну а после отправимся искать новую работу. Приказчик хотел передать вам какие-то бумаги от милорда.

– Мне? От милорда?

– Он оставил для вас письмо, леди Миланта. Если вы подождете немного, то я принесу.

– Кэти, я... Хорошо, я подожду.

Девушка улыбнулась и побежала к калитке. Я наблюдала, как вышедший из сторожки привратник отворил для нее дверь и как горничная торопливо направилась по аллее к дому.

Ждать пришлось недолго. Вернулась она быстро, неся в одной руке белый конверт, а в другой кожаный чехол.

– Вот, – отдуваясь, проговорила девушка, ставя свою ношу на землю, – это письмо для вас,

– она протянула неподписанный конверт, – а здесь я вам несколько

платьев положила. Приказано выбросить эту красоту, но жалко ведь.

Я покачала головой, порыв горничной вызвал на лице слабую улыбку. Судя по размерам чемодана, Кэти попыталась уместить в нем почти все подарки Кериаса. Развернув письмо, я вчиталась в ровные строчки, выхватив из общего содержания основной смысл.

«Согласно устному договору между сторонами, леди Миланте отходит купленный на ее имя дом, а также сумма, положенная на банковский счет, в размере...»

Дальше перед глазами все расплылось, поскольку я увидела цифры той суммы.

– Приказчик просил передать, что если удастся вручить вам письмо, он будет ждать встречи в своей конторе. Здесь карточка в конверте есть, – не замечая моего состояния, пояснила Кэти.

Кажется, я ответила кивком, продолжая оцепенело вглядываться в послание. Зато бывшая горничная расценила это как согласие.

– Я вас провожу, леди Миланта. Негоже одной ездить по городу.

Не особо вслушиваясь в то, о чем лепечет девушка, я по третьему кругу перечитывала послание. Устный договор, дом, деньги... Светлые боги!

Не успела оглянуться, как Кэти уже усадила меня в открытый экипаж и протянула вознице карточку с адресом, которую беспрепятственно вынула из моей руки.

Помню, что окончательно очнулась после слов: «Вы идите, леди Миланта, я в приемной подожду», – а мне уже вежливо открыли дверь кабинета. Улыбающийся секретарь пропустил в средних размеров комнату, с массивной лакированной мебелью и стенами, обшитыми потемневшими панелями. Кабинет приказчика Кериаса сразу же ставил посетителей в известность относительно его владельца: надежность и стабильность на протяжении длительного периода времени. А если судить по портретам с ярко выраженными фамильными чертами, ещё и преемственность выбора в пользу одной профессии.

– Леди Миланта, – сухонький старичок поднялся из кресла и отвесил церемонный поклон, при этом его цепкий взгляд ухватил все существенные детали в моей внешности и манере поведения, – милорд вас так и описывал, прошу, располагайтесь.

Мне не очень хотелось располагаться, поскольку без Кэти я бы точно сюда не поехала, но теперь не имело смысла идти на попятный.

– Вы прибыли одна?

– С горничной, – мой ответ, как ни странно, вызвал благосклонный

кивок приказчика и его еще более благосклонное замечание, – весьма предусмотрительно. Молодым и красивым леди не стоит выходить на улицу в одиночестве особенно в вечернее время. Нынче в столице неспокойно.

– Действительно, – я машинально поддержала беседу.

– Гибель императора явилась полной неожиданностью.

– Да.

– В подобные времена самое страшное – это полнейшее безвластие. Ныне там, во дворце, не могут разобраться, кому передать трон. Вы слышали, что в княжествах, на которые делится наша великая империя, особенно в самых крупных то и дело вспыхивают волнения? Князья баламутят свой народ, каждый уже мнит себя будущим императором. Говорят, во дворце почти ежедневно получают депеши о том, почему такой-то светлейший князь является прямым наследником престола.

– Правда? Я не знала.

– В столице периодически возникают беспорядки. Дом имперского сыска остался без главного дознавателя, и хотя его заместитель весьма неплох, но, замечу, не обладает хваткой милорда. С этим, наверное, нужно родиться. Как считаете?

– Определенно.

– И смутьяны в это время не дремлют. Вы, должно быть, очень волнуетесь за господина Кериаса?

– Конечно.

– Понимаю.

– Что стало поводом для вашего послания? – я чувствовала себя очень неуютно, беседуя с этим живым и активным старичком с очень пронизательным взглядом.

– Ну как же... Ах, вас смутило, что я стал действовать сейчас, когда милорд исчез?

– Примерно.

– Дело в том, что воля господина Кериаса сформулирована подобным образом. В случае его исчезновения вы должны получить все причитающееся по заключенному между вами устному соглашению. Здесь не идет речи о гибели, как в завещаниях о разделе имущества. Подобные формулировки хоть и весьма редки, однако встречаются. Учитывая, что прошло немало времени с момента последнего появления милорда в столице и местонахождение его не установлено, несмотря на активные поиски, пришла пора выполнить волю клиента. Надеюсь, я изъясняюсь понятно.

– Да, вполне.

– Прекрасно. Итак, давайте опустим прочие отступления. Я вижу, вы немного нервничаете, вас, бесспорно, ждут дела. Постараемся закончить со всеми формальностями поскорее. Вам, – он вытащил из стола пачку бумаг, – нужно поставить несколько подписей на документах, чтобы получить дом и деньги в полную собственность. Итак, прошу вас...

– Извините, у меня вопрос.

– Да, мадам?

Приказчик с вежливой и вместе с тем бесстрастной улыбкой истинного стряпчего, который немало повидал на своем веку, смотрел на меня, попутно вытягивая нужные бумаги.

– Я могу отказаться?

– Прошу прощения?

– Могу отказаться от этого, эм, наследства?

– В данном случае, леди Миланта, я не имею возможности связаться со своим клиентом, а значит должен исполнить возложенные на меня обязательства. Распоряжаться этим приобретением вы вольны по своему усмотрению.

– Поняла. Тогда я подпишу бумаги.

Приказчик улыбнулся и снова зашуршал листами, сложил их в аккуратную стопочку и подвинул ко мне.

– Благодарю. Только меня интересует еще вот что, какие документы следует подписать, чтобы передать все деньги на благотворительность?

Молчание в ответ было еще более многозначительным, чем вопрос типа: «Я не ослышался». Видимо, первое желание отказаться от дара Кериаса приказчик не воспринял всерьез. Однако когда я заговорила о конкретных формальностях, старый приказчик заметно растерялся. Он пытался сохранить прежнее невозмутимое выражение лица, но его брови так и норовили изогнуться в непритворном изумлении.

– Кхм, леди. Значит, благотворительность?

– Да.

– А вы не хотите все хорошенько обдумать?

– Я уже обдумала.

– Э, как вам будет угодно. А вы решили, куда именно перевести данные средства?

– Я желаю учредить благотворительный библиотечный фонд в том самом, завещанном мне, доме.

– Что же, – старичок потянулся к колокольчику, – велю секретарю подготовить новые бумаги. Однако хотелось бы уточнить о цели подобного

учреждения?

– Здесь станут собирать все редкие экземпляры книг и старинные рукописи, а для их сохранности нужно организовать лучшую охрану, на уровне защиты королевского дворца. Работающие на фонд люди будут от его имени отправляться на поиски и выкупать те уникальные образцы, которые смогут отыскать.

– Значит, библиотечный фонд письменных редкостей?

– Примерно так. Ведь сколько необычных книг сейчас разбросаны по просторам империи совершенно разрозненно, в личном хранении или по разным библиотекам и академиям? А многие их хранители даже не понимают написанного, ведь старые рукописи часто шифровались. Помимо этой работы, фонд также будет оказывать помощь любому человеку, связанному с библиотечной работой. В будущем, возможно, удастся создать сеть из всех существующих ныне библиотек, объединить данные о них в нашем учреждении, тогда еще проще станет помогать всем обратившимся не только финансово, но и при устройстве на работу. Хотелось бы также объединить данные обо всех школах библиотекарей и поспособствовать их развитию. Ведь наша профессия очень сложна, хотя подобный труд ценится невысоко, особенно если не посчастливилось окончить престижную школу или устроиться в крупном городе.

– Сложна, мадам? – стряпчий, как и многие другие усомнился в моих словах.

– Безусловно. Вот вы, как приказчик, обязаны все знать о современных законах и их толковании, но какой смысл изучать уже отмененные правила или устаревшие? А мы должны иметь общее представление обо всем, в этом суть правильной систематизации. Ведь книги могут быть написаны на самые различные темы. Отчего-то считается, что работа библиотекаря – это расставлять потертые томики на полках, а попутно запоминать и пометать карточкой, что и куда поставил. Верная систематизация информации – одно из самых непростых занятий, более того, библиотекари – одни из самых просвещенных людей империи. Мы знаем почти все шифры, что использовались прежде при написании старинных рукописей. Мы изучаем древние языки и различные эпохи, отличительные черты каждой, чтобы иметь возможность отнести ту или иную книгу к конкретному периоду, облегчив ее прочтение и толкование другими людьми. Мы обязаны уметь восстанавливать старые тексты, которые почти истлели или же находятся в непригодном состоянии.

– Понимаю, леди.

Приказчик коротко поклонился. Видимо, мои слова затронули нужные

струны в его душе. Признаюсь, о работе я всегда говорила со страстью.

– Вы могли бы помочь мне организовать нечто подобное?

– Желаете, чтобы я занялся устройством? Ваше решение в целом весьма необычно, за всю практику еще не приходилось сталкиваться с чем-то подобным, а потому мне будет интересно попробовать.

– Благодарю. Мы составим договор, согласно которому вы сможете распоряжаться финансами.

– Только как ваш поручитель. Даже при безграничном доверии к кому-либо не позволяйте людям полноценно заменять вас на выбранном поприще. Работа стряпчих тоже нелегка, знаете ли, – улыбнулся он мне, – мы точно так же учимся разбираться в людях, как вы в книгах.

Я согласно кивнула в ответ.

– Прошу, изучите бумаги, прежде чем подписать.

Я снова склонилась над белыми гербовыми листами, просматривая пункты завещания, пока одна строчка не привлекла внимания.

– Извините, – отвлекла я сосредоточившегося на составлении новых документов приказчика, – здесь написано: «Помимо всего вышеперечисленного, в пользу и владение упомянутой леди переходят вещи, которыми она пользовалась во время проживания в резиденции дор Харон».

– Все верно. Я прекрасно помню эту необычную и не слишком конкретизированную формулировку. Вы имеете полное право забрать все личные вещи, что ни в коем случае не будет расценено как воровство. Некоторые мужчины частенько отказывают прежним избранницам в подобном праве, забирая свои подарки обратно. Однако в нашем случае этот спорный момент сразу исключается.

– Действительно, интересная формулировка, ведь не написано просто «личные вещи», а уточнено «которыми она пользовалась».

– Вы хотели бы взять что-то, не относящееся к понятию вещей личного пользования? – проницательно заметил старичок.

– Дело в том, что чаще всего в резиденции дор Харон я пользовалась книгами, доставленными для меня по приказу господина Кериаса. Могу ли забрать их себе, согласно этому пункту?

– Вы желаете перевезти их в новый фонд, я прав?

– Да.

– Что же, леди, – он почесал подбородок, – вышеупомянутый пункт действительно расширяет ваши возможности, согласно ему, перевоз книг не будет расценен как нарушение или же попытка присвоить чужие вещи. Вы в своем праве. Позвольте отметить, как мне приятно иметь дело с

образованной женщиной, способной обращать внимание на такие мелкие детали.

– Благодарю, – я немного зарделась от похвалы и продолжила читать ещё с большим вниманием.

Домой я вернулась, когда на улице начало темнеть. Кэти ехать с собой не разрешила, опасаясь увозить ее в наш район, откуда горничной пришлось бы возвращаться одной. А у дверей гостиницы возница вдруг снял привязанный позади кареты багаж, о котором я совсем позабыла. Пришлось поднимать его в комнату, так как бросать подаренные Кериасом вещи на улице не позволила совесть. Впрочем, увозить их с собой или получать за их продажу какие-то деньги я не собиралась. Как бы там ни было, а кроме книг, представлявших не только интерес, но и несущих определенную опасность из-за содержащихся в них сведений, пользоваться иными дарами Кериаса я не хотела. Проще всего было вернуть мадам Амели ее чудесные наряды с приложенной благодарственной запиской. Ведь вещи были практически новыми и совершенно уникальными.

Отец еще не спал, дожидаясь моего приезда, и, едва преступив порог, я принялась рассказывать обо всем, что приключилось со мной за этот длинный день.

Папа оставался единственным человеком в мире, чье мнение я очень ценила и уважала, потому было крайне важно узнать его взгляд на мое эмоциональное решение. Оно, несмотря на видимость, далось мне очень нелегко.

Бывает ли кому-то просто отказаться от денег и обеспеченной жизни особенно в период смуты и волнений? Ведь деньги – залог стабильности. Однако я все же не пошла на сделку с совестью, а папа выслушал мои признания совершенно спокойно. Он знал обо всей истории и четверых ее участниках, исключая меня, из которых в живых остался снежный барс. О том, что ритуал уже взял свое за минувшие две недели и Кериаса больше нет на свете, я не могла даже думать, предпочитая заниматься самообманом.

– Ты подписала бумаги? Деньги более тебе не принадлежат, верно?

– Ни деньги, ни дом. Приказчик настоял сделать меня главным распорядителем фонда и оставить за мной право принятия важных решений. Я всегда смогу запросить любую информацию по работе, притоку новых книг, найму служащих. Могу вносить коррективы и давать согласие на оказание благотворительной помощи, а также поручать личному помощнику осуществлять это от моего имени. Я предложила эту должность

Кэти, поскольку мы с тобой планировали покинуть столицу. Она будет сообщать обо всем, мы станем поддерживать переписку, чтобы я могла помогать, а стряпчий Кериаса, со своей стороны, объяснит все детали работы.

– Очень неплохо, дочь. Прежде не слышал о подобных организациях в нашей стране, неплохая задумка.

– Ты не осуждаешь меня, папа? Я могла устроить тебе сказочную жизнь, отблагодарить за те непростые годы, когда ты тратил собственное здоровье, подрывая его на работе, ради моего будущего. Подаренной Кериасом суммы хватило бы не только нам двоим, но и последующему поколению.

– Осуждаю? Миланта, я сам воспитал тебя такой: независимой и принципиальной. Учил всегда иметь собственное мнение без оглядки на суждения других людей. Ты знаешь ответ на свой вопрос, а если сомневаешься, спроси себя: «Сколько человеку нужно денег для счастья?» Ты можешь ответить? Нет? А я могу. Зависит от человека, дочь. Не деньги несут счастье, а то, для чего мы их используем. Я никогда не гонялся за монетами, я ценил свободу и провел жизнь отлично. Ты уже позаботилась обо мне, когда раздобыла эту магическую брошь. Силы возвращаются, а более ничего не нужно. Было бы здоровье, Миланта, и желание стремиться вперед, к новым открытиям.

– Спасибо, – на глазах выступили слезы, – спасибо.

– Я знаю тебя хорошо и должен признать, он поступил достойно, оттого ты ощущаешь свою вину еще острее. Это плата за возможность снять с души неподъемный груз, но, Миланта, ты судишь себя строже всех. Я помню твой рассказ о гранях. По твоим словам, влиянию подобной силы ни один человек из ныне живущих не смог бы противостоять. Чистая энергия, абсолютная мощь – это слишком для слабых сущностей, ведь мы не живем в абсолютном черно-белом мире. Чистая справедливость без оглядки на чувства может оказаться слишком жестокой. Не будь столь сурова к себе.

Я присела на кровать, обняла отца очень крепко, потом отстранилась и заглянула в родное, но неожиданно быстро состарившееся лицо:

– Папа, ты говорил, нам лучше как можно скорее покинуть столицу. Сегодня приказчик тоже упоминал об опасной ситуации в городе. Теперь это центр раздела власти и сфер влияния. Если у тебя уже достаточно сил, чтобы отправиться в длительное путешествие, не лучше ли поехать завтра? Помнишь, ты говорил о своем друге?

– Помню, – улыбнулся отец, – он живет в чудесном месте, у подножия

гор. Какие места, какая природа! Спокойный и тихий городок. Ты вряд ли вспомнишь, в то время ты была ещё очень мала, а я слишком полон сил, чтобы остаться, но в старости мечтал вернуться именно туда. Давай, отправимся завтра, дочь. Я смогу выдержать дорогу.

– Мы не будем спешить. Я просмотрела маршрут, по дороге немало мест, где можно остановиться на ночлег и отдохнуть. Моих сбережений хватит на вполне комфортное путешествие.

Отец похлопал меня по руке и повторил:

– Я справлюсь, выезжаем завтра, дочь.

ГЛАВА 15

На следующее утро, оплатив счет и попросив хозяина отправить мой чемодан с вещами по адресу мадам А мели, я усадила папу в наемный экипаж, который должен был вывезти нас за ворота до ближайшей пересадочной станции. Укутала ноги отца пледом, а его самого в теплый плащ, помогла вознице с нашим нехитрым имуществом, приобретенным мной на рынке, устроила корзину с едой под сидением, а сама села на облучок, чтобы не мешать папе отдыхать и оставить ему больше свободного пространства. Возница тронул, и мы покатали по мостовой, оставляя позади дома столицы, пока впереди не показались массивные городские ворота.

Застава встретила многочисленной толпой. Все что-то гомонили, а стражники громко отвечали, стараясь перекрыть торговцев, рабочих и прислугу состоятельных путешественников.

Я не могла разобраться, что происходит, пока мы не подъехали ближе. За дополнительную монету возница согласился нырнуть в толпу, а после принес не самые утешительные известия.

– Согласно приказу временного правительства, покидать столицу сейчас небезопасно.

Светлые боги! Неужели опоздали?

– Говорят дам маги, – почти шепотом закончил заметно побледневший мужчина.

– Где маги?

У меня похолодело в груди.

– Слышали вы или нет? – возница запрыгнул на облучок и склонился ниже, – давно слухи ходят, будто ворота закрытого города разрушены, а маги вырвались наружу. Кто-то говорил, они начнут с ближайших городов, а кто-то заявлял, что в столицу отправятся. Видать, последнее правдой оказалось. Там люди в толпе утверждают, почти добрались они сюда. Потому стража всех выезжающих образумить пытается, только и ожидают приказа, чтобы все ворота запереть и город на осадное положение перевести.

– Это означает, что нас здесь закроют! Но ведь не единственная дорога ведет из столицы, что же маги все проезжие пути заняли? А проселочные? По проселочной можно проехать? Давайте попробуем подобраться ближе, кого-то стражники выпускают. Нам очень нужно уехать.

– Они самых ярых желающих и выпускают, кто чуть ли не с кулаками бросается, – заявил возница и собрался продолжить, наверное, желая пояснить, что сам подставляться не хочет, однако не успел. Откуда-то издалека донесся раскат грома, люди по инерции вскинули головы к небу, но среди ясной синевы не было даже намека на облачко.

А дальше случилась паника.

– Идут! Маги там, на дороге!

– Закрывай ворота!

– Налегай!

Началось настоящее светопреставление, визги, гомон, давка. Кто-то кинулся помогать стражникам запирать окованные металлом створки, остальные бросились прочь от ворот. Лошади ржали, коляски сталкивались друг с другом.

– Маги, маги идут, – кричали вокруг.

Впряженный в нашу повозку конь тоже испугался и заржал, пятясь и взбрыкивая задними ногами. Возница пытался его успокоить. Повезло, что мы находились дальше от центра событий, поскольку дошло до того, что некоторые повозки перевернулись. Люди стаскивали сундуки и чемоданы, пытаясь чуть ли не баррикады строить и не имея возможности вырваться из плотного кольца, в которое сами же себя и загнали.

На воротах опустился мощный засов, а гомон вокруг стал потихоньку стихать. Непроизвольно каждый из присутствующих старался затаить дыхание, желая расслышать, что происходит по ту сторону городской стены.

И вот вокруг наступила тишина, нарушаемая жалобным ржанием и фырканьем лошадей, но люди молчали, испуганно глядя на ворота.

Новый раскат грома и меня заставил вздрогнуть.

Светлые боги! Что там? И кто там?

Стук. Он совершенно неожиданно прозвучал. Он отдался в ушах всех, притаившихся с этой стороны, точно издевательство. Почти вежливый, но уверенный удар кулаком по окованной металлом створке.

Возникло почти нелепое желание прошептать стражникам: «Не открывайте». Можно подумать, они сами придерживались иного мнения.

Нервы были натянуты у всех, точно струна. Малейшее прикосновение к ней спровоцировало бы еще большую панику, бегство и давку. Люди могли совсем затоптать друг друга в такой толчее. Особо сообразительные уже сейчас потихоньку отползали подальше.

Из-за повторного стука я поперхнулась и схватилась за деревянное сидение, боясь покачнуться и свалиться на землю. В голове толпились

мысли, одна другой дурнее. Что-то из разряда, а если сейчас не откроем, они все взорвут? Они же маги!

Нелепо предполагать подобное. Зачем магам рушить столицу, в которую они судя по всему настойчиво стремились. Ничего они не стали взрывать, они просто подняли ворота в воздух.

Со скрежетом, лязгом и кошмарным скрипом те оторвались от своих петель и вместе с засовом красиво взмыли вверх. Еще секунду царило полнейшее молчание, пока народ в ступоре наблюдал, как сквозь образовавшийся проем внутрь въезжают спокойные и невозмутимые всадники, с виду, обычные люди. Если бы не красноватое свечение рук некоторых представителей, то и вовсе сложно было догадаться об их принадлежности к волшебной расе.

Мои мысли точно жили отдельной жизнью, не связанной с моими же ощущениями и эмоциями. Они зачем-то принялись просчитывать вероятность беспрепятственного проникновения магов в город. Как мы так оплошали? Закрыли их город на замок, а ворота собственной столицы совсем от магии не защитили? Ведь невозможно!

Тишина рухнула карточным домиком, рассыпалась на панические вопли и крики. Люди рванулись прочь, уже не обращая внимания на препятствия, большая часть которых оказалась телами других людей. Я в ужасе наблюдала за мешаниной, понимая, что многие оттуда живыми не выберутся, как все неожиданно прекратилось. Вот также по мановению чьей-то руки и желанию чужой воли, все, кто пытался бежать прочь, упали на землю и замерли неподвижно.

«Они их убили», – я то ли прошептала это вслух, то ли подумала, прижав руки к побелевшим губам. Сейчас, когда паника резко прекратилась, когда жители города оказались на земле, процессия магов отчетливо предстала моим глазам. Их было не так много, как показалось с перепугу не только мне, но и прочим наблюдателям. Они действительно ехали верхом на лошадях, причем вороных. А плащи их были черными, покрытыми налетом дорожной пыли. У всех капюшоны, закрывавшие головы. Очень эффектно и страшно. Будь их только трое, от испуга в глазах людей и это количество удесятилось бы.

Послушные воле всадников кони медленно переступали на свободные от тел места, обходя упавших на землю. Сундуки и прочие вещи, и даже кареты, сами сдвигались в стороны, формируя проход.

Стражники, которые должны были остановить вторжение, так же как и оставшиеся в стороне от главной давки очевидцы, молча наблюдали за этим неспешным продвижением. Наверное, процессия могла совсем

беспрепятственно доехать до самого дворца, кабы не послание. Все же кто-то из охранников при первом крике о появлении магов догадался возжечь огонь на сигнальной башне.

Когда всадники, которых насчитывалось не более пятидесяти, миновали свалку тел и вещей, а люди неподвижно глядели им вслед, на дорогу, преграждая путь, из-за домов, из подворотен и разветвлений улиц выскочили стражи. Я даже узнала кого-то. Многие из этих людей, обнаживших оружие и с яростными криками преградивших путь магам, находились в свое время в подчинении Кериаса. Сейчас они собирались остановить вторженцев, а я приготовилась к кровавой бойне.

Подобная стычка не могла обойтись без жертв, тем более, когда совсем рядом находились дома простых горожан.

Всадники в черных плащах замедлили движение, а подкрепление все прибывало. Я ужасно испугалась увидеть повторную гибель людей и что сейчас смутно знакомые лица тоже застынут в смертельных масках, упавши наземь. Но маги повели себя странно.

– Остановитесь! – властно закричал предводитель защитников города, седовласый мужчина в мундире имперской охраны. Вероятно тот, кто теперь занял место Кериаса.

Но его призыв оказался лишним. Маги замерли сами, только остановились весьма странно, будто формируя телами некий заслон в форме круга. И все они скинули капюшоны плащей, обнажив головы, и подняли выше руки.

На меня потихоньку накатывало отчаяние, пока я разглядывала решительные лица, вставших вплотную друг к другу чародеев. В основном это были мужчины, молодые или среднего возраста, и только две женщины. Одна, уже знакомая мне, черноволосая красавица с длинной змеившейся до пояса косой, сидела ровно и горделиво, высоко подняв голову, а вторая, пепельная блондинка с распущенными длинными волосами, держалась почти в центре и в тревоге оглядывалась на кого-то.

– Расступитесь, – этот голос прозвучал для всех еще неожиданней магического грома, словно небо рухнуло и придавило своей тяжестью.

Я тряхнула головой, потеряла уши и снова прислушалась. Однако повторного приказа не последовало. Люди в черных плащах освободили дорогу, а высокий всадник, которого они пытались спрятать в центре и на которого так встревоженно оглядывалась блондинка, выехал вперед. Он поднял руку и скинул капюшон.

– Освободите дорогу своему императору! – прозвучали его слова.

Я слышала ахи, видела вытянувшиеся лица, а вокруг так кружило и

качалось, что самого главного и важного для меня лица я не могла рассмотреть. Бедные нервы не выдержали очередного потрясения и упустив из рук опору, я свалилась с высокого сидения на землю.

– Доченька, – отец звал, легонько похлопывая по щекам, – Миланта, очнись.

Я слышала его, но не могла прийти в себя.

– Пропустите, дайте больше места, – раздался не терпящий возражений тон.

– Она упала.

– Повторяю, отойдите. Я лекарь.

Мои глаза принудительно раскрыли, подсветив зрачок, а затем в руку вошла острая игла, и некий, впрыснутый в вену раствор, пробежал горячей волной по телу, выдергивая меня из беспросветного омута.

Я втянула воздух и дернулась, как от удара, а в голове зашумела кровь и пошла носом.

– Пусть полежит немного, голову ей запрокиньте.

Меня придержали руки отца, и я заволновалась, что он выбрался из кареты, а ведь это могло спровоцировать у него приступ головокружения и слабости.

– Возница, помоги устроить девушку со стариком в карете и отвези их домой. Давай возмись с той стороны, осторожней. Ничего не сломано, но сильные ушибы.

Меня подняли с земли и переложили на сидение, отцу также помогли взобраться внутрь, а дверцу захлопнули. Извне донеслись голоса лекаря и возницы:

– Ушибы – это не страшно. Повезло, что не в центр заварухи попала. Вон тем больше досталось.

– Они мертвы, господин лекарь. Собственными глазами видел, как их маги порешили, – клятвенно заявил извозчик.

– Непохожи на мертвецов. Думаю, без сознания. Маги их уложили, чтобы они в давке друг друга не поубивали. Пойду посмотрю, помощь оказать надо, пока другие лекари не подоспели.

– Всего вам хорошего, – кланялся вдогонку извозчик, а когда лекарь удалился на большее расстояние, упрямо повторил, – как есть убили. Магией своей, душегубы.

К моему носу вдруг поднесли нечто с резким запахом, и, мотнув головой, я открыла глаза.

Отец наклонился с сиденья напротив и пытался привести меня в чувство, откупорив бутылочку с нашатырем.

– Папа, – я слабо помотала рукой, призывая его убрать средство подальше, затем попыталась принять вертикальное положение, но передумала из-за резко накатившей дурноты. Противный привкус во рту мешался со вкусом крови, а перед глазами мелькали белые мушки, которых хотелось отогнать. В желудке ощущались неприятные спазмы.

– Ох, напугала дочка, – выдохнул отец, – я из окна видел, как ты упала. Испугался, что маги зацепили.

Без объяснений собственного состояния и уточнений, что в последнее время стала слишком часто падать в обморок, поскольку нервные потрясения без последствий не проходят, я не без труда сфокусировала взгляд на лице бледного и взволнованного отца.

– Я все же сошла с ума, да? Мне, представляешь, почудился его голос в той толпе магов. Он велел пропустить императора.

Папа чуть покачал головой.

– Не сошла, Миланта. Там и был император.

– Папа, – я сдавила голову ладонями, – император умер у меня на глазах.

– Я говорю о втором наследнике, дочь. Ведь ты его голоса так испугалась, что оказалась на земле?

– Нет, – я прошептала эти слова и закрыла глаза, – он там быть не мог.

– Доченька, давай вернемся в гостиницу, ты отдохнешь, а после снова все обсудим.

– Нет, папа, мне нужно сейчас! Ты его видел?

– Я видел милорда дор Харон в окружении пятидесяти магов и видел, как после его приказа расступились посланные остановить их атрионы.

– Ты понимаешь, что он не мог там быть? Помнишь, я говорила о ритуале?

– Помню.

– Папа, это жутко. Неужели ты забыл о деталях, о том, что две дюжины самых сильных магов должны одновременно совершить ритуальное самоубийство, чтобы собрать достаточно сил и возродить к жизни одного ликана?

– Я не забыл, дочь.

Отец говорил спокойно, не споря, не убеждая, но давая мне время самой все осмыслить.

– Это невозможно, – я снова шептала, а из глаз уже катились слезы.

– Зависит от цели.

– Что это за цель? Ты хоть понимаешь? Сильные маги, то есть умудренные жизнью, с определенными знаниями и опытом, чьи-то отцы и

мужья, они разом..., - я не смогла закончить.

– Они спасали своих детей, дочь, спасали тех от вечного заточения. На что не пойдешь ради ребенка, Миланта. Я бы тоже так поступил. Ведь они возродили к жизни не просто сильнейшего представителя магического сообщества, они оживили императора. По праву наследования и праву крови, младший Монтсеррат теперь должен занять трон.

– Папа! – я почти кричала, – он не проживет долго! Отражение не проживет без второй половины души! Зачем оживлять того, кто обречен? Это не Кериас, это самозванец! За две недели маги придумали обман и использовали свои магические силы, чтобы он не раскрылся. Никто не оспорит, ведь те, кто знал про ритуал, мертвы.

– Миланта, не плачь, – папа вновь склонился вперед, погладил меня по голове, – сердце разрывается смотреть на тебя в таком состоянии. Я лишь сказал, что видел. Я узнал милорда, как и остальные. Если он – самозванец, то сходство передано идеально, не считая отдельных деталей.

– Каких деталей? – сердце забилося быстрее, – расскажи, каким ты увидел его?

– Я помню его в должности главного дознавателя империи и видел в последний раз несколько лет назад. Голос и манеры – все сходится. А внешность почти такая же: черные волосы, они стали длиннее, высокий лоб, прямой нос, темные глаза. Выражение лица немного иное. У меня милорд дор Харон всегда ассоциировался с таким насмешником, знаешь, с ехидной улыбкой. А сегодня он выглядел иначе – губы плотно сжаты, лицо суровое, даже жесткое, а над виском белоснежная прядь, очень заметная в черных волосах.

– Что? – у меня едва не остановилось сердце.

– Я сказал, он выглядел суровым...

– Нет! Нет, нет. Прядь?

– Белоснежная.

– Как снег? Белая, белая?

– Миланта, ты сама сейчас блее снега.

– Вернон, – я шептала, и слова самой казались бредом, – Вернон умирал там, в часовне. Он улыбнулся мне на прощание, – слезы мешали говорить, но остановить поток фраз, идущих из глубины сердца, было выше моих сил, – его волосы потемнели, только снежная прядь осталась над виском. Он погиб, а затем я убила Кериаса. И в спальне императора я спросила: «Вы хотите сделать меня отражением?», – а старый маг засмеялся, он ответил, что отсеченная сущность должна быть заменена в момент гибели, иначе становится слишком поздно. Как прижечь рану

каленным железом, сразу же, на живую, иначе не зарастет. Он сказал, что императору не жить, ведь в момент смерти отражения, под рукой не оказалось другой жертвы. А Кериас и Вернон..., он, они живы! Две половины и один мужчина, как прежде.

Я рыдала во весь голос, а бедный отец гладил меня по голове, позволяя выплакаться, и даже не пытался успокоить.

Когда и сил почти не осталось, я заметила, что карета давно остановилась. Возница переминался с ноги на ногу с той стороны, но не заглядывал внутрь, наверное, испытывая неловкость и растерянность, в какую мужчин обычно повергает женская истерика. Когда я замолчала, он решился постучать и чуть приоткрыть дверцу.

– Приехали. Я хозяину сообщил, чтобы вам помогли, если идти пока не можете.

– Мне нужно во дворец! Мне нужно его увидеть и понять, что это не обман. И рассказать все, объяснить про грани, про ту ночь в часовне!

Я металась по комнате, которую хозяин не успел сдать после нашего утреннего отъезда. Здесь по-прежнему стоял чемодан для мадам Амели, который еще не выслали по указанному адресу.

Без лишних слов нам вернули прежние ключи, поскольку возница уже ввел хозяина в суть дела, рассказав, почему мы не покинули город и в красках расписав произошедшее у ворот.

Придя в себя, я тут же преисполнилась лихорадочной активности и теперь бегала из угла в угол мимо вздохавшего отца.

– Дочь, присядь на секунду и объясни, о чем рассуждала в карете? Мне не до конца понятны твои заключения.

– Ох, это непросто. Ведь я читала о зеркальном ритуале, видела многое в гранях, а ещё слышала рассуждения Мясника. Но только боюсь, папа, вдруг это не Кериас? А если маги отыскивали какого-то двойника или изменили внешность с помощью чар? Понимаешь, с одной стороны, объяснилось, почему Кериас в облике барса так хорошо выглядел, а с другой, решиться заплатить подобную цену человеческими жизнями – это безумие!

Отец снова вздохнул, больше не пытаясь призвать меня говорить мало-мальски логично, а не выплескивать сумбурные рассуждения на его седую голову.

Я решила изложить все по порядку, но в этот момент споткнулась о чемодан для мадам Амели и чуть не упала.

– Миланта, – встрепнулся отец.

– Нет, нет, все в хорошо, – я устояла на ногах и принялась тщательно

рассматривать тисненую кожу с металлическими заклепками.

– Мне нужно во дворец, – медленно проговорила вслух, – но смогу ли попасть туда? А вдруг кто-то узнает, кто-то из охраны или иной наблюдатель, случайно заметивший меня в ночь, когда погиб император? А если меня обвинят в его смерти и заключат под стражу?

Подобные мысли преследовали неотступно все две недели после гибели Ириадена, а сейчас обеспокоили снова, как только я решила вернуться во дворец.

– Но ведь есть волшебница, есть мадам Амели. Она поможет, разве нет? Конечно, поможет, только нужно придумать, как ей все объяснить, не посвящая в подробности.

Тут папа вдруг поднялся и, опираясь на трость, медленно направился к двери. Я следила за его перемещением, все еще погруженная в собственные мысли. Оказывается, настолько сосредоточилась, что пропустила стук в дверь.

Помощник хозяина гостиницы, шустрый мальчишка-разносчик, передал папе пузатую бутылку с янтарной жидкостью и, получив в награду мелкую монетку, умчался прочь.

Вернувшись в комнату, отец прошел в угол, где стоял наш обеденный столик, придвинул к себе пустой стакан и наполнил его на одну треть, после чего протянул мне.

– Держи, дочь, придешь в себя, а потом и поговорим нормально.

Я взяла машинально и сделала пару глотков, после чего закашлялась и вытерла выступившие на глазах слезы. Терпкий напиток отборной выдержки обжег горло. В груди разлилось тепло, а напряженные до ломоты мышцы, наконец, расслабились.

– Ох, – я выдохнула, – это же спиртное.

– Только такое средство и есть у хозяина. Он уверял, при душевных расстройствах хорошо помогает. Ты как? Теперь расскажешь толково, что даст визит во дворец?

Пол под ногами показался неустойчивым, пришлось прекратить беготню и сесть на кровать. Отец устроился на своей и приготовился внимательно слушать.

– Нарисуй себе мысленно, – приступила я к пояснениям, – две человеческие фигуры, Кериаса и Ириадена, а теперь проведи вертикальную линию точно посередине. У каждого заштрихуй левую сторону темным цветом, а правую оставь светлой. Это их души, состоящие из двух половинок, крепко связанных друг с другом. В часовне я забрала у Кериаса всю жизненную энергию, практически убив его. В ту же секунду связь

нарушилась, и подселенная половина души, отравленная безумием императора, погибла. Тогда же сработала магия ликанов, и Кериас лишился человеческого облика, а уцелевшая часть ещё живого сознания оказалась в теле кота.

В тот самый миг император ощутил разрыв связей, его слабая часть – здоровая половина души Кериаса – тоже погибла. Тогда он потерял силы, заболел, и если бы не помощь мага, Ириаден мог прожить несколько дней, не дольше. В итоге он все же умер, и я искренне считала, что Кериас в облике барса тоже обречен. Помнишь, я говорила про половинки души – они неполноценны, не могут существовать отдельно друг от друга. Однако я не учла, что в ту же ночь в часовне погиб Вернон. Прежде чем грани окончательно закрылись, впитав энергию и силу убитого стража, часть его сущности проскользнула в тело барса, заполнив собой пустоту и сросшись с покалеченной половинкой души.

Я знаю, что подобное сложно представить. В ситуации с обычным человеком и вовсе невозможно. Однако душа младшего из братьев была разделена еще в раннем детстве, по этой причине родная Кериасу, ещё живая половинка, точно магнит притянула к себе чужую сущность. Если сейчас мысленно нарисовать фигуру человека, то картинка будет такой же, состоящей из двух частей, раскрашенных темным и светлым. Вот почему барс не погиб и был полон сил при нашей последней встрече.

Ну а потом, если верить, что именно Кериаса мы увидели во главе магов, произошло следующее: пытаюсь возродить нового императора к жизни, вернуть ему человеческое сознание и облик, утраченные в момент гибели, маги провели жуткий обряд. Вся освобожденная в результате сила хлынула в Кериаса, его магический резерв заполнился до краев, и началась обратная трансформация. Он снова стал человеком, ещё более сильным магом и, более того, свободным от безумия и совершенно здоровым. Вот.

Я перевела дыхание после долгой тирады, и ощутила, как сильно подрагивают пальцы.

– Понятно ли я объяснила?

– Понятно, дочь, – папа кивнул и раздумывал над моими словами несколько долгих минут, – мне даже ясно, что ради любого другого человека, никто не пошел бы на подобные жертвы. Кериас – законный наследник трона Монтерры, и этим все сказано. Пускай он, как ты упоминала, отражение, но тем не менее пережившее своего создателя. Я также догадываюсь, зачем ты стремишься попасть во дворец, но, Миланта, есть риск, что усилия окажутся напрасными.

– Я все понимаю. Знаю, что меня могут не пустить, могут узнать или

вовсе бросить в темницу. По этой причине я хочу обратиться к мадам Амели. Поверь, она единственная в состоянии помочь, сделать так, чтобы я пришла неузнанной и увиделась с Кериасом. Я даже продумала момент с той черноволосой кошкой. Попрошу у мадам какой-нибудь особый эликсир, помогающий замаскировать запах. Ликаны очень чувствительны, но и обоняние зверя можно обмануть.

– Дочь, все, чего ты хочешь, увидеться с императором, а о том, что он откажется говорить, ты подумала? Нет, постой.

Папа махнул рукой, пресекая мою попытку перебить.

– Один важный момент я запомнил из твоего рассказа о трагедии в часовне. Пускай, как ты говорила, Кериас сделал из тебя приманку, пускай он собирался прекратить ваши отношения через месяц, непосредственно перед выбором фавориток императора. У нас нет доказательств, что он не дал бы тебя в обиду и защитил от брата в случае успешной поимки Призрака. Даже то, что ты получила деньги и дом, не доказательство, а широкий и красивый жест со стороны богатого мужчины, которому это не стоило больших усилий. Важно иное, дочь.

– Что важно? – в ожидании его ответа я ощутила нервозность.

– В тот самый миг, когда Кериас очутился в часовне, первое, что он сделал, как ни странно это прозвучит, попытался вытащить девушку, служившую приманкой. То есть его основным стремлением было уберечь от беды тебя, а уж потом расправиться с Призраком. Будь главной целью желание схватить неуловимого убийцу, защитить брата и себя в том числе, он бы действовал иначе. И проблема в том, дочка, что, с точки зрения нашего нового императора, ты его предала.

– Но я не смогла послушаться приказа, моя воля не справилась с повелением граней.

– Дочь, не плачь. Ответь, он знает, что грани тебе приказали?

– Нет, – я всхлипнула, снова чувствуя, как наполняются слезами глаза и возвращается нервная дрожь, – никто не знает, кроме тебя. Даже Вернон не мог услышать этот приказ, он погиб раньше.

Папа обреченно вздохнул и добавил:

– Просто хорошо подумай, прежде чем примешь решение.

Попасть во дворец, чтобы поговорить с императором? Неплохая идея, совсем неплохая, если судить с точки зрения ее бредовости и невыполнимости. Что тут говорить, если проще ограбить хранилище имперского банка!

Отец просил хорошенько взвесить пришедшее на ум решение, перед тем как приступить к действиям. И в течение последующей недели я

добросовестно проводила разведку нынешнего положения дел. Результат не радовал – во дворец оказалось невозможно попасть. Ни просителей, ни посланников княжеств, ни торговцев – никого не впускали за массивные ворота императорской резиденции. Даже подъемный мост не опускался с тех пор, как Кериас с процессией магов проехали по нему в день возвращения наследника.

Все это донельзя нервировало жителей столицы, а о том, что творилось в деревнях и малых городах, я даже затруднялась сказать. Император вернулся, чтобы исчезнуть из поля зрения. Поговаривали, будто это маги устроили иллюзорное шоу, и брат Ириадена вовсе не выжил, а погиб, как и его кузен. Утверждали, будто только в одном случае запертые в городе магов волшебники могли выйти наружу – если не осталось живых наследников крови хранителей врат. Ходили даже разговоры о штурме дворца, чтобы маги не успели напасть первыми на ни в чем не повинных жителей. Волнения, немного поутихшие с момента триумфального заезда свиты с черноволосым всадником во главе, вновь набирали силу. Я начинала всерьез опасаться, что Кериас действительно был фальшивкой, а не живым человеком. Но отчего тогда маги бездействовали, зачем проникли во дворец, а теперь молча и безвылазно сидели внутри? Что-то искали?

Ответ на вопросы был получен на девятый день, когда всеобщая нервозность достигла апогея. Мы увидели императора.

Я выбралась в город, чтобы как обычно направиться ко дворцу и потолкаться возле ворот, наблюдая за ситуацией и слушая разговоры, но смогла уйти не дальше придворцовой площади, как среди людей вдруг началось грандиозное волнение. Все засуетились вокруг, а потом стали стремительно формировать некое подобие живого коридора. Над нашими головами прогремела торжественная музыка, и распахнулись двери главного храма, располагавшегося напротив дворца, с другой стороны площади. Порыв ветра всколыхнул яркие стяги над каменным крыльцом, а я только сейчас сообразила, что подобные знамена символизировали принятие власти.

Выходит, не предавая огласке время коронации, наш император, следуя традициям, провел в одиночестве ночь у алтаря, а едва первые лучи солнца проникли в храм, сам первосвященник вышел к нему и осенил своим благословением, а после возложил на голову Кериаса венец.

Ступени храма устлала алая коровая дорожка, которая разворачивалась и разворачивалась на глазах изумленных зрителей, удлиняясь совершенно непостижимым образом, пока не достигла опущенного подъемного моста. При новом торжественном рокоте медных

труб на крыльцо вышел первосвященник, развел в стороны ладони, словно стремился объять необъятную площадь и весь народ на ней, и в тишине, наступившей после торжественного вступления, громогласно прокричал:

– Да здравствует император!

Низко поклонившись, он отступил в сторону и замер, а из распахнутых дверей вышел высокий мужчина в богатой белоснежной мантии, отороченной мехом и усеянной драгоценным жемчугом. На его черных волосах с белоснежной прядью в лучах взошедшего солнца сверкал золотой императорский венец. Мужчина приветственно вскинул вверх руки, и толпа восторженно выдохнула, повинувшись пронзительности этого редчайшего зрелища.

– Да здравствует император! – проскандировали люди вокруг меня и закричали от радости, выкрикивая пожелания здоровья и процветания новому правителю империи, а к Кериасу уже подвели вороного коня с роскошной увитой жемчужными лентами гривой.

Император устроился в богато расшитом золотом седле, и когда он проезжал мимо, люди склонялись в поклонах, а взгляд владыки скользил над толпой. На губах застыла легкая отстраненно-величественная улыбка, и конь важно вышагивал по алой дорожке до самых ворот.

Я смотрела со смешанным чувством тоски, радости и боли. Это был он – Кериас. Мне был знаком наклон головы и небрежный взмах руки, когда он сам садился в седло, отослав намеревавшихся помочь прислужников. Я узнала ровную посадку, пока император ехал один, без охраны, минуя впечатленных подданных, а красивая холодная улыбка напомнила о другом человеке.

Когда он проезжал мимо, всего в нескольких шагах от меня, скрытой спинами стоявших впереди людей, я тоже поклонилась, как и все. Невозможно было не впечатлиться величиим момента и не выразить преклонение перед силой нового владыки. Она разливалась в воздухе, как золотистое солнечное сияние, и зажигала восторг в глазах людей, вселяла в их сердца надежду на лучшую жизнь. Конечно, меня он не заметил в такой толпе, да и не мог заметить.

Я наблюдала за величавым всадником, пока он не приблизился к самым воротам, а потом произошло нечто, заставившее сердце испуганно замереть.

Прогредел выстрел. Оглушительный и неожиданный, а его эхом стал панический крик толпы. Кто-то, спрятавшийся за спинами людей, осмелился выстрелить в нового императора. Маги, стоявшие на всем протяжении дорожки и сдерживавшие толпу, даже не успели

отреагировать, вообще никто не успел, кроме одного человека. Император скрестил на груди руки так стремительно, молниеносно, что его движение вышло смазанным и нечетким, а потом он вытянул вверх ладонь со сверкающей на ней пулей.

У меня мир качнулся перед глазами, пока до сознания доходило, что Кериаса пытались убить прямо среди охваченных радостным ликованием подданных. Кто-то осмелился покуситься на жизнь нового владыки. Несмотря на принятые меры, убийца узнал о дате коронации и пробрался на площадь. А в следующий момент император вскинул и вторую руку, и раздался крик. Чье-то тело выдернуло из толпы и вознесло над головами шокированных зрителей, завертело волчком и распяло в воздухе, позволяя всем в подробностях рассмотреть искажившееся болью лицо преступника, который умудрился забыть, что наш новый император прежде стоял во главе всего имперского сыска.

Дело решилось за несколько минут. Прилюдная казнь выглядела ещё суровой обычных методов расправы над государственными преступниками. Огласившаяся истошным криком площадь застыла, наблюдая, как ломается в воздухе человеческое тело, а потом безжизненно падает на алую ковровую дорожку позади невредимого императора. Опустив руки и ухватив побелевшими пальцами повод, наш новый владыка, не оборачиваясь, спокойно продолжил свой путь, а копыта вороного коня процокали по деревянному настилу моста. Алая лента медленно растаяла в воздухе, и маги стройно, друг за другом, устремились за правителем, подхватив по пути останки убийцы. Все скрылись во дворце, ворота захлопнулись, а мост со скрипом поднялся.

Над замершей онемевшей толпой раздался слабый вскрик, который тут же поддержали еще несколько голосов, а потом дружно грянул оглушительный хор: «Да здравствует император!»

– Ой, папа, это было страшно, очень, но так впечатляюще, что глаз не отвести.

– Он знал, – задумчиво протянул отец.

– О чем?

– О том, что покушение будет, поэтому ехал один. Очень умно, иначе нельзя действовать в подобной ситуации.

– Полагаешь, он не мог проявить милосердия?

– Не в том случае, когда покушение произошло на глазах стольких людей, в день принятия власти, в символический час коронации. Кажется, Кериас амон Монтсеррат продумал все свои шаги, начиная со въезда в город. Помнишь, дочка, сперва была паника, спровоцированная ужасом

людей перед магами, а после маги беспрепятственно миновали ворота, показав всем, что проникнуть в столицу для обладающих силой не проблема. Затем никого не убили, напротив, не дали людям навредить самим себе, что тоже было очень показательно.

Когда приехали атрионы, милорд выжидал до последней минуты, и только потом остановил магов, сам выехал вперед, и шокированные защитники города, увидев наследника, его пропустили. Будь они предупреждены, возможно, рассудили бы иначе и не дали вторженцам проехать. Кериас показал, что управляет не только магами, которые повиновались ему беспрекословно, но и лучшими воинами империи, призванными служить законному императору.

Ставку сделали на очевидцев происхождения, на то, чтобы поселить в головах людей эту мысль – новый император – маг, но он способен защитить. А сегодня он продемонстрировал, что произойдет с теми, кто попытается покуситься на жизнь правителя. Явил миру свою силу и мощь, как ты сказала, пугающую и завораживающую.

– Прежде он всегда скрывал свой дар, носил маскирующий аккумулятор.

– Ситуация изменилась, он более не кузен императора, не обладающего магической силой. Слухи будут распространяться, поползут по стране, в города поменьше, о нем начнут говорить с восхищением и страхом. И заметь, сколько магов он привел, всего пятьдесят, это немного. Остальные так и остались в городе, и это еще один жест его могущества – людям ничего не грозит со стороны волшебников, потому что они подчинены и управляемы Кериасом амон Монтсеррат, последним из хранителей врат. Все его появления в толпе выверены до последнего движения, как эффектные и красивые зрелища.

– Такой Кериас пугает, – я не удержалась от этой фразы, а отец с жалостью посмотрел на меня.

– Он теперь император, он пришел занять трон, на который очень много претендентов. Думаешь, даже законному наследнику так просто отдадут власть? Сегодняшнее покушение лишь начало, многие сильные рода в империи давно желают сместить Монтсерратов. Значит, правитель должен быть безупречен, внушать благоговение и ужас, у него нет права оступиться, и, конечно, он не предаст тех, кто отдал свои жизни, чтобы возродить его. Дочь?

– Да? – я внимательно слушала, перебирая подвески кожаного браслета на запястье, неосознанно поглаживая большим пальцем фигуру кота, похожего на барса.

– Ты откажешься от своей идеи сейчас, когда стало понятно, что проникнуть во дворец невозможно? Тебя не пустят к императору даже просто поговорить.

Я понимала папу, его чувства и тревогу за меня, я даже хотела бы отказаться от безумной затеи, пыталась смириться с решением уехать из столицы, уговаривала себя каждую бессонную ночь, что проводила, уставившись в потолок гостиничной комнаты. Мысленно повторяла: «Откажись. Разговор ничего не изменит. Уже слишком поздно». Но противная заноза в груди все колола и колола, не давала откреститься от груза собственной вины и продолжить жить дальше.

– Давай поговорим об этом завтра, папа? Я постараюсь принять самое верное решение.

А завтрашний день изменил все.

– Это мой друг, Миланта, познакомься.

– Энвер, – улыбнулся подтянутый седовласый мужчина, склонившись над моей рукой, – у тебя очаровательная дочь, Роберт.

– Ты прибыл в столицу по делам?

– Я приехал за вами. Я ждал несколько дней, но не получил даже весточки, а потому выехал навстречу.

– Ведь я послал тебе письмо, объяснил, что мы задержались в столице.

– Ничего не приходило.

– Ой, – я виновато прикрыла ладошкой рот, а оба мужчины посмотрели на меня. – Простите. Папа, я забыла отправить твое письмо господину Энверу. Извините, мне очень жаль.

– Ничего, – махнул рукой папин старый друг, присаживаясь к столу, на который я поспешно поставила горячий чайник. – Ничего страшного. Проехался немного до столицы, размял старые кости.

– Четверо суток в пути, должно быть, очень утомительно.

– Я узнал главное, – добродушно улыбнулся Энвер, – с моим старым другом все в порядке, а то я, признаться, сильно волновался, когда вы не прибыли в оговоренный день. Что же, передумали уезжать?

– Нет, – мы ответили с отцом одновременно, а поймав папин вопросительный взгляд, я ответила коротким кивком и вслух добавила, – мне только нужно передать во дворец письмо, а если ответа не будет, тогда можно отправляться.

– Письмо? – улыбнулся господин Энвер и пошутил, – уж не надумала ли твоя красавица-дочь, Роберт, принять участие в императорском отборе?

– В чем?

Мой вскрик напугал нашего гостя. Он в замешательстве переводил

взгляд с моего лица на лицо погрузневшего друга, после чего растерянно пояснил:

– Новый император не отменил указа о проведении отбора, я по дороге в столицу встретил несколько кортежей с претендентками. Слышал, люди говорили, что владыка намерен придерживаться традиций, уже века принятых в империи. Это основа стабильности. Простите, если что-то не то сказал.

– Высшие силы! – я вскочила и подбежала к окну, прижалась лбом к стеклу, устремляя невидящий взгляд на улицу. Папа молчал, наверное, уже догадался о новом, пришедшем мне в голову, решении.

– То есть..., - папин друг выглядел растерянным, – Миланта, вы и правда собираетесь участвовать? Но насколько я знаю, кхм, претендентки назначаются задолго до начала отбора.

Он замолчал, шокированный моими последующими действиями, когда я упала на колени возле кровати и вытащила из-под нее чемодан для мадам Амели. Роскошные наряды падали на простой дощатый пол, устилая его пеной тончайших кружев, газом легких вуалей. Из гущи разноцветных шелков выпала деревянная шкатулка, ударилась застежкой о доски и раскрылась. Ювелирные произведения искусства засверкали яркими камнями, пуская искорки плясать по стенам и низкому потолку.

Господин Энвер молча сидел, раскрыв рот, пока я пыталась упихать украшения обратно. Кто мог подумать, что Кэти уложила их в чемодан! Я ведь его даже не открывала. Ах, Кэти, Кэти!

– Что ты ищешь, дочь? – отец не выдержал моих лихорадочных действий, а его друг поспешно отхлебнул горячего чая и закашлялся.

– Приглашение, папа! Приглашение на отбор. Пока Кериас был в темнице, Ириаден передал его мне с личным слугой. Я решила тогда, что император издевается, сунула куда-то в карман платья, а потом забыла. Оно должно быть среди вещей. Только бы не потерялось... Нашла!

От моего крика оба мужчины вздрогнули. Отец устало склонил голову на руки, а господин Энвер отодвинул подальше чашку, стушевавшись под моим пронизывающим взглядом.

– Вы позаботитесь о папе? – спросила я в лоб. – Мне будет спокойней, что рядом с ним останется человек, которому можно доверять.

– Эм, конечно. Кхм. Извините, Миланта, вы прощаетесь с нами?

Я ему не ответила, перевела горящий взгляд на отца и спросила:

– Ты ведь понимаешь? – и добавила почти с отчаянием, – ты же всегда меня понимал.

Он молча кивнул.

– Спасибо, – я кинулась отцу на шею, в искреннем порыве расцеловала покрытое морщинами лицо, – береги себя, а лучше, уезжай с господином Энвером.

– Я не оставлю тебя одну в столице. Присылай весточки из дворца и... прошу, будь осторожней Миланта. Если ничего не получится, просто уходи и возвращайся ко мне.

– Обещаю папа, обещаю!

– Кто там? – раздался из-за двери томный голос с капризными нотками.

– Мадам Амели, это Миланта. Помните меня? Мы с Кериасом приезжали вместе.

Дверь медленно отворилась, а на пороге возникла как всегда сногсшибательная мадам в полупрозрачном пеньюаре и, склонив голову набок, смирила меня взглядом с ног до головы.

– Что ты явилась в такую рань, деточка? И что ты сделала с моим чудесным подарком? О! Я не могу поверить! Ведь мы соорудили тебе совершенно потрясающую укладку! Ты расчесываешь волосы по утрам?

– Я собиралась в отчаянной спешке, мадам, ведь времени мало. Мне нужно ваше волшебство!

Амели вопросительно изогнула бровь.

– Я хочу стать самой красивой из претенденток в фаворитки, и чтобы меня никто не узнал.

На губах мадам заиграла довольная улыбка.

– Дорогая, да это вызов!

Входная дверь захлопнулась за нашими спинами, оставляя по ту сторону еще спящую расчерченную лучами восходящего солнца улицу.

ГЛАВА 16

Выбор фаворитки императора являлся традицией, принятой в нашем государстве несколько веков назад. Не отменили ее и после принятия новой власти, разве только изменили ряд условий. Но истоки зародились во времена магов. Дело в том, что император, наделенный магической властью, традиционно брал себе жену, когда ему исполнялось тридцать пять лет. Считалось, что это возраст обретения наибольшей силы, которая затем передавалась потомкам. До этого времени владыка не заботился проблемами продолжения рода и вел свободную от супружеских обязательств жизнь.

Правда, разгульные нравы также не шли на пользу трону, а поскольку императоров всегда окружали красивейшие женщины и искушений существовало немало, однажды был придуман отбор. Одна-единственная, выбранная из множества претенденток, занимала рядом с владыкой место, которое позже целиком переходило императрице. Фаворитка сопровождала правителя во время официальных встреч и церемоний, имела свой круг обязанностей и полномочий. Требований к избраннице также предъявлялось немало.

В установленный день в столицу присылали девушек со всей империи, отобранных в каждом княжестве. Самые красивые, очаровательные, образованные, прошедшие жесткий конкурс на местах, они прибывали в императорский дворец.

Так повелось, что век фаворитки зависел исключительно от прихоти императора. Он мог продвинуть в избранницы и свою пассию, позволив ей участвовать в отборе, тогда исход был предрешен заранее. Иногда в нашей империи правили бессменные возлюбленные и удалялись в тень лишь с появлением законной правительницы (порой они умудрялись воздействовать на владыку из этой тени), а иногда девушки менялись с завидной регулярностью, и отборы следовали один за другим.

За время правления Ириадена сменилось две фаворитки. Инесса, самая первая, погибшая трагически, за ней спустя несколько лет появилась другая. Красивая и умная Мириам, она находилась рядом с императором не дольше нескольких месяцев. Затем он выдал девушку замуж и отослал прочь.

Прошло еще несколько лет. Женщин в постели владыки никто не считал, поскольку обычных любовниц не принимали всерьез, а затем

советники настояли на новом отборе. Упирали на традиции, на то, что по завету предков, любому сильному правителю требовалось присутствие мудрой женщины рядом, и не только в постели, но и за ее пределами. Однако до третьего отбора Ириаден не дожил, а Кериас не стал отменять оговоренного заранее события.

На местах уже давно выбрали самых лучших претенденток, дату, с одобрения высших сил, назначил сам первосвященник. Начинать правление с ломки установленных традиций было не слишком хорошей идеей, особенно со стороны продолжателя великой династии. Уже того, что Кериас оказался магом, было более чем достаточно.

Ну а для меня появился отличный шанс проникнуть во дворец, увидеть императора, попытаться поговорить с ним и тихонько исчезнуть. Отбор также был прекрасным прикрытием и объяснением для мадам Амели. Мне требовалась помощь волшебницы, но раскрывать ей реальное положение дел я бы не рискнула. Сказала лишь, что надеюсь вновь вернуть расположение милорда, что мы рассорились перед тем, как почил прежний император, а наследником престола объявили Кериаса. Желание остаться неузнанной я объясняла опасением препятствий, которые станут чинить остальные претендентки, узнав о моем прежнем «особом» положении, и стремлением сразить оригинальной задумкой владыку.

Произнося отрететированные заранее слова, придуманные в течение ночи, я молилась, чтобы волшебница приняла все за чистую монету, а желание извлечь из помощи потенциальной фаворитке собственную выгоду, убедило ее оказать услуги в счет будущей оплаты. Я потому упрашивала ее сделать меня самой красивой, чтобы и тени сомнений не возникло, буду в самом деле хочу участвовать в отборе.

Как бы там ни было, мадам сделала ставку на меня и занималась «будущей фавориткой» лично, не зовя на помощь девочек. В доме Амели я провела все время до самого вечера, а затем мадам подвела к зеркалу, развернула к нему лицом, и я потеряла дар речи.

Раньше я была куколкой, а кем стала теперь?

Амели превосходно знала свое дело, она была мастером и просто волшебницей. Я просила сделать так, чтобы меня не узнали, и просьбу она исполнила в точности – я сама с трудом узнавала себя в зеркале. Точно на белом холсте, бывшем когда-то моим настоящим лицом, нарисовали совершенно новый образ.

– Передавайте от меня самый низкий поклон его императорскому величеству, – улыбнулась модистка.

– Мадам, – протянула я в ответ, но это же, это... Непередаваемо!

– Дорогая, чтобы остаться неузнанной, существуют два способа: стать самой невзрачной и неприметной или же настолько яркой и неотразимой, что тебя попросту не с кем будет сравнить. Второй выбор для нас предпочтительней.

– Спасибо, – я вела кончиками пальцев по лицу, вглядывалась в изумрудные глаза и касалась тугих колечек ярко-рыжих локонов, – сколько это превращение может...

– Ты хочешь заговорить о цене? Прекрати! Вырви сердце императора из чужих цепких пальчиков, а потом приглашайте меня во дворец на чай.

И она улыбнулась в своей неповторимой покровительственно-обольстительной манере и озорно хлопнула в ладоши.

– Вуаля, дорогая, пора отправляться. Отбор начинается завтра.

– Но я просила...

– В этой сумочке все, о чем ты просила. Духи, чей аромат затмит твой собственный и сделает тебя ее привлекательней, а также маленький подарок от меня. Добавишь пару капель в чай и станешь самой уверенной женщиной на свете. Ненадолго, но ощущения следует запомнить. Поверь, самая красивая женщина та, кто уверена в своей неотразимости.

Ох, как же мне было страшно! Очень, очень страшно.

Напряженно сжимая дрожащие пальцы, я наблюдала за потоком разряженных в дорогие одежды девушек, постепенно исчезающим за высокими воротами дворца.

Впускали только претенденток и только при предъявлении белоснежных карточек с императорской печатью. Сопровождающие пытались возмущаться. Не раз и не два звучали угрозы в адрес стражей, недовольные выкрики, попытки оспорить четкий указ. Ответ всегда был один: «Вход лишь для участниц отбора».

Роскошные экипажи вынужденно разворачивались и отъезжали, уступая место следующим, а девушки выходили из карет, нагруженных сундуками с богатыми нарядами, и как были, в дорожных платьях, протискивались в отворенную калитку мимо замерших по ее бокам атрионов. Начальник назначенной группы дворцовых стражей протягивал руку, принимал белоснежную карточку, изучал печать и позволял пройти.

Я добралась до дворца в кебе и жутко переживала по дороге, что меня откажут впускать, раз прибыла не как остальные, без кучи слуг и сундуков. Претендентки явно настраивались на длительный отбор и в ужасе узнавали, что сегодняшний день единственный, а вечером всем девушкам, за исключением одной, придется возвращаться в свои княжества.

– Ваше приглашение, – оборвал поток мыслей бесстрастный голос, и я в изумлении воззрилась на невысокого стража. Сама не заметила, как добралась до ворот, бесконечно размышляя о собственных страхах. Мгновенно узнала сероглазого мужчину, уже виденного мной прежде. Он когда-то подносил стакан с водой в библиотеке и говорил, что мне повезло понравиться Зверю. Жутко растерявшись, принялась беспомощно обшаривать карманы, абсолютно позабыв, куда положила злосчастный листок. Атрион ждал терпеливо, устремив на меня равнодушный взгляд, и не узнавал.

– Вот, – выдохнула приглушенно, старательно меняя голос, – и протянула в дрожащей руке приглашение.

Страж склонился, внимательно посмотрел на печать и отступил пропуская.

– Разве мы не увидим императора до отбора? – уточнила у оказавшейся рядом миловидной светловолосой особы, которая нервно теребила в руках кружевной платочек. Очередь из двадцати девяти девушек, а именно столько княжеств было в нашей империи, выстроилась на всем протяжении длинного коридора, ведущего в огромную Зеркальную залу, традиционное место проведения отбора. Я шла тридцатой по счету и тоже якобы представляла мелкое княжество с названием Снежное. Его выдумал сам Ириаден и собственной рукой добавил в длинный список претенденток. На моей белоснежной пригласительной карточке теснились золотые буквы «избранница из...» и далее следовало название места. А внизу, рядом с императорской печатью, стоял оттиск золотой снежинки.

– Нет, не увидим. Вы можете себе это представить? – ответила, приглушив голос до шепота, светловолосая девушка. – Это даже не отбор, а какой-то смотр, точно на параде. Как же мы блеснем своими талантами? Как успеем очаровать императора?

– Он выберет с первого взгляда. Так тоже бывало, – ответила стоявшая позади меня темноволосая и очень высокая красавица.

О! Это было сильнейшее разочарование. С подобным подходом к выбору фаворитки у меня практически не оставалось шансов на беседу с глазу на глаз.

Блондинка проигнорировала произнесенные высокомерным тоном слова, поскольку чужое мнение не совпало с ее, и снова обратилась ко мне, как к наперснице по несчастью. Выражение моего лица в тот момент как нельзя лучше подтверждало правильные выводы девушки – ощущала я себя самой несчастной на свете.

– А вы из какого княжества? – уточнила она.

Прочистив горло и откашлявшись, негромко ответила:

– Из Снежного.

– Правда? – удивилась претендентка, и я решила, что сейчас подлог раскроют, но юная леди тут же добавила, – я о нем где-то слышала. А чем оно знаменито?

– О, у нас там... много снега и все... любят читать.

– Как интересно, – вежливо произнесла блондинка и тут же встрепенулась, устремив взгляд на отворившиеся высокие двери. Голос мажордома громко объявил: «Леди, прошу входить».

Одна стена Зеркальной залы сплошь состояла из высоких окон, вторая, за нашими спинами, из зеркал, а с двух других сторон оказались двери. И если через первые прошли мы, то вторые были до сих пор закрыты.

Построились девушки в том же порядке, в каком нас впускали во дворец, и со стороны действительно напоминали атрионов во время парадного смотра.

Похоже, Кериас решил соблюсти традиции, но в своей излюбленной манере, привнеся в торжественный обряд толику насмешки.

Громкий стук ознаменовал приход вовсе не императора, хотя девушки мгновенно оживились, позабыв о возмущении и недовольстве, и вытягивали шеи, в надежде разглядеть над головами остальных своего вождя. Оказалось, что вслед за нами сквозь двери, ведущие в коридор, вошла высокая и представительная дама со списком в руках.

Молча она двинулась вдоль всего ряда, и от ее строгого взгляда я еще больше оробела.

Почетная статс-леди, в чьи обязанности входило свериться со списком претенденток и объяснить нам условия, ввела в курс дела с помощью нескольких фраз:

– Опустите головы! – велела она, и не повиноваться такому тону оказалось невозможно. – Поднять сможете лишь тогда, когда к вам приблизится император. Сперва вы поклонитесь и только потом имеете право посмотреть на владыку. Если он почтит вас кивком в ответ, вы и есть избранница. Это все!

Закончив короткую речь, она торжественно удалилась к запертым противоположным дверям и замерла возле них, а в огромной зале установилась такая тишина, словно напуганные, но хранившие в сердце робкую надежду, девушки боялись даже вдохнуть.

Не знаю, как остальным, а мне становилось все больше не по себе. Еще в коридоре состояние ухудшилось настолько, что я вытащила из дарованной мадам сумочки припасенный флакончик и опустошила его,

вылив в себя все зелье храбрости. Конечно, Амели называла его эликсиром уверенности и советовала принять всего несколько капель, но пока даже ударная доза волшебной жидкости мне мало помогла. Возможно, действовала очень медленно или из-за расшатавшихся нервов эффект оказался слабее. Я даже допускала мысль, что без этого флакончика могла упасть в очередной обморок, а так стояла вполне ровно и дышала через раз.

Не помню, упоминала ли Амели, на какой период было рассчитано действие эликсира, однако спустя полчаса я почти перестала дрожать. Остальные девушки тоже сохраняли спокойствие, но то и дело кругом раздавались шепотки, а некоторые леди украдкой переступали с ноги на ногу и тяжело вздыхали. Зато вздрогнули абсолютно все и очень единодушно, когда запертые двери внезапно распахнулись. Не было ни звуков фанфар, ни громогласных выкриков: «Да здравствует император», – но его приход ощутили все. Точно аура в зале изменилась, заискрила и задрожала, напитавшись чужой силой.

Как по команде мои соседки опустили глаза, а окруженный личной охраной владыка вошел в комнату. Свита осталась позади, но двери не закрывали, чтобы любопытные придворные могли заглядывать внутрь над головами друг друга и рассматривать претенденток. Светлейший правитель приступил к осмотру нашей длинной шеренги начиная с противоположной от меня стороны. Я оказалась слишком близко к двери, ведущей в коридор, и где-то пятой или четвертой с конца. И пришлось ждать с замиранием сердца.

Он шел, минуя девушек одну за другой, практически не замедляя шага, лишь иногда задерживался возле очередной претендентки чуть дольше нескольких секунд. А когда девичье сердечко начинало биться быстрее в ожидании благосклонного кивка, означавшего исполнение сокровенного желания, повелитель двигался дальше.

Он подходил ближе и ближе, и я почти протерла ткань новой юбки, стискивая ее в ладонях со всей силы. И вот шаги замерли возле меня...

Я поклонилась, помня о наставлениях, стиснула зубы и, уповая, что эликсир мадам позволит выдержать испытание до конца, медленно подняла глаза на императора.

Он меня узнал!

Невероятным образом разглядел за чужим идеальным лицом с совершенными чертами, созданными самой волшебницей, за огненными кудрями и изумрудными глазами, цвета весенней зелени. И за точеной фигуркой соблазнительной нимфы с формами, намного более выразительными, чем дарованные мне природой, благодаря особому

пошиву сочно-зеленого платья. Он даже не мог ощутить моего запаха, его скрыл шлейф тонкого аромата, неуловимого и заманчивого, подобного флеру над волшебным цветком. Не понимаю как, но он угадал за этим совершенством меня, хотя я не двигалась, не говорила и не выдала себя ни единым жестом.

Узнал.

А я убедилась, что маги не совершили подмены. Мужчина, стоявший напротив, являлся истинным императором, не фальшивкой, не подделкой и не обманом, сотворенным сильнейшей магией.

Его ресницы, брови, черные густые волосы, отличные от прежних лишь белоснежной прядью над виском. Его темные глаза, равнодушно-холодные до момента, когда наши взоры встретились.

И лицо Кериаса с чужим, застывшим на нем выражением легкой скуки и презрения.

Я дернула ладонью в неосознанном желании прикоснуться к его щеке, а устремленный на меня взгляд потемнел, уголок сжатых губ едва заметно опустился и пальцы дрогнули, будто хотели сжаться в кулаки. Мне на одну секунду показалось, что он махнет рукой, подзывая стоявших за спиной стражей, и укажет в мою сторону: «Схватите убийцу».

Он ничего не сказал и не кивнул, он просто шагнул мимо.

Когда-то, несколько жизней назад, он заметил невзрачную Мышку, а красавицу мадам Амели миновал, точно пустое место.

В груди закололо, вокруг потемнело, словно сумрак опустился на залу, заменил яркий льющийся в окно дневной свет. Кериас знал, что погиб по моей вине, но он не помнил о гранях, он не помнил ничего, способного оправдать меня в его глазах. В таком случае разговор был бесполезен.

Я наблюдала, как он дошел до конца ряда и в ответ на поклон последней претендентки вдруг склонил голову. Небрежно, без улыбки, точно утомленный зритель в переполненном душном театре, а потом отвернулся и твердым решительным шагом устремился к дверям.

Покрасневшая, задыхающаяся от счастья девушка покачнулась, но ее приняла в свои руки статс-леди. Она подхватила новую фаворитку под локоток и потянула за собой к выходу, где уже исчез император.

– Девушки, – оглянулась она напоследок, – благодарим, что приняли участие в отборе. Проследуйте за слугой в обеденную залу, для вас приготовлен праздничный обед. Подкрепите силы перед долгой дорогой.

И она скрылась за резными дверями, уведя окрыленную счастьем избранницу.

Я не отправилась за погрустневшими девушками на праздничный

обед, мне больше нечего было делать во дворце. Правда, и свободно бродить по нему никто не позволил. Стоило отбиться по дороге от группы претенденток, как ко мне тут же подскочил молодой слуга и, небрежно поклонившись, уточнил, куда леди изволит идти.

– Я ухожу из дворца, – не стала разводить церемоний, но меня опять же одну не пустили, а вызвались сопроводить до самого выхода.

С появлением нового императора меры безопасности в резиденции ещё более усилились, хотя я не понимала, с чем это связано. Кругом стояла весьма мощная магическая защита, Кериас сам когда-то рассказывал о ней.

Мы шли по светлому коридору, отдаляясь от шумного сборища, как вдруг из боковой двери нам навстречу вышла девушка. Это оказалась та самая платиновая блондинка, которую я видела рядом с императором в день его возвращения.

Она скользнула по мне мимолетным взглядом и сдержанно поинтересовалась у поклонившегося с куда большим почтением слуги: «Отбор закончен?»

– Да, госпожа.

Услышав подобное обращение, точно перед ним находилась хозяйка дворца, я внимательней присмотрелась к стройной и симпатичной блондинке. Она ответила таким же оценивающим взглядом и уже желала отвернуться и продолжить свой путь, когда все-таки не выдержала и почти ровным тоном произнесла:

– Выбор состоялся?

Слуга низко склонил голову, а девушка почему-то не отрывала глаз от меня. Будь на ее месте дама постарше, которая умела лучше контролировать свои эмоции, я бы никогда не дождалась прямого вопроса:

– Это вы?

Искренне поразившись ее предположению, в первый момент даже оглянулась, полагая увидеть за собой избранницу, но девушка намекала именно на меня.

– Нет, – развеяла все опасения застывшей в напряжении магички.

– Почему же вы здесь, а не с остальными? – не пожелала она принять на веру мои слова.

– Я покидаю дворец.

Девушка заметно расслабилась и, кажется, перевела дух, взглянув на меня более благосклонно.

– Не буду задерживать.

Она развернулась и пошла прочь, а слуга вознамерился вести меня дальше, но мы не успели дойти до конца коридора, как были снесены

настоящим вихрем. Придерживая юбки длинного платья, навстречу спешила черноволосая кошка. Я невольно затаила дыхание и замедлила шаг, не на шутку испугавшись, что эта дама явилась по мою душу и живой из дворца не выпустит. Даже задалась вопросом, а не закончилось ли действие духов Амели, но брюнетка промчалась мимо, не удостоив и взглядом.

– Ана! – послышался позади ее оклик, – Ана, скорей, нужна твоя помощь!

Услышать тревогу в словах кошки оказалось для меня полной неожиданностью, но еще удивительней стало собственное стремительно растущее беспокойство. Дело в Кериасе? Вдруг мое появление вновь что-то нарушило?

– Леди, идемте, – поторопил слуга, видя, что я замерла и смотрю вослед черноволосой женщине.

– Да, конечно, – выдавив слабую улыбку, покорно, но медленно побрела за ним, пока вновь не остановилась.

– Леди?

Провожатый начинал испытывать раздражение, а я не могла заставить себя уйти. Позади раздавались встревоженные голоса, а потом обе женщины стремительно, почти бегом, миновали нас.

– Я вещи забыла, – выдала первую пришедшую на ум фразу. – Не принесете?

– Леди, во дворец не доставляли ничьих вещей.

– Это шляпка была, я ее оставила... оставила вон за той дверью, – наобум указала на одну из дверей неподалеку, – чтобы не потерялась.

Слуга изумленно проследил за моей рукой и ответил:

– Это чулан.

– А? Да? Именно туда и положила.

На меня поглядели, как на ненормальную, а я еще подлила масла в огонь, капризно потребовав: «Достаньте!».

Слегка пожав плечами, вышколенный дворцовый служащий тем не менее подошел к дверце и отворил ее пошире, а потом с безупречно оскорбительной ухмылкой указал на узкое пространство со швабрами и щетками.

– Здесь нет шляп.

– Действительно? – жутко нервничая, что теряю драгоценное время, я быстро приблизилась, заглянула для вида в чулан и по какому-то наитию схватила швабру.

– Леди, это точно не шля...

Договорить он не успел. Я стукнула ни в чем не повинного слугу палкой по лбу, а потом втолкнула дезориентированного мужчину в кладовку и разместила швабру поперек двери.

– Простите, пожалуйста, но мне очень нужно убедиться, что все в порядке. Вас непременно скоро отыщут.

И подхватив юбки, я помчалась в том направлении, где исчезли обе магички.

Запыхавшись и прижимая руку к груди, я на цыпочках перемещалась вдоль до боли знакомого коридора, ведущего к королевским покоям. Впереди приглушенно переговаривались спешащие к императору женщины. Я почти не отставала от них, только держалась позади, возможно, поэтому удачно миновала ещё несколько попавшихся на нашем пути слуг. А собеседницы меня не заметили. Они в сильном волнении спешили к своей цели, не обращая ни на что внимания. Только два раза удалось разобрать из невнятных фраз: «Пришел в дикое бешенство» и «Ты должна его успокоить».

Не знаю, что нашло на меня начиная с момента расправы над несчастным слугой и заканчивая злосчастной секундой, когда преследуемые леди ворвались в апартаменты императора, но они не успели закрыть дверь, как я заскочила следом.

Стоило увидеть их расширившиеся в изумлении глаза и ошарашенные лица, когда я повернула ключ в замке, отрезая императорскую гостиную от широкого коридора, но времени высказаться у дам не оказалось. Из спальни раздался такой душераздирающий крик, что обе мигом рванули к следующей двери и в ужасе застыли на пороге.

Мне виден был профиль блондинки и как она прижала ладони к щекам, выдохнув: «Обратился».

Обо мне уже забыли.

– Ана, – брюнетка ухватила девушку за руку, – ты сможешь, просто не бойся. Тебя он услышит.

Новый визг заглушил остальные слова, а сильнее побледневшая девушка несмело шагнула через порог, дрожащим голосом произнесла: «Кериас», – и через секунду уже рванула обратно.

– Нет! – крикнула брюнетка, уцепив ту за подол. Блондинка растянулась на полу, а черноволосая кошка упала на колени, и обе застыли, не двигаясь, когда в гостиную ворвался огромный разъяренный барс. Его оскаленные клыки и светящиеся жаждой крови глаза могли вызвать сердечный приступ даже у самого стойкого храбреца.

Я прилипла лопатками к двери, а барс уже затормозил, развернулся к

обеим женщинам и, взъерошив шерсть на загривке, чуть пригнувшись, стал красться в их сторону в явном намерении напасть.

Не соображая, что творю, оттолкнулась от двери и подскочила к гигантских размеров коту за мгновение до того, как он рванулся к жертвам. Пушистый хвост, мелькнувший перед глазами, попал в капкан моих рук, и я дернула барса назад, помешав его прыжку.

Выпустить и отшатнуться успела, но зверь чуть не отхватил мне руку. Отдернув пальцы от оскаленной морды, я качнулась назад, а барс настиг через мгновение. Ударил лапами мне в грудь, повалил на пол, и белые клыки сомкнулись на тонком запястье. Мысленно простившись с рукой, приготовилась испытать адскую боль и совершенно позабыла отвести взгляд от хищника. Я не раз слышала, что нельзя смотреть им прямо в глаза, провоцируя на нападение, а сама смотрела, будто загипнотизированная, и даже страха не испытывала под действием зелья мадам Амели.

Давление на руке вдруг уменьшилось. Клыки разжались, и барс опустил морду, обнюхивая лиф платья, мои волосы и лицо. И если эликсир уверенности подействовал не сразу, поскольку его я приняла внутрь, то нестойкие духи мадам, нанесенные еще на входе во дворец, окончательно выветрились во время забега по коридорам. Амели предупреждала, что действие обоих препаратов недолговечно, однако именно этот факт спас мне жизнь. Ощувив знакомый аромат, барс встряхнулся, шерсть на загривке опустилась, и кот вдруг плюхнулся на меня всей тяжелой мохнатой массой, выдавив из груди почти весь воздух.

— Ваше величество, — я просипела, надеясь, что голос на него тоже подействует, — вы меня раздавите.

Подействовал. И не просто, а совершенно волшебным образом, поскольку облик снежного зверя вдруг смазался, и я оказалась на полу под распластавшим меня на нем обнаженным мужчиной.

Император резко приподнялся на руках, точно мое тело имело свойство обжигать, и взгляд стал таким... Я сразу поняла, что мужчину боюсь намного больше снежного зверя, даже под влиянием зелья храбрости.

— Что она здесь делает? — простой вопрос, заданный ну очень спокойным тоном, а ответить никто не смог. У меня язык прилип к небу, а у остальных, наверное, дар речи отнялся. И ведь невзирая на щекотливость ситуации, даже мысль в голову не закралась, будто император находился в неподобающем положении или виде. У владыки мускул на лице не дрогнул, его совершенно не заботило, нагой он или в королевской мантии, а

растеряны оказались именно мы, лихорадочно подбирая слова в надежде все ему объяснить. Уникальная манера заявлять себя хозяином положения в любой ситуации.

И когда он поднимался, то так уверенно вздернул на ноги заодно и меня, используя женское тело вместо мантии, что я не пискнула в знак протеста. Мало того, даже не возмутилась, ощутив поперек груди тяжелую руку и осознав себя тесно прижатой к голому императорскому торсу.

– Эвелин, как вы допустили, чтобы она попала во дворец? – вновь спросил Кериас, обращаясь, вероятно, к брюнетке.

Необычным казалось выполнять роль некоего заслона, в то время, как разговор шел о моей персоне.

– Кто она? – бледная женщина сверлила меня глазами, а ноздри ее трепетали, будто кошка принюхивалась. И вот секунду спустя я была уже счастлива служить мантией, плащом или иной формой одежды, потому что взгляд брюнетки вспыхнул.

– Она! – три буквы и ни одного гласящего звука, но это слово кошка именно прорычала. – Миланта!

Мое имя тоже можно произносить с рыком. Я ошибочно полагала, будто оно звучит слишком мягко.

– Кто?

Если черная кошка вся подобралась, но еще стояла на месте и предпринимала невероятные усилия, пытаясь сдержать трансформацию, то блондинка разительно менялась прямо на глазах.

Девушке, чье положение оставалось загадкой, было известно мое имя, однако сей факт удивления не вызвал, а вот реакция магини оказалась более показательной. Волосы Аны заискрились, глаза сузились и недобро блеснули, изящные ногти превратились в когти, а тонкие руки взлетели вверх прежде, чем я сообразила, что магиня не в силах контролировать выброс разрушительной энергии.

Сотни иголочек сорвались с ее пальцев и устремились к моему лицу.

Ладонь Кериас взметнулась вверх быстрее, чем мой мозг осознал опасность, и послужила щитом, в который вонзились длинные иглы, прошив его насквозь. Острые кончики замерли в нескольких сантиметрах от глаз, губ, подбородка, сформировав ощеренный контур моего лица на тыльной стороне мужской руки.

Он вздрогнул, я ощутила только потому, что контакт между нами оказался слишком тесным. Магиня и кошка вряд ли заметили перемены и едва ли поняли, что ему больно. Владыка лишь слегка тряхнул ладонью, отчего иголки посыпались вниз с легким звоном и растаяли, коснувшись

пола.

– Ана, – произнес он мягко, с нежными, успокаивающими интонациями, – Анетт, не злись.

Имя ее прозвучало чуть приглушенно, интимно, точно котик промурлыкал в ушко. У меня мурашками покрылась спина, а у той, к кому обращался Кериас, вмиг исчезла ярость из глаз. Мужчина дезориентировал ее одним лишь голосом.

Руки девушки опустились, волосы вновь рассыпались по плечам платиновыми волнами, а симпатичное личико вспыхнуло от смущения и растерянности.

– Ана, – я с трудом сдержала дрожь, хотя он обращался не ко мне, а магиня качнулась вперед, розовые губки приоткрылись, словно в ожидании поцелуя, румянец очертил не только щеки, но и скулы и точеную шейку, взгляд затуманился поволокой нежности и желания. Девушка напряженно прислушивалась, ловя каждое слово.

Никогда прежде не сталкивалась с подобным воздействием и не знала, что особое звучание голоса в сочетании с приглушенным тоном могут лишиться самообладания, или что звуки способны ласкать, подобно чутким пальцам, ладоням, губам. Наверное, вылететь из его уст не чужое, а мое имя, я тоже позабыла бы о прежних намерениях и застыла, подобно очарованной блондинке.

– Помоги мне.

Голова совсем пошла кругом. Чарующий голос раздавался слишком близко, над самым ухом.

– В той комнате осталась девушка. Выведи ее. Проводи к магу Илирию. Ей нужно внушить, что все произошедшее – сон, и ее, как и прочих фавориток, отправили домой. Ты сделаешь это для меня?

Она завороченно кивнула, я, кажется, тоже. Затем Ана медленно направилась в спальню, а вскоре вытащила в гостиную упирающуюся визжащую девушку, насмерть перепуганную и взъерошенную. Она поволокла ту прочь, с легкостью преодолевая сопротивление, словно фаворитка весила не больше котенка.

Едва раздался первый женский крик, как император напрягся, а рука на моей груди придавила к его телу так, что пришлось втягивать воздух быстро и маленькими порциями, иначе бы задохнулась.

И почему она не замолчит? Зверь терпеть не может криков. Я помнила это по себе, по тому происшествию в часовне, когда рыдала, уткнувшись в шерсть барса. И сейчас ужасно испугалась нового обращения в разъяренного снежного кота. Однако трансформации не произошло. Кериас

опустил голову, прижался лицом к моим волосам, жадно глотая воздух, перемешанный с запахом аретерры, и стоял неподвижно, пока Ана не утащила невменяемую фаворитку за дверь.

Мы втроем несколько минут не двигались, а затем брюнетка мягко скользнула в спальню и вернулась, неся в руках белоснежную мантию. Плавными скользящими шагами приблизилась к Кериасу и протянула ему одежду, а в моем теле отпала надобность.

Владыка отстранился, накинул мантию и, обогнув меня, прошел к креслу. Устроившись с комфортом, окинул нас обеих хмурым и задумчивым взглядом.

Впрочем, кошка рядом со мной не задержалась. Возможно, опасалась утратить контроль, подобно блондинке, а потому быстро отошла к владыке, без спроса подняла с подлокотника его руку и покачала головой.

– Разрешешь извлечь?

Кериас искоса взглянул на нее и усмехнулся уголком рта.

– Разглядела?

– Я знаю, что ледяные жала так просто не выходят из тела, ты сбросил лишь кончики, торчавшие наружу. Оставшиеся внутри сейчас разъедают плоть. Позволишь?

Он кивнул, устремил отстраненный взгляд в окно и плотно сжал челюсти, пока кошка колдовала над его рукой. Я наблюдала, как рвутся наружу прозрачные острые иглы, вспарывая кожу, окрашивая кровью руку владыки, и ощущала нарастающую дурноту. Тошнотворное зрелище, от которого почему-то не могла отвести взгляда, пока брюнетка не замотала пострадавшую ладонь извлеченным из кармана платком.

– Почему ты не использовал щит? – тихо спросила Эвелин.

– Он мог отбросить Ану с такой силой, что переломал бы ей кости, – пояснил Кериас, продолжая отрешенно рассматривать что-то за окном.

А я наблюдала за ним, подмечая удивительное сочетание былой насмешки над всем, что других повергало в ужас, с презрением к боли и обстоятельствам, ломавшим волю всех прочих людей.

Это мешалось в нем со спокойной отстраненностью, уверенностью в собственных словах и поступках, свойственными Вернону. За бесконечные годы служения граням эти черты стали неотъемлемой частью стража, а теперь передались императору.

Прежде болезнь, с которой Зверь боролся с рождения, накладывала отпечаток на его движения, жесты, поступки, придавала ему нервозности, зажигала в глазах лихорадочный блеск и грозила выйти из-под контроля. Она создавала колоссальное внутреннее напряжение, из-за чего вокруг

Кериаса словно возникала полоса отчуждения, преступать которую никто не желал. А теперь он избавился от проклятия и словно обрел истинную суть, настолько гармонично вплелись в его характер черты другого человека. Спокойная сила мага ощущалась особенно отчетливо в моменты, когда он безупречно владел собой, разливалась вокруг владыки ощутимой аурой величия. Ириаден подавлял собственной властью, а сила Кериаса, напротив, притягивала.

Только его разум остался прежним, холодным, ясным, просчитывающим вероятности и дальнейшие шаги. Ум опытного имперского дознавателя, который не подчиняется эмоциям, а привык замечать факты и строить дальнейшее поведение исходя из собственного понимания реальности.

Я, как и прежде, оказалась не в состоянии понять, что же Кериас решил для себя в моем отношении, какие выводы о моем появлении во дворце сделал, но уходить не торопилась. Раз все же попала к императору, стоило предпринять попытку объясниться. Поэтому стояла молча, не вмешиваясь в беседу и дожидаясь подходящего момента.

ГЛАВА 17

– Так что произошло? – подпер подбородок Кериас, искоса взглянув на брюнетку.

– Если хочешь узнать по порядку, то после злосчастного отбора, когда ты вернулся в покои жутко злой, я сразу отправилась за Аной. Очень надеялась, что мы успеем и обращения не произойдет. Я даже предположить не могла, кто стал причиной этого. Не думала, будто ей хватит наглости явиться сюда.

Брюнетке с трудом удавалось сдерживаться, поэтому в мою сторону она не смотрела. Зато Кериас изучал пристально, но, услышав последнюю фразу, слегка отвернул голову.

– Девушку, избранную фавориткой, поселили в смежных комнатах. Разве никто не предупредил ее, что не стоит являться к императору без приглашения?

– Прости, – кошка даже подскочила с подлокотника, на котором устроилась, болтая ногой и пристально созерцая профиль владыки, – я не передала этих пояснений статс-леди, поскольку слишком торопилась, а она, видимо, не спешила объяснять девушке ее истинного положения. Фаворитка всерьез решила, что должна пройти к тебе?

– Видимо, – Кериас чуть прищурился, и я с трудом подавила желание переступить с ноги на ногу, ощущая себя лишней в этой комнате. Однако удалиться никто не велел.

– И окончательно вывела тебя из себя, верно?

– Она заметила частичную трансформацию, как проявились когти и клыки, а ты знаешь реакцию людей на подобные вещи. Девушка стала кричать, и дальше провал в памяти.

– Мы с Аной вернулись именно в этот момент.

– И что? – вот теперь Кериас пристально и требовательно взглянул в лицо взволнованной кошки.

– Она ворвалась сюда следом за нами, – речь снова велась обо мне, хотя имени Эвелин не называла, – ума не приложу, как умудрилась добраться до покоев, как проникла во дворец. Я ее не узнала, я даже запаха ее не ощутила. Если бы она не изменила внешность, никогда бы не очутилась здесь. Страже на воротах был дан четкий приказ.

Император нетерпеливо махнул рукой, прерывая эти объяснения и велел переходить прямо к сути, отчего кошка обреченно выдохнула.

– Ана испугалась, – просто сказала она. – Мы обе не ожидали увидеть полную трансформацию и оказаться рядом с разъяренным зверем. Она сделала попытку, но та девчонка не переставала голосить, а кот пытался выцепить ее из-под кровати. Услышав призыв Анетт, он бросился к ней. Я предупреждала, нельзя бояться, но она не совладала с собой.

– И? – просто уточнил император.

– И она схватила тебя за хвост, – указала в мою сторону брюнетка, а мне даже жарко стало от такого пояснения и от внезапно нахлынувшего осознания собственного поступка.

– И что ей за это было? – словно уточняя некий посторонний момент, полюбопытствовал владыка.

– Зверь вцепился ей в руку, а потом замер, проверяя, – тут из груди кошки вырвался еще один горький вздох, – она не испугалась.

– И барс признал ее? – резюмировал Кериас.

– Да, – брюнетка опустила голову, словно подтверждая собственную вину.

А император поднялся на ноги и приблизился ко мне. В отличие от взгляда снежного пушистого красавца, в которого я, кажется, искренно влюбилась, пристальный взор, знакомый с первого допроса, всегда удавалось выдерживать с большим трудом. А в этот раз я и вовсе не смогла, потупилась и стала изучать носки туфель, ощущая, как он медленно обходит по кругу, запоминая новую внешность, делая какие-то свои выводы.

– Таким образом, вторая ипостась предпочла своей паре, прошедшей ритуал единения, человеческую аретерру, – все так же отстраненно рассуждал Кериас.

– Не вини Ану за это. Никто из современных ликанов не умеет обращаться. Девушка не сталкивалась с огромными зверями, в которых сильны не разум, а инстинкты. Она растерялась в первый момент. И позже не смогла совладать со своей силой, когда признала в этой комнате твою убийцу. Только по этой причине напала.

– Не стоит объяснять, – прервал Кериас, – я знаю это сам.

Я ощутила быстрое движение, легкий рывок и разворот, и вновь оказалась лицом к лицу с повелителем. Он окинул меня быстрым взглядом и выпустил, будто принял окончательное решение.

– Объяви остальным, что император изменил свой выбор, остановив его на другой кандидате.

– На ней? – кажется, кошка отказывалась верить своим ушам, впрочем, как и я.

– Что тебя удивляет?

Кериас говорил и действовал спокойно, но я вдруг снова ощутила его напряжение. Словно это последнее решение стоило ему немалых усилий. Будто после напоминания кошки он вновь признал во мне убийцу, и все прежние чувства рванулись наружу. Его рот скривился, а мне почудилось, что боковые резцы, чуть выглядывавшие наружу, слегка удлинились. Император стремительно отвернулся и вновь отошел к высокому полукруглому окну.

– Удивляет? Помимо того, что эта женщина хладнокровно убила тебя, используя твою же защиту?

– Да, помимо этого, – легкая насмешка в голосе, расслабленная поза, но чувство чужого напряжения не отпускало меня. А потому я все ещё не решалась вступать в спор, а тем более уточнять, будет ли император интересоваться моим мнением насчет принятого решения. Ведь ответ был закономерен. Иначе зачем я явилась на отбор фавориток, как не с целью стать избранницей?

– Помимо этого у меня возражений не найдется.

– Вот именно!

Кериас развернулся стремительно и сжал ладони, пряча отрастающие когти.

– Ситуация такова, Эвелин, и не мне тебе объяснять, что без аретерры нет шансов. Ана прошла со мной обряд, стала моей парой, но теперь зверь отверг ее, как более слабую. Я заперт здесь, в собственном дворце, потому что не умею контролировать обращения, потому что не сросся со второй ипостасью. Я единственный из ныне живущих ликанов обладаю этой способностью. И некому поделиться опытом, передать знания, а потому приходится учиться самому.

Ты знаешь о волнениях за пределами столицы, знаешь, что княжества объединяются под началом Иннеи, а по стране ходят слухи о безумии нового императора, о его связи с магами, об опасности, нависшей над страной. В этих условиях я не могу показывать слабость, не могу отступить, иначе для чего люди, с родственной мне кровью, убили себя? Я обязан показать, что традиции будут соблюдаться неукоснительно и для людей ничего не изменится. Монтерра, процветающая во времена Ириадена, и дальше останется сильной империей. Послы от княжеств в ожидании, шпионы и убийцы рыскают вокруг дворца. Дипломаты других стран надеются на обещанную встречу с владыкой и не покидают столицу. Все желают присмотреться, сделать собственные выводы, донести своим правителям. Пока я окружен сторонниками, но остальным только дай

повод.

А теперь представь, что я выйду на эту встречу и какой-то момент заставит потерять самообладание. У всех на глазах я обращусь в гигантского рассерженного барса. Добавь к этому вероятность, что зверь кого-то растерзает, и можешь ставить крест на всех планах, которым не суждено воплотиться в реальности на мечте о новой империи, где маги и люди живут вместе.

– Кериас, – кошка позвала тихо, с мольбой в голосе, словно призывала его успокоиться.

Эвелин, как и я, ощущала его напряжение. Оно витало в воздухе, давило на его плечи грузом сделанного выбора. И каждое слово, произнесенное императором, раскрывало для меня целую пропасть проблем, которые ему предстояло решить.

Иннея – старейшее и самое крупное, процветающее княжество, давно выдвигало свои претензии на престол Монтерры. Хотя ни разу не было доказано, будто это иннейцы провоцировали дворцовые перевороты. Сейчас же угроза оказалась реальной как никогда.

Кериас остался со сторонниками, способными предать и переметнуться к сильнейшему. Только маги были его опорой. Ослабевшие за века заточения потомки великих волшебников, они сами цеплялись за него, как за единственную надежду. И он не мог их предать.

– Кериас, – тихий голос кошки не привел его в чувства, разбуженный, запертый в человеческом теле, зверь вновь поднял голову, зарычал голосом владыки.

Как прежде боролся со сжигающим его мозг безумием, так и теперь Кериас пытался совладать с частью себя. Он выбросил руку в сторону, и я ощутила знакомое чувство, будто вокруг талии обвилась широкая невидимая лента. Меня рвануло вперед и бросило в мужские объятия. Щека прижалась к обнаженной мускулистой груди, его руки сомкнулись вокруг моего тела, вновь даря ощущение странной близости, когда мы находились совсем рядом, но очень далеко друг от друга. Он снова дышал мной, снова прикасался, но искренне ненавидел за предательство. Одно воспоминание о нем повергало Кериаса в ярость. Разве сможет однажды преданный, но рискнувший поверить вновь мужчина когда-то простить?

– Я обо всем распоряжусь, – в голосе Эвелин тоже прозвучала усталость. – Ее поселят в смежных покоях, чтобы... – она замолчала, подбирая слова, – чтобы всегда была под рукой.

В новые комнаты меня проводила растерянная и растерявшая всю строгость дама с отбора.

– Вот, леди, надеюсь, вам здесь понравится, – обвела она рукой роскошную спальню, – позже подойдет ваша новая горничная.

Она произнесла положенные слова, совершенно позабыв, что по новому статусу ко мне следует обращаться «миледи». Я же, в свою очередь, не обратила внимания на окружающее великолепие. Появилась возможность обдумать, в какой ситуации оказалась, и пока я настолько терялась в ощущениях, что попросту повалилась на кровать и стала созерцать расписанный фресками потолок.

А потом в гостиной, примыкавшей к покоям новой фаворитки, раздались звуки борьбы.

– Нет! – я узнала голос кошки и успела поразиться тому, что это черноволосое создание судя по всему меня охраняло. От кого – секретом тоже не являлось.

– Пусти меня к ней!

– Ана, успокойся. Усмири свою магию.

– Он ее выбрал!

Голоса долетали через неплотно прикрытую дверь, и я поскорее подтянула к груди подушку, собираясь с ее помощью отгораживаться от ледяных игл.

– Он выбрал! – слезы, отчетливо прозвучавшие в голосе блондинки, полоснули по напряженным нервам.

– Зверь выбрал за него. И прекрати истерику!

– Она его украла! Не вмешайся эта аретерра, и барс бы постепенно успокоился. Он не мог причинить мне вреда. Не будь ее в комнате, и все бы обошлось.

– Ты сама виновата! – я вновь удивилась тому, что Эвелин вдруг встала на мою сторону. – Ты его испугалась, хотя я предупреждала! Нельзя проявлять слабость и страх перед лицом хищника. Мы выбрали тебя из нескольких девушек с родной Кериасу ипостасью. Из всех снежных кошек именно к тебе его потянуло. Какие возможности открывались благодаря тому обряду, что был проведен! Вас признали парой, связали клятвами, ты могла стать императрицей.

Он бы и думать забыл об этой аретерре, развивайся ваши отношения своим путем. И только заключительную часть оставалось пройти. Всего лишь оказаться признанной зверем, потому что мужчина уже принял этот выбор, выбор идеальный для всех. И что ты сделала, Ана? Ты выдержала его удар, ты смотрела ему в глаза? Так над чем плачешь теперь? Чего требуешь? Он выбрал женщину под стать себе, сильную настолько, чтобы усмирить его собственную силу и смягчить ярость. В какое положение ты

поставила своего жениха? Ему пришлось принять ту, кто вонзила нож в спину.

– Эвелин, – в голосе блондинки уже не осталось и следа злости, только болезненная обреченность, – Кериас останется с ней?

– Пока не усмирят вторую ипостась. Он обязательно обучится этому, нужно лишь время. Аретерра пока будет рядом. Пойми, Кериас проходит очень сложную трансформацию, непостижимую для нас. Он не только сживается со зверем, но и терпит процесс слияния с чужой ему сущностью, с иным сознанием, учится контролировать силу. Никому из нас не понять, что он испытывает, какую боль терпит, пытаясь переломить самого себя, но мы обязаны помочь. Помочь, а не упрекать. Ты поняла меня, Ана?

– Поняла, – голос девушки прозвучал надломлено.

– Хорошо. Раз поняла, запомни, почему нужно беречь его аретерру, кем бы она ни являлась. А теперь ступай и просто поговори с ним. Он ждет.

Голоса стихли, из гостиной снова не раздавалось ни звука, а для меня окончательно прояснились мотивы императора.

Я смелая? Я не испугалась зверя и не отвела взгляд?

Невесело усмехнувшись, прошептала: «Спасибо волшебнице».

Напрасно я все же вмешалась. Теперь Кериас точно не настроен на объяснения, потому что я своими действиями загнала его в угол. С чего решила, будто императору требуется моя помощь? Ана верно сказала, не вмешайся я тогда, и зверю не пришлось бы выбирать между нами двумя.

Я уже окончательно извела себя собственными рассуждениями. Первое время пыталась изложить произошедшие события в письме к отцу, но бросила это дело. Набросала короткую записку с общими пояснениями и передала слуге. А теперь бродила по темной комнате, то замирая возле окна, то возвращаясь к кровати. Лунный свет серебрил подол белой ночной рубашки, в которую обрядила меня новая горничная, окутывал тело слабым мерцанием, делая меня похожей на привидение.

Замерев перед зеркалом, разглядывала собственный силуэт, подчеркнутый не самой скромной длинной сорочкой, и тугие кольца рыжих волос, чей огонь притушил полумрак, и спрашивала себя: «Похожа я на фаворитку?»

Для остальных точно похожа. Меня умыли, причесали, раздели в эти летящие соблазнительные одежды, чтобы подготовить к бурной ночи с правителем. Но я, конечно, и не ждала, будто он придет. Новая фаворитка Мейлинда (таково древнее произношение моего имени) вызывала у владыки приступы неконтролируемого гнева, которые сама же и могла погасить, но лишний раз провоцировать Кериаса не стоило. Мало

приятного ощущать себя лекарством и понимать, что обнимает он по причине острой необходимости, а не под влиянием чувств.

Отдаленный шум заставил насторожиться. Отворив дверь в гостиную, я пошла на звук и остановилась возле гардеробной. Особенно отчетливо он доносился из-за ее двери, задрапированной под цвет стен. Новый грохот прозвучал совсем близко, когда я просочилась в пространство с ворохом одежды по углам. От этого, кажется, дрогнула стена. Мне послышалось, как посыпалась штукатурка, и с этой стороны отлетело несколько кусков, а потом в темноте вдруг мигнул лучик света.

Пройдя до самого конца, я забралась на тяжелый лакированный комод, хранивший в своих недрах кожаные перчатки и легкие шифоновые шарфики, и заглянула в образовавшееся круглое отверстие, похожее на глазок.

Императорские покои, а именно спальня его величества предстала моим глазам, были окончательно и бесповоротно разгромлены. Даже на шелковых обоях виднелись подпалины, а сам правитель стоял посреди учиненного беспорядка и потирал ноющие после колоссального выброса магии руки. Очевидно, он позволил себе сорваться и вложить переполнявшие эмоции и раздражение в магический удар, лишь бы снова не обращаться неподконтрольным ему снежным котом.

Я затаилась, осознав, что сокрушив свою спальню, Кериас открыл заделанное в стене отверстие. Возможно, одна из фавориток когда-то проделала его с целью подглядывать за императором. Ревновала она или использовала глазок для иных целей, но задумка оказалась неплохой. Я даже на секунду решила, будто подсматривать нехорошо, но быстро передумала. А что еще оставалось в подобной ситуации нежеланной, вызывающей злость аретерре?

Приложив ладони к стене, не двигаясь, разглядывала опустившего руки Кериаса, как вдруг дверь в спальню отворилась и вошла Эвелин, растрепанная, в длинном шелковом халате. Мне был хорошо слышен хруст осколков разбитых статуй под ее ногами. Предприимчивая шпионка явно придумала скрытый слуховой канал, чтобы не только наблюдать, но и подслушивать. Замерев на секунду, кошка окинула пространство комнаты быстрым взглядом и хмыкнула.

– А я удивилась, что так грохочет по соседству. За окном ни тучки, ни дождинки. Придется завтра восстанавливать спальню с нуля.

– Давно хотел все здесь переделать. Не радовала необходимость спать в кровати брата, – пожал плечами Кериас.

Он, в отличие от кошки и меня, ещё не снял богатую императорскую

одежду, в которую облачился, сменив белоснежную мантию. И теперь, засунув руки в карманы, покачивался с носка на пятку и «любовался» учиненным погромом.

– Угу, – согласилась кошка, – только я магов позову, иначе прочих слуг удар хватит. Так плохо? – резко сменила она тему.

– Лучше, – уверенно ответил мужчина и огляделся в поисках уцелевшего кресла или иного сидения.

– Кериас, – Эвелин приблизилась и положила ладонь ему на плечо, – расскажи.

– Эви, – он заметил уцелевшую скамеечку для ног и отстранился от руки брюнетки. Устроившись на деревянном сидении, упер локти в колени и взъерошил черные волосы, – все отлично.

– Правда? Отчего же так бесишься? Неужели только из-за отъезда Анетт?

– Я сам отправил ее к семье, ни к чему мучить Ану подобным зрелищем. Ей будет тяжело.

– И она может вновь не справиться со своими чувствами и напасть на твою фаворитку. А оно тебе оно надо, разрываться между двумя женщинами?

– Как приземленно, Эвелин.

– А ты именно такой, Крис. У тебя редкий талант – умение обдумывать события отстраненно, отодвигая эмоции на второй план.

– Ириаден ему тоже завидовал. Только это – не талант, а полезная наука, у меня были отличные учителя.

Странно, но при последних словах лицо кошки болезненно исказилось, и она поспешно отвернувшись, пробормотав:

– Ты говорил с Аной? Объяснил ей ситуацию с понятной ей точки зрения? Девочка не ощутила себя ненужной? Она ведь любит тебя.

– Полагаешь, я мог быть жесток? Я описал все так, чтобы ей было легче принять.

– И о чем ты умолчал?

Кериас слегка улыбнулся.

– Всегда думал, в кого я такой проницательный?

После его слов в комнате повисло молчание, а потом вдруг раздался звук, который я менее всего ожидала услышать. Он походил на всхлип.

– Эвелин! – Кериас быстро поднялся, развернул магину к себе, всмотрелся в ее лицо, а потом крепко обнял. – Ты плачешь? Эви, не ломай мой привычный мир.

– Это не я..., – в его объятиях женщина казалась совсем хрупкой, хотя

на меня производила впечатление весьма высокой и сильной особы. Фразы ее прерывались рыданиями, которые брюнетка отчаянно пыталась подавить, – это она его ломает. Ты не представляешь, как я боюсь этой женщины.

– Боишься кого? Миланты? Ты же никого не боишься.

– Представь себе! – Эвелин резко вывернулась из его рук, сердито отерла глаза рукавом шелкового халата. На гладком лице вдруг обозначились морщины, отчего оно стало выглядеть гораздо старше.

– Кериас, – она снова запнулась, набрала в грудь воздуха и продолжила, – я знаю, что не имею права называться твоей матерью. Не я растила тебя, не я находилась рядом все эти годы. Когда-то давно совсем юную девочку привезли сюда, в этот дворец. Я впервые вырвалась из заточения высоких стен магического города, и, раскрыв рот, смотрела на огромные леса, горы, реки, у которых не было границ, а потом теряла сознание от красот столицы, от великолепия дворца. Знаешь, меня отдали брату императора, как награду. Объяснили тем, что он решил выбрать любовницу из числа магов. Я помню твоего отца до сих пор, стоит закрыть глаза, его облик встает перед внутренним взором. Он был красивый и у вас много сходства.

Она вздохнула, обняла себя за плечи руками.

– Думаешь, он заставил меня? Нет, Крис. Я таких мужчин прежде не встречала, в моем городе все были знакомы, но никто не походил на него. А потом стало ясно, что я забеременела. Со мной носились, как с драгоценной вазой, сдували пылинки, что было весьма странно, ведь он был помолвлен, собирался жениться на какой-то дочери князя. А потом родился ребенок.

Эвелин вдруг замолчала, в комнате стало совсем тихо, и я боялась пошевелиться с этой стороны стены, чтобы – не дай светлые боги! – до тех двоих не долетел случайный шорох.

– Я увидела тебя лишь на миг. Даже поддержать не дали. Сердце так сжалось в тот момент, а они уже унесли моего малыша. Моего! Моего ребенка! Отобрали...

Эвелин задохнулась, попыталась отдышаться и продолжила сдавленно:

– Я еще не успела всего осознать, как пришел он. Сел на кровать, сжал мою ладонь и сказал: «Ты потеряла много сил сегодня». Он улыбался, а в глазах плескалась одна темнота, ни искры счастья, что я подарила ему сына. Потом протянул мне бокал и сказал: «Выпей. Это чтобы восстановить силы». И я послушалась, я никогда ему не перечила. Знаешь, первая любовь... Мы все становимся глупцами в такие моменты,

совершенно теряем разум.

Очнулась несколько суток спустя. В городе магов, в своем прежнем доме. Пробудившись, увидела рядом девушку, старую знакомую, которая выполняла роль сиделки, а вместе с ней мужчину. Его я тоже помнила. Он входил в личную охрану принца. Он сказал мне, что, по величайшему указу императора, от меня велено избавиться – отравить. В бокале, который принес твой отец, должен был быть ад. Все ради того, чтобы тайна твоего рождения навсегда осталась тайной, а ребенка с легкостью выдали за сына принца и женщины, на которой он женился девять месяцев назад. А потом атрион, которому твой отец всецело доверял, добавил: «Принц наказал беречь вашу жизнь до моего последнего вздоха». Однако именно после тех слов моя жизнь и закончилась.

Разве я жила потом? Дышала, да, разговаривала, смотрела на высокие стены города магов, вновь став его пленницей, видела сны, в котором надрывался в плаче младенец, слышала новости, что приходили из большого мира – новости о гибели всей императорской семьи. Эта последняя весть заставила пробудиться.

Мой тогда уже муж и защитник узнавал для меня подробности и именно он сказал, что ты остался жив. Ты и твой кузен. Его звали Мирил, он был обычным человеком и, к сожалению, его век на земле оказался недолог. Зато он раскрыл главную тайну, почему для принца выбрали меня. Один маг указал на девушку-оборотня, талантливую, здоровую, способную произвести на свет сильное потомство. Я сразу поняла о ком речь. В нашем городе был только один такой маг, ушедший за ворота с разрешения владыки и не вернувшийся обратно. Когда-то мы с ним дружили. Знаешь, он был одержим идеей разделения душ, даже описывал мне ритуал, рассказывал в подробностях об этом ужасе. Именно тогда мое отношение к нему и переменилось. Я потому ответила резким отказом, когда он предложил выйти за него замуж, обещая вытащить из города, ещё и посмеялась над нелепыми чувствами. Но все это случилось давно, до его ухода из города, до появления в моей жизни принца.

Когда потеряла Мирила, поняла, что именно он давал мне силы, поддерживал всегда, но новый виток жизни начался с появления на пороге дома другого мужчины, напомнившего мне о самом первом. Красивый, смелый, мужчина-воин, с сокрытой внутри силой зверя. Вот тогда сердце забилося вновь от радости и счастья. Мой сын, мой ребенок, которого я видела лишь однажды, вырос и разыскал меня.

С тех самых пор, как ты дал разрешение выходить за ворота, я смогла наблюдать издали за твоей жизнью, не вмешиваясь, просто стараясь

уберечь от возможных врагов. А главного врага я упустила. Кериас, я не смогу описать того, что испытала, увидев снежного барса и поняв...

Я хотела ее убить. Пришла в твой дом, отыскала ее, такую измученную, слабую, что могла переломить ей шею одним точным ударом. Она казалась больной, слишком ничтожной, чтобы оказать сопротивление, но даже тогда эта девчонка не испугалась! Я прокляла собственную звериную сущность, которая преисполнилась уважения к сильному противнику, не позволила сразу напасть на нее и добить на месте. А девчонка указала на книгу.

Кериас, на что способна мать, желающая вернуть своего ребенка? Ты не сможешь ответить и осознать до конца, но она способна на самое коварное предательство по отношению к людям с родственной ей кровью. Способна убедить самых сильных, кого знала с детства, с кем дружила, расстаться с жизнью ради великой цели, а потом смотреть в глаза их жен, дочерей, сестер... она на это способна.

Эвелин закрыла лицо ладонями.

– Я не могу зваться твоей матерью, – приглушенно повторила она, – я не растила тебя, другие люди были рядом, но я люблю тебя больше жизни и отдам ее по капле ради твоего счастья и чтобы не видеть твоей боли. Потому безумно боюсь эту девочку, ее жестокости по отношению к тебе и ее власти над тобой.

– Это в прошлом, – тихо, но твердо ответил Кериас.

– Пусть слова окажутся правдой, – со всей страстью прошептала Эвелин, – пусть. Я даже могу поверить в это, если узнаю, о чем ты умолчал.

Мужчина обреченно выдохнул, будто до последнего надеялся, что она не станет допытываться.

– Хорошо, но не делай поспешных выводов. Это началось, когда я подпустил Миланту слишком близко, позволил войти в личный круг, прикрыв ее защитой дающего.

– И что? – в вопросе Эвелин отчетливо прозвучал страх.

– Ее запах успокаивает, а ее вкус возбуждает. Это похоже на тягу к шаане.

– Шаана и аретерра, – изумленно прошептала кошка, – шаатер? Но так не бывает! Одна женщина не может совмещать в себе оба качества.

– Я сглупил, – качнул головой император, – это был колоссальный промах.

– Как же так?

– Я справлюсь, Эви. Кто сказал, что я должен бороться с физической

тягой к собственной фаворитке и усугублять и без того сложную ситуацию?

– Чем больше прикасаешься, тем больше тянет. Так всегда с шаанами.

– Я пережил гибель одной, смогу расстаться и с этой. Когда отпадет надобность в аретерре, я отправлю Миланту в самое отдаленное княжество.

– Да, я верю, ты сможешь. Только теперь я боюсь иного. Когда-то один тогда ещё друг рассказывал о разделении душ. Он посвящал меня в подробности, о которых никому не известно. Говорил, что близнецы, так он называл две соединенные сущности, не могут любить подобно обычным людям. Единожды в жизни им суждено встретить любовь, и она должна быть настолько сильной, всеобъемлющей, чтобы затронуть обе части разделенной души. Ириаден так любил Инессу, разве нет? Его чувства передались тебе, второй части подселенной сущности, поэтому первой жене легко удалось превратиться в шаану. Но сам ты не любил никогда? Не встречал такой женщины или встречал?

– Какое это имеет значение теперь, когда второй части моей родной души уже нет? Я бы не смог полюбить, как ты говоришь, всецело и всеобъемлюще, уже никогда не смогу. Теперь это всегда будет лишь пародия на чувства.

– А вторая сущность, тот мужчина, к которому она сбежала. Что у них были за отношения?

– Он ее не любил, – резко оборвал Кериас.

– А если...

– Он положил ее на алтарь и дал в руки нож! По-твоему это любовь? Весьма извращенная форма, не находишь?

Император вновь начинал злиться, и Эвелин это почувствовала.

– Хорошо, тогда я спокойна. Мне лишь непонятно, зачем она пришла сюда.

– Ищет его во мне.

– Что?

– Ищет во мне Призрака. Она влюбилась в него, как и прочие убитые им девушки. А теперь нашла шанс быть рядом с ним.

– Но глупо надеяться, будто ты вернешься к ней после всего.

– Влюбленные люди глупы, ты сама об этом говорила, – усмехнулся император. – Особенно если подобные чувства они испытывают впервые.

Кошка осторожно коснулась его плеча и заговорила спокойно:

– Когда понадобится тебе, позови. Я помогу справиться со всем этим.

– Знаю, Эви, и ценю. Вскоре нам предстоит явить миру мощь и величие нового императора, это будет красивый спектакль, но к нему следует подготовиться заранее. А пока составь приглашения для главных

участников.

– Непременно. Можешь на меня рассчитывать.

Светлые боги, вы явно задумали наказать меня за все, когда позволили идее прийти во дворец занять мои мысли. Во что я ввязалась, что натворила? Я сошла с ума? Наверное, точно сошла, ещё тогда в часовне, когда собственными глазами наблюдала гибель Вернона и своими руками убила Кериаса. А потом мучилась так сильно, что разум окончательно помутился. Вот и явилась, загнала в ловушку сперва барса, затем поймала в клетку себя. Никакая не сильная, а слишком слабая, чтобы выдержать груз вины.

Я лежала на постели, сжав ладонями голову и отдыхая после долгого стояния возле стены. Боялась пошевелиться до тех пор, пока Кериас не ушел в гостиную, а после свалилась с тяжелого комода, потому что тело затекло. Повезло попасть на грудь вещей и даже не стукнуться головой о ножку металлической вешалки. Потом вот поползла до кровати.

И ведь услышав о ситуации в империи, я даже не подумала сопротивляться новому статусу, решила для себя, что выдержу эту роль безмолвного успокоительного, чтобы не злить и не провоцировать лишний раз. Может, так смогу в какой-то мере искупить собственную вину? А потом, когда он немного успокоится, привыкнет к моему присутствию и перестанет реагировать на него столь бурно, выберу подходящий момент. Кериас будет способен услышать, и я все-все расскажу о гранях, Верноне, о его прошлом, почему решила уйти и какой целью провела обряд. А еще объясню то, о чем даже страж не имел понятия – как грани отдали приказ покарать. Я опишу свои чувства до убийства и после, а Кериас, наконец, поймет.

Но вот теперь мечты о нашем разговоре, способном многое прояснить, померкли. После всего услышанного становилось очень не по себе при воспоминании о «шаатер». А что если он заставит меня? Будет использовать не только как ширму от нежелательных эмоций, но и подчинит себе физически? Не спрашивая разрешения, а мстя, как Ириаден мстил Инессе, причиняя тем самым боль? Что тогда со мной будет?

Он прикасался однажды, вот так, без моего согласия, потому что потерял голову, и испытанные в тот раз эмоции я до сих пор не бралась описать. Они приводили в трепет, вызывали смятение. И ведь тогда я впервые осмелилась угрожать ему. Да! Обещала выпить до капли его жизнь, если посмеет вновь дотронуться до меня подобным образом. Он вряд ли забыл те угрозы. Высшие силы! В какую пропасть я себя загнала?

Свернувшись клубочком под одеялом, пыталась отгородиться от этих

мыслей, забыться и забыть. Закрыла глаза, отмахиваясь от гула роящихся в голове голосов, накрылась подушкой и даже уши ладонями зажала, будто это могло помочь. А потом не выдержала. Подскочила на кровати и хотела отшвырнуть подушку, когда увидела на фоне окна мужской силуэт, и застыла.

– Ваше императорское величество? – мой голос дрогнул, пока я испуганно всматривалась в лицо, чьего выражения не могла разглядеть. Он пришел! Так быстро? Не дав и ночи на размышление, на осознание?

Мысль оборвалась, потому что мужчина направился к кровати, ступая мягко и бесшумно, а я судорожно вцепилась в одеяло, подтянув его к подбородку.

Он сел на край, развернулся ко мне, рассматривая в темноте. Может, сумел разглядеть искаженное страхом лицо? Он же кот, они хорошо видят даже ночью. А пальцы, вцепившиеся в одеяло, рассмотрел? Видимо, да, потому что потянул его вниз. Мне было не тягаться с силой императора, и одеяло сползло, открыв все тело в полупрозрачной рубашке. Кериас перевел взгляд ниже, изучая, как если бы видел в первый раз, слегка наклонив голову.

У меня сердце колотилось отчаянно, как всегда в подобные моменты, пересохло горло и сильно хотелось пить. Я скрестила ладони на груди, закрываясь, и тогда его пальцы сжались на запястьях и вновь развели руки в стороны. Рывка я даже не заметила, просто очутилась через миг на спине, а он навис сверху, приподнявшись на локтях и отчетливо ощущая мою дрожь. С момента своего появления Кериас не произнес ни слова. Неужели так и не скажет ничего? Сейчас скинет этот халат, скрывающий его тело, и возьмет меня без лишних разговоров? А я буду кричать, вырываться и попутно убеждать, что не желала ему смерти, не хотела предавать, и меня почти не за что наказывать? Ну скажи же хоть что-нибудь.

– Странно, – произнес он, слегка отстранившись. Пальцы очертили овал моего лица, вызвав новый приступ дрожи. – Когда ты шла в фаворитки, не знала, чем с ними обычно занимаются? Помимо того, что таскают на разные приемы и балы?

Помотала головой, убеждая, что действительно не знала, хотя на самом деле не желала становиться фавориткой. Я шла за разговором, но сейчас, как назло, от страха пропал дар речи.

– Сперва фиктивная любовница, теперь фиктивная фаворитка? Это уже перебор, как считаешь?

Сжавшись сильнее, снова отчаянно покачала головой, так что волосы разметались во все стороны. Кериас перевел взгляд на рыжие кудри и,

опираясь на одну руку, подхватил блестящую пружинку – гордость мадам волшебницы – намотал ее на палец, а потом вдруг поднес к губам. Я даже дрожать перестала, глядя, как он целует шелковистый локон, и снова пропустила момент, когда его руки оказались по бокам от меня, упираясь в постель, а лицо приблизилось, и губы замерли в сантиметре от моих губ.

– Можешь попросить, – шепнул он.

Горячее дыхание коснулось кожи, мурашки побежали вдоль позвоночника, я ощутила слабость в мышцах и забыла уточнить, о чем следует просить императора в такой момент.

– Попроси отпустить или убраться прочь, можешь даже пригрозить.

Он насмеялся надо мной. Не просто дразнил, а именно издевался, еще и потому, что его тело при этих словах прижалось к моему. Сквозь ткань длинной рубашки отчетливо ощущался жар кожи и сила крепких мускулов. Я моргнула, не понимая, когда он успел избавиться от халата. Сейчас чувствовала именно обнаженное тело и каждую мышцу, вдавившую меня в кровать. Тот прозрачный «бастион», который лишь по ошибке назвали ночной сорочкой, не дарил никакой защиты. Ткань разошлась бы по швам по одному щелчку его пальцев. И я с дрожью в груди ждала этого щелчка.

– Неинтересно, Мышка, – его шепот вливался в уши, тек расплавленной патокой по телу, – совсем не будешь сопротивляться? Не будешь убегать?

Легкое прикосновение губ к виску и я вздрогнула.

– А как же поиграть?

Из-за его игр меня кидало то в жар, то в холод.

– Когда ты боишься, твой аромат еще сильнее, – губы скользнули по щеке, – и притягательнее. Будоражит, заставляет кровь вскипать, особенно если вдыхать его и прикасаться к тебе.

Тихий голос ласкал, завораживал, завлекал, голова отяжелела и кружилась. Дрожащие ладони, которыми упиралась в его грудь, ослабли. Мне не помешал бы глоток холодного воздуха, чтобы вырваться из этого гипнотического состояния.

– Как думаешь, что интересней: соблазнять или принуждать?

Я, кажется, снова бессмысленно качнула головой, не особо разбираясь в сути вопроса.

– Зависит от настроения, – шепнул он.

Тревожащие прикосновения к губам, плечам, груди будто сильнее сгущали темноту вокруг. Мои руки безвольно упали на постель, голова запрокинулась, оставляя шею открытой и беззащитной, и его пальцы ласково провели по ней: от ключицы до подбородка, потом обхватили, чуть

сжались.

И голос из обманчиво нежного вдруг стал ужасно холодным:

– Так тосковала по нему, что готова быть с нами двумя?

Будто кусок льда упал на грудь.

Раскрыв глаза, недоуменно всмотрелась в его лицо, надеясь считать чужие эмоции, но ночным зрением я не обладала.

Высшие силы! Он ревнует? К самому себе?

Кериас вдруг отстранился, сел на кровати, отвернул голову так, что был виден лишь профиль.

– Какая неприятность, – с досадой протянул он.

В спокойном голосе мне слышалось ворчание хищника, у которого прямо из когтей вырвали вожака добычу.

– Извечный враг стал частью меня и теперь вцепился в горло.

Кериас схватил мою ладонь и прижал в районе солнечного сплетения.

– Он бьет точно сюда, чтобы невозможно было дышать. Рвется наружу, подобно моему зверю, не позволяя сделать с тобой то, что я хочу.

Поежившись, попыталась забрать руку, но император поднял ее выше, к губам. Они мягко коснулись кожи в центре ладони, принялись чертить на ней извилистые линии, а мужской голос вновь звучал приглушенно и обманчиво нежно:

– А я очень хочу, еще сильнее, чем прежде, и препятствий больше не существует.

Свободная рука Кериаса взметнулась в воздух, продемонстрировав в воздухе удушающий захват.

– Кроме этого.

Меня точно по голове огрели. Не существует препятствий? А как же мои чувства? Они совсем не помеха?

– Что за напасть, Мышка! – он притворно тяжело вздохнул и поднялся на ноги, потянулся, демонстрируя сильное, гибкое и опасное тело во всей красе – большой пластичный кот в человеческом обличье, – с одной стороны, барс, с другой, на редкость правильный маньяк-убийца. Он совсем к тебе не прикасался?

Ответить, что целовал? Я решила воздержаться. По-моему, именно молчание выручало в данный момент, и кто знает, как Кериас мог отреагировать на любую ответную фразу, пусть даже мне она казалась невинной.

– Извращенец, – постановил мужчина. – Утащил к себе девицу и девицей оставил. Для ритуала берег, – фыркнул он и прошел в другой конец комнаты, плавно проскальзывая через полосы света и тени, будто не

человек вовсе, а плод разыгравшегося воображения. Мне вдруг подумалось, что это все сон, и я ущипнула себя за руку. Щипок оказался болезненным.

Нет, не грезы, а похожая на дурман реальность.

Император замер возле окна, погрузившись в свои мысли. Лунный свет серебрил снежную прядь, а мужчина смотрел вдаль отрешенным взглядом. И да, именно Вернона напоминал мне сейчас.

Я не искала намеренно черты стража в этом новом Кериасе, но я их замечала. Особенно в такие моменты, когда он отгораживался от настоящего, окунаясь в собственные размышления. Напрасно владыка боролся с другой стороной самого себя, он лишь задерживал процесс слияния, не позволяя двум сознаниям окончательно стать единым целым и отказываясь признать, что Призрак больше не являлся его врагом.

– Я найду способ с этим справиться, – твердо произнес Кериас, вновь превращаясь в опасного противника, который не собирался забывать и прощать, – просто дай мне повод.

Он вытянул руку и действительно щелкнул пальцами, а меня испугало резкое движение слева – тяжелый парчовый халат взметнулся в воздух с кровати. Он подлетел к Кериасу и обнял его тело, закрыв широкие плечи, спину, спустившись до щиколоток. Я снова вцепилась в одеяло, стиснула его в кулаках, а в душе щемило от пронзительной тоски.

Бросив на меня последний взгляд, император ушел. Хотя я не могла видеть в темноте, готова поклясться, что он очень недобро усмехнулся на прощание.

ГЛАВА 18

Подготовка к красивому спектаклю, как выразился Кериас, началась. Она велась полным ходом, и каждому действующему лицу отводилась в нем своя роль.

Я полагала, что ночное происшествие еще сильнее отдалит нас друг от друга и император велит не показываться ему на глаза, но снова не угадала.

На следующий день из окна я наблюдала в саду целую процессию. По тропинке неспешно шагал Кериас в роскошной, отороченной белоснежным мехом мантии, а под руку держал какую-то светловолосую особу и периодически склонялся к ней, шепча что-то на ушко. Впереди и позади на некотором расстоянии шли атрионы, а ещё дальше следовала вся свита. Придворные словно бы тоже прогуливались, однако не желали при этом сворачивать с дороги, по которой следовал правитель.

В дверь гостиной постучали, отвлекая от созерцания торжественного шествия, и я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть на пороге Эвелин.

– Идем, – сказала кошка и крутанулась на пятках, отчего черная косища взметнулась едва ли не выше ее головы. Мне тут же подумалось, что на такой «веревке» можно при случае подвесить не одну мышку. Не с этой ли целью отращивала – душить врагов?

Брюнетка, которую даже мысленно не выходило обозвать матушкой Кериаса, привела меня в огромную залу. Я споткнулась в дверях, когда заметила в центре комнаты императора. Того самого, который дор Харон амон Монтсеррат, но не в роскошной мантии, а в черной рубашке с подкатанными рукавами и облегающих черных штанах, сразу напомнивших об удобной дознавательской форме.

Кериас сидел на корточках и внимательно рассматривал пол. Рядом с ним в такой же позе замер приземистый седоволосый мужчина. Я открыла рот и закрыла, напряженно размышляя, как император здесь очутился, еще и без свиты, и в другой одежде, если только что был в саду.

– Привела, – отчиталась Эвелин и, захлопнув инкрустированные бронзовыми узорами двери, демонстративно от меня отвернулась.

Кериас кивнул мимоходом, даже не взглянув в нашу сторону, и не прервал разговора:

– Нет, здесь не годится. Плиты толстые, а пространство слишком большое. Сделаем на террасе.

– Кругом сад, деревья опять же, – задумчиво ответил на это его

собеседник.

– Да, – правитель стремительно поднялся и дошел до окна, указав куда-то рукой, – и вот над ними платформа будет отлично смотреться.

– Я не спорю, – пожал плечами мужчина и, чуть покряхтывая, тоже встал, – задумка грандиозная. Если сработает, будет эффектно.

– Будет, – Кериас хлопнул его по плечу и повернулся в нашу сторону, – Эвелин.

Он протянул руку, и магиня стремительно подошла и вложила в его ладонь, скатанную трубочкой, бумагу.

– План составлен, как ты просил. Вся зона, – она очертила залу руками, – будет разбита на квадраты. Ты уверен, что общего стола не должно быть?

– Уверен. Маленькие группы людей лучше просматриваются. Атрионы займут свои посты и станут наблюдать за каждым квадратом. Трон оставим на возвышении, в том месте, где сейчас стоит стул. Никаких длинных скатертей, свисающих до пола. Столы с закусками отдельно друг от друга и места только стоячие. Толкучки не должно быть, мне нужно видеть в этой комнате каждое лицо. Музыкантов усадим вон там.

– Я помню. Мы уже внесли в схему исправления, все измерили и рассчитали.

– Отлично. Миланта!

Я шагнула вперед, ощущая себя как во время экзамена в школе. Может, мне тоже следовало что-то подготовить или измерить? Вдруг я ему прямо сейчас дала повод, и он всех прогонит, а мне скажет: «А ты и я, Мышка, отправимся в спальню».

Кериас поманил к себе, заметив, что медлю, и я поспешила приблизиться. Вложила свою ладонь в его и непроизвольно напряглась, когда мужские пальцы крепко сжались.

Император повел на возвышение и опустился на стул, велел мне встать позади. Я так и сделала, но все еще пребывала в растерянности. Кериас задумчиво покачался туда-сюда и сказал:

– Встань сбоку, я тебя почти не чувствую. Да, здесь.

Я послушно прошла чуть левее.

– Лучше, но недостаточно хорошо. Положи руку на спинку.

Положила, а он принял позу, будто действительно сидел на троне и взирал сверху вниз на своих нижайших подданных. Втянув воздух, Кериас задумчиво качнул головой.

– Ощущаю, но слабо. Перемести ладонь на мое плечо.

Переместила.

– Все. Так и будешь стоять. Эвелин?

– Смотрится гармонично, точно в соответствии с традициями – фаворитка за плечом императора.

При последних словах она поморщилась.

– Хорошо, тогда приступайте к подготовке.

Брюнетка и пожилой мужчина коротко поклонились и поспешили на выход, а я осталась.

Кериас медленно выпрямился, отодвинул стул, и я опустила голову, но тут же снова подняла, потому что он взял меня за подбородок.

– А ты и я, Мышка...

Высшие силы! Он прочел мои мысли?!

Император прервался, заметив мой растерянный взгляд и, усмехнувшись, закончил фразу:

– Отправимся в библиотеку.

И мы действительно туда отправились. Причем всю дорогу мою спину сверлил взгляд Кериаса, шедшего немного позади. Волшебная мадам Амели умудрилась до деталей продумать новый образ «яркой фаворитки». В моих струящихся по фигуре платьях, преимущественно сшитых из шелка насыщенных цветов, всегда присутствовала некая провокационная деталь. В сегодняшнем наряде из лиловой гладкой материи открытой оставалась спина. Посередине перекрещивались широкие атласные ленты, оставляя для любования участки «сливочной кожи» – ещё один эффект изобретательной модистки. «Чтобы при взгляде на нее хотелось лизнуть», – не стесняясь, заявила мадам, вогнав меня в краску. «Выбирай, либо ты скромна и невинна, либо сногшибательна и дерзка». Пришлось соответствовать второму образу и стойко переносить последствия выбора, так как Кериас всю дорогу «профессионально» оценивал старания волшебницы.

В огромной комнате, куда мы, наконец, добрались, с книжными шкафами и убегающими под потолок винтовыми лесенками, было пусто. Как и в зале, освобожденной от лишних свидетелей с помощью подставного императора, в книжном царстве не оказалось ни души. Даже библиотечный хранитель исчез.

Я прошла до противоположной стены с круглыми окошками и полюбовалась массивным столом с аккуратными стопками каталогов. Здесь, как и должно, царил образцовый порядок. Набравшись храбрости, я развернулась лицом к императору.

– Если вы привели меня в библиотеку, значит, требуется моя помощь?

Кериас кивнул.

– Отыщи книги с информацией о двадцати девяти княжествах и их нынешних правителях, – сказал он, – их кланах, главах, особенностях и традициях. Мне нужна систематизированная информация на каждую правящую княжескую семью. Справишься?

– Да, конечно.

– Библиотека в твоём распоряжении на весь необходимый для поиска срок. Я поставлю на вход печать, чтобы никто не потревожил. Зайти и выйти сможешь только ты.

– Спасибо.

Сделав еще несколько шагов, я остановилась. Солнечный свет проникал в комнату сквозь витражные стекла, и на один радужный круг я наступила, замерев в его центре. Вытянула ладони, ловя разноцветные зайчики и одновременно испытывая тревогу, словно прямо сейчас грани могли распахнуться и вновь затянуть в белоснежное пространство. Обернувшись к Кериасу, пристально взглянула на него, ища хотя бы отголосок воспоминаний в темных глазах. Владыка Монтерры наблюдал за мной и, заметив необычную реакцию, вопросительно изогнул бровь.

– Ты что-то хотела?

– Поговорить.

– Говори, – кивнул Кериас.

Я снова пригляделась к нему. Казалось, император никуда не спешит, к тому же выглядел абсолютно спокойным. Если сейчас заведу речь о Верноне, он не обозлится? Я не спровоцирую приступ и обращение?

– Ну? – поторопил мужчину, заняв удобное кресло, и нетерпеливо постучал костяшками пальцев по подлокотнику.

– Радужная магия, вы не помните о такой?

– А должен? – вновь поинтересовался Кериас, при этом не демонстрируя настоящей заинтересованности.

– Этой магией обладал Вернон.

– Ты решила, будто я завладел его памятью, потому стал разбираться в этой, ммм, радужной магии?

– Нет, – кажется, он даже не злился и в отличие от ночи идеально себя контролировал, – просто это очень необычная магия, магия переходов.

Кериас кивнул, побуждая продолжать, а я разволновалась сильнее. Вдруг он сейчас вспомнит?

– Я знаю о ней еще с тех пор, как проследил за тобой до дома у озера. Волшебная сила, недоступная никому, кроме Призрака. О ней ничего не известно, и с ее помощью он всегда ускользал.

– Проследили за мной? Когда?

– Когда ты просила отпустить тебя, а затем ушла с ним.

– Но вы же были в таком состоянии...

– Тем не менее, – он пожал плечами, демонстрируя, что эти рассуждения несущественны, – ты об этом желала поговорить?

– Нет, я хотела рассказать о самой магии.

– Давай.

– Вы слушаете?

– Почему нет? Конечно, информация устарела и пригодилась бы в иное время, например, когда я пытался выследить убийцу, однако, если потянуло на откровения, время есть. Начинай.

Не самый обнадеживающий настрой на диалог, но вдруг больше не представится возможности.

С чего приступить?

– Можешь начать с момента, как ушла из особняка, – правильно оценил мои колебания Кериас.

– Ну да, я ушла, потому что...

– Боялась?

– Что?

– Боялась, что наша сумасшедшая семейка сведет тебя в могилу, как мы проделали это с Инессой. Ты же об этом говорила в ту ночь?

– Да, я говорила, но это не единственная причина. Просто Вернон оказался вовсе не таким, как вы описывали. Он не охотился за мной с целью убить.

– Естественно, именно в этом он тебя и убедил.

– Что вы имеете в виду?

– Как думаешь, почему я рассказал о погибших девушках, о том, что ритуалы, в которых они участвовали, проводились ими добровольно? Ведь девушек он не убивал сам, как остальных. Я полагал, ты сумеешь сделать правильные выводы и не попадешься на ту же уловку. Но ты предпочла поверить ему.

– Но вы не понимаете. Он убивал остальных с целью очистить мир от плохих людей, чтобы они не могли больше творить зло.

Кериас скептически прищурился, но кивнул.

– Конечно. Он был рыцарем в сияющих доспехах.

– Стражем.

– Без разницы. Суть такова, что ты наблюдала за гибелью мэра и ужасно перепугалась. Потом появился я, предложил защиту и, скажем так, немного надавил, вынуждая согласиться. Затем Призрак тебя отыскал, но отчего-то не стал накидываться и угрожать немедленной расправой. Еще

ты узнала, что мэр был далеко не ангелом, тайком проворачивал грязные делишки, а наш мститель его покарал. Затем сделалось ясно, что злодеями во всей игре являемся мы с Ириаденом. Так?

– В общем-то... подождите. Это все верно, с одной стороны, но Вернон и правда был справедлив. То есть радужная магия наделяла его истинной справедливостью. Он не обманывал, он наказывал лишь тех, кто действительно заслужил. Поэтому я пошла с ним.

– Значит, он не заставлял, не принуждал и не внушал тебе эту мысль?

– Не внушал, я сама приняла решение. А он действительно ничего плохого мне не сделал.

– Ну и чем вы занимались?

– То есть?

– Ты подалась в бега, Ириаден тебя разыскивал, и все это время ты провела с Призраком?

– Не все, мы могли видеться лишь ночью, когда он приходил. Мы путешествовали вместе. Радужная магия позволяет пересекать не только пространство, но и время. Точнее, позволяла.

– Вот как? – Кериас слушал и говорил совершенно спокойно, задавая наводящие вопросы. Не демонстрировал сомнений в правдоподобности моих высказываний, только щурился слегка, не отводя пронизательного взгляда. – Он исполнил твою мечту?

– А что вы знаете о моей мечте?

– Разве сложно догадаться, что библиотечная Мышка стремится путешествовать по своим чудесным и любимым книжкам?

– Это правда, – я прошла до ближайшей полки, провела пальцами по корешкам книг, – он исполнил.

– Сперва спас от буйного кузена правителя и грязных намерений самого императора, которые обманом заманили Мышку в силки, затем исполнил мечту, был сдержан, учтив, внимателен, справедлив и, опа, ты влюбилась.

– Что?

– Я неправ? Ты питала к нему лишь благодарность за спасение?

Жарко покраснев, ответила на его вопрос без слов.

– Значит, прав, – подытожил не император, нет, а главный имперский дознаватель.

– Ты, как и остальные, согласилась на участие в ритуале. Что он ему давал?

– Он давал освобождение от роли стража. Понимаете, грани, то есть радужная магия, справедливы, но требуют служить им, а Вернон устал.

– Понимаю. За дар приходится чем-то платить. Я вот в большого кота обращаюсь.

– Смеетесь?

– Абсолютно серьезен. Ему надоело быть стражем справедливости. А что грани?

– Грани – это радужная магия.

– Я понял. Магия, которая затмевает разум и вынуждает делать то, чего не хочется?

– Нет, это же магия справедливости. Все честно. Ты сам заключаешь с ними соглашение и вынужден его выполнять до конца.

– А Призрак, получив силу, передумал выполнять? Поэтому с твоей помощью решил от соглашения избавиться?

– Я сама хотела помочь!

– Конечно. Остальные тоже хотели, ведь так?

– Да, они хотели. Мне тоже предложили выбор, я согласилась и была уверена, что справлюсь.

– Ага, но я вмешался в ритуал, а ты все пыталась его завершить.

– Я не могла не завершить, ведь существовало соглашение.

– Конечно. Я помню, как ты снова схватила за нож. Удивляло, что выглядела при этом совершенно вменяемой. Все ясно, грани, как ты их называешь, или радужная магия, не влияют на сознание.

– Они влияют на чувства.

– Внушают те чувства, которых нет?

– Нет же. Просто ощущаешь, что все делаешь правильно.

– А разве ты сомневалась в правильности решения? Сейчас бы не повторила тот ритуал?

– Почему не повторила, я хотела ему помочь, хотела спасти и вернуть его к жизни.

– Как же тогда грани влияют на чувства, если все правильно и ты бы все равно так поступила?

– Нет, подожди... те. Так непонятно. Я лучше приведу пример. В храме, я не хотела тебя убивать. Когда Вернон погиб на моих глазах, вдруг стало очень больно, почти невыносимо, но через секунду в душу пришел холод, чувства притупились. Грани сказали покарать убийцу стража.

– Произнесли: «Убей его?»

– Не сказали в прямом смысле. Это просто мысль в голове, как будто твоя собственная, но я точно не хотела убивать.

– Хм.

– Не веришь?

- Верю, продолжай. В голову пришла мысль покарать меня, и?
- И я вспомнила про защиту дающего.
- Умная девочка.
- Ты все же смеешься?
- Я отмечаю твою сообразительность. Использовать против меня мою же силу, убить через прощальный поцелуй. Это, ммм, изысканно.
- Но я не хотела!
- Конечно, нет.
- Это грани!
- Которые не внушают и не заставляют, но меняют чувства так, что хотя эти чувства твои собственные, они тем не менее не твои?
- Ты, вы... меня путаешь!
- Ты сама запуталась в объяснениях, а я разбираю факты. Мышка, у тебя нет опыта в убийствах и расследованиях, а у меня есть. Ты видела смерть любимого рыцаря от моей руки и впала в состояние аффекта – не контролировала собственных действий, а потом ужасно пожалела о случившемся?
- Я действительно не хотела и очень жалела!
- Тш-ш, не стоит кричать, я все понимаю. Это я убил любимого мужчину на твоих глазах, искренне полагая, будто тем самым спасаю тебя от гибели. Ты ни в чем не виновата.
- Не нужно искажать смысл моих слов! Я виновата!
- Он кашлянул и потер виски, стараясь не потерять логическую цепочку в своих рассуждениях.
- Ты виновата и мучилась сознанием этой вины все время после убийства. Потому отыскала древнюю книгу с ритуалом и отдала Эвелин?
- Да. Я сотворила непоправимое, но очень желала повернуть время вспять.
- Хорошо, – он пожал плечами все так же невозмутимо и спокойно, только глаза оставались холодными.
- Это действительно сложно объяснить, можно только почувствовать. Радужная магия слишком необычна для понимания людей, лишь древние могли управляться с этой силой. Допусти ты полное слияние с сознанием Вернона, тогда бы точно понял.
- Кериас прищурился, но ответил сдержанно:
- Слияние не вернет тебе Призрака, не стоит на это надеяться.
- Я вовсе не надеюсь.
- А на что ты надеялась, идя во дворец?
- Я хотела объясниться.

– Просто объясниться? Зачем тогда менять внешность и принимать участие в отборе?

– Чтобы меня впустили, чтобы не обвинили в смерти императора.

– Интересно, – впился в меня взглядом Кериас, – я понимал, что Ириаден мог прожить гораздо дольше, ведь ему помогал опытный маг, однако к утру, когда их обнаружили в императорских покоях, оба оказались мертвы. И это снова ты, Мышка?

– Нет, это грани. Они наказали их за прошлые грехи. Ириаден пытался мной овладеть, но безумие его сожгло, а Мяснику вернулся его удар, когда он хотел меня убить.

– Сами грани наказали, без своего, эм, стража?

– Нет. С помощью камня, который являлся частью граней. Вернон сделал амулет и подарил мне. Камень отразил направленный на меня удар.

– А где амулет теперь?

– Рассыпался.

– И больше похожих камней нет?

– Он был последним.

Молчание. Тишина на несколько минут и вывод Кериаса:

– Ты страшная женщина, Миланта.

– Что?!

– Расправилась со всеми, кто тебе угрожал. Хорошо, что Эви не убила, просто книгу отдала.

– Но я ведь все объяснила! – я заломила руки, не зная, как еще до него донести.

– Да, что это все грани, которые не могут влиять на сознание, только на чувства. Они погружают в состояние аффекта.

– Нет, они замораживают все чувства.

– Замораживают? Тогда откуда желание убивать и жажда справедливости?

– Ну, не все чувства, а только часть. Ты спокоен и уверен в том, что все делаешь правильно, вот как это выглядит.

– А человек поступает неправильно, защищая себя от тех, кто хочет причинить ему вред? Ты пыталась спастись, Миланта, разве это не нормальная реакция? Сработал инстинкт самосохранения.

– Подожди.

У меня разболелась голова и заломило в висках. Он словно все понял, но как-то не так. Или мои объяснения оказались неверными?

– Я, конечно, хотела спастись, и радужная магия помогла, но твое убийство произошло не из чувства мести, и я не ищу в тебе Вернона.

– Я говорил, что ищешь?

– Ты так думаешь. Ты полагаешь, что я жду, пока ваши сознания сольются, и это вернет мне Призрака.

– А ты не ждешь?

– Жду, но не для этого.

– А для чего?

– Для воспоминаний! Но я не собираюсь менять тебя на Вернона!

– Как ты можешь менять, если слияние не завершено? Да и как предсказать, что из его прошлого вплетется в мое сознание? Может, о маленькой библиотечарше в той части души не осталось воспоминаний? А, кроме тебя, у нас с Призраком нет ничего общего, поэтому не питай пустых иллюзий.

– Я не питаю, и у вас есть общее, но это заметно лишь со стороны и тому, кто знал вас обоих. Сейчас в тебе проявляются его черты. Например, прежде ты принуждал, навязывал свое мнение, а он, напротив, всегда слушал и понимал. Ты... вы тоже научились слушать.

Кругом разлилось осязаемое напряжение. Под ледяным взглядом императора я внезапно лишилась дара речи. Возникло стойкое убеждение, что своей исповедью сделала только хуже. Кериас будто сложил все факты и вывел общее заключение, а мои ответы сыграли не в мою же пользу. И хотя я не соврала ни в чем, но где-то точно ответила неверно. Не поторопилась ли донести до него свою правду?

– Все? – коротко уточнил император. Скулы его побелели, а пальцы сдавили подлокотники, – закончили разговор?

Я молча кивнула.

Он также молча поднялся. Я отвела взгляд, глядя, как по подолу пляшут равнодушные ко всему разноцветные пятна.

Легкое движение ладони и тяжелое кресло отлетело к стене, впечатавшись в нее с такой силой, что превратилось в груды разломанного дерева. Кериас не прикасался к нему, он лишь качнул рукой.

Вскрикнув, я отшатнулась от книжного шкафа, с которого внезапно посыпались книги. Светильники по периметру комнаты один за другим оглашали библиотеку звоном разрывающихся стеклянных колб. Вокруг закружили в причудливом танце листы бумаги, а со стороны лестниц донесся скрежет. Металлические витые перила корежились и скручивались в непонятную бесформенную массу.

– Кериас! – я со всей силы прижалась к массивному столу, но мебель вдруг заскользила по полу, точно по гладкому льду, и я вместе с ней.

С визгом отцепилась от вращающегося стола и, взмахнув руками,

промчалась по инерции прямоиком к ближайшему шкафу.

Я его все-таки довела! Додумалась же сравнить с Верноном! Спровоцировала взрыв эмоций, а он, предотвращая обращение, выпустил из-под контроля свою силу.

– Не круши здесь все, лучше меня возьми!

Высшие силы. Как можно было так оговориться?

– Обними, я хотела сказать, обними! – крикнула застывшему возле двери магу, перекрывая вой ветра. Воздушные потоки уже стягивались в стремительно черневшую воронку в центре комнаты.

– А! – ноги вновь заскользили по полу, и меня на полном ходу впечатало в мужскую грудь. Я ожидала, что он снова обнимет, прижмется щекой к волосам, а я непременно обниму в ответ, чтобы успокоить, но Кериас поступил иначе. Он резко развернул спиной к себе, прижал к двери мои ладони и коснулся обнаженной кожи губами.

Я ахнула, но вздох потонул в окружающем шуме. С каждым движением губ по моему телу стихали завывания ветра и скрежет, сменяясь шорохом круживших в воздухе бумаг, которые медленно падали на пол. Перестал гнуть металл, и не было слышно звона стекла. Я и сама замерла не двигаясь. Медленно приходило понимание, что если берешься примерять на себя дерзкий образ, то будь готова ощутить себя сливочной карамелью, тающей под мужскими губами.

Он остановился, а я осознала, что крепко прижимаюсь к двери, цепляясь пальцами за резные узоры. Его дыхание ещё касалось кожи, но руки уже выпустили из захвата мои ладони и губы отстранились. Я набрала в грудь воздуха и очень медленно выдохнула, справляясь с бешеным сердцебиением.

Тишина за спиной указывала на то, что все закончилось, но так боязно было повернуться. Я пересилила себя, чтобы взглянуть в лицо Кериаса, уже спокойного, почти невозмутимого, с потемневшим взглядом, который встретился с моим. Что он выражал? Не в моих растрепанных чувствах было сделать верные выводы. Зато император сразу прочел мои мысли, так явственно они отразились на лице – непросто стать зависимым от женщины, которую уже вычеркнул из своей жизни.

– Ненадолго, – четко произнес Кериас. – Даю слово, что отпущу, когда смогу взять все это под контроль, и ты уедешь отсюда.

Его ладонь легла на мою спину, провела вверх, по кромке атласных лент, мягко обхватила плечо. Император привлек чуть ближе, склонился и вполголоса сказал:

– А пока, Миланта, есть время определиться «вы» или все-таки «ты».

Эти переходы бесят! – и отстранившись, он покинул библиотеку.

Я поняла, что значили замечания окружающих о способности Кериаса отодвигать эмоции на второй план. Мне это было не дано. Если чувства вмешивались, то мысли о них всегда роились в голове, даже во время проведения поиска в библиотеке и составления необходимых записей для императора. А он работал совершенно иначе: сконцентрировавшись на задаче, внушив себе, что остальное не имеет значения. Правда, иногда зверь все же брал над человеком верх.

Бывало, я приходила в гостиную императорских покоев, где Кериас работал по вечерам, и приносила ему записи. Временами он коротко кивал и, забрав бумаги, позволял удалиться. А иногда указывал на широкий подлокотник своего кресла, и стоило присесть рядом, как его пальцы переплетались с моими. Он читал, задавал вопросы, а потом замолкал, подносил мою ладонь к губам и целовал. Или же, слушая ответы, вдруг откидывал голову на спинку кресла и закрывал глаза. А порой мог поддразнить внезапным искушающе медленным прикосновением пальцев, провокационно скользящих вдоль разреза на шелковой юбке.

Он нуждался в аретерре, хотел того или нет, и мы виделись часто. В течение дня и по вечерам, на глазах толпы придворных или в полумраке пустой комнаты. Среди массы людей, играя свои роли, или наедине. Иногда он мог отыскать меня совершенно неожиданно, например, в удаленном уголке дворцового парка. Я стояла, разглядывая фигурно-остриженные кусты или пышные заросли роз, задумавшись о своем, как вдруг ощущала его присутствие. Кериас всегда приближался бесшумно, подходил со спины, чтобы обнять, скрестив ладони на моем животе и положив подбородок на макушку, а потом так же без слов вдруг отпускал и уходил.

И только позже я поняла, что это был вовсе не способ успокоить разбушевавшегося зверя. Работая днем в библиотеке, ночью я втайне читала найденные книги про оборотней. Безграничный допуск к собранной в хранилище информации позволил отыскать немало ценных сведений, и я разобралась в разнице между аретеррой и шааной. Слова же «шаатер» не существовало в принципе.

Покой в душе, полный контроль над ситуацией и отсутствие тревоги – в этом проявлялось влияние «природного успокоительного». Зверь погружался в блаженную спячку, понимая, что в его мире царит гармония. Но потребность в прикосновениях и желание ощущать рядом «свою» женщину, оглядывать толпу незнакомцев в поисках ее лица или слушать, закрыв глаза, ее голос – это была тяга к шаане. Две потребности причудливо переплелись в Кериасе и они же служили катализатором его

более быстрой трансформации.

Спокойного зверя было проще подчинить, взяв обращения под контроль, а мощност магической силы, напротив, возрастала в присутствии источника сильных эмоций, то есть шааны. Оказывается, невероятно интенсивный дар, проявившийся после воскрешения, как и заявление о себе второй ипостаси, походило на хаотичные всплески. Для обретения полного контроля над влитой в тело ликана магией тоже требовалось время. Эти всплески то слабели, то вдруг проявлялись столь мощно, что воздух кругом потрескивал от напряжения. И я, служа катализатором магической силы и ингибитором звериной агрессии, могла наблюдать, как день ото дня сживается с новым собой император.

Слияние сущностей тоже шло постепенно, хотя правитель настойчиво противился сознанию неуловимого врага. Разум и опыт Кериаса, его знания, подход, привычка реагировать так или иначе на конкретную ситуацию – все это осталось, но склонность к насмешкам и иронии теперь смешивалась с невозмутимостью и уверенностью, с почти безупречным умением держать себя в руках и контролировать ситуацию, если ничто не провоцировало всплески. Возможно, маг боролся с собой, полагая, будто одержимость убийцы перейдет к нему, как перешло когда-то безумие Ириадена.

Весь этот сложный и явно болезненный процесс вызывал в Кериасе массу противоречий, но мужчина держался.

Пока я не давала повода злиться, владыка мог спокойно разговаривать, слушать и даже спрашивать моего мнения. А я старалась лишний раз не напоминать о Призраке и о наших с ним отношениях. К чему дразнить зверя, если шаатер пробуждала его инстинкты, которые были намного глубже и сильнее повелений рассудка. Поэтому Кериас оказался не в состоянии переломить себя настолько, чтобы сразу же отослать меня прочь.

Вот так и текли дни – хождение по краю, ощущение опасности, ожидание взрыва, но вместе с тем беспрестанное медленное движение нитей, сплетающих наши эмоции и чувства.

Так я ловила себя порой на странных реакциях: то вздрагивала от простых прикосновений, то вдруг перехватывало дыхание или от ощущения руки на талии подгибались колени. А иногда начинала ни с того ни с сего улыбаться, глядя на оживленного Кериаса. У Эвелин хорошо получалось смешить его. Я же всегда отличалась молчаливостью, привыкла хранить мысли и чувства при себе, да и не могла ощущать той свободы, что чувствовала магиня рядом с сыном. Не выходило дразнить, вызывая смешинки в глубине темных глаз и хитрый кошачий прищур. У меня

получалось лишь заставлять эти глаза темнеть, а губы сжиматься. И наедине со мной он не демонстрировал той живости, что, была ли нет, свойственна ему прежде.

Я вдруг осознала, как прежняя роль фиктивной любовницы и приманки помогала четко держать дистанцию. Мы не много общались в то время. Да и его болезнь не позволяла Зверю расслабиться. Однако из прошлого, отраженного гранями, я помнила, что «живому» Вернону была свойственна черта совершать авантюрные поступки, а Кериас определенно задумал нечто очень рискованное на день торжественного приема послов государств и посланников великих княжеств.

Полагаю, все мы могли спокойно дожить до того знаменательного дня, завершив приготовления. Однако на вполне ровном пути я все-таки оступилась, допустив ошибку.

Тихий вечер, приглушенный свет, и я вновь устроилась на подлокотнике кресла, а Кериас, слегка хмурясь, проглядывал строчки, написанные моей рукой. Речь шла об Иннеи, последнем и самом мятежном княжестве.

Уже завтра наступал день, когда откроются ворота дворца и внутрь хлынет толпа приглашенных.

В этот вечер мы были в покоях не одни. Присутствовали Эвелин, маг Илирий, обладавший даром внушения, и еще один мужчина, очень старый и дряхлый. Советник дяди нового императора. Он уже почти не ходил, но его ум оставался чист и ясен, как в юности. Великий человек, чье имя стало синонимом настоящей дипломатической мудрости в нашей стране. И его нарочно привезли во дворец накануне великого события.

Кериас был напряжен, я чувствовала это хотя бы по тому, как крепко он сжимал мою ладонь, подняв ее на уровень лица, вдыхая аромат аретерры и легонько поглаживая большим пальцем мое запястье.

– Сколько? – вновь глубоко вздохнув, спросил он у старика.

– Десять княжеств присягнули великому князю Иннеи, – продребезжал в ответ старческий голос.

Напряжение в воздухе нарастало.

– Они разжигают волнения среди своего народа, – добавил старик, а Кериас выдохнул.

– Завтра все решится, – ответил он.

Советник кивнул и зашелся в кашле. Эвелин тут же поднесла ему стакан с водой.

– Благодарю, – отозвался он, отпив несколько глотков. Выцветшие старческие глаза остановились на напряженном императоре.

– Наверняка предпримут попытку...

– Наверняка, – не дал закончить Кериас, – это учтено. Ты не устал, Рид?

Он махнул ладонью, а Эвелин склонилась к старику со словами: «Мы проводим вас до покоев». Кошка подхватила советника под руку с одной стороны, а маг Илирий с другой, и они вместе вышли из гостиной, в которой воцарилась тишина.

– Принеси для меня книгу со стола, – нарушил искрящее напряжением безмолвие Кериас.

Исполнив просьбу, я передала ему старый, потрепанный фолиант и в удивлении замерла, наблюдая, как он пробегает пальцами вдоль ровных рукописных строчек.

– Ты изучал древний язык? – дрогнувшим голосом спросила отрешившегося от действительности императора. Он слегка нахмурил брови, отрываясь от чтения, и поднял глаза.

– Нет. Ириаден изучал, мне не было смысла, – ответил коротко и снова склонил голову, вчитываясь, пока я, охваченная радостной надеждой, ожиданием и неверием, совершенно непроизвольно потянулась к белоснежной пряди и пропустила ее между пальцами. Все в том же состоянии томительного предвкушения припомнила, Вернон знал этот язык.

Оказалось, я произнесла последнюю фразу вслух.

Воздух вокруг наэлектризовался, словно перед бурей. Кериас резко вскинул голову и успел поймать мой полный надежды взгляд.

– Прекрати, – прошипел он, – прекрати искать его во мне!

Книга отлетела на другой конец комнаты, император подскочил на ноги, а я спрыгнула с подлокотника, на всякий случай отступив на несколько шагов.

– Разве преступление хотеть, чтобы ты вспомнил?

Нервы дали о себе знать, я даже умудрилась повысить голос.

– Нет, – прорычал император, – не преступление хотеть, чтобы я окунулся в воспоминания убийцы. А вот убийство – это преступление.

Его глаза горели от ярости, черные волосы, не стянутые шнурком, разметались по плечам.

– Мне надоело, что рядом ты ради него, что когда наши взгляды встречаются, я ловлю выражение ожидания в твоих глазах. Меня злит, как ты закусываешь губу, чтобы случайно не оговориться и не произнести вслух его имя. Точно так, как ты оговорила сейчас. Или когда твои пальцы тянутся к этой пряди, а потом приходишь в себя и резко

отдергиваешь руку.

– Я здесь ради тебя, потому что зверю нужна аретерра!

– Которой ты могла не стать, не проберись тайком во дворец!

Я замолчала, он тоже. Отвернулся, сделал несколько шагов в угол комнаты, затем обратно, остановился и скрестил руки на груди.

– Поздно, Миланта, не так ли? – спросил вдруг почти спокойно.

– Да, – ответила приглушенно.

– Завтра непростой день, нужно отдохнуть как следует. Как полагаешь?

– Конечно.

– Ведь Вернон даже не касался тебя?

– Я его цел..., – резко оборвала себя на полуслове. До сознания дошло, что в его почти равнодушные и отвлеченные фразы каким-то образом вплелся вопрос про стража.

– Целовала, ты хотела сказать, – усмехнулся Кериас, – сама. Поскольку он был бесчувственной глыбой, зато настоящим рыцарем.

Я ощутила, что почти до крови закусила нижнюю губу. О чем он сейчас подумал? О том, что его-то я всегда отталкивала?

– Убийца тебя привлекал, но от Зверя ты приходила в ужас?

– Я вовсе не боюсь барса, – ответила почти обреченно.

– Барса? – его голос даже дрогнул от сдерживаемых чувств, – значит ли это, что человек гораздо хуже?

Я не успела переубедить его и даже просто сказать «нет». Кериас схватился за волосы и запрокинул голову. Наверное, пытался совладать с собой, но эмоции в этот раз накрыли столь остро, что в следующий миг раздался треск рвущейся ткани, а через минуту на ковре сидел огромный снежный кот.

Я прижала ладони к губам, а взъерошенный рычащий зверь оглядел комнату. Увидел меня и в несколько прыжков преодолел разделявшее нас расстояние. Принюхался, махнул по полу длинным хвостом и, выпростав вперед мощные лапы, потянулся.

Признаюсь, что смалодушничала в тот миг. Следовало заговорить и звучанием своего голоса «разбудить» человека, вернуть Кериасу мужской облик. Но я вдруг так обрадовалась белоснежному в черных пятнышках коту, что не смогла удержаться. Опустилась на колени, протянула вперед руки, и он подошел. Ткнулся мордой в мое плечо, а я прижалась лицом к теплой пахнущей можжевельником шерсти.

Чувствуя себя, словно он был моей аретеррой, успокаивалась от одного присутствия сильного хищника, дарившего мне чувство

безопасности. Я так устала быть в напряжении, следить за своими словами и фразами. А сейчас наслаждалась, потому что рядом было единственное существо во дворце, которое радовалось моему присутствию. И когда пальцы погрузились в густой мех, а я принялась почесывать широкую грудь и мягкие уши, слуха коснулось кошачье урчание.

Мой ласковый зверь, который не пугал, как мужчина, не злился, как мужчина, который согрел на ступенях старой часовни, вернув в сознание после той жуткой ночи у помешанного Ириадена. А ещё выбрал именно меня вместо собственной пары.

«Я тебя очень люблю, снежное чудо», – заглянув в кошачьи глаза, мысленно призналась барсу. А он растянулся на полу, опустил голову на лапы, блаженно жмурясь и позволяя себя гладить. Я не выдержала в какой-то момент и поцеловала розовый мокрый нос, а барс даже не фыркнул, не выразил протеста. У зверей есть инстинкты, но нет человеческого разума, и порой хищники милосерднее людей.

«Побуду с ним совсем немного, ну хоть чуть-чуть», – решила я и вытянулась рядом, прильнула к сильному гибкому телу и прижалась щекой к огромной лапе. Длинный хвост с белоснежным кончиком лег поверх моего бедра, обвил ногу.

Я ощущала покой, какого давно не испытывала. Чувство защищенности обволакивало мягким теплом, позволяло расслабиться и тоже закрыть глаза, слушая тихое дыхание моего зверя. Я неожиданно для себя самой уснула, позабыв о тревоге и о том, что успокоившийся барс имел свойство обращаться обратно в опасного и непредсказуемого мужчину.

ГЛАВА 19

Пробуждение вышло ранним, и очнуться довелось на ковре гостиной в объятиях обнаженного и безумно разгневанного императора. Догадаться, что я не торопилась расколдовывать его, оказалось нетрудно. Однако, обратившись, владыка не спешил будить, он терпеливо ждал, пока сама раскрою глаза, сонно потянусь и положу руку на... плечо, гладкое, мускулистое и без признаков шерсти.

– Ох!

Я рванулась в сторону, но «убежала» недалеко. Буквально на метр к краю ковра и на полметра обратно, точно к середине.

– Так значит? – Кериас гневно смотрел на мое побелевшее лицо, заключив меня в капкан рук.

– Прости... те, – использовала абсолютно бессмысленное в данной ситуации слово.

– Заслужишь, – выдал разгневанный повелитель.

– Чт-то?

– Прощение!

Легкое шелковое платье с кружевной вставкой на груди разошлось по швам. Упало на пол, угодив под ноги владыке, когда Кериас, крепко прижал меня к себе и понес в спальню.

Я металась на широкой кровати, стремилась вырваться, но мужские руки держали крепко, пыталась ускользнуть от его губ, но они оказывались повсюду, обрывали новое движение на полпути, предотвращая бессмысленные попытки сбежать.

– Отпустите, – из-под дрожащих ресниц выкатилась первая слезинка, прочертила дорожку по щеке до шеи, где он остановил ее, поймав соленую каплю языком, – пожалуйста.

Мне не было больно, но стыд обжигал кожу, а сознание того, что это, по сути, наказание, жгло душу. Но разве после всего я ожидала особой трепетности? Неужели надеялась, будто от этих слишком личных прикосновений у него тоже перехватит дыхание? Разве и правда верила, что трепет и томление, более подходящие неопытным девушкам вроде меня, не позволят ему исследовать мое тело с требовательной циничностью? Чего я хотела?

Он отпустил. Не сразу, а лишь когда собрал губами все слезы и каждый сантиметр моей обнаженной кожи выплатил собой долг, заменив

тем словесные извинения, и когда мир для меня перестал быть единым целым.

Я тяжело приходила в себя, медленно возвращалась в сознание, составляя его обратно из разрозненных частей, чтобы в итоге увидеть широкую спину одевающегося императора. Он почти в точности повторил для меня ту ночь, когда впервые осмелилась угрожать, что выпью его жизнь, а затем отстранился. Оставил задыхаться на кровати, накинул на плечи халат и ушел не оборачиваясь.

Я плакала. Сидела, обхватив руками голые колени и уткнувшись в них лбом. Дверь, скрипнув, отворилась, и я вздрогнула, быстро вскинула голову и увидела на пороге императорской спальни черноволосую кошку. Она прижимала к груди пузатый графин из темного стекла и настороженно смотрела на меня. Лицо ее вновь казалось старше, испещренное тревожными морщинками.

– Он велел, – начала она, – чай принести, успокоительный. Выпьешь?

Хотела покачать головой и попросить оставить меня в покое, но надолго бы все равно не оставили. Я – лекарство, а оно императору необходимо. Откажет себе в нескольких приемах, зато потом скрутит сильнее, еще болезненней, и придется вернуться к проверенному средству вновь.

Брюнетка приблизилась к кровати и протянула графин. Я взяла, машинально поднесла ко рту, отпила и закашлялась, сразу же вспомнив отца и его средство против душевных расстройств, рекомендованное хозяином гостиницы. В ответ на мой изумленный взгляд магиня пожала плечами.

– Самый крепкий «чай» из императорских погребов.

Она, словно в смятении, поспешно отвернулась и присела на край постели, устроившись вполборота. Голос звучал непривычно тихо и неуверенно.

– Я подумала, ничто другое не поможет. Ведь он...

Брюнетка прервалась, а я в изумлении заметила, как печально поникли ее плечи.

– Ведь он взял тебя силой, – на тяжелом выдохе закончила она и прикрыла глаза ладонью.

Я даже растерялась, но не от ее выводов, а оттого что Эвелин как будто переживала за меня. Быть такого не может!

– Не брал, – ответила, наблюдая, как недоуменно хмурится красивое лицо, – он продемонстрировал, какого отношения достойна. Целью было наказать или, его словами, заслужить прощение.

Мне казалось, я произнесла это спокойно, а вовсе не истерично. Брюнетка же резко развернулась, схватила меня за руки и развела их в стороны. Игнорируя мою наготу, внимательно оглядела отметины жадных губ на бледной коже и как-то облегченно выдохнула.

– Слава высшим силам! Я решила, если сын опустился до насилия...

Эвелин снова замолчала. Значит, переживания были не обо мне, а, скорее, о моральном облике повелителя.

– Не все ли вам равно? Вы собирались меня убить, так какая разница, что он со мной сделает? Я ведь заслужила любое наказание и сама во всем виновата, ведь так?

– Есть разница! – Эви ухватила за графин, который я не пожелала выпускать, и вытянула из моих рук силой. Отхлебнула из горлышка, перевела дыхание и закончила, – я тоже женщина, и так нельзя поступать. Нельзя никогда. Потому что он мужчина и он сильнее, а ещё ты, по сути, ребенок.

– Отдайте, – я снова потянулась к графину даже припала к горлышку и вообще замолчала на несколько минут.

– Доведете вы меня, – с грустью произнесла Эвелин, – рада, что он не перешел черты, но Крис сделал тебе больно?

– Не тут больно, – я помахала перед собой открытой ладонью, обозначая, собственно, тело, – а тут, – прижала кулак в районе сердца.

– Тут мне давно больно.

Кошка протянула покрывало, и я закуталась по самую шею, укрыв уже немного озябшее тело.

Странно, что решилась на откровенность с ней, наверное, это «успокоительный чай» развязал язык. Из-за него и предметы в комнате потеряли свою четкость, а щеки намокли.

– Я пришла сюда за его прощением, но он не смог простить. Когда пытаюсь с ним объясниться, каждый раз не выходит. У него манера такая: то вдруг добавит что-то, то на середине речи задаст вопрос или сделает какое-то заключение, и я сбиваюсь, а в итоге моя речь звучит иначе. И как будто собиралась рассказать по-другому, но все уже рассказано. Я молчала потом, чтобы не злить, не провоцировать и не мешать его трансформации. А он снова вышел из себя и обратился в барса!

Он верно считает, я жду проявления Вернона, но не оттого, что стремлюсь быть со стражем, это невозможно, и я уже смирилась с потерей. Я хотела от него только воспоминаний, чтобы Кериас ощутил, каково находиться под влиянием граней, тогда он сможет понять.

Я остановила барса в тот день, чтобы он не бросился на вас, и не

знала, чем все обернется, но во дворце задержалась помочь. Не становиться фавориткой, не делить постель с императором, потому что он все равно отошлет меня далеко, как обещал. А если вдруг передумает, то однажды женится на равной себе. Но я не хочу как вы. Не хочу просто дышать. Мне важно жить, и чтобы меня любили, и иметь право быть рядом с любимым.

С самого начала этой истории моего мнения никто не спрашивал, а теперь Кериас одержим тягой к шаане, но разве это любовь? А я после той ночи, когда они погибли, почти помешалась и снова воскресла, увидев его живым, но сегодня утром император указал на мое место, и это место любовницы. Да и кто бы рассчитывал на большее, он ведь правитель Монтерры. Даже Ириаден тогда не женился на Инессе.

– Потому ты сопротивлялась сегодня? – поинтересовалась Эвелин.

– Императору важно было наказать. И ласки его, такие откровенные, до дрожи, а сам он холоден и циничен. Словно изучал мои реакции, хотел добиться отклика и добился, но этим же и унизил. Он ещё в прошлый раз сказал, будто мое тело живет лживой жизнью вдали от чистого сознания. И сегодня я снова открылась прикосновениям, а значит подтвердила его слова. Начинаю думать, что и правда лгуныя, раз тело отделяется от разума, раз ему хорошо, а сердцу горько. И ещё Кериас считает, будто я отдаюсь другому мужчине.

Руки чуть не упустили кувшин оттого, что дрожали, но Эвелин успела его перехватить.

– Как много у тебя в голове, – медленно проговорила магиня.

Кажется, я и правда немало наговорила. Слишком долго держала в себе, даже отцу в письмах ничего не писала, и вдруг перелилось через край. Кошка же слушала внимательно, не мешала высказаться.

– Я в состоянии понять, о чем ты рассказала, а Кериас вряд ли. Мужчины по-другому мыслят, они иначе устроены. Вот знаешь, что было у вас сегодня утром с его точки зрения?

– А вы знаете его точку зрения, он вам рассказал?

Я отерла вновь выступившие слезы и крепче обняла колени.

Кошка качнула головой:

– Не рассказывал. Но он не хотел унижить, он стремился погасить свой голод. Ему нужно касаться тебя, просто жизненно необходимо. Поцелуи, рукопожатия, эти невинные ласки – все не то. Ему мало. Когда сама испытываешь, сможешь понять, о чем я говорю. А если учесть, что чувства вышли из-под контроля, что зверь испугался потери своей шаатер, будто кто-то другой может ее отобрать, то становится ясно отчего произошел срыв.

Он переступил предпоследнюю черту и умудрился остановиться. Но пусть так. Утраť он контроль совсем, и было бы хуже. Это ведь звериные инстинкты, те самые, неподконтрольные разуму. Зверь берет верх, никакие доводы рассудка, никакая сила воли не помогут. Даже молния, ударившая точно в лоб, не приведет в чувство. Ему нужно было доказать, что шаатер его и именно его руки и губы дарят наслаждение и заставляют ее стонать.

– Пусть он доказал, и что теперь?

– А то, что твои слезы сыграли роль, и нечто в нем сильнее даже зверя. Но Кериасу необходимо приходить к тебе – заглушить тревогу и напиться твоими эмоциями, загасить на время растущую потребность в шаатер.

И как я смогу это вынести?

Последний вопрос я вслух не задала, а вместо него спросила кошку о другом:

– Чего вы хотите от меня?

– Успокойся и приди в себя. Ты знаешь, что назначено на сегодняшний вечер. Жаль, срыв произошел накануне. Возможно, враги подгадали. Кериаса намеренно выводят из равновесия, хотят ослабить, вот и подкинули вовремя новости об объединении княжеств. Вероятно, они рассчитывают на якобы природное безумие императора. Если ты сейчас отвернешься, ему не сдержать вторую ипостась. Зверь слишком чутко реагирует на опасность и возвращает свой облик, чтобы отразить удар. Так что раз ты осталась во дворце помочь, соберись и помоги.

Я кивнула, не глядя на нее, а Эвелин поднялась. Обхватила покрепче графин и, уже очутившись возле двери, вдруг снова обернулась.

– Не знаю, откуда тебе это известно, выяснять не стану, но время, проведенное с отцом Кериаса, было для меня самым счастливым. Думаешь, такая любовь многим в мире дается? Пусть это длилось недолго, и я была на вторых ролях, всего лишь любовница, но мне есть о чем вспомнить. А боясь чувств, можно жизнь и не узнать никогда.

И она покинула спальню.

Я увидела его накануне праздника. Должна была дожидаться приглашения и отправиться к нему перед самым выходом к гостям, но в итоге император пришел сам в мои покои под руку с мадам Амели. Они зашли в гостиную, а у меня сразу ноги подкосились, и я быстро поклонилась, пытаясь скрыть дрожь.

– Дорогая! – прошептала сладкоголосой птичкой волшебница, – как только его императорское величество вызвал во дворец, я тут же прилетела.

– Такая честь, мой император, – и она низко поклонилась, демонстрируя владыке всю прелесть в меру откровенного декольте и

попутно одарив Кериаса обольстительной улыбкой.

– Как всегда очаровательны, мадам, – очень галантно отозвался правитель и коснулся губами ручки вдруг зардевшейся модистки.

Я бы тоже зарделась на ее месте от сочетания вкрадчивого тона и кошачьей улыбки.

– Миланта в вашем распоряжении, – сказал он, и пришел мой черед краснеть, столкнувшись с ним взглядом. – Пусть поразит всех сегодня.

Он снова улыбнулся нам обеим и вышел из спальни, а мы еще постояли так минутку, молча глядя ему вслед, пока не пришли в себя.

– Ох, какой мужчина! – обмахиваясь ладошкой, выдохнула волшебница, а потом увидела мое лицо и всплеснула руками, – я не претендую, дорогая, он ведь уже выбрал любимую фаворитку.

Я решила не комментировать последнюю фразу, а вместо этого морально приготовилась приносить всевозможные жертвы во имя красоты.

Амели как всегда делала все на удивление скоро и быстро, но при этом вдумчиво и тщательно, попутно отпуская комментарии:

– Чуть подтянем здесь и немного вот тут. Эффект спадает постепенно, значит, скоро начнут проглядывать родные черты, а следовательно нужно чуть-чуть продлить действие нашего корректирующего лосьона.

Хотелось спросить мадам, кто же помогает ей в городе магов с такими потрясающими косметическими средствами, кто добавляет в основу волшебную составляющую; но Амели была слишком разумна, чтобы раскрывать секрет.

– Смотри, я вылепила тебе идеальный прямой нос, а он потихоньку теряет форму, скоро вновь станет курносым. А скулы не будут казаться такими высокими и совершенными по форме. Но ничего не поделать, дорогая, когда все вернется на круги своя, использовать те же средства и вновь менять внешность опасно. Ты ведь уже добила нужного результата? Император был восхищен твоей выдумкой, так что место фаворитки в кармане, ни к чему более прибегать к радикальным мерам. Лучше заботиться о натуральной прелести, которой наградила тебя природа.

Я рассеянно кивнула, а Амели расценила это как сожаление о том, что эффект не вечен, а «огненная» фаворитка пришлась мне больше по душе, чем любовница-куколка. Модистка тут же принялась убеждать, будто насладиться полюбившимся обликом при должном уходе получится не менее трех месяцев и дальше в том же духе. Из всей монотонной болтовни я отчетливо расслышала последнюю фразу:

– Не только во внешности дело. Нужно быть соблазнительной и

изобретательной в постели, тогда мужчина и вовсе перестанет обращать внимание на незначительные недостатки.

Жарко покраснев, я тем самым спровоцировала закономерный вопрос:

– К чему так смущаться, милая? Не думаю, будто тебе требуются уроки в этом вопросе. Да и в любом случае, твоя матушка уже давно рассказала обо всем, что нужно знать о мужчинах.

– Меня растил папа, – не видя в таком ответе ничего зазорного, ответила я.

– О-о, – протянула Амели, – тогда сложнее. Вряд ли мужчина в состоянии научить родную дочь, как соблазнять других мужчин. Уж скорее он внушит, что все, выходящее за рамки прогулок под ручку, является развратом чистой воды.

Мадам замолчала ненадолго и, придя к какому-то выводу, вновь решила меня успокоить:

– Не переживай, похоже, нашего императора все устраивает. От себя лишь добавлю: что двоим в постели приносит удовольствие, не может считаться извращением. Будь смелее, дорогая. А теперь пересядь сюда, пора заняться прической.

К концу содержательного общения с модисткой мои рыжие кудрявые волосы были уложены столь тщательно, чтобы и мысли не возникло, как много сил и времени ушло на создание сего шедевра. Только мадам умудрялась преподносить собственный кропотливый труд в виде смеси легкой небрежности, даже фриivolности, и непередаваемого изящества. Часть волос она уложила короной на макушке, а другие локоны чуть вытянула, спустив тяжелые сверкающие кольца до самой талии.

Изумительное кружевное белье ярко красного цвета было полностью скрыто очередным шедевром, которое платьем язык не поворачивался назвать. Жесткий воротник-стойка, словно на одеяниях королей, но открытые плечи и полукруглое декольте, обнажавшее ложбинку между грудями. Тоненькая талия и идеальная осанка – так жестко затянула меня в некий гибкий каркас Амели. Он отдаленно напоминал вышедшие из моды корсеты, но не причинял жутких неудобств. Огненная ткань сверкала в лучах заходящего солнца, будто настоящий огонь, юбка, в отличие от прошлых моделей, была пышнее, шире и чуть короче нижней, состоящей из целой кипы красно-рыжих кружев. При ходьбе они колыхались и создавали впечатление сверкающих огненных искр.

– Теперь ты неотразима, – развернула меня Амели и одобрительно кивнула. – Император просил поразить всех, и задача выполнена. Ни один человек в торжественной зале не останется равнодушным при виде тебя.

– Спасибо, мадам.

Приложив ладони к щекам, я разглядывала свое отражение и сверкающие, точно изумруды, зеленые глаза, белоснежную кожу с легким румянцем, невероятный наряд и подарок императора – тяжелые кроваво-рубиновые серьги.

Вздохнула, зажмурилась на мгновение и кивнула.

– Мне пора.

Как мало нам взглядов и сказанных слов,

Минуты вдали растянулись в века,

Мы словно из разных явились снов,

На миг повстречаться у самого края.

Строчки из старой поэмы о двух влюбленных вдруг пришли в голову. Счастливец, чья любовь оказалась столь сильна, что могла поколебать устои мира, явив ему истинную силу чувств, разделили боги. В году влюбленным даровали единственный день для встречи. Позабудь они о своих чувствах, и могли бы отринуть страдания и тоску, прожить обычную земную жизнь, а они не желали. Стоя на противоположных берегах, вглядываясь в густой, непроглядный туман, ждали того дня, когда туман рассеется, а над пропастью ляжет хрустальный мост, ведущий их друг к другу.

Сложно объяснить почему, замерев на пороге императорской гостиной, столкнувшись взглядом с владыкой, я вспомнила это четверостишие, возможно, даже переиначенное моей памятью за давностью лет. Разве мы являлись влюбленными, разве даже играли в них? Просто он и она, разделенные пропастью и богами. Он, в охватившем высокий лоб императорском венце, с густыми оттенёнными белоснежной мантией черными волосами, и она, в огненном платье, с чужим прекрасным лицом и искусанными от волнения губами.

Ему стоило лишь властно махнуть рукой, отдавая безмолвный приказ и ожидая беспрекословного повиновения, а затем отвернуться холодно и равнодушно, в полной уверенности, что не посмею возразить. Императорам не отказывают, их повелений не нарушают, особенно когда воздух вокруг потрескивает от переизбытка силы и чуточку жалобно скрипят скручиваемые в спираль металлические разветвления канделябров. Никто не имеет права сопротивляться и таить обиду на правителя, посмевшего взять то, что ему принадлежит по праву. Но Кериас лишь одарил взглядом, долгим, внимательным, а затем слегка встряхнул ладонями, точно сбросил излишки силы. Собранный, сосредоточенный, уверенный в себе и величественный, он направился к дверям, а рядом шли

Эвелин и доверенный маг. По ту сторону ждали приближенные, во главе которых император и должен был проследовать в залу торжеств.

Фаворитке полагалось идти в составе свиты и покинуть ее перед дверями залы, пройти боковым коридором, миновать еще несколько дверей, чтобы в итоге выскользнуть из тени на тронный помост, остановиться позади владыки и положить руку на его плечо. Все же избранница императора – не жена, она не может идти с ним под руку мимо тех, кто приехал выразить почтение и поклониться новому повелителю Монтерры, однако она может находиться рядом, чуточку позади трона.

И я уже приготовилась пропустить вперед самых доверенных лиц, а потом слиться со свитой, когда неожиданно всего на пару минут мы остались одни. Эвелин и маг оказались по ту сторону дверей, а я и Кериас по эту. И снова долгий взгляд, изучающий, ждущий, а мне следовало поклониться по всем правилам и исходя из наших с ним отношений и заверить в своей преданности. Ведь такое положение я теперь занимала: будто в круге его доверенных лиц, но по причине зависимости императора, знала о вещах, хранившихся в строжайшей тайне, но была не в курсе всех планов Кериаса на этот вечер. Я помогала, но благодарить за это следовало не столько меня, сколько странную связь между нами. А значит поступков, выходящих за четко обрисованные пределы, или чувств, помимо обиды за принуждение, он, наверное, и не ждал.

Просто смотрел, просто выяснял, с ним ли я, а я... Потянулась к опущенной руке с массивным императорским перстнем, подняла выше и чуть ощутило коснулась губами:

– Я буду с тобой. Не подведу в этот раз.

Выдохнула, словно дала важнейшую клятву, отпустила его ладонь и вдруг очутилась в кольце сильных рук. Не рванулась, как прежде, лишь запрокинула голову, чувствуя, что вокруг нас пропасть: враги, друзья, привычки, условности, прошлое, будущее. Один неосторожный шаг и этот вечер станет началом конца для него и для меня. Закрыла глаза, отрекаясь на секунду от всего и от себя в том числе, и погрузилась в темноту поцелуя.

*Твой поцелуй подобен плену,
В нем память прошлых наших встреч,
Он для меня сродни ответу,
Что и забвенью не стереть.*

Если герой древней поэмы именно так ощущал прикосновение губ своей возлюбленной, то для меня поцелуи Кериаса всегда были разными, но чаще подчинявшимися его воле. Они словно поглощали меня, отдавали чужой власти. Давным-давно директор столичной библиотеки

предупреждал, что Зверь будет давить, пока не сломаюсь, и тем сильнее, чем отчаянней будет мое сопротивление. А сейчас я не противилась прикосновениям и объятиям, и они стали такими... исчезла прежняя жёсткость, властность, кружащий голову напор, и мне вдруг досталась нежность, щемящая, ласковая и такая настоящая. Поцелуй на границе света и тени, скрадывающий остроту полумрак и мягкое обволакивающее сияние.

Спало напряжение силы, перестал потрескивать, давить на виски воздух и жалобно скрипеть металл. Поцелуй, точно волшебство для нас обоих. У меня ушла боль из сердца, его отпустило напряжение, сила вновь оказалась под контролем. И когда его ладони опустили, выпуская мою голову, а пальцы прочертили по щеке, я открыла глаза, вернулась в тишину гостиной, вспомнила о том, что нас ждёт, но отчего-то больше не боялась.

Император торжественно вступил в залу, а придворные выстроились по обеим сторонам. Атрионы замерли вдоль стен и зорко следили за каждым гостем. Когда правитель Монтерры величественно миновал своих подданных, те склонялись в низком поклоне. Высшая аристократия особенно старалась выразить почтение, ибо благосостояние большинства этих людей зависело от расположения владыки. Особенно уповали на мимолётный взгляд, который мог подарить им надежду, наряженные в роскошные платья дамы.

Намного более сдержанно вели себя светлейшие князья. У каждого за спиной осталось собственное княжество, размером почти с целую страну, их ли правителям было присягать на верность новому императору-магу? Однако удержать спину ровной не смог ни один.

Я смотрела на этих людей, известных, великих, родовитых, и восхищалась впечатлением, произведенным Кериасом. Не оказалась я велением судьбы в такой близости от трона, и не посмела бы даже находиться с ними в одной комнате. Однако с какой легкостью новый владыка империи шагнул меж настороженных придворных и наделенных собственной властью, недоверчивых «королей» – каждый при своем владении, у каждого за спиной сильные воины и поддержка местных жителей – однако они не смели шелохнуться, пока Он не дал своего разрешения.

Император спокойно взошел по ступеням и занял трон, уложив руки на резные подлокотники, а я выступила из тени и встала позади Кериаса. Положила подрагивающие пальцы на его плечо и замерла, обводя взглядом всех, кто оказался ниже нас. Задачей было не показать растерянности или испуга, и, надеюсь, справилась с этим, ведь на меня смотрели все. Еще как

смотрели!

Женщина должна подчеркивать статус мужчины, а потому фаворитка императора была неотразима сегодня. И когда владыка шевельнул пальцами, а мое платье пошло огненными всполохами, точно загорелось по-настоящему, все ахнули. Мы будто огонь и лед: в белоснежном одеянии, в пламенеющем наряде, оказались у всех на виду. Вокруг раздавались пораженные и восторженные возгласы, я ловила удивленные, завистливые и восхищенные взгляды и изо всех сил старалась не сжимать пальцы на плече своего снежного зверя.

А потом началось представление: распорядитель громко объявлял имена, и названные подходили и вновь склонялись в поклоне. Кому-то Кериас благосклонно кивал, а одной леди в коралловом платье и с пышной причёской даже улыбнулся. Уловив необычное имя Эзмини, я вспомнила, что читала об этой выдающейся женщине, которая стала править после смерти старого мужа и получила клятву верности от всех глав проживающих на территории княжества кланов. С тех пор она управляла железной рукой.

Я, правда, не ожидала, что великая княгиня окажется так молода и хороша собой, а ее, судя по выразительным взглядам, очень заинтересует император. В его же улыбке тоже сквозил интерес. Мне вдруг подумалось, что вот такая женщина превосходно подойдет на роль императрицы. Происхождение всегда играло главную роль в выборе супруги. Правителям Монтерры не было нужды брать в жены иностранных принцесс. С сильной и могущественной империей никто из соседей не смел идти на конфликт, но основой власти и ее незыблемости являлось укрепление внутренних связей и поддержка сильнейших княжеств.

Внезапно для меня померкла прелесть взаимного поцелуя, воспоминание о котором так грело сердце и помогало стоять ровно и выдерживать сотни взглядов. В том положении, в каком очутился, Кериас мог жениться только на знатной женщине из лучшего рода, ведь среди явившихся на праздник не было главного противника, светлейшего князя Иннеи.

Я вздохнула, а в следующий миг, как и все остальные, оглянулась в сторону террасы. Представление закончилось, и гости заняли места у столов, а многочисленные окна вдруг распахнулись, впуская морозный ветер. Он пронесся по зале, и на круглых столах, словно из воздуха, кусочек за кусочком выстраивались высокие хрустальные бокалы и чаши, а слуги принялись наполнять их вином, фруктами и закусками.

И снова восторженные ахи и охи. Такая невинная, но красивая магия

впечатлила самых неискушенных, искушенные же смотрели с подозрением, осторожно брали сосуды с напитками, а те, кто посмелее, решались сделать глоток. Они прекрасно понимали, что это необычное развлечение для гостей своего рода демонстрация силы. Ведь если можно создать из воздуха бокал, то что мешает сотворить из него нечто более опасное.

Император был невозмутим и не обращал внимания на волнения среди приглашенных. Он оглядывал их равнодушно, но цепкий взгляд выхватывал все детали, объединяя в единую картину. Не успели придворные испробовать угощение, как из ниоткуда полились чудесные звуки музыки.

Я взглянула на отведенное для музыкантов место, но сперва увидела пустое пространство, а затем закружившуюся там снежную дымку. Постепенно рассеиваясь, она открыла глазам вновь пораженных гостей исполнителей чарующей мелодии. Мне тоже захотелось ахнуть, так чудесно это выглядело. Некоторые придворные даже отвлечлись от угощения, стараясь не пропустить нового необычайного явления, и в ожидании оглядывались по сторонам. Однако Кериас планировал свои «чудеса» дозированию. Нужно было впечатлить, но не напугать, немного рассеять внимание, но не спровоцировать тревоги и не перенасытить публику магическими штучками. А потому дальше вечер пошел по обычному, не волшебному сценарию.

Чуть позже начались танцы, и тут зрителей ждало новое развлечение. Вновь из ниоткуда возник белый туман, окутал столы, заставляя гостей отшатнуться, а когда он рассеялся, никакой мебели в зале, за исключением стульев для пожилых приглашенных, не оказалось. Зато на стенах появились огромные зеркала, и музыка заиграла громче.

Император не покидал своего трона, разглядывая танцующие пары, а я, естественно, оставалась рядом, зато остальные кружились в вальсе. Многие дамы явно сожалели об упущенной возможности оказаться в объятиях правителя. Я же прекрасно понимала, что Кериас не мог сейчас расслабиться и бездумно раствориться в сутолоке чарующего танца. Он постоянно был настороже, хотя магия не вырывалась из-под контроля.

Когда миновала полночь, император вдруг подал музыкантам сигнал, и мелодия стихла. Утомленным гостям было предложено выйти на террасу, чтобы наблюдать за еще одним чудесным зрелищем – торжественным салютом. Впервые за все время Кериас поднялся с трона и предложил руку мне. Взглянув в его невозмутимое лицо, я ощутила волнение, интуитивно почувствовав, что салют станет кульминацией вечера.

Серебристые снежинки упали с потолка сверкающей завесой, закрыв

высокие окна подобно легкому тюлю, и затем исчезли, а вместе с ними исчезли и оконные проемы. Терраса стала единым целым с залой, а возбужденные очередным необычным зрелищем придворные поспешили выйти наружу.

Император крепко, но мягко придерживал меня за руку, и по его поведению невозможно было понять, к чему он внутренне готовился. Мы остановились на возвышении, оказавшись на голову выше остальных гостей, и вдруг стало неуютно. Впервые за весь вечер меня и Кериаса окружали люди. Пусть они находились на небольшом расстоянии, словно отделенные незримым кругом, но сейчас невозможно было видеть действий каждого, как в зале. Еще напрягал момент, что Кериас не пропустил меня вперед, а предпочел отодвинуть практически за спину, хотя теперь он не сидел на троне, но возвышался передо мной, закрыв почти весь обзор.

Впрочем, его поза не мешала наблюдать, запрокинув голову, как в черном небе рассыпаются сверкающие звезды салюта, как складываются разноцветные огни в символы двадцати девяти княжеств, вызывая довольные возгласы среди их представителей, а затем соединяются в огромный, застывший в небе герб Монтерры с печатью Хранителей врат.

Оглушительный грохот потряс застывший в безмолвном восхищении сад, герб взорвался золотыми огнями, осветив небо подобно солнечному светилу, и осыпался искрами прямо на террасу. Кажется, кто-то вскрикнул в испуге, люди невольно прикрывали ладонями головы, а я в безотчетном страхе вцепилась в белоснежную мантию. Золотой сноп искр, не зацепив стоявших рядом, упал именно на нас и вспыхнул вокруг сверкающей сферой, а затем мы вдруг провалились в темноту.

Я упала на Кериаса, и под своими ладонями на его груди ощутила липкую влагу. Запах крови защекотал нос, а затем в темноте вспыхнул свет. Мы оказались где-то в небольшом подвале прямо под террасой, а вперед уходил узкий коридор. Рядом с нами встали на колени маг и Эвелин.

Я в панике посмотрела вниз и ощутила дурноту, увидев на выглядывавшей из-под жилета рубашке бурые пятна. Они расплывались, становясь все больше и больше, и в страхе я подняла голову. Если бы моим глазам предстала уже виденная однажды картина – восковая маска вместо лица – сердце бы разорвалось, но император оказался жив. Дышал тяжело, кожа выглядела бледной даже в колеблющемся пламени двух свечей, испарина выступила на лбу, под золотым венцом, но Кериас нашел силы приподняться.

– Миланта, – выдохнул он, – поцелуй.

Я сразу повиновалась приказу, произнесенному чуть хриплым тоном, не думая о том, как это нелепо целоваться в подобной ситуации. Ведь сперва нужно остановить кровь, осмотреть раны.

Но даже забыла напомнить об этом, когда склонилась ниже, а на затылок легла его широкая ладонь, и длинные когти – символ частичной трансформации – вдруг вдавились в чувствительную кожу головы.

Удивительно, как сцепляются невидимые крючочки эмоций: паники и удовольствия, и как щекочат нервы прикосновения в самый опасный и страшный момент. Когда мужчина, истекая кровью, целует, забирая для измученного ранами тела часть твоего дыхания, и острые когти чуть болезненно сдавливают затылок, а клыки царапают губы.

Воздух вокруг вновь искрил и сгущался, давя тяжелой массой, но я не собиралась отстраняться, я знала, что необходима Кериасу. Сама обхватила его голову ладонями и прижалась теснее, пачкая огненное платье кровавыми пятнами. И ничем иным, как чудом, не смогла бы назвать то, что его дыхание восстановилось, клыки и когти исчезли. Я вновь обнимала и целовала просто мужчину, не зверя и даже не оборотня. Но ощутила, как он вздрогнул, и отстранилась на секунду, успев заметить, что Эви с магом синхронно вогнали две иглы под кожу императора.

– У нас минуты времени, – прошептала кошка, чей цвет лица почти не отличался от тона кожи владыки. Маг кивнул, и они вдвоем бросились куда-то в темный угол крохотного подвала.

Я успела удержать Кериаса от удара затылком о каменный пол. Быстро поменяла положение, присев на колени и устроив на них его голову, запустила пальцы в густые волосы, поглаживая бережно, успокаивающе, смотрела на тень от опущенных черных ресниц и кусала губы, стараясь не заплакать. При более тщательном рассмотрении становилось заметно, что рубашка изорвана местами и уже почти полностью пропиталась кровью.

– Только бы с тобой все было хорошо, я ради этого на все готова, – шепотом призналась потерявшему сознание мужчине.

– Скорее, – Эвелин вновь оказалась рядом, – помоги переодеть.

У нас обеих ходуном ходили руки, пока мы стягивали мантию, а затем меняли рубашку и вышитый золотом жилет на точно такие же, но чистые, целые и с непромокаемой внутренней подкладкой. Под всей одеждой на теле Кериаса оказался еще один жилет из очень плотного материала, продырявленный местами. Эви и мне на плечи умудрилась накинуть новый плащ красного цвета, скрывший под собой пятна крови (хотя они и так были малозаметны).

– А теперь идите, – велела она, указав на коридор.

– Он не может, он без сознания, – в растерянности объяснила я кошке, как-то неправильно оценившей ситуацию.

Куда идти? Зачем? Они остановили ему кровь с помощью этих уколов, блокировали боль, еще и переодели, но ведь нужно лечить.

– Он был в сознании все время. Мы его не усыпляли.

Я посмотрела на открывшего глаза императора и растерялась сильнее.

– Все время? – слабо уточнила.

– Даже не думал спать, – ответил Кериас, будто само собой подразумевалось, что ситуация не располагала к отдыху.

Я быстро отогнала тревожные и неуместные мысли о том, каким привычно насмешливым казалось сейчас выражение его лица, а ещё чуточку странным, будто... Нет, не время. После хорошенько подумаю над ситуацией, а заодно и над своим, услышанным им, признанием.

– Тебе было так плохо...

– Ему и сейчас плохо, – прервала брюнетка, – не теряйте драгоценного времени! Вперед!

Пока препараты действуют, иначе потом сил не останется.

И Эвелин потянула меня за руку, поднимая с земли, а Кериас встал сам.

Мы почти бегом миновали коридор и быстро поднялись по каменной лестнице наверх. Кериас сдвинул люк и помог мне выбраться. Мы очутились за деревьями парка, скрытые от глаз ничего не понимающих придворных на террасе. Император обхватил за талию и быстро переместил меня на замаскированную доску, сам сжал в руке свесившуюся вдоль ствола веревку и потянул.

Скрытый в дереве механизм работал почти бесшумно, поднимая нас до середины развесистой кроны. Я не видела, куда шагать, но Кериас направлял сам. Ведомая его рукой, я переступила на незримую глазу платформу. А потом воздух загудел, вокруг нас разлилось сияние, и Кериас успел шепнуть:

– Иди со мной вниз по ступенькам и улыбайся, Миланта.

Туман рассеялся, открыв нас взгляду шокированной публики. Мы словно зависали в воздухе над деревьями, а на самом деле стояли на твердой опоре. Теперь стало понятно, над чем работали Кериас с магом. Все чудеса в комнате подкреплялись замечательными механическими штучками. Подобно платьям мадам Амели, в которых не было лишних деталей, каждая шестеренка в этих механизмах была спроектирована с удивительной точностью. Так, пожалуй, и столы сложились куда-то внутрь мраморного пола, а окна вовсе не исчезли, но разъехались в стороны.

Размышления были прерваны самим правителем, твердо и уверенно потянувшим за собой по невидимым ступенькам. Я опиралась на его руку и благодаря этому не сбивалась с шага и не ступала мимо, а потом мы замерли на уровне балюстрады. Гости стояли, буквально разинув рты, а император улыбался и я вместе с ним. Благо в такой темноте никто не мог разглядеть, как дрожат мои губы.

– Прошу всех в залу.

Владыка величественно взмахнул рукой и, повинувшись ее движению, вновь вспыхнуло мое платье, а мантия Кериаса заискрила снежным вихрем. Два цвета сплетались друг с другом и устремлялись сверкающей лентой мимо людей, внутрь просторной комнаты, точно указывая путь. Придворные склонились в поклонах, никто не посмел повернуться спиной, и в залу все входили, пятась и неловко толкая друг друга. Еще одна насмешка в духе невозмутимого дознавателя.

Люди втянулись в комнату и замерли, формируя коридор и желая пропустить императора, а Кериас ступил на последнюю невидимую ступеньку, которая плавно заскользила к возвышению.

На него мы и сошли.

– Рад был увидеть вас во дворце, господа, – с царственной улыбкой произнес Кериас, а затем все окутал туман, окна оказались на своем месте, а мы провалились в подвал с низким потолком, приземлившись в этот раз на ноги.

– Представление закончилось, теперь лечите, – сказал император и, выпустив мое плечо, упал прямо на руки верных помощников.

Я проскользнула в гостиную владыки и замерла возле двери в спальню. Она была приоткрыта, и из-за нее доносился голос Эвелин, попрекающей правителя Монтерры:

– Почему ты не защитился?!

– Эви, они использовали два вида заряда, один, рассчитанный на обычных людей, и другой, против магов. Подобный тем, что изобрели хранители во время войны, только усовершенствованный.

– Совести у тебя нет, – попеняла кошка.

– Эви, я правитель целой империи, зачем мне совесть?

– Хоть бы обо мне чуточку подумал, о бедной старой женщине, у которой за тебя сердце болит.

– Эви, ты еще меня...

– Только посмей сказать: «Переживешь!»

– Переспоришь, – мягко рассмеялся Кериас.

– Несносный! – топнула ногой брюнетка и вылетела из спальни, чуть

не сбив меня с ног.

Я попятилась под сверкающим взглядом Эвелин, а кошка не долго думая ухватила меня за локоть и потащила через смежную дверь обратно в покои фаворитки.

– Как это назвать? – женщина металась по гостиной и пару раз даже пнула ни в чем не повинное кресло. – Так себя не беречь. Ну как можно?

– Эвелин, извините, я не совсем понимаю о чем речь.

– Конечно. Кто бы вводил тебя в курс дела. И ведь вымахал под два метра, силы набрался, а то бы я ему всыпала для вправления мозгов. Вот что значит без матери рос.

Аккуратно присев на краешек безвинно пострадавшего кресла, я собралась слушать излияния сорвавшейся кошки. Эви точно переволновалась за Кериаса, впрочем, как и я, только я редко выражала эмоции столь бурным способом, лишь в случаях, когда совершенно теряла над собой контроль.

– Ну почему ты, а? Почему не Ана? Она магиня и может себя защитить, а ты слабая. Тебя постоянно нужно оберегать, вот он и подставляется.

– А что произошло? – еще тише поинтересовалась я.

– Покушение произошло, вот что. А он подозревал и заранее все рассчитал, даже вычислил самый подходящий для нападения момент – во время салюта. Эти мерзавцы хорошо все продумали, планируя покушение не на обычного человека. У них был четкий план праздника, и под прикрытием искр они выпустили разрывные металлические шарики, при этом смешали пули с магическим зарядом и другие, из антимагического сплава. Кериас защитился от шариков из этого сплава, способных пробить именно магический щит, его одежда, как и твоя – это прекрасная броня против подобного оружия. А вот от тех, которые мог остановить его дар, закрыться не смог, и часть пуль прошла даже сквозь защитный жилет. Благо, заряд был при этом утерян, шарики не разорвались в теле, а засели под кожей.

Я сразу вспомнила платья из ткани, в которых вместо обычных нитей использовались особенные, из магического сплава. Оказывается, это изначально Кериас придумал и заставил Амели использовать задумку в нарядах, сшитых для меня. Нехитрая магия спасла ему жизнь, хотя некоторые пули оказались столь мощными, что пробили даже подобный сплав.

– Почему он не защитился? – я забилась в уголок кресла и подтянула колени к груди, примерно зная уже, что услышу.

– Ты была рядом. А его сила пока нестабильна. Почему, как думаешь, они придумывали эти механизмы? Чтобы ненароком не поубивать половину приглашенных во время всяких волшебных демонстраций. Крис подстраховался, магии он использовал лишь самую малость. А магический щит против пуль сосредоточил на тебе. Пробуй император растянуть его на двоих и мог произойти сбой, тогда бы оба пострадали. Будь рядом Ана, ему не пришлось бы отвлекаться. Вот какая нелегкая принесла тебя во дворец, Миланта?

– Это была ошибка.

– Ошибка! Ошибка, оплаченная такой ценой, – горько вздохнула кошка и разом погрузилась, сникла, перестав метаться, присела на бархатную оттоманку. – Я отлично понимаю, как зародился его интерес. Какая-то невзрачная девочка дала ему от ворот поворот, а потом и вовсе сбежала. Ты не давалась ему в руки, оставалась недоступной и изрядно помотала нервы. И времени, проведенного вместе, и его интереса, который не угасал, а лишь рос, оказалось достаточно, чтобы он захотел узнать тебя лучше, а не просто использовать как очередную, привлекающую внимание игрушку. Возбудила инстинкт охотника, затем пробудила желание защищать и всегда держала на расстоянии. Ана поддалась бы сразу, она любит его, желает. Захоти этого Кериас, и она бы приняла его как мужчину.

– Анетт ведь может вернуться, – я очень старалась произнести эти слова спокойно, чтобы Эви не поняла, с каким трудом они мне даются. Весь разговор причинял сильную боль.

– Может, вот только время вспять не повернуть. Ведь как ликану выбирают пару? Сперва зверь должен определиться, то есть мужчина видит женщину и ощущает особенное притяжение, такое, которое ни с чем не спутаешь. Зверь спокоен и не протестует, как и в случае с человеческой аретеррой, что исключает возможность обращения. Потом их магия должна иметь сходную природу, не вступать в конфликт. С человеком подобный вопрос не стоит, поскольку у вас нет дара, ты, например, свободно приняла бы Кериаса в качестве любовника.

– Это выясняется... – дальше двух слов вопрос у меня не пошел.

– Обычно это выясняется через объятия и прикосновения, – правильно поняла невысказанную фразу Эвелин. – Если магия протестует, идет отторжение.

– Ну и напоследок симпатия со стороны человека, а Ана Кериасу нравилась. После выбора они провели церемонию принесения клятв, объявили себя парой. Оставалось пройти испытание обращением, и мы готовили Анетт к явлению звериной ипостаси Кериаса, но времени не

хватило. Пришла ты, он обратился, и зверь сделал свой выбор между двумя женщинами.

Я ещё в тот момент поняла, что Ане не занять твоего места, просто по одному его движению. Кериас встал позади, обнял тебя со спины, закрывая самое уязвимое место, и выставил ладонь в защитном жесте. Ну а потом и вовсе оказалось, что притяжение уже перешло на другой уровень. Подобное единение обычно достигается именно в паре, когда клятвы открывают другому ликану доступ в твой личный круг, подпускают совсем близко, дарят безграничное доверие, после развивается привязка, подобная притяжению к человеческой шаане. И тогда в одной женщине совмещается все, она становится единственной. Не знаю, сможет ли Ана пройти этот круг теперь, когда есть ты.

– Если Кериас отпустит, я не буду больше искушать его, и тогда выбор станет легче. Разве нет?

Эвелин вдруг заколебалась, точно не зная, стоит ли отвечать, а потом решилась и сказала со всей честностью:

– Не уверена.

– А условие развития привязки состоит лишь в полном взаимном принятии и физическом притяжении?

Кажется, мой вопрос нельзя было сформулировать более точно, потому что кошка несколько побледнела, но Эвелин нельзя было отказать в искренности и смелости.

– В случае обычной пары, основным условием, как и у людей, была бы любовь.

Горло снова сдавило. Любить полноценно, всей душой, Кериас никогда не сможет. Но отказаться при этом от удовлетворения физического желания он вряд ли захочет. Если притяжение так сильно, то остановить мужчину могло только искреннее сопротивление жертвы, я же сегодня раскрыла все карты.

Мне вспомнился взгляд Кериаса, и теперь я точно знала, о чем он безмолвно сказал: «Попалась, Мышка».

ГЛАВА 20

Прогулка по парку не задалась. От размышлений в тишине и покое очень отвлекали голоса придворных. Я старалась уходить от общих аллей, следуя узкими тропинками, на которых никто обычно не гулял. Разряженные аристократы избегали дорожек, где ненароком можно было порвать костюм о торчащие колючки, однако гул долетал даже сюда. А все потому что император изволил прогуляться и, конечно же, не один, а с великой княгиней Эзмини.

Он уже оправился после покушения, и я собственными глазами наблюдала за процессом лечения. Сидела рядом в тот момент, когда доктор извлекал металлические шарики, и чуть сознания не лишилась в процессе. Это было намного хуже, чем смотреть, как Эви вытаскивает из-под кожи Кериаса ледяные иглы. Император тогда привлек меня совсем близко, снова с моей помощью контролируя рвущегося наружу зверя, справляясь с болью и пытаясь сдержать оборот.

Зато спустя несколько дней он уже встал на ноги, а среди придворных пустили слух, будто правитель провел это время в храме светлейших богов, постясь и молясь о благе империи. Двор тогда такая набожность охватила. Никто прежде и не вспоминал о посте, а тут все разом устремились в часовни преклонить колени и воззвать к богам, как это якобы делал император. К настоящему моменту Кериас и вовсе обрел достаточно сил, чтобы развлекать задержавшуюся во дворце княгиню.

Шагая вперед, уворачиваясь от цепких веточек, думала, когда же владыка изволит отпустить меня. Я могла ошибаться, но день ото дня все больше казалось, будто его внутренний разлад остался в прошлом. Сложно описать ощущения сродни интуитивному пониманию, но после праздника Кериас будто окончательно примирился со второй сущностью, по крайней мере, терзавшая его прежде раздвоенность чувств и эмоций более ничем себя не проявляла. Я надеялась, император обрел, наконец, целостность.

Зверь тоже был практически взят под контроль, и давно не происходило ни одного неожиданного оборота. Как-то даже застала Кериаса, экспериментировавшего с обращением. Он научился создавать вокруг тела нечто светящееся, похожее на плащ, скрывавшее его наготу не хуже одежды. Лишь отдельные всплески силы пока указывали на то, что процесс не завершен.

Эвелин утверждала, это произойдет с появлением полного контроля

над магией. Кошка говорила, должно быть очень впечатляюще – последний выброс силы мог стать самым мощным. Вот мы и ждали, что его спровоцирует, а Кериас пусть и не тратил время на молитвы богам, зато все чаще проводил его неподвижно сидя на одном месте, закрыв глаза и погрузившись в себя, тренируя возможность погасить будущий последний всплеск самым безопасным образом.

Ну а после (никто мне этого не говорил, но я и так знала) должна была отпасть надобность в аретерре. Можно было даже порадоваться, а у меня, как назло, не выходило. Я спала плохо и совсем потеряла аппетит в последнее время, а в душе бесконечно клокотали разные чувства, сложные и напрочь лишаящие покоя. Этот покой я сегодня пыталась отыскать в освещенном солнечным светом парке, но оживленный гомон вдалеке мешал сосредоточиться.

Дорожка завела в заброшенный уголок. Я остановилась, оглядывая полуразрушенный мраморный комплекс. Когда-то здесь стояли прекрасные статуи и били фонтаны. Повсюду.

Каналы разветвлялись под землей и в них поступала вода из скважин по всему парку. Однако долгое время назад источник пересох. Возможно, вода ушла на такую глубину, откуда просто не могла пробиться на поверхность. Ее пытались отыскать, чтобы восстановить старый комплекс, но не удалось.

Со вздохом я прислонилась лбом к заросшей мхом фигуре, прежде изображавшей фейри, но с отколотыми частями. Мраморная дева давно лишилась длинных кос и мифических крыльев, однако ее склоненная в задумчивости головка напомнила мне саму себя со стороны.

Вздыхнув, поправила упавшие на глаза волосы и оттолкнулась ладонями от холодного камня, обернулась в сторону центральной чаши, где прежде была невиданной высоты струя, и замерла. Облокотившись на пьедестал еще одной статуи, за мной наблюдал Кериас. Без венца и королевской мантии, в удобной черной форме дознавателя, с перекинутой через плечо кожаной курткой. Словно только что вернулся из очередной вылазки в столичные трущобы.

Значит, там с княгиней гуляет двойник? Хотя чему удивляться, если доверенный маг частенько брал на себя обязанности навести чары на отобранного для роли подставного императора человека. Тот же рост и цвет волос, похожее телосложение, немного измененный тон голоса, и вот для окружающих это уже Кериас, идет неспешно по парку, держа под руку довольную княгиню и отвлекая внимание остальных, в то время как настоящий император занимается более важными делами. Вот, например,

как сейчас. Кхм. А что сейчас? Выслеживает собственную фаворитку?

– Ты искал меня? – спросила, ощущая нарастающее волнение в груди.

Кериас качнул головой и оттолкнулся от потрескавшегося камня.

– Почуял, – с легкой хрипотцой в голосе ответил он, – когда возвращался.

Следовательно, все же охотился. За кем? Наверное, выслеживал заговорщиков, организовавших покушение.

Я теснее прижалась спиной к фейри, наблюдая, как император отбрасывает в сторону куртку и делает шаг ко мне. Приближается медленно, плавно и совсем бесшумно, точно крадущийся кот, останавливается в нескольких сантиметрах. Широкие ладони уперлись в каменную статую, а император наклонился ко мне:

– Так и будешь бегать, Мышка?

– От кого? – мой голос тоже внезапно охрип.

– От себя, – ответил на это Кериас и без предупреждения обхватил мое лицо ладонями.

– Подожди, послушай, – я положила руку ему на грудь, пытаюсь остановить.

– Я долго слушал, – почти зарычал на меня владыка, – и слушал, и слышал и понимал. Достаточно, Миланта! Я не насильник, никогда им не был и не заставляй меня ощущать себя таковым. Легко бегать, когда твои внутренности не сгорают до пепла от одного взгляда, одного прикосновения. Когда только поцелуи позволяют протянуть еще немного, еще самую малость, и так день за днем. Сходя с ума, желая, до последнего храня надежду на взаимность, чтобы потом услышать искреннее признание.

– Это не настоящее, – прошептала я, быстро закрывая ладонью его рот, – это тяга к шаане, просто страсть, не любовь. Чувства без будущего. И я не хочу погружаться в них. Я...

– Поздно! – он оборвал меня резко и гневно, выпустил из захвата лицо, но ударил ладонями по равнодушному камню. Земля вокруг вдруг заходила ходуном, у меня от всплеска его силы резко сдавило виски и потемнело в глазах. А император уронил руки вдоль тела, опустил голову и сжал кулаки. Показалось, что вековые статуи вдруг ожили, зашатались, заохали в страхе, а потом со стоном и треском раскололась старая чаша, и из-под земли рванула наружу мощная струя воды.

Я ахнула, а в следующий миг повсюду, из каждой древней статуи забили фонтаны. Над головой фейри раскрылся широкий сверкающий в лучах солнца водяной «зонт», и кругом полились хрустальные капли. Они

упали бегущим рябью пологом, отрезая нас от остального парка. Вдали слышались затихающие крики придворных, которых вдруг окатило из ниоткуда взявшейся водой. Уснувший сотню лет назад источник очнулся со стоном и протяжными вздохами, а напряженный задыхающийся император наконец разжал ладони и поднял сверкающий взгляд.

Последний неконтролируемый выброс силы, самый мощный, направленный им в глубь земли, чтобы тот не коснулся меня.

Кериас весь словно светился, его кожа и волосы. Водяной полог погрузил наше неожиданное убежище в полумрак, солнечный свет преломлялся, проходя сквозь него и растекаясь внутри рассеянным сиянием. Мелкая водяная пыль оседала на моем теле, платье и рыжих косах. Я дышала так же тяжело, как и мужчина, замерший слишком близко, но не могла отвернуться, избежать его взгляда и окончательно, бесповоротно выдала себя.

Широкие теплые ладони вновь прикоснулись к щекам, он поднял выше мою голову, вдавил мое тело своим в холодный камень, раскрыл губы мучительно-сладким поцелуем. И все рухнуло. Моя выдержка и самоконтроль, страх, который тоже помогал бороться, и все прочие бастионы скромности, невинности, здравого смысла. Как он говорил про то, что внутренности сгорают до пепла? У меня тело обратилось в сплошной пылающий костер.

Я вцепилась в его волосы, потянулась вверх, прильнула к нему тесно-тесно, задыхаясь от обжигающих губы поцелуев, царапала обтянутую черной тканью спину и сжимала пальцы на широких плечах.

Кериас отстранился на миг, и резкое чувство потери вдруг пронзило до кончиков пальцев, он же быстро стянул через голову майку, бросил на землю и вновь прижался ко мне, целуя ещё более яростно, требовательно. Я млела от неги и чувственных ласк, когда обнаженной кожей касалась его, горячей и гладкой, а его грудь вдавливалась в мою, освобожденную от тугого лифа. Я с наслаждением гладила напряженные мускулы и черные мягкие волосы, впервые в жизни открываясь телесному удовольствию. Испугалась лишь в последний миг, уже доведя его и себя до полного помрачения рассудка.

– Кериас, нет, – выдохнула в его губы, когда ощутила, что легкие юбки задрались выше талии, а тела касается водяная пыль, и тонкое кружевное белье попросту исчезло, оказавшись на мокрой земле.

– Нет, нет, – продолжала шептать, когда мужские пальцы сжались на обнаженных ягодицах, а Кериас широко раздвинул мои бедра.

– Нет, – простионала в последний раз, прежде чем его губы закрыли

мой рот, а осторожное, но уверенное и неотвратимое движение вдруг длинным росчерком поставило крест на прежней жизни, спокойной, безмятежной, полной вдохновения и грез в компании бумажных друзей. Жизни, в которой я мечтала о любви и страсти, но еще не успела ощутить их в реальности. Не познала одновременную боль и сладость стремительного падения, удара о водную гладь и мягкого погружения в зеленоватую толщу, пронизанную солнечными лучами. Когда задыхаясь, захлебываясь, вырываешься на миг на поверхность, вдыхаешь полной грудью кислород, переданный дразнящими и дарящими блаженство губами, и снова уходишь на самое дно.

Мир зыбкий, неясный, волшебный, в нем теряются очертания, а ровная гладь вдруг темнеет, заходится бурными волнами в такт проникающим в меня сильным, уверенным толчкам. Прежде ласковая вода подхватывает и бросает в центр настоящего шторма, как легкую щепку, и остается только подчиниться, ведь от меня больше ничего не зависит.

Лопатки вдавились в потрескавшийся камень древней статуи, я прижалась щекой к черным волосам с бисеринками влаги, с каждым стоном и каждым решительным движением теряя себя, отпуская чувства на свободу. А Кериас отринул свой самоконтроль и упивался моими сдавленными криками. То сперва замедлял темп, с наслаждением, так отчетливо отражавшемся на его лице, проникал внутрь неспешно, чувственно, жадно лаская свободной рукой мое тело. Невероятно, но со стороны казалось, будто он впервые познает женщину и удовольствие от обладания ею. Накрыв мою грудь чуть подрагивающими пальцами, он ласково сжимал ладонь и, добившись ещё одного стоны, перемещал пальцы выше, бережно огладив ключицы, скулы, мои губы, чтобы потом зарыться всей пятерней в волосы, запрокинуть мою голову и жарко прижаться губами к шее.

А после словно окончательно потерял рассудок и сорвался, в иступленном бешеном темпе вдавливая меня в согретый огнем тела влажный мрамор.

Вся боль давно ушла, сменившись невероятной жаждой чего-то большего, нужного и важного. Я дрожала, как в ознобе, и скользила бедрами навстречу требовательному, ненасытному мужчине. Казалось, нужно прикинуться друг к другу теснее, чтобы не лишиться того, к чему подводили его сильные до сладко-ноющей тяжести внизу живота движения.

Я не удержалась и закричала пронзительно, громко, яростно вцепившись в его плечи.

Осколками разорвавшихся пуль прошивали мое тело разряды

ошеломительных ощущений. Подобного я никогда не испытывала. Даже в мгновения самых откровенных ласк, когда дрожащую плоть скручивало от наслаждения, а мир расходился огромными трещинами. Мои чувства, словно якорь, не позволяли познать настоящую глубину удовольствия, пока полностью не отдалась ему.

– Кериас, – я всхлипнула, пряча лицо на его плече, ощущая, как еще сотрясается его тело и подрагивают держащие меня на весу руки. Этот взрыв для нас произошел почти мгновенно. Неповторимый, пусть и описанный во многих книгах, но слова без чувств непонятны. Нельзя осознать, не ощутив каждой ниточкой собственных нервов, каждой звенящей от напряжения жилкой, не прочувствовав в жарком бурлении крови по венам и последнем, выбивающем воздух из груди слиянии бедер.

– Я не могу больше дышать, – испугалась вдруг, что точно умру, не успев восстановить дыхание, хотя при этом разговаривала с ним.

Он мягко коснулся моих губ, нежно раскрыл языком, сладко лаская, переключая мысли на иные ощущения. Водная гладь вновь стала спокойной, ни волны, ни легкая рябь не колыхали ее, только солнечные лучи по-прежнему пронизывали до самого дна. Я вздохнула, слезы высохли на ресницах, а Кериас отстранился, опустил меня на ноги и прижал мою голову к своей груди. Закрыв глаза, позволила себе не думать, отреклась на насколько драгоценных и быстротечных минут от всего, что ждало впереди.

Вечер, тихое потрескивание камина, знакомые лица в гостиной императора. Я пришла абсолютно по привычке, даже вылетело из головы, что Кериас более не зависим от меня. Он овладел силой, обрел контроль над зверем, даже слияние души завершилось. А ещё он получил то, чего желал, и я стала настоящей любовницей императора. Последнее, конечно, из головы не вылетало, напротив, засело в ней настоящей занозой.

Присев на подлокотник кресла, я сложила ладони на коленях, от смущения не смея смотреть в лицо повелителя Монтерры. Кериас же сосредоточился на ином. Он внимательно читал послание на пожелтевшей бумаге. Я предпочла сфокусировать взгляд на его руке, сжимавшей гладкий лист, и вздрогнула, когда мужские пальцы прогулялись по обнаженному предплечью. Невесомое прикосновение с нотками искушения, а меня бросило в жар. Облизнув пересохшие губы, бросила исподволь быстрый взгляд на Кериаса, и хотя его глаза по-прежнему были устремлены вниз, уголки рта изогнулись в легкой улыбке. Я пришла в ещё большее смятение и принялась разглядывать императорское колено.

– Есть какие-то сведения, ваше величество? – проскрипел старческий

голос.

Этим вечером советник вновь присутствовал на маленьком совещании в гостиной.

– Число наших сторонников выросло, – ответил Кериас и откинул голову на спинку кресла, лицо его приняло задумчиво-отстраненное выражение, – значительно.

Старый приближенный каркающе рассмеялся.

– Это была отличная демонстрация силы, светлейший император. Теперь враги трепещут, а сторонники уверяют, будто мощь мага безгранична, и вы в одиночку способны защитить всю империю.

Кериас обхватил пальцами подбородок, отвечая рассеяно, словно думал о другом в этот миг, а пальцы вдруг скомкали желтый лист.

– Я позволил покушению состояться. Те, кто его задумал, видели, что попали в императора.

– Они пришли в ужас, вновь узрев увидев вас в добром здравии, ещё и шагающим по воздуху.

– Цель достигнута. Магия покорила одних, устрасила остальных, а мы отследили в этой толпе тех, кто подготовил удар. У них выясним имена главных зачинщиков, предпочитающих скрываться в тени.

– Тонко придумано, – кивнул старый советник.

– Одного мы не стали ловить, – продолжил Кериас. – Проследим, кому первому он понесет вести о происшествии на празднике.

– Говорят, число тех, кто был на стороне князя Иннеи, существенно сократилось.

– Его по-прежнему многие поддерживают.

– Клань. Такова их особенность – защищать своих, даже если это абсолютно невыгодно.

– Мне нужна поддержка всех. Это сведет число будущих покушений к нулю.

– Ваше императорское величество, в таком случае нужно учесть иной момент: напуганные вашей силой противники станут сопротивляться еще отчаянней, если продолжить устрасать их.

– Вновь начнут волновать население и упираться на то, что Монтсеррат выпустил магов на свободу?

– Маги под контролем императора, теперь в этом убеждены все, вероятно, упираться будут на дар самого владыки.

Кериас изломил брови, требуя пояснений.

– Да, – старик кашлянул, – опасные враги людей теперь в руках повелителя, но кому подчиняется он сам?

– Им нужен сдерживающий фактор?

– Именно, ваше величество.

Я и Эвелин слушали разговор, затаив дыхание и не смея вмешаться.

– Пора прибегнуть к дипломатии и заключить соглашение, – продолжил меж тем советник.

– Принести клятву?

– Клятву женщине.

Мне вдруг стало нехорошо, до мутной пелены перед глазами. Кериас же потер виски и произнес два слова, означавших для меня конец всего.

– Выбрать императрицу.

Дальнейший разговор долетал до воспаленного мозга издалека, слегка касаясь обрывками фраз, но не проникая в сознание.

– Законная жена и мать детей, способна обуздать мужа. Дочь одного из великих родов, за спиной которой будет поддержка сиятельного князя, его союзников и глав кланов, принесет вам необходимых сторонников. Выберите себе супругу, ваше величество, а в приданое получите мир и покой в империи.

Повелитель повернул голову и, кажется, взглянул на меня, но я не смела посмотреть в ответ. Мне просто хотелось забыться и выкинуть из памяти их разговор, отмотать время вспять, вернуться в сегодняшнее утро, в парк, где сверкали фонтаны, где в россыпи хрустальных капель разливался вокруг огонь чистой страсти, а я познала глубину настоящего счастья.

Сколько времени я боролась, а когда сдалась, сразу всего и лишилась. Потому что радость была эфемерной, ненастоящей, недолгой, вот и ускользнула из рук. Ведь я понимала, что так и будет, но не справилась с собой. Проиграла в самом конце долгой битвы. А Кериас никогда не обещал иной награды, кроме ослепительных воспоминаний о солнце, воде и его прикосновениях.

Люби он по-настоящему, как умеет человек с целой душой, нашел бы способ удержать рядом? Ведь Эвелин говорила тогда, разделенная душа способна полюбить один раз за всю жизнь и то, лишь когда живы две половинки, и обе откликаются на это чувство. Но в Кериасе две разные сущности стали единым целым, и императору никогда не познать глубины чувства, выпавшего на мою долю. Для этого оба мужчины должны были полюбить до своей гибели и отдать сердце одной женщине – мне. Но Вернон находился под влиянием граней и был скован ими, точно льдом, а Кериас, как утверждал император, видел во мне Инессу. Ведь именно на ней Зверь женился, а со мной никогда не поднимал этой темы. Наверное, ту

женщину он действительно любил, как и Ириаден.

Я вдруг решила написать записку, что уезжаю прямо сейчас. Не хотелось ждать официального указа, но в итоге часть букв поплыла, а бумага промокла от слез. Затем я бросилась к гардеробной, принялась рыться в нарядах, собираясь упаковать свои вещи, но все они оказались богатыми платьями фаворитки. По сути, из личных вещей оставался лишь браслет на запястье, его я давно считала своим, однако с отчаянным упрямством принялась нащупывать застёжку и не смогла расстегнуть. Не потому, что оказалось сложно потянуть за тонкий шнурок, ослабляя его, просто не готова оказалась расстаться с Кериасом и неважно сколько раз убеждала себя в обратном.

– Уезжаешь? – тихий голос заставил вздрогнуть и застыть посреди комнаты.

Кериас стоял возле смежной двери наших покоев, возвышаясь на ее фоне темнеющим силуэтом, и от понимания сути его вопроса, осознания, что уехать придется, силы меня разом покинули. Их больше не хватало ни на лихорадочные метания, ни на беспочвенные обвинения, ни даже на просьбы. Ноги ослабели, пришлось опуститься на оказавшийся рядом стул.

– Уезжаю рано утром, ваше императорское величество, как только рассветет. Вы не согласны с этим решением?

– Согласен, – короткий ответ и сердце упало.

– Вы вынуждены отослать меня?

Зачем я пыталась вложить в его уста мной же придуманные оправдания? Чтобы его ответ не звучал столь безжалостно?

– Вынужден, Миланта, – он словно смягчился, вероятно, ощутив мою боль. Хотя я изо всех сил сдерживалась, она все же исказила мой голос при последнем вопросе. Кериас подступил ближе, хотя меня тихонько потрясывало, и ужасно не хотелось, чтобы он увидел. – Ты снова перешла на вы, Миланта?

Император хотел коснуться моего плеча, а я отшатнулась. Слетела со стула и обогнула его, поставив между нами преградой. Вцепилась в спинку и попросила:

– Не трогай, пожалуйста.

– Только не начинай эту игру снова, Миланта.

Он злился? Был недоволен? Думал, я пытаюсь разыграть оскорбленную невинность? Что он испытывал сейчас? Его душе было хоть чуточку больно?

– Нет, я не начинаю, но не вижу смысла продолжать. Ты вынужден, я верю, и завтра утром уеду. Расстанемся по-хорошему, Кериас.

Склонив голову, чтобы скрыть набежавшие на глаза слезы, совершила ошибку. Выпустила его из виду, а Кериас мягко скользнул мне за спину и вдруг обхватил за плечи. Прижал крепко к своей груди, хотя я пыталась вырваться, и заговорил яростно, торопливо:

– Вынужден, потому что получил послание. Враги не справились со мной и решили сделать ставку на тебя. Они еще уповают на мое безумие и надеются вызвать приступ, убив любимую фаворитку императора. Пока шло становление, я слишком сильно нуждался в тебе и порой просто физически не выходило скрыть эту потребность. Говорят, если устранить тебя, владыка снова лишится разума.

Ох! Они решили, император безумно влюблен? Разве могли посторонние понять истинную суть этих отношений? Я бы и сама не смогла, окажись на их месте. Захотелось горько рассмеяться.

– Я укрою тебя в безопасном месте.

Да, пока будешь подыскивать жену, а потом, возможно, даже вернешь в свою постель, если тяга к шаане не ослабнет с течением времени и на большом расстоянии.

– Мы пустили слух, будто магия чудесным образом исцелила прежнюю болезнь, но не все верят.

Его шепот, дыхание на коже, почти объятия – это все сводило с ума, пробуждало бессильные отчаяние и ярость, а еще тоску. Да, я тосковала по нему, словно уже уехала далеко-далеко, на край земли, в самое безопасное место, что подыскивал для меня император.

Однако он превосходно умел планировать. А значит Кериасу ничего не стоило изобразить гнев, скомкать в руках некое письмо у меня на глазах во время разговора с советником, а теперь изображать бессилие. Какова цель? Если захочет вернуть, я не буду противиться, ведь его вынудили обстоятельства.

– И ты получил послание именно сегодня, сразу после слов советника? Как кстати они собрались покуситься, когда настала пора отправить меня подальше.

– Миланта, – тон его голоса вдруг показался холоднее льда, – не стоит.

Конечно, не стоит. Не нужно пререкаться с владыкой империи, ведь твоя жизнь в его руках. Я через это уже проходила, правда, тогда меня заставляли слушаться через боль и с помощью магии. А сейчас и без нее боль оказалась очень сильна, даже слишком для меня одной.

– Уйди! – я вырвалась из его рук, развернулась, оттолкнула и мимо него бросилась к двери.

Поймал, снова поймал на полдороге.

Я налетела на вытянутую руку и попала в западню. Кольцо сомкнулось за моей спиной, когда он крепко сцепил ладони, и сколько ни вырывалась, ни билась, не смогла выскользнуть.

Бурное дыхание распирало легкие, однако стоило лишь на миг замереть, как капкан вдруг сдавил сильнее. Кериас притянул к себе, склонился, целуя, а я увернулась. Его губы скользнули по щеке и шее, ниже, к ключице, и я всхлипнула. Как глупо уворачиваться, если любое его прикосновение действует одинаково: кружит голову, отнимает разум, ослабляет решимость. Вцепившись в черные волосы, попыталась оттолкнуть его голову и эти губы, но добилась иного.

Он отклонился и разжал руки так резко, что я пошатнулась, а Кериас снова поймал. Легко подхватил на руки и понес в спальню.

– Не смей, не смей меня трогать! Отпусти!

Он снова послушался – отпустил, но я упала спиной на кровать и даже не успела вскочить, как ладонь мужчины легла на мою грудь, придавив к постели. Ленты еще одного искушающего наряда мгновенно развязались под его пальцами, и скомканное платье отлетело на пол. Я вновь отталкивала вызывающие трепет ласковые руки, ускользала от требовательных губ, извивалась, сопротивлялась, царапалась, как дикий зверек, и проиграла перед сумасшедшим натиском. Сломалась под напором собственных чувств, разбуженных бесстыдно-откровенными поцелуями.

В какой-то момент поняла, что тело не отклоняется прочь, а гнется послушной лозой ему навстречу. И Кериас чутко уловил эту перемену и тогда резко вошел в меня, не услышав и слова протеста. Я оказалась совершенно беспомощной, даже не смогла закрыть глаза, чтобы не любоваться его лицом, красивым, с резкими чертами, искаженным требовательной жаждой и горькой нежностью. От резких движений становилось так тесно внутри, а темп нарастал. Кериас все яростнее вдавливал меня в кровать и словно не мог остановиться. Его сила, вырвавшаяся вместе со страстью, пугала. Она закручивала воздух в спирали, трепала полог кровати, пронзала мое тело, отчего сердце заходило в бешеном стуке. Растрепавшиеся черные волосы щекотали лицо, собственный пот стекал по вискам, застилал глаза, а тяжелое прерывающееся дыхание мужчины заглушало звуки остального мира. В этот момент он казался мне не знающим жалости, сострадания, но я склонна была винить его во всем, даже в собственном безумном желании.

Вдавливая ногти в четко обозначившиеся мускулы, я хваталась за его плечи, выгибалась от каждого толчка. Тело вбирало в себя императора и двигалось вместе с ним, отвечая владыке, подчиняясь.

Разум понимал одно – от поймавшего добычу зверя не убежать. Даже если кусать губы, заглушая крики удовольствия от обжигающих, совращающих ласк, и убеждать себя, будто ненавижу за то, что слишком сильно полюбила. Самообман тут же развеялся, как только поймала его взгляд, полный страсти, огня, нетерпения. Он говорил без слов, что я единственная, объяснял, как остро нуждается во мне, вводил в заблуждение, будто весь мир сейчас лежит у моих ног.

Оболюстил, солгал, убедил.

Я слышала звук осыпающихся радужных граней, хрустальный мелодичный звон расколовшейся на части вселенной.

Задыхаясь на его плече и медленно приходя в себя, вспоминала этот распалющийся, сжигающий дотла взор. И забывшись на секунду, вдруг произнесла его имя, снова выдав свои чувства и разрушив стену притворства. А он собрал в горсть мои волосы, сжал в кулаке, жадно втянув их аромат. И когда я закрыла глаза, слушая его сбившееся дыхание, прошептал: «Миланта». По-особому, горько и сладко, так что звучание каждой буквы ударило с оттяжкой в самое сердце.

Еще только раннее утро, но карету уже подали к ступеням дворца и раскрыли ворота. Впереди и позади гарцевали на лошадях вышколенные атрионы, а лица их были скрыты защитными масками. В кармане моего дорожного плаща лежало разрешение на проезд через все заставы страны, подписанное самим императором. Он передал его в минуту прощания, когда взял мою руку, поднес к губам, а потом вдруг провел большим пальцем по запястью, оставляя на нем странную метку. Она вспыхнула, серебрясь вязью необычного символа, отдаленно напомнившего своими очертания цветком вереска, и исчезла. «Пришло время ее проявить, – сказал тогда Кериас, – для твоей защиты».

Владыка стоял сейчас наверху, на мраморном крыльце, позади толпились немногочисленные придворные, одними из первых узнавшие ошеломительную новость – фаворитку отсылают прочь. Император вышел проводить сам – неслыханная честь, если судить с точки зрения замерших в любопытстве людей. Несмотря на сумрачный час рассвета эти изнеженные, кутавшиеся в плащи фигуры, выбрались из теплых постелей и жадно следили за каждым моим движением, а я держалась из последних сил. Склонившись в последнем поклоне, попятилась к карете и уперлась спиной в раскрытую дверцу.

– Миледи, – лакей слегка придержал за локоть, направляя к откинутым ступенькам, помогая подняться внутрь просторного экипажа. Дверца захлопнулась с громких треском, отчего я вздрогнула. Внезапно поняла, что

миг, которого ждала всю ночь, не сомкнув глаз и глядя на светлеющее небо за окном, лежа в кольце крепких рук, чувствуя на виске горячее дыхание, наступил. Теперь можно было не скрываться и, закрыв лицо ладонями, я заплакала: «Прощай, Кериас. Как же я тебя люблю!»

Атрионы подчинялись моим указаниям, я поняла это, когда следуя в карете к городским воротам, вдруг приказала свернуть на узкую улочку модного квартала. Мне не возразили, только достали оружие и проводили к дверям знакомого салона, окружив со всех сторон.

Улыбка на лице отворившей дверь модистки медленно угасла, когда мадам узрела закрытый экипаж и эскорт из лучших воинов императорской охраны.

– Амели, – я протянула ей безвольную руку, – я приехала проститься.

Роскошная мадам болезненно скривила очаровательный ротик и быстро качнула головой:

«Зайди хоть на несколько минут, дорогая».

В этот раз не было душевных речей и советов, комментариев по поводу внешности или даже простых вопросов. Амели задала только один:

– Ты действительно этого хочешь?

Действительно ли хочу? Да!

– Пожалуйста, сделайте меня такой, какой была до встречи с ним. Пусть я стану еще неприметней, пусть совсем потеряюсь в море других лиц, Амели. Не нужно подчеркивать природных достоинств, просто верните, как было когда-то. Верните мне меня.

– Однажды изменившись, ничто не становится прежним, дорогая, но я постараюсь. Пусть будет, как желаешь ты.

Я вышла на улицу, закутавшись в плащ и натянув капюшон пониже, и поскорее спряталась в карете. Экипаж покатиł по дороге, а вскоре миновал и раскрытые ворота столицы. Пейзажи за окном сменяли друг друга, мы проезжали какие-то деревушки и города побольше, возделанные поля, леса, мосты над широкими речками. А я бездумно смотрела в окно, потому что время словно застыло, остановилось в одной точке, бесшумно тикая, но не сдвигаясь вперед.

Перед глазами освещенная камином гостиная, император в кресле с высокой спинкой смотрит на меня, а я опустила голову, не в силах встретиться с ним взглядом. А потом картинка меняется, и я гляжу на свою руку, лежавшую поверх его груди, пальцы выглядят такими тонкими и белыми, почти прозрачными на фоне его загорелой кожи. Он, не мигая, смотрит в окно, а за ним медленно поднимается солнце.

Сердце пронзило резкой болью, карета качнулась, подпрыгнув на

кочке, и я вдруг слетела с сидения и очутилась на коленях. Слезы снова защипали глаза и, уткнувшись лицом в сжатые кулаки, так и оставшись на полу, я плакала и шептала:

– Я скучаю по тебе, Кериас, я так тоскую.

ГЛАВА 21

Короткие остановки в пути совершались лишь тогда, когда главный среди атрионов отдавал громкий приказ, а затем коротко стучал по стенке кареты.

– Миледи?

Выходила, садилась на расстеленное покрывало, ела и пила, что давали, потом вставала, повинуюсь предложению размять ноги, прохаживалась по небольшой полянке, не смея отойти далеко, а затем снова забиралась в свой экипаж, и мы ехали дальше.

Я не считала дни и бессонные ночи, но видела, как постепенно зеленые и сочные пейзажи сменяются видами суровых скал далеко на горизонте и растительность становится более скудной, словно выцветает.

На ещё одном привале, в этот раз не на милой зеленой полянке, а на ровном участке горного плато, главный атрион снова постучал в стенку кареты, а когда я вышла, передал теплый плащ с меховой оторочкой.

– Укройтесь, миледи, мы скоро минуем границу Иннеи.

Впервые за дни бесконечного путешествия я ощутила какой-то отголосок эмоций.

Иннея? Независимое княжество? Неужели Кериас решил укрыть меня в землях своего врага?

Там внизу расстилались вересковые пустоши, а на вершинах далеких скал серебрились шапки снега. Я коснулась запястья, на котором сам император проявил метку в виде неприметного цветочка. Сейчас кожа выглядела чистой, серебристые линии исчезли без следа.

Уже когда солнце скрылось за горизонтом, а сумерки мягко скрасили резкие очертания высоких сосен впереди, я услышала приглушенный разговор атрионов. Главный спросил: «Это единственная дорога, через лес?»

Как оказалось, память все же фиксировала наш бесконечный путь даже сквозь марево моего равнодушия, покрывшего налетом все эмоции, кроме ноющей боли. И сейчас она услужливо напомнила, что за время поездки мы старались придерживаться открытых мест и даже выбирали объездные пути, шедшие вдоль полей, но не срезали напрямик через рощи и леса.

– Суровый край, – ответил кто-то из воинов, – здесь нет других дорог. Но можно ехать не напрямик, а придерживаться берега реки. Будем закрыты с одной стороны.

– Тоже верно, – заметил главный, а потом отдал приказ, – держимся берега.

Чего так боялись ответственные за мою жизнь воины, я поняла, когда над лесом взошла полная луна, осветив высоченные сосны и посеребрив реку, вдоль которой растянулся наш отряд. К сожалению, атрионы не могли теперь окружить карету со всех сторон, поскольку тропинка оказалась узкой. Тем, кто преследовал нас, вероятно, от самой столицы, наконец-то выпал шанс, а я убедилась, что Кериас не обманул насчет планов заговорщиков в отношении меня.

Экипаж резко дернулся и остановился, а затем снаружи послышались крики. И хорошо, что я не отворила окно, пытаясь разглядеть происходящее за ним, а вместо этого вжалась в спинку сидения. Пуля со свистом стукнулась в стекло, но не смогла пробить, а затем в стенку точно посыпался горох. Засевшие внутри пули взрывались, кроша толстое дерево. Послышались громкое шипение и треск, как от подожженного фитиля. Дверца со стороны реки внезапно распахнулась, и меня с силой ухватили за запястье и потянули наружу.

Я попыталась вырваться, но узнала молодого атриона в защитной маске по его форме и прекратила сопротивляться, послушно выскочив из экипажа.

– Следуй за мной, – сказал, судя по приглушенному тонкому голосу, молодой юноша и потянул меня к земле. Пришлось распластаться и ползти за ним следом. Мы почти достигли кустов, когда сильный взрыв позади накрыл ударной волной. Мое плечо рассек осколок стекла, а темная ткань дорожного костюма быстро напилалась кровью.

Охнув, сжала зубы и продолжила ползти за атрионом. Позади слышались звуки борьбы, крики раненых и короткие приказы начальника охранявшего меня отряда, которые так резко оборвались, что я затормозила.

– Не оборачивайся, ползи, – сдавленно прошипели впереди, и я узнала эти интонации.

– Эви?

– Тш-ш.

Я тут же замолчала и поползла дальше, хотя передвигаться становилось все труднее. Ноющая боль в плече росла, а из-за потери крови начинала тихонько кружиться голова.

– Тебя ранили? – шепотом спросила кошка, когда порыв ветра качнул траву в ее сторону. – Да.

– Перевязать надо, иначе увидят след.

Она затормозила, повернулась ко мне, безошибочно определила

раненое плечо и, беззвучно ругаясь, достала что-то из кармана. Шепнув: «Терпи», – нанесла на рану нечто настолько жгучее, что кружение перед глазами сменилось плотной темной пеленой.

– Очнись, – Эви встряхнула меня за здоровое плечо, – я слышу их, Миланта, прошу, двигайся как можешь скорее.

– Там река, – с трудом прошептала ей, опираясь на здоровую руку и отталкиваясь ногами, изо всех сил продвигая непослушное тело, заставляя его пробираться вперед, сквозь колючие кусты.

– В этой воде мы и нескольких минут не продержимся, – сдавленно ответила кошка, – слишком холодно.

Преследователи, прочесывавшие лес и добивавшие тех, кто еще сражался за нашей спиной, передвигались быстрее. Им не было нужды ползти, но колючие кусты хоть как-то замедляли их движение. Мой костюм оказался изорван в нескольких местах, ветки цеплялись за волосы, лезли в лицо, но я упорно следовала за Эвелин, старавшейся увести меня подальше.

– Девчонка должна быть здесь, неподалеку. Ищите. А кто первый добудет ее голову в подарок императору будет награжден.

Кошка замерла на месте, услышав этот приказ, а затем вдруг повернулась и запрыгнула на меня, прижав всем телом к траве. Сдавленно охнув, я распласталась на холодной земле, а вокруг нас уже трещали кусты, прогибаясь под напором преследователей.

Не знаю, сколько их было, я видела только темные тени, освещенные яркими вспышками синих стрел, срывающихся с пальцев Эвелин. Магиня успела застать нападавших врасплох, и ее яростный отпор сразил сразу нескольких, прежде чем преследователи смогли закрыться.

– Маг, – крикнул кто-то.

Оставшиеся невредимыми люди укрывались за стволами деревьев.

– Заряжай антимагическими пулями.

– Бежим! – Эвелин воспользовалась этой заминкой, резко вскочила на ноги, рванув меня вверх, и потащила за собой. Я ощущала, как в кожу впиваются острые когти, сила и ловкость частично трансформировавшегося тела помогали магине преодолевать препятствия на пути, но я замедляла наш бег. Быстро обернувшись, кошка схватила меня на руки, точно куклу, и помчалась вперед еще быстрее.

Снова позади раздавались крики и звуки сражения. Кажется, кто-то, уцелевший от нашего отряда и привлеченный вспышками света, старался остановить преследователей, но оторваться удалось ненамного. Я слышала вновь, как они настигают, а потом засвистели пули. Эви охнула,

споткнулась, и мы вместе полетели кубарем вниз по склону. Не иначе как сработал инстинкт самосохранения, раз я умудрилась в процессе полета ухватиться за торчащие корни одной рукой, а второй поймать за плащ Эвелин. Наверное, в критический момент просыпаются невиданные доселе способности.

Взявшись покрепче, я принялась подтягивать кошку к себе, стискивая от боли в плече зубы, и затащила под корни нависшего над рекой дерева. Вода плескала совсем рядом, а женщина, чья маска слетела и потерялась по дороге, вдруг зашевелилась и с тихим стоном вытянула руку. Пальцы ее осветились голубоватым светом.

– Нет, – прошептала я, пытаюсь ухватить тонкое запястье.

Она же нас выдаст. Но рука Эвелин уже упала, безвольно ударившись о землю, а сверху в воду скатились один за другим два бревна или, возможно, две толстых ветки. В темноте нельзя было разобрать. Они с громким плеском погрузились в реку и темными силуэтами закачались на волнах, быстро удаляясь.

– Прыгнули в воду! – раздались неподалеку крики.

– Стоять. Стоять. Слетите с обрыва, дурни. Прочешите здесь все.

Голоса, пыхтение, треск веток над самой головой. Тело Эви становилось все тяжелее, и удерживать его от падения в воду было все сложнее. Сердце ударялось о ребра, и мне казалось, что я слишком громко дышу. А потом вдруг вспыхнул свет.

На небольшом пригорке, по эту сторону, но чуть наискосок, где река делала изгиб, вдруг очертился серебряным контуром мужской силуэт. Он был замечен даже из нашего укрытия. Темный плащ окутывал неподвижную высокую фигуру от широких плеч до щиколоток, а на голове полыхнул золотом царский венец.

Одну долю секунды человек стоял неподвижно, а затем резко развернулся и словно слетел с пригорка, устремляясь к самому узкому месту между берегами реки.

– Клянусь богами, это сам император! Один! Все за ним!

Я точно с размаху приложила головой о громадный камень.

Кериас?!

Нет, нет, не может быть он. Только не он. Владыка остался в столице. Не мог император следовать за каретой, охраняя меня на расстоянии. Просто не мог.

Я силилась разглядеть что-то в темном лесу из своего укрытия под обрывом, но слышала лишь голоса. Сияние погасло, и ничего более не было видно. Может, не он? Кто-то другой, доверенный маг?

А потом я заледенела от ужаса, когда на самом краю, на фоне серебрившейся под луной реки, мелькнул человеческий силуэт.

– Вон он. Попался! Поймали! – раздался восторженный рев, – ему не уйти!

Взметнулся плащ, сброшенный с плеч. Подхваченный порывом ветра он расправил широкие крылья и черной птицей спланировал на воду. Человек на краю обрыва вдруг оттолкнулся от земли и прыгнул.

Нет! Он же не допрыгнет и упадет в ледяную воду. Кериас погибнет!

Мгновения застыли. С холодеющим сердцем я смотрела, как человеческая фигура трансформируется в полете в силуэт огромного кота, а барс достигает другого берега и приземляется на самом краю. Мощным ударом четырех лап о землю отталкивается и посылает вперед гибкое кошачье тело, а его преследователей вдруг тянет вослед невидимой силой, и часть обрыва вместе с людьми срывается в воду.

Крики о помощи звучали ещё какое-то время, а потом все затихло.

Давно вокруг не раздавалось ни звука, и наш спаситель исчез в темноте леса, так и не вернувшись назад. Все случившееся казалось плодом разыгравшегося воображения, и я очнулась лишь от тихого стоны Эвелин.

– Миланта.

Закоченевшие руки продолжали цепляться за корни дерева и удерживать раненую магиню.

– Эви, Эви, кажется, там был Кериас.

– Мне больно.

– Подожди, еще немного потерпи, нам нужно наверх.

Бедная магиня, она старалась и помогала мне изо всех сил, потому что в одиночку затянуть ее вверх по склону я бы не смогла физически. Мы карабкались мучительно долго, а на краю обрыва кошка растянулась и замерла без движения.

– Эви, Эви, очнись!

Она пошевелилась и заговорила, а голос звучал тише шепота ветра:

– Скажи ему, что я тебя берегла до последнего.

– Эви! Не вздумай умирать! Ты же такая сильная. Как я скажу, что потеряла тебя? Я ведь не смогу ему в глаза посмотреть. Эви!

Она затихла, а я в страхе попыталась нащупать в темноте тонкую руку и послушать пульс. Слабая ниточка билась под пальцами и, быстро скинув на землю теплый плащ, я с огромным трудом затянула на него неподъемную Эвелин. Согнувшись под весом своей ноши, поминутно борясь с болью в плече, накатывающей дурнотой и темнотой в глазах, я

поплелась обратно к месту нападения на карету.

– Они единственные, великий князь, больше никто не выжил. Мы прочесали все место сражения.

Незнакомый голос пробился сквозь толстый слой ваты, которой кто-то заткнул мои уши.

– Что за карета?

– Без опознавательных знаков, обычная дорожная, но ее сопровождали атрионы императора. Согласно засекреченной информации, это мог быть экипаж фаворитки его величества, которую он отослал из дворца.

– Кто-то организовал нападение на женщину на границе моего княжества?

– Явно с умыслом, господин.

– Вы выяснили что-то об этих двоих?

– Брюнетка одета в атрионскую форму, скорее всего, состояла на службе, а насчет девушки непонятно. На ней обычное платье, либо служанка, либо шла по дороге и наткнулась на место засады. На плече глубокий порез, еще царапины и ушибы, а у второй серьезная рана, может не выжить. Патруль, привлеченный звуком взрыва, наткнулся на обеих возле обломков кареты.

– Где та, на кого было совершено нападение?

– Исчезла. Похоже, она пыталась сбежать от преследователей и прыгнула с обрыва.

– Это точно не она? – судя по голосу, который звучал так, словно князь отвернулся, указывал он на Эвелин.

– Точно, господин. Фаворитка императора, по слухам, действительно очень красива, но у нее рыжие волосы. Если следовать картине произошедшего, то можно сделать вывод, что река уже далеко унесла ее тело, как и тела преследователей. Отпечатки ног обрываются на самом краю, куда нападавшие выскочили следом за девушкой. Берег не выдержал веса людей и сошел в воду, унеся всех с собой.

– Ясно.

Твердые шаги на этот раз приблизились к моей постели. Прохладные пальцы вдруг сжались на запястье, слушая пульс, а кожу зацепало, и мужчина резко отдернул руку.

– Это что?

– Символика княжества, господин.

Я не открывала глаз, но чувствовала, как оба собеседника склонились надо мной.

– Она иннейка, – утвердительно произнес голос того, кто докладывал

князю о происшествии. – Видимо, дочь одного из кланов. Шла вдоль реки, возвращаясь домой.

– Это не обычная печать гор, разве не видишь? Это...

– Символ вашего дома!

Высокий светловолосый мужчина, крепкий, подтянутый, с почти незаметными в льняных волосах ниточками седины, пристально смотрел на меня, пытаясь уличить во лжи.

– Просто библиотекаря? Всю жизнь путешествовала с отцом по разным городам, а затем осталась в столице, когда он заболел?

– Да.

– И тебя после увольнения из библиотеки взяли во дворец прислугой, помогать фаворитке императора, а дальше отправили с ней в путешествие?

– Я оставалась с леди все время.

– Откуда знак на твоей руке?

– Я, мне... Он просто проявился, когда вы прикоснулись.

Старательно подбирая слова, я пыталась, как могла, избежать лжи и притворства. Рассказала практически обо всем, кроме того, что занимала место вовсе не служанки, а погибшей фаворитки. Мне казалось, если поведать историю без утайки, то смертный приговор вынесут прямо сейчас.

О знаке я и сама размышляла мучительно долго. Кериас сказал, что пора его проявить. Что он имел в виду? Этот символ был на моем запястье всегда, но оставался невидимым? Как сам император его приметил, откуда узнал? Почувствовал?

– Светлейший князь, – тот человек, голос которого я слышала первым, очнувшись в покоях княжеского дворца, осмелился заговорить с хмурым повелителем. – Это невероятно странно. Мы сверились с символикой вашего дома, и не будь я уверен в обратном, мог бы утверждать, что девушка ваша прямая родственница. Ее печать с точностью и до последней линии повторяет символ их светлостей, обоих наследников и ваших сыновей.

– О чем ты пытаешься сказать?

– Он говорит о том, великий князь, – в комнате, где меня усадили в самом центре, всего находилось около десяти мужчин. Если судить по их нарядам и манерам вести себя, это были главы кланов, входящих в иннейское княжество, – что более двадцати лет назад у вас пропала новорожденная дочь. Ее похитили враги в ночь, когда во время родов скончалась ваша супруга. Они желали лишить великого князя возможности предложить выросшую девочку в жены одному из сторонников и правителей соседних княжеств, что способствовало бы усилению вашей

мощи. Ведь впоследствии вы так и не женились, великий князь.

– Пытаетесь убедить меня, будто судьба совершенно волшебным образом взяла и вернула обратно воскресшую дочь? Если помните, мы искали новорожденную и прочесали в долгих поисках каждый уголок. Было доказано, что младенец не выжил.

– Нас могли пустить по ложному следу. Некое доверенное лицо ввело вас в заблуждение, а кто-то, истинно преданный, напротив, все эти годы растил девочку и скрывал ее истинное происхождение. Возможно, он собирался указать нам, где она находится, но дожидался положенного времени.

– Где твой отец сейчас? – обернулся ко мне князь, а я сидела, как громом пораженная. Да быть такого не может!

– Папа уехал к другу вскоре после того, как я оказалась во дворце. Я настаивала, и он согласился. Ему необходимо было перебраться в тихое место, на природу. Там он быстрее пошел на поправку.

– Напиши ему! Я желаю, чтобы он приехал!

– Отцу сложно преодолеть подобное расстояние, – запротестовала я, – он практически на другом конце империи сейчас.

Князь посмотрел на меня, прищурившись, и я прикусила язык.

– Зачем вы столько раз переезжали? – спросил меня мужчина.

– Папа любил путешествовать.

– Ясно.

Князь отвернулся и сложил на груди руки.

– Ваша светлость, – вновь подал голос один из совещающихся, – родство легко доказать, если провести обряд с кровью.

Светловолосый мужчина, так подавлявший меня своим напором, стремившийся вытянуть все до последнего слова, включая и моменты, о которых я не могла помнить, обернулся. Он впился в меня таким взглядом, будто я затеяла грандиозный обман и уже битый час лично убеждала его в том, что являюсь ему родной дочерью.

– Хорошо, пускай такого не могло произойти, но проведем обряд и удостоверимся. Сегодня же вечером. Пусть на него явятся все представители кланов.

– Эви, – я сидела рядом с белой точно простыня магией и гладила по волосам, – ты борись, хорошо? Только выживи, Эвелин. Что будет, если из-за меня еще и ты погибнешь?

– Леди, – служанка неслышно проскользнула в комнату, – вам пора спускаться, все уже собрались. Князь требует вашего присутствия.

Поднявшись, я ещё раз взглянула на брюнетку, которая до сих пор так

и не пришла в сознание, на ее вздымавшуюся и медленно опадавшую грудь, а служанка уже вышла в коридор, придерживая дверь.

– Не волнуйтесь, о ней заботятся лучшие лекари. Приказ самого князя.

Приподняв тяжелые юбки нового теплого платья, я медленно побрела вниз. Проходя мимо высоких зеркал, украшавших длинные коридоры сурового замка, лишь один раз бросила на себя взгляд.

Мадам Амели сделала все возможное, возвращая мне привычный облик. Глаза обрели прежний зелено-карий оттенок, но кожа осталась бархатисто белой, поскольку модистка заявила, что такая она от природы. Заставить ее пожелтеть, как от долгого нахождения в четырех стенах вдали от воздуха и солнечного света, по словам мадам, было за гранью возможностей. Русые волосы, не шоколадные и не рыжие, а самые обычные, с более светлыми и темными прядками, были заплетены в косу и уложены вокруг головы. Никаких лишних украшений или косметики на лице. Князь не признавал в своем окружении «расфуфыренных женщин». Бледные губы и густые, но осветленные на кончиках ресницы, казавшиеся короче своей естественной длины. Вздернутый носик, без ставшей почти привычной за время, проведенное в теле фаворитки, аристократичной правильности. Мягкая линия щек, скул и подбородка и изогнутые брови, чья форма так и осталась идеальной, поскольку мадам решила, что совершенно незачем наращивать лишние волосы и делать изящные стрелочки чересчур густыми.

– Леди, – за раздумьями пропустила момент, когда мне подал руку какой-то мужчина, мягко поддерживавший под локоть. Он проводил к высоким дверям, за которыми раздавались гомон и шум.

Честно говоря, с момента, как покинула императорский дворец, я жила, словно во сне. Если не считать момента, когда воспрянула на краткий миг, увидев Кериаса в лесу (хотя сейчас это казалось игрой больного воображения). Оттого и не воспринимала происходящее так ярко, как могла бы, а все впечатления и эмоции казались приглушенными и ненастоящими. Двигалась, точно заведенная кукла, отвечала на вопросы и делала, что говорят.

Так и сейчас пошла, куда направили, и вступила в просторный зал с потемневшими стенами, так отличный от светлых покоев королевского дворца.

Люди обернулись к двери, резко стихли разговоры. Но мне было не привыкать ко всеобщему вниманию, разве что тяготило отсутствие сильной руки, на которой так удобно покоилась обычно моя ладонь.

Проследовав на возвышение, где ожидал меня хмурый, точно грозовая

туча, великий князь, готовый покарать каждого, кто осмелился посмеяться над ним, я остановилась. На подносе лежал клинок, сверкавший наточенным лезвием. В другой момент я бы испугалась предстоящего действия и задумалась, что случится, когда убедятся в отсутствии связей между мной и правящим домом Иннеи. А вдруг Кериас сам поставил метку, чтобы князь не причинил вреда, а напротив, взял меня под защиту? Силу рода не обмануть. Когда настоящая кровь смешается с моей, поддельный символ на запястье сразу сгорит, а истинный засияет ярче.

Князь без лишних вступлений сперва обвел кончиком кинжала рисунок вереска на своем запястье, даже ни разу не поморщившись, а потом взял меня за руку и повторил уже проделанную операцию, оставляя на коже кровавый след. Как ни странно, я совсем не ощутила боли. Может кинжал был заговоренным? Иннеец крепко обхватил мое запястье и прижал красный порез к своему.

Его и моя кровь смешались, и раздалось тихое шипение, руки окутал белый дымок и коснулся наших меток. Обе вспыхнули ярким светом. Кажется, мужчина даже пошатнулся, выпуская мою ладонь, а люди в зале громко и яростно загомонили. Я тоже слегка качнулась и оперлась о край стола, на котором лежал испачканный кровью кинжал. Правитель Иннеи уже овладел собой, махнул рукой, и споры утихли. Князю быстро поднесли на подносе две пропитанные чем-то повязки, и он собственноручно перетянул одной из них мое запястье. Главы кланов, сторонники, преданные люди и два высоких светловолосых юноши, замерших неподалеку, взирали на нас в благоговейном молчании, а правитель сильнейшего в империи княжества вдруг обхватил меня за плечи и притянул к своей груди.

«Как же так, папа?» – писала я отцу, своему другому отцу, который растил меня с малых лет, – «Я едва могу поверить случившемуся. Откуда император мог узнать об этом? Ты что-то ему рассказал? Ты отправил ему письмо? Он ведь не зря послал меня именно сюда, ко двору иннейского князя? Ты говорил, мама умерла во время родов, но не упоминал, что она не являлась твоей женой. Как же так, папа?»

– Княжна, – тихий, но властный голос отвлек от написания письма и заставил обернуться.

– Ваши братья ожидают внизу, у вас намечена конная прогулка. Затем занятия по иннейскому языку, танцам, истории княжества, классификации кланов, родственным связям, а вечером будет прием в вашу честь. Учитель просил напомнить, чтобы вы повторили пройденный урок, поскольку познакомитесь со всеми представителями кланов лично. Нельзя ошибиться

и повести себя грубо.

– Передайте ему, я все помню. В каждом из двадцати девяти княжеств нашей империи проживают кланы, составляя его силу, основу и мощь. Прежде это были отдельные племена, которые затем объединялись друг с другом. Соседей связывают родственные узы, поскольку принято укреплять отношения с помощью браков между детьми и наследниками, потому поддержка родов столь велика, а судьба клана ставится выше желаний отдельной личности. Князь является опорой, объединяет под началом глав всех кланов, и его слово решает все, но решения принимаются только после обсуждения на общем совете. Я прекрасно помню классификацию иннейских кланов, имена их глав и ничего не перепутаю во время представления.

Признаться, голова шла кругом. Стоило мне оказаться дочерью светлейшего князя, как просто невероятное количество обязанностей свалилось на плечи. Я, будучи фавориткой, столько всего не запоминала. Меня муштровали так, словно готовили в воины элитного отряда, призванного до последнего вздоха защищать жизнь владыки. В голову пытались вложить то, что требовалось знать светлейшей княжне, и хотя даже приглашенные в замок учителя отмечали мою образованность, неожиданные пробелы в знаниях давали о себе знать.

Например, я знала историю и этикет, древние языки, бегло читала и писала на монтеррском (в чем осмелился усомниться самый первый учитель, услышавший, что я росла в «скитаниях»), но я плохо танцевала и совсем не умела ездить верхом. И хотя плавала хорошо, однако не обладала талантом стрелять из лука, не понимала иннейского диалекта и никогда за всю жизнь не приняла участия в настоящей охоте. А еще, что намного важнее, не умела сражать собственных подданных ледяным полным высокомерия взглядом и одним лишь жестом заставлять остальных выполнить любое, даже самое бредовое приказание.

Вот меня и учили всему, включая истинно княжеское величие. И вечером, падая без сил на кровать, я закрывала глаза, но не повторяла в голове пройденное за долгий день, а вместо этого мысленно рассказывала о новой жизни Кериасу. Представляла, какими бы стали его ответы, и проговаривала фразы, когда-то произнесенные им, начиная с нашей первой встречи. И конечно вспоминала кружившие голову поцелуи и прикосновения, зажигающие кровь. Острые шипы этих образов впивались в грудь, терзая ее ноющей болью, терзая меня изматывающим желанием, как в ночь после принятия шафиана. Было намного проще, пока я не узнала удовольствия на вкус, теперь же попросту не могла окунуться в другой

выдуманный мир, ведь там все было не по-настоящему.

– Миланта, входи.

Я зашла в просторный кабинет.

– Присаживайся.

Великий князь указал на стул напротив массивного стола и, лишь получив это приглашение, я решилась присесть. Хотя уже несколько месяцев прошло с момента приезда и признания меня дочерью иннейского правителя, я все еще мысленно не могла назвать Алиста Монарта Иннеки своим отцом. А вот с братьями сложились неплохие отношения, особенно с младшим, веселым и любившим посмеяться Таиром.

– Я получил письмо, новости из столицы.

– Столицы? – я даже не спросила, просипела этот вопрос. Как обычно в минуту сильнейшего душевного волнения перехватило горло.

О чем письмо? Все ли хорошо у императора? Я не слышала ни одной весточки о нем с давних пор. Немудрено, конечно, учитывая напряженные отношения с правящим родом Монтерры. Но не состоялось ли нового покушения? Всех ли Кериас поймал? Как он? Даже Эвелин, которую лекари князя вытащили с того света, едва оправившись от ран, покинула меня и ничего не писала.

Кошка так быстро собралась в дорогу и ускользнула из замка, будто сбегала от его хозяина, опасаясь не просто задержаться, а вовсе никуда не уехать и подвести тем самым своего сына. Я видела, как князь стоял у окна и провожал взглядом всадницу, скакавшую по горной дороге. Магиня отринула все попытки остановить ее, отказалась от сопровождения и от помощи, не поддавалась уговорам. Хотя никогда после слов, обращенных к Эвелин: «Останьтесь, я не воюю с женщинами», – я больше не слышала, чтобы светлейший князь кого-то и в чем-то убеждал.

Она умчалась в столицу и не прислала ни единой весточки с тех пор. Возможно, не хотела беречь мои душевные раны.

– Новости о правителе. Здесь написано, что всех князей пригласили во дворец на церемонию приветствия будущей императрицы.

– Свадьба?

Как достало сил вымолвить это слово?

Князь почесал указательным пальцем подбородок и снова перечитал сообщение.

– Полагаю, – задумчиво протянул он. – Обычно именно она следует за представлением. Четкого приказа явиться не было, как и официального приглашения на нашу семью, но я намерен поехать.

Мне показалось вдруг, его намерения связаны не со свадьбой, а с

одной очень своевольной и непокорной кошкой.

– Давно не был в столице, – рассуждал Алист, чему-то задумчиво улыбаясь, – так что явлюсь без приглашения, пусть посмеют задержать. Собирайся, Миланта.

Обреченно, спотыкаясь на каждом шагу, я побрела в свою комнату.

Украшенная к великому празднику столица всегда выглядела невероятно красиво. Я даже успела немного отвыкнуть от ее великолепия и мягкого климата, от тепла и светлых улиц, от яркой зелени и разнообразия красок.

Жители радостно приветствовали приезжих, бросали на богато убранные кареты цветы и разноцветные лепестки. Я ехала верхом позади Таира и даже не плакала. Все слезы были пролиты с момента, как князь объявил о готовящейся свадьбе, и уже иссякли.

Прежде полагала, что со временем будет становиться легче, но пока вспоминать Кериаса с меньшей болью не выходило. Не знала, как смогу встретиться с ним. Однако с кем мне действительно хотелось увидеться, так это с отцом, которому послала сообщение о поездке в столицу. Хотя он по-прежнему не отвечал на вопросы, касательно моего происхождения, отговариваясь тем, будто не может доверить подобные сведения бумаге, нашего свидания я ждала с нетерпением, как и встречи с Эвелин.

Я испытывала горячую благодарность к магине за то, что защитила меня буквально ценой собственной жизни, хоть и совершенно напрасно. Ради кого? Ради сына? Но ведь ему я теперь не нужна. Он давно удовлетворил тягу к шаане, получил, то, чего добивался столько времени, и устроил мне спокойную обеспеченную жизнь под защитой целого княжеского рода. Успокоил совесть, снял с себя все обязательства. Жаль, что я не могла ответить тем же и забыть его также легко.

В этот раз ворота дворца оказались распахнуты настежь, а не как во время приезда кандидаток в фаворитки. Сейчас и ситуация в империи изменилась.

Осваиваясь в Иннеи, я сделала вывод, что личной ненависти и неприязни у Алиста, великого князя, к Кериасу нет. Дело касалось именно политики и прав на престол. Однако теперь, когда император объединил под своей властью большинство княжеств, оставаться в стороне и высказывать недовольство становилось все опаснее. Пожалуй, это было ещё одной из причин, почему Алист решил поехать на праздник. И пусть наши имена не были указаны в пригласительном письме, но на воротах гордого правителя холодного и неприступного княжества, окруженного увешанной оружием охраной, и его детей пропустили, как только

удостоверились в подлинности родовой печати.

Во дворце нас приветствовали согласно занимаемому положению. Провели в роскошные гостевые спальни, каждому выделили для помощи слуг и рассказали о программе торжественного вечера.

Я устроилась на кровати, пока служанки хлопотали, распаковывая тяжелые дорожные сундуки с моими платьями. В Иннеи до сих пор предпочитали использовать старинные проверенные вещи, которые в столице давно вышли из моды. Даже наряды княжны выглядели более тяжелыми и старомодными, скрывавшими очертания фигуры под многочисленными складками, в отличие от платьев дворцовых модниц. Но я не спорила. Полагаю, мужчина, которого следовало называть моим отцом, испытал бы приступ искреннего негодования, увидев, например, наряды фаворитки или иное творение волшебницы Амели.

Одна из девушек, представившаяся моей личной горничной (слуг в поездку мы не брали), предложила помочь снять слишком теплый наряд. Пока она хлопотала вокруг, я вдруг с тоской вспомнила Кэти. С ней мы тоже не виделись долгое время. Я регулярно общалась с девушкой посредством писем и всегда подписывала их прежним именем, а она, в свою очередь, докладывала о положении дел в благотворительном центре, отмечала рост числа меценатов и покровителей, говорила о том, что коллекция книг растет, налаживаются связи с библиотеками по всей империи, а фонд помог уже многим талантливым соискателям обрести подходящую работу. Кэти была поглощена этой суетой и, кажется, искренне любила свою должность. Ей она подходила намного больше, чем место обычной горничной.

– Вы желали бы отдохнуть, леди?

– Да.

Кругом полным-полно людей. Повсюду сверкают разноцветные огни, формируя потрясающие украшения. Кажется, в них добавлена магия, поскольку гирлянды светятся и переливаются сами по себе. Везде прекрасные цветы, а на отдельно стоящих столах угощения. Толпа радостно гомонит, и придворные осматривают с любопытством прибывших во дворец гостей.

Ни императора, ни его избранницы пока нет. Светлейший князь медленно проходит по зале и то и дело останавливается поговорить с кем-то, попутно представляя нас троих каждому собеседнику. Мне все больше не по себе от растущего внутреннего напряжения, хотя и князь, и братья полны спокойствия и чувства собственного достоинства.

– Ты что-то бледна, Миланта, – наконец, замечает мое состояние

Алист. – Хочешь присесть?

– Если не возражаете, я бы желала устроиться возле того окна, подальше от толпы, и немного перевести дух, пока праздник не начался.

– Конечно, – он благосклонно кивнул, а я ускользнула на другой конец залы и устроилась в неприметной нише, на низком диванчике. Как оказалось, я не одна искала здесь покоя.

– Извините, что потревожил, – улыбнулся мужчина, подошедший на пару минут позже.

Я вскинула голову и зажала ладонью рот, удерживая крик:

– Папа!

– Миланта! – отец упал на диван, словно ноги подкосились.

– Папочка, как же ты здесь?

– Доченька моя! – отец обнял за плечи, а я дышала глубоко-глубоко и быстро, сдерживая жжение в глазах и не давая слезам пролиться. – Я пришел на праздник, чтобы увидеть тебя. Мой друг помог получить приглашение через старых знакомых.

– Почему ты не отвечал на мои вопросы, папа?

– Я мог рассказать обо всем только при встрече.

– Князь здесь. Он же, наверное, увидит тебя и узнает. Ты служил ему прежде?

– Никогда не встречался с ним, дочь.

– Как так? Зачем же ты увез его ребенка, как не с целью спрятать от врагов?

– Миланта, – отец крепко сжал мои руки и заговорил так тихо, что только я могла слышать. – Ты моя дочь. Я сам принял тебя на руки, когда ты родилась. Моя прелестная жена подарила мне не менее чудесную девочку. И никогда бы я не выдал чужого ребенка за своего. Уж тебе бы, по крайней мере, открыл правду.

– Но... Князь искренне считает иначе и ритуал показал...

Мои слова заглушила громкая музыка. Все мгновенно рванулись в сторону дверей, выстраиваясь вдоль прохода. Я тоже подскочила на ноги, но пробиваться к Алисту уже было поздно. Слишком много людей столпилось там, окружив князя со всех сторон и не позволяя мне разглядеть прибывшего владыку.

– Кериас дор Харон амон Монтсеррат, правитель империи Монтерра! – объявил зычный голос мажордома, и шепотки стихли, торжественная тишина повисла кругом, а я стояла за спинами людей и видела лишь голову шагавшего по проходу императора, его черные волосы и сверкающий золотой венец. Потом владыка поднялся по ступеням, обернулся и

величественно опустился на трон.

Я перестала дышать, разглядывая его с жадностью, до рези в глазах силясь рассмотреть малейшие изменения во внешности. Отец тихонько отошел, затерявшись среди других гостей, а я даже не сразу заметила.

– Приветствую вас, – кивнул императору вся толпа склонилась в поклоне, а у меня колени сами подогнулись.

Мажордом вышел на центральное место, встал в изножье трона и объявил:

– Желая выразить почтение к владыке, на вечер прибыл великий князь Антории с сыном и дочерью.

От толпы тотчас отделился сухонький старичок, которого под руки вели тоненькая девушка лет шестнадцати и рослый, но худощавый парень, не старше двадцати лет. Я даже успела удивиться, откуда у старика такие юные дети, а мажордом уже объявил следующих.

Одно за другим назывались княжества и выходили вперед их правители, а император приветствовал каждого. Я не отрывала взгляда от его лица, оставаясь невидимой за спинами людей.

– Миланта, – мое плечо сжала ладонь Таира, – вот ты где. Идем, отец сказал, что тоже нас представит.

– Зачем? Может, не надо?

Как я могу спокойно стоять перед ним? А если не выдержу, разревусь и позорно убегу из залы?

– Он сказал, что князя Иннеи не прячутся за спинами других. Пусть нас не приглашали, но мы имеем право присутствовать здесь наравне с остальными.

И снова меня обрекли на пытку. Я бросила затравленный взгляд в сторону двери и попыталась отыскать глазами своего настоящего отца. Как теперь объяснить князю, что произошла роковая ошибка?

– Миланта, – Алист слегка сжал плечо, – дай свою руку.

И он пошел сквозь толпу уверенно, неотвратимо, а братья шагали за нашими спинами.

– Великий князь Иннеи с сыновьями и дочерью, – подобно громовому раскату провозгласил мажордом, а у меня сердце ушло в пятки. Поднять глаза я так и не осмелилась, привалившись к Алисту и только таким образом устояв на ногах. Поклонилась, когда и он склонился в поклоне, и услышала знакомые, насмешливо тягучие нотки:

– Рад видеть вас лично, князь.

– Исключительно ради этого счастья я и приехал в столицу.

Кажется, Кериас даже фыркнул, сдерживая смех, хотя позади

раздались возмущенные шепотки шокированных подобной наглостью придворных.

– Вы прибыли с достойной охраной, – парировал император, то ли намекая на тридцать воинов, сопровождавших князя всю дорогу и вместе с ним явившихся во дворец, то ли подразумевая двух рослых княжичей, застывших по бокам от отца.

– Мои сыновья, – строго следуя этикету, представил князь, – Олистер и Таир.

– Весьма достойные молодые люди.

Юноши почтительно поклонились.

– А кто это нежное создание, не смеющее поднять глаз на императора?

Люди тихонько посмеивались за спиной, но я не поддавалась на провокацию. Сил не хватило.

– Моя дочь, Миланта. Она очень застенчива, как и подобает юным леди.

– Очарован.

Приличествующее ситуации слово сладким ядом пролилось в мои уши. Произнесенное тягуче лениво, с мурлыкающей интонацией, оно прозвучало манерно и вместе с тем обольстительно. Я вдавила ногти в ладони, снова поклонилась, а ноги дрожали. Как только не затрещала ткань белоснежного платья, в юбку которого я вцепилась со всей силы?

Даже смешно, что Алист выбрал белый оттенок. Я явилась к императору, обряженной в цвет чистоты, и предстала перед лицом мужчины, забравшего мою невинность, в облике непорочной девы.

Меня потянули за локоть, а мажордом продолжил объявлять другие имена, но в голове уже так шумело, что ни идти без подсказки, ни говорить, ни тем более делать что-то самостоятельно, я оказалась не в состоянии.

Кажется, именно Таир принес бокал с чем-то, обжегшим горло. Когда я поперхнулась и подняла взгляд на юношу, он легкомысленно пожал плечами и весело ответил:

– Мне показалось, это поможет лучше воды, сестренка.

И почему все так стараются меня напоить, стоит лишь разволноваться больше обычного? Его поступок напомнил сразу и об отце, и об Эвелин, которую я тут же увидела. Она стояла неподалеку и беседовала с князем. Алист буквально расцвел на глазах, о чем-то спрашивая немного смущенную кошку. Почувствовав мой взгляд, Эви повернула голову и улыбнулась мягко, искренне и чуть сочувственно, словно мысленно желала продержаться до конца.

– Господа, – мажордом громко стукнул о мраморный длинной тростью

три раза, привлекая всеобщее внимание. – Сегодняшний вечер станет самым торжественным событием, поскольку именно сегодня светлейший владыка представит верным подданным будущую императрицу.

Я быстро прижала к губам бокал и осушила в три глотка, заслужив одобрительное хмыканье княжича. Только эта поддержка и огненный горький напиток совсем не помогли справиться с болью.

В зале повисла тишина, плотная, почти осязаемая. Мне казалось, все вокруг слышало, как сильно колотится мое сердце. Кериас медленно поднялся с трона.

– По традиции, – начал он, – выбор невесты происходит задолго до официального представления ее будущим подданным. Сперва отец соглашается отдать руку своей дочери, затем обговариваются все пункты соглашения и подписывается соответствующий договор. К сожалению, юные девы обо всем узнают в последний момент. Возможно, чтобы будущая императрица не умерла от счастья и дожила до объявления помолвки.

Придворные весело посмеивались, а в моей голове, разгоряченной алкоголем, зрел план великой мести. Я, кажется, задумала покушение на самого сильного мага в империи.

– Так и в этот раз были соблюдены все условия. А теперь позвольте представить мою невесту, дочь великого княжеского рода. И он вытянул руку и повернул раскрытой ладонью вверх.

В мгновение ока оказавшийся за моей спиной Алист, вдруг крепко ухватил за локоть, потащил вперед, минуя застывших людей, утянул вверх по ступеням и положил мои пальцы на ладонь владыки.

Что?

Я отказывалась понимать происходящее, я не могла так стремительно проходить сквозь барьеры совершенно различных эмоций, от тоски и боли до принятия невероятной кружащей голову реальности, а уж остаться в сознании и устоять в мире, перевернувшемся с ног на голову, оказалось выше моих сил.

Алист подхватил или сам император, или они вдвоем, не дав мне скатиться по ступенькам. Только, кажется, Кериасу придется выбрать другую невесту, поскольку нынешняя все же умерла от счастья.

Плохо и муторно ощущать на себе последствия длительного обморока. Давно же я не теряла сознания. А хуже всего то, что теперь сложно понять, император действительно объявил меня своей избранницей или это привиделось?

Ветер колыхал занавески, заглядывая в раскрытое окно, а по ту

сторону в свои права вступила ночь. Долго я проспала и, видимо, пропустила весь праздник.

Душа рвалась и трепетала, подобно легкой ткани на ветру. Я была в таком состоянии, что хотелось либо безумно рассмеяться, либо поплакать от души, выскочить из комнаты и со всех ног бежать к Кериасу. Очутиться в кольцо родных рук, прижаться, закрыть глаза и совсем-совсем раствориться в его объятиях.

Люблю! Как же сильно я могу любить!

Выбралась из постели и принялась искать накидку, поскольку в кровать меня уложили в одной сорочке. Укутавшись с головы до пят, осторожно выглянула в коридор. Сердце горело, мне нужно было вырваться из стен гостевой комнаты, иначе желание увидеть Кериаса могло задушить и заставило бы наделать непоправимых ошибок.

Длинными переходами, которые изучила еще живя во дворце на правах фаворитки, я добралась до низкой дверцы и выскользнула в окутанный ночной тишиной сад. Прохладный воздух приятно оведал лицо и щекотал пылающие щеки, пробирался под плотную накидку и касался разгоряченного тела. Я устремилась вперед по дорожкам, пытаюсь в этом бездумном беге остудить внутреннее пламя, и остановилась, тяжело дыша, лишь услышав мерное журчание фонтанов.

Вон она, статуя фейри, серебрится в лунных лучах, и водяной полог падает вниз расплавленным серебром. Я вышла с узкой дорожки к центральной чаше и стала оглядываться кругом с затаенной надеждой. Сердце скакнуло и сладко замерло в груди, когда от глубокой тени, отбрасываемой одной из статуй, отделилась высокая фигура.

– Миланта, – улыбнулся император.

Казалось, этот голос мне снова снится, как и его облик и освещенное лунным светом лицо.

– Наконец-то решила посмотреть на меня, впервые за весь вечер?

Дразнящие интонации тихого голоса, сверкающие глаза, тепло человеческого тела так близко. Во сне я не могла ощутить его.

– Я надеялась, что увижу тебя, – признание вырвалось само, а Кериас провел по моей щеке ладонью, улыбнулся ещё мягче, ещё слаще, и голова пошла кругом.

– Надеялась, что буду ждать тебя здесь? Я ждал.

Мой Кериас!

Обхватила его за плечи, судорожно вцепившись в шелковую рубашку. Он даже не переоделся после праздника. Наверное, ушел с вечера не в императорские покои, а сразу сюда.

Обнял меня, наконец-то, прижал к груди, в которой гулко колотилось сердце. Я слушала его стук, желая, чтобы, подобно мне, Кериас сейчас потерял голову от счастья, позабыл обо всем, обжег поцелуями, прикосновениями, безумными срывающими запреты ласками, а он отстранился. Выскользнул из моих рук и приложил палец к губам. Улыбнулся чуть коварно, играючи и потянулся к пуговицам рубашки.

Растерянно наблюдала, как падает на землю одежда, а обнаженный император разводит руки в стороны, запрокидывает голову, и лунные блики сперва целуют его кожу, а потом начинают путаться в серебристой шерсти огромного барса.

Приблизившись, я с нежностью запустила в мягкий мех пальцы, ласково и с чувством легкого разочарования поглаживая красивого и сильного зверя. Я была счастлива видеть его, но хотела сейчас именно мужчину. А снежный кот боднул игриво лбом и повернул голову, словно приглашая садиться.

Вцепившись пальцами в густую шерсть, я взобралась на его спину, прижалась к загривку и сжала кошачьи бока коленями. Он мягко скакнул вперед, и дух перехватило, вновь захотелось рассмеяться, ведь он был рядом, он пришел и ждал меня. И чуть позже я смогу выяснить все про этот вечер и событие, которое просто не могло мне привидеться.

Пока я наслаждалась легким ароматом можжевельника, прижавшись щекой к теплой шерсти и обхватив мощную шею руками, барс привез меня на берег огромного озера в дальнем конце дворцового парка. Я и прежде забредала сюда, но вот к этому каменистому склону невозможно было подступить. Слишком высоко. Кот же скакнул на один камень, затем на другой и спустился к кромке воды. Я крепко держалась, стараясь не соскользнуть с его спины.

Снежный зверь замер на узком каменистом перешейке, где волны ласкали берег, а потом проскользнул вдоль отвесного склона, нырнул в темноту черного прохода, и самым невероятным образом мы оказались в волшебной пещере.

Светлые боги, как здесь красиво!

Я спустилась на землю и, раскрыв рот, любовалась светящимся лазурными кристаллами полукруглым пространством. Шепот плещущейся у входа воды звучал сказочной мелодией. Я обернулась к своему барсу, но на его месте уже стоял мужчина. Склонив голову, наблюдал за мной и выражением благоговейного восхищения на моем лице.

— Я создал это для тебя, — обвел он пещеру рукой, отчего сладко-сладко сдавило сердце.

И все разговоры потеряли свою ценность. Зачем говорить о чем-то в этот момент, когда он со мной, живой и настоящий. Мне требовалась лишь самая малость, убедиться, что волшебство не рассеется и мужчина напротив не исчезнет от моего прикосновения.

Я дотронулась сперва до его щеки, потом кончиками пальцев погладила губы, а затем накидка и сорочка оказались вдруг на полу, а я спиной на мягкой подстилке в центре этого волшебного места. Обнимала своего мужчину, принимая яростные поцелуи с той же ненасытностью, с какой впускала его в себя, двигаясь в едином созвучном ритме.

Очнувшись, не смогла отпустить. Тесно прижалась, закинув руку на теплое плечо и согнув ногу поверх его бедра, а он нежно поглаживал мое тело и чертил невидимые линии на плече, руке, на боку, и чуть щекотно проводил под коленкой.

– Кериас, – я вдруг вспомнила, о чем важном стремилась рассказать, и приподнялась на локте.

– Что? – промурлыкал он. Резко обхватил за плечи и повалил меня на себя, не дав отстраниться.

– Ой.

– Рассказывай.

– Мне так...

– Не erzай, если хочешь поговорить.

Я затихла, прижалась щекой к его плечу и, перешагивая пальчиками поверх груди, принялась объяснять, что вовсе не являюсь дочерью князя.

– Отец не мог обмануть. Это какая-то нелепая ошибка, что магия рода вдруг сработала, а меня приняли и признали все главы кланов. Моя мать была обычной женщиной, как и мой отец. Они не благородного происхождения и никогда не были в Иннеи. Объясни, как ты смог проявить метку и зачем отправил меня к Алисту?

Правитель Монтерры тихо рассмеялся, что заставило в недоумении вскинуть голову.

– Не ошибка, Миланта, – ответил Кериас, очертив контур моего лица, – а спланированный и хладнокровный обман. Сговор, в который вступили светлейший император и великий князь.

– Обман?

– У князя нет дочери, только сыновья, но есть желание приблизиться к трону. Столько лет отношения с Иннеи оставались напряженными, а враги настойчиво разжигали и поддерживали эту вражду, по сути, раскалывая империю изнутри. Я вычислил всех, Миланта, послужив приманкой на том вечере, когда было совершено покушение.

У меня даже сердце закололо от воспоминаний о его ранах, о промокшей рубашке и темноте подвала с запахом крови.

– Не хочу вспоминать.

– Я лишь поясняю, что заговорщиков не осталось, но это не означает, будто в будущем не появятся недовольные и жаждущие власти. Заключить договор с самым сильным родом в империи после Монтсерратов, заручиться поддержкой великого княжества, их соседей и союзников, – это было на руку нам обоим. Князь решился на подлог. Острие кинжала содержало в себе полость, заполненную кровью, легкое надавливание, и рисунок на твоей руке, который я сам поставил, оказался обведен по контуру не твоей, а настоящей княжеской кровью. Оттого запылала метка, оттого тебя признала магия рода.

– То есть, – даже дыхание перехватило от грандиозности авантюры, – все это большой подлог?

Я уперлась ладонями в теплую грудь, отстранилась, прогнувшись в пояснице и изумленно разглядывая поистине пугающего в своей расчетливости, безжалостности и хитрости Зверя.

Моего Зверя.

Он прижал крепче, не позволяя выскользнуть из капкана рук.

– Всего лишь политика? – шепнула ему.

– Мышка! – Кериас разжал ладони только затем, чтобы крепко обхватить мою голову и заглянуть в глаза. – Можешь называть политикой или иначе, как хочешь. Если судить с этой точки зрения, долг императора заботиться о своей стране. Долг стоит на первом месте, но я не смогу исполнить его, если рядом не будет единственной для меня женщины. Без тебя пусть вся страна катится в бездну. Так что суди сама, исполнил я долг или пошел на поводу собственных желаний.

– Кериас, – я даже не знала, что сказать, – как же рискованно решиться на подобное и обмануть всех. Ведь могло не получиться, могло рухнуть в последний момент по несчастливой случайности. Высшие силы! – зачем ты пошел на это?

– Потому что люблю.

Все-таки сон? Ненастоящий, чудесный, но оттого грустный. Но просыпаться не желаю, никогда.

Когда я заговорила после долгого молчания и спросила, как такое возможно, Кериас ответил с усмешкой:

– Он тоже любил.

– Вернон?

– Я вспомнил момент гибели, видел твои глаза, пока умирал, и ощущал

то, чего никогда не испытывал прежде. Освободившись от влияния граней, осознал, что успел полюбить.

– Помнишь? Ты помнишь? Ты, Кериас или Вернон?

– Я больше не разделяю, с момента, как стал единым целым, овладев тобой.

– Кериас меня не любил.

– Правда? – он улыбнулся, весело и дразняще, – кого же я любил?

– Инессу.

– Ириаден так говорил? – усмешка стала более жесткой. – Нет. Тебя, Миланта. Задолго до происшествия в часовне и до той ночи, когда точно безумный рванулся спасти жизнь отвергшей меня Мышки.

– Почему я ничего не знала? Ни о князе, ни о твоих планах, ни о чем? Даже папа молчал. А ты убедил, будто печать на моем запястье была все время, твоя магия лишь проявила ее.

– Ты должна была верить, искренне считать себя дочерью иннейского князя, только так и остальные поверили.

– Ты следовал за нами, да? Во время путешествия? – я прижалась к нему чуть теснее.

– Держался на приличном расстоянии, чтобы не столкнуться ни с кем по дороге. Иногда менял облик, когда пришлось пробираться по скалам.

Вот почему он успел в самом конце, когда отвлек на себя внимание преследователей и обставил все точно произошел несчастный случай. А не вернулся и ушел, потому что к месту сражения уже спешили дозорные.

– Теперь ты контролируешь барса, помнишь все даже в его теле?

Кериас кивнул, перебирая мои спутанные пряди. Потом намотал одну на руку, разглядывая в волшебном лазурном свете.

– Этот облик мне нравится больше всех.

Я смутилась, спрятала лицо на его груди и пробормотала:

– Спасибо.

Когда он так смотрел, хотелось закрыться ладонями, пряча за ними невероятную переполнявшую меня радость. Я не привыкла делиться своими чувствами, а потому так сложно оказалось поднять голову, ответить на его взгляд и тихо-тихо прошептать:

– Я тоже тебя очень сильно люблю.

ЭПИЛОГ

Говорят, император был без ума от красавицы-фаворитки, не мог и дня прожить без нее. По этой причине милая, но не обладавшая яркой внешностью императрица так и не смогла завладеть его сердцем. Оно осталось безутешным после гибели огненной Мейлинды. Правитель пытался залечить сердечную рану с помощью других прекрасных женщин, но все они сменяли друг друга в его постели, не задерживаясь в ней. Супруга при этом оставалась в счастливом неведении, ведь по отношению к жене владыка всегда демонстрировал искреннее внимание и уважение.

Обо всем этом я узнала прекрасным утром, когда в императорскую спальню ворвалась одна взъерошенная и очень злая кошка.

– Кто здесь с тобой? – крикнула она, позабыв о почтении к правителю целой империи, и беззастенчиво отшвырнула в сторону одеяло.

Я пискнула, прижимаясь к мужу и пряча свою наготу за его большим телом. В отличие от меня Кериаса сложно было смутить.

Император скосил глаза, наморщил лоб и выдал:

– Если память не изменяет, это моя жена.

От меня он получил тычок в бок, а от Эви убийственный взгляд. Однако магиня выглядела явно растерянной, поскольку, замешкавшись, выдала:

– Миланта?

– Угадала, ее так и зовут.

Теперь Эвелин схватила подушку и швырнула в сына.

– Кериас, я примчалась из самой Иннеи, потому что по стране ходят слухи, будто император меняет любовниц, как перчатки.

– Я и меняю, – кивнул несносный кошак, добавляя нервозности матери.

– Миланта, – разъяренная Эвелин не нашла ничего лучше, чем перевести гневный взор на меня, – как так? Ты терпишь подобное отношение?

– Эви! – Кериас сел на постели и выставил перед собой ладони, а я быстро прикрылась подушкой. – Если я меняю любовниц, это не значит, что я с ними сплю.

– Ничего не поняла, – казалось, кошка просто сгорает от желания покрутить пальцем у виска.

– Послушай, – император сразу стал серьезным, – когда-то на мою

фаворитку напали, пытаясь убить лишь за то, что по слухам, она была очень дорога императору. С моей женой подобного не случится. Пусть считают, что у нас монархический брак и чувства не затронуты. Так я смогу защитить Миланту.

– А как же все эти женщины?

– Маг внушает им, будто они провели ночь с императором, – пожал плечами Кериас, – что может быть проще?

– Ай-яй, – Эвелин покачала головой, но перевела дух от облегчения, – ментальное воздействие на обычных людей, как нехорошо.

– Это разово, им не навредит. Кстати, Эви, ты только за этим примчалась в столицу, покинув влюбленного мужа? У вас все так мирно, что поскандальить ты явилась сюда?

– Я приехала вправить тебе мозги, несносный.

– То есть серьезно решила, будто я могу прикоснуться к другой женщине? Ты? Эвелин, разве ты не знаешь, что Миланта значит для меня?

– Знаю, потому и не сразу поверила. Все показалось очень странным, но слухи ходили упорные, вот и решила выяснить лично.

– Алиста привезла?

– Угу, – кошка вдруг покраснела, точно юная девочка, и тут же устремила к двери, – раз уж мы здесь, не мешало бы показать, что новенького в столице. И посвятить в планы относительно того, когда мне подарят первого внука. Да, кстати, письмо от Аны пришло, будто император ее замуж выдает. Думаешь, это поможет ей тебя забыть?

– Наша связь так и не закрепилась, а значит забудет постепенно и начнет новую жизнь. Я выбирал, основываясь на ее предпочтениях

Кериас повернул голову и взглянул на меня.

– Мышка, так и будешь прятаться под подушкой? У нас же важные гости, пора вспомнить об обязанностях радушной хозяйки, – и он с лукавой улыбкой почтительно склонил голову, – ваше императорское величество.

БОНУСНЫЙ РАССКАЗ

Ладони утопали в густом меху, а мягкие шерстинки щекотали обнаженную кожу. Большое теплое тело подо мной согревало лучше любого огня. Лениво пропустив шелковистую прядь между пальцами, я подула на округлое ухо, и оно дернулось. Огромный кот приподнял голову с лап, а по моей спине мазнул распушенный кончик хвоста.

Я определенно мешала его императорскому величеству отдыхать после изнурительного пути, но подразнить греющего меня барса оказалось слишком заманчиво.

А началось все с того, что я сильно замерзла под порывами холодного ветра, пока мы пробирались меж горных валунов, и тогда зверь отыскал небольшую расщелину между камнями. Она не уходила вглубь горы, наподобие пещеры, но вполне годилась, чтобы укрыться. Кериас стянул с меня одежду, завернул тело в магический кокон, похожий на тот, который окутывал императора сразу после смены облика. Согревалась я недолго, но зато ощутила усталость, а Кериас обратился в кота и улегся на камни, чтобы я могла устроиться сверху.

Хотя я уже оправилась после перенесенной болезни, уставала по-прежнему быстро и большую часть нашего долгого путешествия проводила верхом на снежном барсе.

Вот и сейчас лежала, касаясь обнаженным телом широкой спины, поскольку обычный согревающий кокон не служил материальным барьером, и водила ладонью над кошачьим ухом, задевая кончики белоснежных волосков. Барс приглушенно заворчал, а я улыбнулась и уткнулась лицом в шерсть на загривке, чувствуя себя самой счастливой наедине с моим ласковым Зверем. Разнежившись в тепле и под защитой сильного хищника, я не заметила, как уснула.

Сны бывают разные, иногда непонятные, порой, похожие на реальность, а изредка напоминающие бред больного воображения. Временами ко мне в сновидениях приходили самые яркие воспоминания.

В этот раз в голове звучали голоса, один знакомый, родной, а второй, полный отчаянного сопротивления и тоски.

Подслушивать неправильно, а особенно таким вот образом. Однако узнав, что в столицу пожалует Анетт, я не выдержала. И причиной оказалось вовсе не отсутствие доверия к моему мужчине, а опасение, как бы Ана не сотворила чего-нибудь, например, используя магию, попыталась

оживить былую связь.

Смешно сказать, но до приезда бывшей соперницы императрица занималась тем, что через незаменимую Кэти доставала магическое прослушивающее устройство, а после крепила две маленькие кнопочки на стенах императорской гостиной и собственной спальни. Заплатить пришлось немало, поскольку я хотела купить приспособление, от которого бы не шел магический фон, иначе сильнейший маг империи и бывший имперский дознаватель мог его ощутить, к тому же я желала не только слушать, но и наблюдать.

Выложив половину состояния за крошечную вещицу и приделав все в нужных местах, я в волнении притаилась в спальне, зная, что Ану непременно пригласят в гостиную императора, где он чаще всего предпочитал решать вопросы личного характера.

От Кериаса я бы не дождалась подробностей их разговора, но знать о нем была обязана, хотя бы ради сохранения нашего с императором счастья. За него я могла побороться хоть со всеми магами и магинями мира.

Погасив свечи и свернувшись калачиком в кресле, я наблюдала за немного расплывчатым изображением на стене. Видела, как по-прежнему прелестную, стройную блондинку провели в гостиную Кериаса, а он встал, чтобы сжать в ладонях ее руку и улыбнуться:

– Рад видеть тебя, Ана.

– И я.

Не столько выражение лица, сколько ее голос, интонация и неосознанное движение всем телом навстречу приветствовавшему ее мужчине рассказали все о чувствах снежной кошки.

– Мы очень давно не встречались? – с грустью добавила она.

– Я не хотел тревожить тебя лишний раз.

– А сейчас пригласил, чтобы узнать, почему я тяну с заключением брака? – в ее словах прозвучала горькая ирония.

– И почему ты тянешь? – Кериас не изменял себе, не тратил время на пустые беседы, предпочитая переходить прямо к делу.

– Наверное, потому что все еще надеюсь. Хотя это глупо, да? Ты даже женился на ней, и тебя не остановили наши клятвы.

– Ана, – Кериас мягко придержал девушку за плечи и повернул лицом к себе, – хочу, чтобы ты поняла и избавилась от ложных надежд – все клятвы потеряли силу тогда, когда зверь сделал выбор. Связь между нами давно разорвана. Если ты поймешь, сможешь построить собственную жизнь.

– Я не могу понять, Крис, не могу! Почему она? Чем лучше меня?

Просто человек, даже не маг. Вы вместе уже несколько лет, но детей нет по-прежнему, и это радует.

– Ана!

– Да! Безмерно радует! Я не хочу врать, я не за тем приехала во дворец, чтобы оставлять между нами незаконченные фразы. Желаю раз и навсегда разрешить все это. Или ты не позволишь?

– Позволю, – Кериас опустился в кресло, спокойно, почти без эмоций следя за взволнованной девушкой.

– Почему, Крис, почему? – она опустилась на колени возле его ног, схватила мужскую ладонь с подлокотника и прижала к своей щеке.

– Не стоит плакать, – расслышала я тихий голос императора. Он звучал проникновенно и успокаивающе.

– Просто объясни мне, объясни, и обещаю, что повинуюсь, наконец, твоей воле и выйду замуж.

– Что ещё объяснить? – даже не глядя на изображение, я знала, что Кериас в недоумении изогнул бровь.

– Почему она? Ведь все шло замечательно, все было идеально между нами, а затем вдруг этот злосчастный отбор, и она появилась во дворце. Делая выбор между человеком и той, кто принадлежит к твоему магическому роду, как можно выбрать человека? Их век короткий, они подвержены болезням. А ты! Ты теперь самый сильный из магов! Разве у нее достанет энергии, что бы подарить жизнь твоему сыну, передать ему дар? Мне бы достало, Крис.

В сердце больно укололо, очень больно. Я бы не рискнула описывать собственных эмоций в тот миг или просто разбираться в них, но мучительная тоска накатила удушливой волной. И хотя речь не предназначалась для моих ушей, цели она достигла.

– Ана, я не вижу смысла объяснять. Поступки говорят сами за себя и выбор сделан. Для меня навсегда останется только Миланта.

– Докажи это. Докажи ради того, что связывало нас прежде. Умоляю тебя. Просто помоги мне поверить, Кериас. Поддайся чувствам, физическому влечению. Выпусти из-под контроля притяжение, что всегда возникало между нами, с той первой встречи, когда ты приехал в город магов, желая найти Эвелин, и по дороге встретил меня.

Никогда еще и никого мне не хотелось так сильно задушить, как Ану. За то, что искушала и играла на его слабостях. А я за эти годы успела позабыть о столь мерзком чувстве, как ревность, сердце ни разу не сжал страх потерять того, кто нужен больше самой жизни, но сейчас все накатило разом.

– Доказать?

– Поцелуй меня, по-настоящему, как раньше. И если не ощути отклика, я уйду, выйду замуж, никогда больше не побеспокою тебя. Раз выбор сделан и его невозможно изменить, раз между вами установилась поистине редкая связь, что превратила ее в единственную в твоей жизни, то ничего не произойдет. Но если ты, как и я, Крис, почувствуешь благодаря нашему поцелую, что это не так, есть повод задуматься. Какой смысл держать рядом женщину, чье тело слишком слабо, чтобы выносить твое же потомство?

Я думала, он сейчас скажет, что ничего не будет доказывать и прогонит ее наконец. Но Кериас вдруг резко поднялся, схватил Ану за руку и рывком поставил на ноги, что бы тут же обхватить ладонями ее голову и склониться к губам.

Мне захотелось немедленно разбить чуть расплывчатое отражение на стене и одновременно зажать руками уши. Сейчас она рассмеется и скажет, что не ошиблась в своих предположениях.

Отстранился. Я видела, как он выпустил девушку и снова опустился в кресло, а она подняла к лицу ладони и всхлипнула.

– Это, – Ана с трудом сдерживала рыдание, – это было иначе всегда, – ее голос осип и звучал почти шепотом. – У меня кружилась голова, подгибались колени, перехватывало дыхание. Все тело таяло, я ощущала, что твои губы дарят блаженство, а сейчас... почему ты так равнодушен сейчас?

– Ты просила доказательств, Ана, – теперь его голос звучал холодно, растеряв мягкие нотки, вызванные радостью от встречи.

– Но...

– Это доказательство. Теперь черед за тобой.

– Не на что надеяться, – она вздохнула так горько, что в любой иной ситуации я могла бы пожалеть девушку, но только не сейчас.

– Прощай, Ана.

Она отерла слезы, постояла еще секунду, глядя на него, плечи поникли.

– Все-все в прошлом?

Он не отводил взгляда и не опускал виновато головы, смотрел прямо, а голос звучал твердо, без тени сомнений.

– В прошлом.

– Что же, – я видела, ей трудно взять себя в руки, но она очень старалась, – тогда действительно прощай.

У самой двери она еще раз обернулась напоследок.

Голос прозвучал тонко и жалобно.

– Навсегда прощай, Крис.

Он повернул голову, а в тоне вдруг проскользнула нежность:

– Желаю тебе счастья.

Как порой может знобить от холода, так и от эмоций меня затрясло не хуже, чем от ледяного ветра. Хлопок в ладоши, и изображение померкло, а устройство тут же деактивировалось.

Бывшая избранница предприняла попытку, но та не увенчалась успехом. Кериас просто, но совершенно категорично доказал, что для него я единственная. Однако и Анетт сказала правду – я слишком слаба, как его пара.

До самого вечера мучилась этой мыслью, а когда пришла пора готовиться ко сну, отослала служанок, выбрала самую простую ночную рубашку до щиколоток, заплела волосы в длинную косу и устроилась на кушетке у окна. Ждала прихода императора и переживала, а когда он привычно бесшумно вошел в спальню, вздрогнула от неожиданности.

– Миланта, – он улыбнулся, протянул ко мне руки, и, восторгаясь, я соскочила на пол и даже пробежала несколько шагов, но на полпути резко затормозила. Хотя ужасно хотелось обнять мужа, которого не видела с самого обеда, но не решилась. Честно говоря, меня мучила совесть, а ещё пришло понимание, что Кериас наверняка узнает позже о моем поступке. Он всегда узнавал: по случайно брошенной фразе или иным образом, но был в курсе почти всех моих дел. Лучше рассказать сейчас, чтобы не обманывать и не усугублять ситуацию.

На одном выдохе я призналась: «Я подслушала».

Он сузил глаза, рассматривая меня внимательно, изучающе, разгадывая, что я умудрилась подслушать и, конечно, быстро догадался. Сложил на груди руки, оперся плечом о рельефную боковину незажженного камина и протянул вперед правую ладонь.

Понурился, точно дитя, получившее строгий выговор, вытащила из-под подушки две металлические кнопки, аккуратно снятые со стен, и положила на руку Кериаса.

Он так сжал крепкий металл, который и маскировал магический фон, а еще защищал «начинку» от повреждений, что тот хрустнул под его пальцами. Император нечасто демонстрировал при мне свою силу, поскольку она реально пугала, но сейчас явно был не в восторге от моего поступка. Я точно индикатор могла ощущать его настроение и чувствовать покалывание напряжения в воздухе.

– Еще и наблюдала? – не спросил, констатировал факт.

Я покраснела до корней волос, но отчего-то выпалила:

– Ты ее целовал! – прозвучало почти обвиняюще.

– Всего лишь приводил доказательство. Тебе показать разницу между ним и настоящим поцелуем?

Прозвучало чуточку угрожающе, и я на всякий случай отодвинулась к другому краю большущего камина.

– Боялась, она наложит на тебя чары.

Он слегка качнул головой, точно и злился, и недоумевал одновременно, а черная прядка упала на лоб. Я потянулась по привычке убрать, но вспомнила о собственной вине, тут же отдернула руку и приняла самый покаянный вид.

– Мышка, я поражаюсь, как в тебе сочетаются эта невинность и умение совершать поступки, которых от тебя никто не ждет?

– Извини.

– Я слишком зол, что бы просто так извинить.

– Обещаю, что больше не буду вести себя подобным образом.

– Обещаний мало, они не помогают расслабиться, а мне нужно снять напряжение.

И тут он сделал движение в мою сторону, а я отпрыгнула. Почудилось на миг, что сейчас поймает и отшлепает, словно маленькую девочку.

Убегать от Кериаса я за все время, что прожила с ним, так и не научилась. Вечно попадалась на обманные уловки, а в итоге оказывалась в стальном капкане его объятий.

– Начнем с разницы между поцелуями, а закончим снятием напряжения, – заявил император.

– Кериас...

Ни договорить, ни снова оправдаться не вышло. Потому что в моменты, когда я умудрялась разозлить, Кериас давал выход второй звериной сущности, бешеному напору и такой же неконтролируемой страсти. От нее ломило все тело, огонь сжигал душу, губы горели, а я забывала о скромности, трепетной нежности, взаимной ласке двух влюбленных и вдруг превращалась в женщину, способную удовлетворять ненасытное желание, принимать Зверя как победителя, как хозяина положения.

Несчастливая мраморная полка едва не раскрошилась под моими пальцами, когда Кериас развернул меня спиной к себе и прижал мощным телом к боковине камина. Выпуклые фрагменты какой-то скульптуры врезались в грудь, но эти ощущения не замечались мной. Я ахала вовсе не из-за неудобств выбранного императором места, а от его действий, его умения распоряжаться моим телом по своему усмотрению и так, чтобы

упиваться моими полными удовольствия стонами.

Снова ощутив во сне обоюдную, острую страсть, я проснулась и поняла, что пока отдыхала, крепко обнимая за шею своего барса, успела пропустить восход солнца. Нам пора было снова двигаться в путь.

Тихий гул ветра эхом отдавался среди скалистых стен, а листочки низкорослых кустов, умудрившихся вырасти на неплодородной почве, что-то тихонько нашептывали. Обхватив руками колени, я поплотнее закуталась в подбитый мехом плащ, пристально наблюдая за мужчиной на краю каменистого обрыва.

Кериас подхватил комочек влажной земли, растер в ладони, рассматривая мелкие гранулы в лучах клонящегося за горизонт солнца. После отряхнул руки и присел на корточки, устремив взгляд вдаль.

Я не впервые наблюдала за тем, как величественный император вдруг обращается в сосредоточенного и отстраненного главного дознавателя, решающего очередную загадку. Всякий раз эти перемены заставляли сердце ускорять свой бег от волнения, тянущего желания и настоящей потребности в этом мужчине. Ужасно хотелось подойти, обнять ладонями его лицо, повернуть к себе и всмотреться в темные глаза. Удостовериться в очередной раз, что даже отгородившись от всего мира, Кериас все ещё помнит обо мне. Но я не мешала, никогда не мешала, лишь позволяла себе наблюдать издали.

Просто любоваться тоже доставляло необъяснимое удовольствие. Наверное, так всегда происходит, когда следишь взглядом за любимым человеком, подмечаешь каждое его движение, стараешься истолковать по-своему язык его жестов или попытаться расслышать внутренний монолог, что он ведет с самим собой в этом неподвижном раздумье.

А порой Кериас вдруг менялся в одно мгновение, а в воздухе веяло напряжением, словно хищник, учуяв добычу, затаился и приготовился напасть. Это ощущение рождало вокруг него ореол некой опасности, и любой бы задумался в такой миг, а стоит ли становиться у хищника на пути. Однако в отличие от иных посторонних наблюдателей, я была участником нашего с ним похода, и моей целью было не помешать, а помочь отыскать один древний источник.

Дворец мы покинули более трех недель тому назад, оставив дела на доверенных людей, заручившись поддержкой мастера иллюзий, помощью Эвелин и князя. Никто не должен был знать, куда мы отправились, чтобы не было возможности помешать или навредить. А затевалось все не ради каких-то безумно важных идей императорского масштаба, а ради супруги самого императора.

Слова Аны запали в душу, они ранили намного сильнее, чем я сама признавалась себе. Да еще, как назло, после очередной поездки в Иннею не повезло слечь от северной лихорадки. Болезнь оказалась затяжной, но я выкарабкалась, восстановилась, однако вдруг отчетливо осознала разницу между собой и мужем. Прежде не обращала внимания, а теперь поняла, что он-то практически никогда не болел. Но все бы ничего, и я могла не придать лихорадке большого значения, но в глазах любимого мужчины поселилась тревога. Порой, сидя в кресле у камина в нашей спальне и изучая очередные документы или важные государственные бумаги, он вдруг поднимал голову и долго смотрел на меня, полагая, что с закрытыми глазами я не смогу ощутить этих взглядов. А я все чувствовала, как и понимала мысли, которые роились в его голове и не исчезали, рождая тревогу. Кажется, мы стали столь близки, что могли понимать друг друга вовсе без слов. Ядовитые фразы Анетт и Кериасу запали в душу.

Нужно было что-то предпринять, найти выход из этого положения.

И вот когда поправилась, я принялась потихоньку выскальзывать из дворца и тайком наведываться в книжное хранилище столичного библиотечного фонда. Моим изысканиям никто не мешал, а доступ ко всей информации, включая засекреченную, я имела безграничный.

Надеялась, об этих отлучках никто не узнает. Не хотела ни подавать ненужных надежд, ни волновать лишний раз. Соблюдала строжайшую секретность и пользовалась часами, когда император оказывался занят более всего.

И все же однажды вечером, укрытая с ног до головы невзрачным серым плащом, я выскользнула через черный ход центра, завернула за угол ближайшего дома и вдруг угодила в крепкие объятия. Капюшон съехал на глаза, закрыв обзор, и, вскрикнув от неожиданности, я попыталась вырваться, но быстро оказалась на руках своего преследователя. Он перехватил меня, поднимая выше, а я вцепилась ногтями в мускулистое предплечье, но мгновенно ослабила хватку, узнав и эти руки, и эти объятия.

– Прости, – шепнула на ухо, – от испуга сразу не разобралась.

Он хмыкнул тихонько, прижал меня крепче к груди и отнес в закрытый экипаж. А пока мы ехали по вечерним улочкам столицы вытянул все до последнего слова о моих мыслях, догадках, надеждах. Когда замолчала, Кериас надолго задумался, а свое решение озвучил лишь поздним вечером, когда я, счастливо убаюканная, засыпала на его плече.

– Если найдешь хоть какой-то намек, – он легко коснулся губами волос, – принеси записи мне. Я отыщу для тебя это место даже на краю земли.

Теперь, сидя на невысоком камне и кутаясь в плащ, я тихо радовалась, что идти к самому краю не пришлось. Всего лишь восточная граница Монтерры, почти месяц в пути, когда я и не шла вовсе, а ехала верхом на выносливом снежном барсе, прижавшись щекой к теплой шерсти.

Надеялась, мы не зря отправились в этот путь, ведь я нашла только упоминание о некоем незамерзающем источнике, скрытом в горах.

Были времена, еще в период правления магов, когда самые сильные, объединив свою магию, пытались создать источники, наполненные животворящей энергией – живую воду, способную продлить годы жизни, наполнить увядающее тело здоровьем. Даже оставляли записи о подобных экспериментах для своих потомков. Кому-то удалось максимально приблизиться к желанному результату, у кого-то почти ничего не получилось. Как итог: маги проиграли, источники в основном пересохли или исчерпали заряд энергии, потому как страждущих искупаться в «живой воде», оставшейся без хозяина, оказалось слишком много.

В общем-то, я почти ни на что не надеялась, только одна мысль не давала покоя – источник в горах и спрятан под землей. Кто-то из древних оказался достаточно умен, чтобы создать подобный хран энергии и при этом не описать точного местонахождения, оставив лишь намек. А ведь в таком случае существовала вероятность, что вода не досталась потомкам и сохранила силу.

Записи я получила, потратив на тщательные поиски более полугода. Кто-то принес в хранилище старую рукопись, и я наткнулась на нее, перебирая и заодно сортируя массу древних свитков. Удивительно, что старая задумка и желание найти достойное применение деньгам Кериаса принесли вот такие результаты, которые в будущем, возможно, обещали помочь в моей дальнейшей судьбе.

Кериас изучил записи со всей тщательностью.

– Если он не замерзает, значит, климат в тех местах не столь суров, как в Иннеи. Относительно невысокие холмы тянутся по восточной стороне Монтерры. Трактат о свойствах «живой воды» составлен на нашем языке, значит, маг был из местных. В те времена обладатели магической силы предпочитали не покидать империю, черпая энергию в своем народе. Скорее всего, это место расположено по нашу сторону границы. Где-то у самой окраины, куда сложнее добраться обычным людям. Если сложить все эти условия, то можно вывести маршрут и определить примерное местонахождение. Я отправлюсь на поиски сам, более доверять некому. А приблизившись к источнику, смогу ощутить магический фон и понять точное расположение.

Я даже спорить не стала, зная, что в своих логических выводах Кериас практически никогда не ошибался, к тому же вряд ли более слабый маг сумел бы ощутить силу скрытой в горах воды и следовать ее зову. Только спросила тогда, отчаянно надеясь: «А меня возьмешь?»

Император обернулся и целую минуту размышлял, пока я мучилась от неизвестности. Понимала, что он сомневается, но не уговаривала и не упрашивала, просто ждала его решения.

– Возьму, – наконец ответил Кериас, а я от радости стиснула ладони. Сердце рвалось из груди точно сумасшедшее. Опасение, что он оставит меня во дворце и уйдет один были слишком сильны. – Так вернее. Если повезет отыскать, сразу воспользуешься силой источника, Мышка.

– Я чувствую магию, – раздался голос Кериаса, мгновенно отвлекший меня от раздумий.

– Те же ощущения, что прежде?

– Сильнее. Намного сильнее, словно он здесь, прямо под нами.

Муж встал на колени и положил на камни ладонь, склонив черноволосую голову и снова прислушиваясь.

– Придется призывать, – произнес он, – источник заперт внутри и скован охранными чарами.

– А если понадобится слишком много сил, что бы побороть эти чары и заставить воду пробиваться сквозь грунт?

А вдруг Кериас надорвется? Ведь маги никогда не создавали энергетические источники в одиночку, обычно объединяли усилия нескольких человек, а потом ещё их одаренные потомки подпитывали воду силой, чтобы прибегнуть к ее помощи лишь в крайнем случае. Значит и в нашем случае поработал не один человек.

– Спустись вниз, – ласково попросил Кериас.

От его тона, которым он часто разговаривал, когда стремился убедить в чем-то или рассеять волнение, мое напряжение только возросло. Император без труда прочел по моему лицу обо всех тревожных мыслях. Укоризненно склонил голову набок, чуть насмешливо изогнул губы: «Мышка, Мышка. Мы ведь здесь сейчас, не поворачивать же назад».

А я бы повернула. Как только почувствовала угрозу для него, так и решила сразу отказаться от этой затеи. Уже и о походе пожалела, и о собственных изысканиях. Да лучше бы ничего не нашла. Хотя и начинала поиски, больше волнуясь не за себя, а не желая видеть тревожной тоски Кериаса.

– Миланта, спускайся, – его рот сжался в тонкую полоску, а в глазах мелькнуло требовательное выражение. Нельзя было не подчиниться

императору в такой момент.

С тяжелым вздохом я поднялась на ноги и, хватаясь руками за кусты и камни, стала спускаться.

Горный выступ нависал над небольшой каменистой площадкой, а дальше начинались густые заросли. Я отошла подальше, прислонилась спиной к валуну, выше моего роста, и вскинула голову, всматриваясь в едва различимую фигуру наверху.

Странный туман скрыл Кериаса от моих глаз, заструился по камням, выползая из щелей, подобно воде, только тек в обратную сторону, к колдовавшему на вершине магу, и скрадывал не только очертания предметов, но и звуки. Казалось, будто слышу скрежет, треск, грохот сдвигаемых камней, но все это раздавалось столь приглушенно, будто доносилось до меня издали. И среди всего гула вдруг послышался отчетливый звон упавшей хрустальной капли.

Я вздрогнула. Почудилось, будто слух сыграл со мной шутку. Однако за первой каплей о каменную чашу разбилась вторая и третья. Ахнув, я на ощупь стала пробираться вперед, пока не нащупала впереди углубление в земле.

Это был как раз тот небольшой бассейн, глубиной не выше моих щиколоток, который дождевая вода образовала под каменным навесом.

Присев на корточки, положила руку на землю, ощупывая выбоины в камне. Туман стал расползаться в стороны, рассеиваться, открывая глазам тонкий сверкающий ручеек, звенящий между камнями наверху и падавший вниз. Пустой прежде бассейн начал наполняться водой. Капля за каплей стекала сверху и разбивалась о твердое основание. Подставив ладони, я тут же отдернула их – вода оказалась ледяной.

– Кериас!

Я вновь вскинула голову, но вверху туман ещё не развеялся.

Оттолкнувшись руками от земли, я торопливо поднялась на ноги и поспешила в ту сторону, откуда спускалась. С каждым мигom туман открывал все большее пространство, но по-прежнему приглушал и растворял все звуки, а мой Зверь не отзывался. Как только белое непроглядное марево немного отступало, я делала ещё один шаг наверх, продолжая пристально вглядываться в магическую пелену, ожидая, что вот-вот увижу императора.

Однако туман отступал ужасно медленно, а тревога все возрастала, и, не выдержав тягостного ожидания, я поторопилась вперед, нырнула в вязкое молочное пространство и через несколько шагов оступилась. Зацепившись ногой за какую-то выбоину, полетела лицом вниз.

Зажмурилась, готовясь к болезненному удару о камни, а угодила в кольцо нежных крепких рук. Выдохнула от облегчения: «Кериас», – вцепилась в мужа, уткнулась лицом в его грудь и тут же ощутила, как напряженно и тяжело он дышит.

– Кериас? – подняла ладони, ощупывая его лицо, сетуя на злосчастный туман, который, кажется, сосредоточился лишь вокруг нас. Если маг и отвечал, то я не могла расслышать ничего, кроме рокотававшего кругом гула.

Тогда Кериас поймал мою ладонь, прижал к губам, а затем крепко обхватил меня за талию и повел вниз.

Я ступала осторожно, боясь снова споткнуться или ненароком толкнуть любимого мужчину, он же напротив шел уверенно, словно по наитию.

Мелодичный звон раздался совсем близко, а потом кожу вновь обожгло холодом, повеявшим от падавшего рядом ручейка. Я вздрогнула, а мой теплый плащ уже отлетел в сторону, и пуговицы на одежде расстегивались сами собой. Ладони Кериаса провели по моим ногам, и теплые ботинки на крепкой шнуровке оказались сняты и отброшены вслед за плащом и теплым платьем.

Еще минута, и я была обнажена.

– Ох, как же холодно, – пробормотала, ежась и дрожа от повисших в воздухе мелких капель. Зубы выбили дробь. Водяной туман мешался с молочным и кусал мое тело морозными щипками, забирая тепло.

Кериас отстранился на миг, и я снова испугалась, потеряв его, но муж вернулся почти сразу. Крепко обхватил за плечи и толкнул назад.

Ледяной звенящий ручей пролился на голову, впитываясь в распущенные волосы, охватил промозглым огнем шею, стекая по спине, груди, животу, обдавая холодом онемения тело.

Я поперхнулась от ощущения, словно сама превращаюсь в лед, и в панике точно рванулась бы прочь, но руки, крепкие, сильные, надежные, вновь обхватили за плечи. Они держали, заставляя стоять под каскадом ледяной воды.

Обнаженный Кериас шагнул ближе, крепко прижал к своей груди, выдерживая эту пытку вместе со мной. Он не пользовался магией, не создавал защитный теплый полог, что бы не разрушить целительной силы источника, но грел меня своим телом.

Леденящий холод постепенно проникал в каждую клеточку, и одна за другой они начинали звенеть, подобно водяным каплям. Я ощутила нарастающую внутреннюю дрожь, но уже не от ледяных прикосновений, а от скрытой в воде магии.

Неведомое прежде чувство рождалось в душе, сродни сперва лёгкому, а затем постепенно набирающему мощь прикосновению искристого волшебства. Напитывало, заполняло, раскрывало. Словно раньше я не могла ощутить своих способностей до конца, а теперь спали внутренние оковы, и тело обрело невиданную силу, обнажило все спрятанное внутри себя. Энергия настолько переполняла меня, что уже невозможно было сдержать ее напора.

Я вцепилась руками в плечи Кериаса. Запрокинув голову, подставила лицо струям, более не казавшимся ледяными, и привстала на цыпочки, чтобы коснуться его губ.

Магический поцелуй, такой же волшебный, как и прикосновение хрустальных звенящих капель, дарующих жизнь. Рассыпаясь в нем на частички самой себя, я чувствовала свободу, пьянящее ощущение счастья, настоящую мощь и требовательное желание разделить все это с моим мужчиной.

Мы поскользнулись в каменной чаше, я очутилась сверху, буквально впечатав Кериаса спиной в дно бассейна. Звонкие капли падали все реже, вода под нашими телами потихоньку убывала, источник, не поддерживаемый силой мага, уходил обратно, но это уже не имело значения. Туман сосредоточился лишь вокруг нас, но мы исступленно целовались, не замечая его. И если раньше, когда накрывала страсть, я подчинялась Кериасу, растворяясь в его силе, то теперь мы соприкоснулись как равные друг другу. Перекатывались по каменному дну, отвечали на ласки неистово и бурно, будто все было внове и прежде не довелось испытать подобных чувств.

И его ладони, обхватившие мои бедра, и требовательный натиск, напомнили о самом первом разе среди фонтанов, когда пробудилась сила императора. Вот только теперь я ощущала нечто подобное и в себе, и с таким пылом отвечала, с такой жадностью цеплялась за Кериаса, что сладко-болезненная истома разливалась по телу от того, как сливались в движении наши тела, сбивалось дыхание, а холод вокруг обращался знойным пеклом, согревающим лучше магического кокона.

Туман на миг стал гуще, плотнее, вовсе скрыв наши лица. И мы словно были незнакомы, ощущая друг друга не глазами, а телами. А потом пелена рассеялась в самый яркий миг, даря возможность успеть взглянуть глаза в глаза и снова встретиться губами, впитывая с поцелуем наше счастье.

– Теперь я буду жить долго-долго, – улыбка, прятавшаяся в уголках рта, словно навсегда поселилась там с тех пор, как оглушенные силой и страстью мы бесконечно ненасытно и жадно любили друг друга.

Кериас поднял голову, провел рукой по моим почти высохшим волосам. Вся груда одежды и накинутый поверх нее плащ служили нам теперь постелью. Кокон вновь укрывали тела от порывов холодного ветра. Источник более не падал на камни звонкими каплями. Силой вырванный из каменных недр, он вернулся на прежнее место, одарив меня целебной энергией. Я ощущала себя помолодевшей, полной сил и здоровья.

– Если понадобится, вернемся сюда снова, но ты непременно проживешь не меньше меня.

Кериаса прикрыл глаза, ласково проводя ладонью по моей щеке, его губы беззвучно шептали «любимая», а печать тревоги на лице, улетучилась подобно магическому туману.

– Тяжело оказалось вызвать источник? На пределе сил?

– Силы уже вернулись, – улыбнулся мой любимый мужчина.

– А знаешь, почему для хранения магии они использовали воду?

Мне хотелось говорить и говорить, слушать его голос, задавать ему вопросы, самой отвечать на них, хотелось тормошить, обнимать, целовать, не выпускать его из объятий или же вновь повторить то безумство, что только что случилось с нами.

– Почему? – он улыбнулся, разделяя мои чувства настолько полно, что я ощущала этот отклик в его словах и движениях.

– Вода хранит память, впитывает магию, и если источник не трогать, он может держать в себе информацию очень долгое время.

– Моя умная библиотекарьша, – нежно поддразнил Кериас.

– Мой ласковый Зверь, – вернула его улыбку и, не удержавшись, снова потянулась поцеловать.